В. ЖУРАВСКИЙ
БОЛЬШАЯ СУДЬБА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В предлагаемой читателю книге представлены очерки и рассказы о делах и людях братской социалистической Болгарии.

- В. Журавский
  -
  - Могучий поток
  - Большая судьба
  - Васил Ганев вступает в кооператив
  - Эдельвейсы
  - Живые ключи
  - Факел, горящий столетие
  - Щедрое солнце
  - В недрах Родоп
  - Первая Болгарская!
  - Золотое дно
  - Побратимы
  - Под счастливыми крышами
  - Женщина с Красной Поляны
  - Земля цветет
  - Город-коммунист
  - С попутным ветром
  - По дедовскому следу
  - Синеглазая Правда
  - Растет и молодеет
  - Комбинат здоровья
  - Летопись села Масларево
  - Страницы жизни
  - Сердце поет
  - Первая гроздь
  - Труженица земли
  - В степи Добруджанской
  - Сын Родоп
  - Мой друг Иван Сусанин
  - Верный курс
  - Подвиг
  - На золотых песках…
  - Новое русло
  - Крепкие корни
  - Рождение гиганта
  - Домик у дороги
  - В долине сокровищ

- Хозяйка жизни
- Кудесники края полей
- У истоков чугунной реки
- Дьявольский камень
- Пламя
- На крыше Балкан
- Гордый внук славян
- Родина-мать

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35

- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63

В. ЖУРАВСКИЙ

БОЛЬШАЯ СУДЬБА

Болгарские очерки
и рассказы

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
● 1961 г. ●

В. Журавский
БОЛЬШАЯ СУДЬБА
Болгарские очерки и рассказы

В. А. Журавский

Василий Александрович Журавский родился в августе 1921 года в семье крестьянина хутора Огаркова, Лимановского района, Воронежской области. В 1941 году окончил факультет литературы и русского языка Воронежского педагогического института, а затем продолжал учебу на факультете иностранных языков.

В печати начал выступать с 1938 года. На страницах воронежской областной комсомольской газеты «Молодой коммунар» появились его первые стихи.

С 1942 по 1944 год работал корреспондентом областной партийной газеты «Коммуна», где выступал с очерками.

В 1945 году В. А. Журавский после окончания Центральных газетных курсов был принят на работу в «Правду». Он выступает с очерками из деревенской жизни, пишет о строителях Куйбышевской и Каховской гидроэлектростанций, Волго-Донского канала, печатает фельетоны.

Член КПСС с 1945 года.

Самостоятельно и в соавторстве вышли в свет книги В. А. Журавского: «Каменная степь», «Лыко в строку» и другие.

В течение 1954—1960 годов В. А. Журавский находился в Болгарии в качестве иностранного корреспондента «Правды». В предлагаемой читателю книге представлены очерки и рассказы о делах и людях братской социалистической Болгарии.

Могучий поток

Советский человек, погостивший в Болгарии с группой туристов две-три недели и успевший за это время проделать тысячи полторы километров по ее дорогам, побывать в столице, посетить несколько городов и сел, познакомиться и обменяться адресами со своим сверстником или коллегой по профессии, возвращается на родину, полный радостного, светлого чувства, которое не погаснет в его сердце, пока сердце бьется. Ни годы, ни путешествия по другим странам не сотрут в памяти живописного солнечного приволья Дунайской равнины, суровой гряды Главного Балканского хребта, зеленого оазиса Фракийской долины, величавой, упирающейся гранитной короной в поднебесье горы Рилы — царицы Балкан. Он не забудет городов, которые, словно музеи, собрали культуру двух-трех тысячелетий, и новых сел с их добротными кирпичными домами под черепичной крышей.

Но больше всего запечатлеет память его сердца людей Болгарии, честных и открытых, темпераментных, трудолюбивых и талантливых, родных по крови и судьбе, образу мыслей и идеям русскому народу, бесконечно любящих советского человека. И доведись ему где-нибудь, на родной или на чужой земле, повстречаться с болгарином, он, обращаясь к нему, выберет из множества слов, выражающих уважение, самое сердечное слово — «братушка», каким болгары и русские издавна величают друг друга. Он, очевидно, не забудет и фразу, которую часто слышал в Болгарии из уст старого кооператора, пожилого рабочего или бывшего партизана:

— Вот если бы ты, братушка, побывал у нас раньше, лет хотя бы десять назад, много бы ты увидел теперь такого, чего с одного взгляда человек не замечает. Увидел бы главное — как преобразилась и расцвела Болгария!

Это не фраза! Это жизнь, знамение времени!

В качестве собственного корреспондента «Правды» я прожил в Болгарии шесть с половиной лет. И мне понятны слова: «Вот если бы ты, братушка, побывал у нас раньше… Много бы ты увидел теперь…». Шесть с половиной лет — срок небольшой, если измерять время масштабом истории. Но какие исторические изменения произошли в жизни страны за эти годы, какие глыбы дел осилили и перевернули люди, обретшие свободу! Даже сама география Болгарии стала иной!

Народы-друзья и народы-братья вместе с болгарами радуются этим переменам. Они столь разительны, что их вынуждены

признавать даже те, кому не по душе новый строй и уклад жизни. Один корреспондент английской буржуазной газеты, возвратившись из поездки по Болгарии, между прочим, писал: «В этой замечательной стране самыми недолговечными являются географические карты и путеводители».

Действительно, картографы и краеведы не поспевают за семимильными шагами республики. Карты и путеводители стареют, не успев увидеть света.

Освобожденный народ завидными темпами строит, творит… Болгария день ото дня молодеет!

Страна тысячи озер

Это было в июне 1954 года. Вместе с шофером корреспондентского пункта Лазаром Крыстевым, уроженцем Софийского поля, участником антифашистского движения и бывшим политическим заключенным, мы ехали из Софии в Рилу. День только начинался, но жара стояла нестерпимая. Не жара, а пекло. Воздух был сух, как в протопленной печи. Казалось, что нет в нем ни капли влаги, что многонедельный зной высосал ее даже из земли и камня, обратил в пар, поднял его к перистым облакам, а затем и их разложил на невидимые микрочастицы, не оставив на голубом шатре неба ни одного серого пятна. И только мутноватая пелена окутывала солнце, словно бы заслоняя все живое от его испепеляющих лучей.

Дорога вилась по краю русла Искыра, протекающего в ущелье между Средна-горой и Планой. На тридцатом километре от Софии тиски гор разомкнулись, и мы въехали в широкую котловину.

Подрулив к пологому каменистому берегу реки, Лазар неожиданно предложил:

— Окунемся?

— Да тут воробью негде пера намочить!

Речка почти пересохла. Вода не текла. Лишь по канавам да ямкам зеленели лужицы, затянутые тиной.

— А у нас говорят: «Нет реки глубже Искыра», — припомнил шофер болгарскую поговорку, в которой столько же шутки, сколько и грусти.

Многие поколения болгарских крестьян думали тяжелую думу о воде, матери урожая. Орошение всегда было острой необходимостью земледелия страны. Главные источники воды — горные речки, режим которых резко колеблется. В пору весеннего паводка они сильно разливаются, иногда смывают на больших

площадях плодородную почву, несут бедствия; а летом мелеют, некоторые даже пересыхают: езжай по их каменистому руслу, как по шоссе — только искры из-под железных шин телеги сыплются.

…И вот та же дорога в Рилу, те же куполы Средна-горы и Планы. Но они стали заметно ниже, будто осели. Это потому, что их подошвы и склоны скрыты под водой. Старая дорога лежит где-то на дне озера, простершегося на четыре километра вширь и на полтора десятка километров в длину. Свежий ветер гонит скучившиеся над озером тучи, а между тучами и волнами упругими крыльями рассекают простор морские чайки.

Теперь действительно в Болгарии «нет реки глубже Искыра». Огромная — 650 миллионов кубометров! — масса задержанной железобетонной плотиной воды устремляется могучим потоком в широкодиаметровые трубы, приводит в движение турбины двух электростанций, потом разливается по каналам, неся плодородие пшеничным нивам, кукурузным плантациям, огородам, садам Софийского поля.

К концу турецкого владычества в стране орошалось лишь пять тысяч гектаров земли — исключительно по низинам реки Марицы да ее притоков Вычи и некоторых других. Кобургскую династию и фашистских правителей Болгарии орошение занимало не больше, чем турок. Правда, во второй половине тридцатых годов, когда болгарская буржуазия, отстаивая свои позиции на европейском аграрном рынке, волей-неволей должна была повышать интенсивность сельского хозяйства, началось создание водных, синдикатов. В 1944 году поливная площадь достигла 37 тысяч гектаров.

Народная власть изменила водный баланс страны. Повсюду созданы огромные язовиры:[1] гигант на Искыре, который жители столицы назвали Софийским морем, искусственные озера имени Георгия Димитрова, имени Александра Стамболийского, имени Василя Коларова, Батак, Студена, Студен кладенец… Построено еще 1 768 больших и малых водохранилищ. Народ по-хозяйски собрал в «закрома» «белое золото» воды. Язовиры стали могучими аккумуляторами энергии и плодородия.

В последние три года гидромелиоративное строительство приобрело особенно широкий размах. Крупные сооружения создаются на государственный счет, средние и малые воднохозяйственные объекты — силами и средствами кооперативов с помощью государства. Только за 1959 год поливные площади были увеличены на 150 тысяч гектаров! К концу 1960 года в Болгарии уже орошалось 700 тысяч гектаров земли.

Но большая вода — впереди. Партия и правительство

разработали программу, согласно которой в 1965 году орошаемые площади достигнут двух миллионов гектаров! Извечная проблема борьбы с засухой в основном будет решена. Будут созданы условия для получения высоких гарантированных урожаев всех сельскохозяйственных культур.

В географическом справочнике, изданном десять лет назад, между прочим, говорится: «Озер в Болгарии мало, и в большинстве своем они невелики».

Много воды утекло за десятилетие! И теперь, когда вы где-либо прочтете или услышите слова: «Страна тысячи озер», — не думайте, что речь непременно идет о Финляндии… Тут уж как нельзя к месту древний афоризм: «Все течет, все изменяется». Ныне и Болгария стала «страной тысячи озер». И не какие-нибудь геологические катаклизмы, не природа, а человек создал эти озера.

Недавно в Софии выпущена большая карта оросительных систем республики. Очертания язовиров на ней напоминают форму сердец, а каналы разветвляются артериями, капиллярами, венами… Когда смотришь на эту карту, словно бы чувствуешь, как бьется полнокровный пульс молодой Болгарии.

* * *

Могучим, неудержимым потоком течет жизнь. Быстро и неузнаваемо изменяются долины и горы Болгарии.

Искусственные озера на суходолах и пересыхающих реках, новые города на пустырях, мачты заводских труб среди извечно сельского пейзажа, сплошь новые, подобные городкам, села, широкие массивы добротно возделанных кооперативных нив… Все это построено, создано, сотворено немногим больше чем за полтора десятилетия.

Девятого сентября 1944 года болгарский народ завершил блестящей победой героическую тринадцативековую борьбу за свою свободу. Потому тринадцативековую, что тринадцатью столетиями исчисляется история нации и что вся эта история озарена негаснущим пламенем гайдуцких и партизанских костров, священным огнем народной войны против чужеземных и своих тиранов.

Болгары любят образную речь. Как-то один из моих друзей, председатель земледельческого кооператива в селе Гроздeн, крестьянский вожак Иван Маринов, сказал:

— Прежде в нашей стране лемехи были деревянными, а кандалы делали из железа!

Железные кандалы мешали народу идти в ногу с прогрессом, задержали его на века. Теперь кандалы разбиты. Шаг свободного народа — семимильный!

Кто же он, человек, ступающий шагами своего сказочного богатыря Крали Марко?

Родопский овчар, который пас отары чорбаджии;[2] добруджанский батрак, работавший на ниве чокоя;[3] горнооряховский гурбетчия,[4] искавший понапрасну счастья на чужой земле: за Дунаем, за Моравою, за Шпрее!..

Теперь он герой труда, агроном, инженер, министр, кандидат наук, ученый с европейским именем… Все его силы, талант, его сердце посвящены родине, партии, коммунизму.

Эти люди преобразуют Болгарию.

Родники счастья

Среди парка стоит тополь-богатырь, окруженный веселым хороводом верб, лип и березок. Самые высокие деревья едва достигают его «плеча». Пирамидальная крона тополя гордо взметнулась в небо над всеми строениями и трубами. Глядишь и не налюбуешься его буйной силой и цветущей красой. И ты думаешь: сколько бурь и гроз пережил он на своем веку, против скольких ливней выстоял, сколько поколений влюбленных укрывал в своей тени!.. Но вот тебе говорят:

— Тополю шестнадцать весен!..

Сначала ты уверен, что ослышался, потом принимаешь это за шутку, затем недоумеваешь, но в конце концов под напором фактов и свидетельств соглашаешься, хотя соглашаешься с трудом, ломая в себе сложившиеся представления об энергии роста.

Тебе показывают фотоснимок, на котором запечатлен пустырь. В солнечный сентябрьский день 1944 года крестьяне села Слатина расчистили пустырь и заложили парк. В стране победила народная власть. Они радовались. Они ликовали. И каждый мужчина, каждая женщина, каждый старый и малый посадили по дереву. По народной традиции, если в твой дом заглянуло солнышко — родился сын или внук, — крестьянин роет лунку, бережно опускает в землю саженец, поливает его водою, присказывая:

— Расти, тополь, расти, дитя, растите, ровесники, большими и сильными, как богатырь Крали Марко, и пусть небо над вами будет голубым!

Тополь растет в центре села Слатина. Его посадил коммунист

Бочо Илиев, председатель здешнего трудового кооперативно-земледельческого хозяйства.

Село Слатина древнее. Деды говорят, что деды их дедов не запомнили, когда оно основано. На древнеболгарском языке слово «слатина» означает «родник», из которого едва бьет вода. Действительно, у подножия одного из крутых отрогов Плевенских возвышений, неподалеку от села, есть такие родники, или ключи, и в народе бытует легенда, что придет время — и они «откроются», ибо воды в них — реки!

Прежней Слатины, можно сказать, не существует. Она снесена с лица земли самими ее обитателями. Вернее, не снесена, а расчищена, как тот пустырь. На месте старого саманного села за шестнадцать лет выросло новое кирпичное село-парк. Прямые порядки двухэтажных домов с белыми фасадами, широкими окнами и верандами, увитыми виноградною лозою… За узорными оградами сквозь зеленую пену листвы палисадников едва проглядывают красные плиты черепичных крыш да частокол радиоантенн. Только название села осталось старое. Впрочем, есть у него и новое имя — трудовое кооперативно-земледельческое хозяйство имени Георгия Димитрова.

— Желаете зайти в дом, познакомиться, как живет крестьянин? — предлагает Бочо Илиев. — Пожалуйте, выбирайте любой; везде примут, как дорогого гостя. Вот, эти три дворца принадлежат братьям Николе, Христо и Тодору Вылчевым — рядовым кооператорам, а тот, двухэтажный, с мезонином, — члену строительной бригады Коно Коневу!

У Коневых в доме застаем тещу — бабушку Величку. Веселая и хлопотливая, она проводит нас по комнатам, без умолку говорит, и просто непонятно, по какому поводу извиняется, так как порядок всюду образцовый.

— В этой спальне живут молодые. Гарнитур мебели — из Плевны, в позапрошлом году купили. А ковры — приданое моей дочки. Тут — мое гнездышко. Обстановка — подарок зятя. Не тещей будь сказано, но Коно у нас и семьянин отменный и на все руки мастер! А это детская. Смотрите, сколько у внука игрушек — целый зверинец! Он в садике сейчас. Здесь — отцовский кабинет, библиотека…

Дальше шли гостиная, баня, чуланы.

…Всмотритесь в слатинскую долину. Если вы не знаете, какой она была шестнадцать лет назад, то вот вам картина: одеяло, сшитое из мелких лоскутьев, или, как выразился болгарский публицист минувших дней, «овчинный кожух бедного селянина — заплата на заплате». Крестьянин пахал свой карликовый надел деревянным ралом, скородил деревянною

бороной, сеял из лубяного лукошка и жал серпом… Не болгарским, конечно, серпом, а австрийским. Болгария не имела своего металла, чтобы ковать серпы, и потому ввозила их из Европы. Ровесники народной власти и не знали бы, как выглядит это орудие уборки. Но опять же помогла Европа. Одна австрийская частнокапиталистическая фирма привезла на Пловдивскую ярмарку вагон серпов. Ее выставка пользовалась… бурным успехом. Где же было молодежи увидеть дедовский серп, как не в павильоне капиталистической фирмы?!. Много любопытных записей оставили посетители в книге отзывов. Одна, написанная твердым и решительным почерком, гласила: «Опоздали, господа капиталисты, со своей техникой на полтора десятилетия! Можем предложить вам комбайны болгарской марки!»

Вы не видите конца гона, по которому идет гусеничный трактор, оборачивая пятью корпусами плуга жирный пласт чернозема. В июле тут еще было желтое море пшеницы и ячменя… Как не назвать морем ниву, которая родит от 20 до 35 центнеров с гектара! С океаном сравнить можно!

Но переведите свой взгляд вон на тот крутой косогор, что обращен к востоку. Под ним, согласно легенде, должна открыться большая вода. Испокон этот косогор был заброшенным местом. Редко кто поднимался по нему. Даже чабаны с отарами обходили его стороною: никакая трава, кроме сухого чабреца, на каменистой почве не росла. Да и небезопасным был путь: косогор кишел змеями. И назывался он «Змеиный».

Что зеленеет теперь там? Виноградники! Кооператоры разделали на косогоре узкие террасы, которые, как ступени, поднимаются от подошвы до самого его верха, и посадили лозу. На Змеином раньше, чем в южных районах Балкан, вызревают лучшие сорта винограда. Пустырь стал доходным полем кооперативного хозяйства. Кстати, слатинские крестьяне стали пионерами террасовидной посадки винограда, получившей распространение во всей Болгарии. А змей вывели. Ежей запустили — и делу конец!

Председатель кооператива непременно сагитирует вас подняться на косогор. Таких виноградников вам еще не доводилось видеть!.. Покамест вы вкушаете живой сок янтарной грозди, весящей не менее килограмма, окиньте взглядом с высоты птичьего полета долину. Она разделена на огромные квадраты. По границам полей поднимаются защитные полосы из фруктовых деревьев. В лощине, пересекающей долину по параллели, нижется цепь озер. А с противоположного Змеиному косогору всхолмья спускается в поля, сады и огороды прямое и широкое русло

канала.

— Когда речь идет о возрасте гор и озер, — улыбается Бочо Илиев, — то мы говорим, что они возникли в ту или иную эру. Наши озера возникли в кооперативную эру!

Там, где веками едва били родники, потекла большая вода. Ее открыл и направил по искусственным руслам крестьянин новой Болгарии.

Крестьянин и крестьянка!

Встретил я в Слатине удивительную крестьянку. С виду она обыкновенная женщина, как тысячи ее сверстниц. Только глаза у нее, может быть, были особенные: карие, лучащиеся дивным светом.

Нет у нее ровесницы-березки или другого деревца. Потому, что батрак-отец не имел клочка своей земли, чтобы посадить деревце, когда родилась дочь.

Росла Марийка на чужой земле. Летом работала по найму у кулаков, а зимою в мастерской у сельского богатея.

В царской Болгарии то ли ради утешения, то ли как наставление говорили бесприданницам: «И бедные девушки выходят замуж, но не за богатых».

Муж Марийки, Васил Иочев, был одного с нею «достатка». Ровня, бедняк. Поженились они в тяжелую годину войны и фашистского террора. В ближних балканах[5] действовал партизанский отряд. Васил был ятаком.[6] Дом молодоженов служил явкой партизан и подпольщиков.

— Любовь не помеха в таких делах, — вспоминает минувшее Марийка Иочева. — Она прибавляет силы, чтобы сражаться!

Осенью сорок четвертого года Марийка родила сына, своего первенца. Они с Василем уже не были батраками. Народная власть дала им землю. Было где посадить тополь, посеять жито.

Васил уходит на фронт громить гитлеровцев, а Марийка с головой окунается в кооперативные дела. Правление ставит ее на самый тяжелый участок — в животноводство. Она сызмальства росла в труде. Но теперь, когда нужно было впервые в жизни работать не на богатея, а ради себя, ради сына и таких же, как она, равных перед обществом и перед властью людей, Марийка готова была своротить гору.

Васил вернулся домой с победой. На груди у него горело два боевых ордена. А Марийка похвалилась перед мужем грамотою ударницы. После трех лет работы на общественной ферме сельские коммунисты, среди которых был и Васил, принимают передовую свинарку в партию.

Нелегко женщине быть одновременно и заботливой матерью, и примерной труженицей, и активной коммунисткой. Однако

Марийка успевает. Скоро о ней начинает говорить вся Болгария. В 1951 году она выращивает по 21 поросенку, а год спустя — по 24 от каждой свиньи. Правительство присваивает Марийке Василевой Иочевой звание лауреата Димитровской премии и дает высшую награду республики — орден Георгия Димитрова. Земляки избирают ее депутатом в Народное собрание.

Черноволосая, невысокого роста, с карими глазами, лучащимися дивным светом, — типичная болгарская крестьянка лицом и статью. Но не только этим, а своею судьбою типична для новой Болгарии Марийка, недавняя батрачка, ставшая знатным человеком. Крестьянка, едва разбиравшая кириллицу, теперь выросла в ученого-зоотехника, в государственного деятеля!

Нет, ни тополи, ни березки не растут так быстро и высоко и не расцветают так пышно, как человек, когда он свободен!

* * *

Слатина — одно из тысячи трудовых кооперативно-земледельческих хозяйств.

Болгария — страна тысячи кооперативов.

Кооперативное движение среди болгарских крестьян возникло еще в недрах старого строя.

Бедняки и часть середняков нередко объединялись для совместной переработки и сбыта сельскохозяйственной продукции. Общими силами они пытались отстоять свои позиции на рынке, защититься от конкуренции кулака и произвола перекупщика-торговца.

В нескольких селах, в том числе в Слатине, по инициативе коммунистов организовались производственные кооперативы. Крестьяне обрабатывали обществом поля и распределяли доходы по количеству затраченного труда, а также в зависимости от площади надела каждой семьи.

Примером для них служили советские колхозы.

Коммунистическая партия поддерживала и направляла кооперативное движение, используя его как важное средство в работе на селе. Через свои организации она добивалась, чтобы к руководству кооперативами приходили коммунисты.

Не по нутру было это фашистским властям. Они объявили производственные кооперативы «красными колхозами», разгоняли их, арестовывали коммунистов, занимавших председательские посты.

Три срока пришлось Бочо Илиеву сидеть в тюрьме и «зимовать» в лагерях.

Слатинский кооператив действовал на полулегальном положении.

Накануне войны сельские коммунисты решили командировать Бочо Илиева в Москву:

— Повстречайся с Георгием Димитровым, с Василем Коларовым, расскажи им о наших делах, посоветуйся и расспроси, правильно ли мы действуем, какую линию проводить в дальнейшем.

Визы на выезд у Бочо Илиева, конечно, не было. Через границу пришлось пробираться тайком.

Георгия Димитрова в Москве он не застал. А с Василем Коларовым встретился. Беседа была обстоятельная и задушевная. На прощание Василь Коларов сказал, что коммунисты Слатины и других сел, где организованы производственные кооперативы, идут по правильному пути. Если эти кооперативы выстоят против преследований фашистских правителей, то у крестьян окрепнет вера в свои силы, они почувствуют преимущества коллективного хозяйствования, в их психологии наметится перелом — и когда победит революция, партии легче будет осуществить процесс переустройства сельского хозяйства на социалистических началах. Если же правительство Филова разгонит кооперативы, то оно еще больше ожесточит крестьян, еще крепче утвердится в их сознании идея кооперативного движения.

…Болгарская коммунистическая партия и ее вождь Георгий Димитров, руководствуясь ленинским кооперативным планом и принимая во внимание долголетние прогрессивные кооперативные традиции в стране, нашли в трудовых кооперативно-земледельческих хозяйствах — ТКЗХ — наиболее подходящую форму социалистической перестройки сельского хозяйства, объединения трудящихся крестьян в борьбе за освобождение их от капиталистической эксплуатации, за лучшую жизнь.

Первые ТКЗХ возникли в первые же месяцы после победы народной власти. Партия развернула большую политическую и организационную деятельность, чтобы убедить трудовое крестьянство в преимуществах кооперативного строя. Строго соблюдая ленинский принцип добровольности, решительно борясь против администрирования при кооперировании, она не пустила этот сложный исторический процесс на самотек. Напротив, партия постоянно руководила кооперативным движением, превратила его в массовое, всенародное движение, вовлекла в него все трудовое крестьянство, рабочий класс и интеллигенцию, все общественные силы страны. Она оказала ТКЗХ огромную политическую, организационную, материально-

техническую и финансовую помощь. Большое значение для подъема кооперативного строя и для развития сельского хозяйства страны имели решения апрельского пленума ЦК БКП 1956 года.

На пути борьбы за победу социализма в сельском хозяйстве партия сломила сопротивление вражеских элементов, которые всячески старались внести смуту и неверие в ряды кооператоров, преодолела колебания трудящихся крестьян, вызванные их мелкособственнической природой.

В отчетном докладе Центрального комитета Болгарской коммунистической партии на VII съезде партии первый секретарь ЦК БКП товарищ Тодор Живков заявил:

«Теперь с чувством удовлетворения мы можем с этой высокой трибуны отметить, что Болгарская коммунистическая партия, без колебания преодолевая трудности, учась и творчески применяя всемирно-исторический опыт колхозного строительства в СССР, при активной помощи своих боевых товарищей — объединенных земледельцев — с честью прошла этот тяжелый, тернистый путь, и болгарские крестьяне вторыми в Европе выиграли великую битву за построение социализма на селе.

Политическое и экономическое значение этой победы выходит за пределы нашей страны. Победа кооперативного строя в Болгарии и успехи в развитии сельского хозяйства ярко подтверждают великую творческую силу социалистических идей. Это наш скромный вклад в мирное соревнование между социалистической и капиталистической системами, между сельским хозяйством капиталистических стран и сельским хозяйством социалистических стран».

Завершив социалистическую реконструкцию сельского хозяйства, страна окончательно расчистила путь к быстрому развитию производительных сил во всех отраслях народного хозяйства, к непрерывному увеличению производства и на этой основе — созданию культурной и зажиточной жизни народа. Ныне ТКЗХ представляют собой крупные механизированные социалистические предприятия, где находят широкое применение передовая современная наука и техника.

Болгарское крестьянство теперь берет новые рубежи. Вместе с рабочим классом оно выполнило план третьей пятилетки за три года.

Превышены намечавшиеся VII съездом партии валовые сборы зерновых, подсолнечника, сахарной свеклы, овощей и других культур. Обеспечены также значительные успехи в развитии животноводства, особенно свиноводства и птицеводства. Благодаря быстрому развитию сельскохозяйственного

производства уже в 1960 году государству было продано гораздо больше продукции, чем предполагалось на 1962 год. Возросли общественные фонды кооперативов и личные доходы кооператоров.

Новые рубежи — новые горизонты, новые, еще более захватывающие перспективы!

Пленум Центрального комитета БКП определил в апреле 1961 года, что главной задачей в области сельского хозяйства является увеличение производительности труда и снижение себестоимости продукции. Партия начертала программу дальнейшего повышения культуры земледелия, улучшения животноводства, внедрения комплексной механизации, программу интенсификации сельского хозяйства.

Приближается время, когда Болгария, по образному выражению Никиты Сергеевича Хрущева, станет цветущим садом!

…Плодородна земля Болгарии, щедро солнце.

Великий болгарский поэт Иван Вазов воспел природу своей родины такими стихами:

Есть ли край на земле, что так пестр и богат?
Ты все блага земли собрала воедино:
Здесь пшеница, и шелк, и тончайшие вина,
И сияние зорь, и садов аромат.
Как тенисты леса, как душисты здесь розы!
Застилают глаза счастья чистые слезы!..
Есть ли край на земле, что так пестр и богат?

Социализм обратил богатства природы в богатство народа. По-новому звучат эти стихи сегодня. Каждое слово в них наполнилось глубоким содержанием новой жизни, ее музыкой и счастьем!

Страна социалистической юности

Народ строит города в период своего восхождения. На протяжении пяти столетий турецкого ига на карте Болгарии не появилось ни одного нового кружка либо точки. Напротив, многие старые селения были стерты с лица земли. Вспомните трагическую судьбу Батака, Пештеры, Панагюриште… Башибузуки повергли их в руины, залив пепелища кровью мужчин, женщин и детей.

Почти семь десятилетий правила страною национальная буржуазия во главе с князьями и царями немецких кровей. В

старых городах росли пролетарские трущобы…

Минуло шестнадцать лет народной власти. В солнечных долинах и на зеленых склонах Балкан возникли новые культурные и экономические центры. Огни только что выросших городов, рабочих поселков и строек густо усыпали болгарскую землю, и она расцвечивается, словно звездное небо.

На юго-востоке Болгарии поднялся и расправил плечи индустриальный Димитровград. Это — «звезда первой величины».

…С безвестных времен средь Фракийского поля, на болотистом берегу Марицы, затерялись три села — Раковски, Черноконево и Марийно. Местные крестьяне мотыжили землю, возделывали огородные культуры. Земля считалась их личной собственностью, но действительными ее хозяевами были торгаши-спекулянты, опутавшие огородников кабальной сетью долгов. Вот какими словами начиналась печальная песня о судьбе здешнего крестьянина:

Родная мать, кормилица Марица!
Судьба крестьянская — соленая слеза.
От малярии пожелтели наши лица…
От голода ввалилися глаза…

Некому было пожаловаться людям на свою горькую участь, и они в песне обращались к реке, которая поила влагою их огороды и нивы, от которой зависела их жизнь.

В окрестностях трех сел разрабатывались три каменноугольные шахты. Хозяин дал им три имени: «Вера», «Надежда», «Любовь», — а народ окрестил одним: «Волчьи ямы». Шахтеры, рекрутируемые из безземельных крестьян, получали гроши́, жили в хлевах, питались гнилым картофелем и овощами, которые им втридорога продавались в рабочих столовках. Безысходная нужда была полновластной владычицей на земле и под землей.

Димитровград строился так же, как строился Комсомольск-на-Амуре. По зову партии, по путевкам Союза народной молодежи во Фракийское поле прибыли тысячи юношей и девушек. Многие и многие из них только что начинали свою трудовую жизнь. Расчищая строительные площадки, они учились на курсах, овладевали квалификациями каменщиков, плотников, штукатуров, маляров.

Весною 1948 года молодежные строительные бригады имени Матросова, Олега Кошевого, Бенковского, Павла Корчагина залили первый бетон в фундаменты корпусов будущего города.

Поэт, вдохновленный захватывающей романтикой будней

новой жизни, писал:

Тут нету города, тут все пока мечта,
Но город вырастет мечты прекрасней!..

А осенью того же года была вынута первая лопата грунта на огромной площади, отведенной под строительство химического комбината. Рядом с могучим вековым дубом бригадиры[7] вбили в землю маленький белый камень-колышек. Это был первый символический камень, из которого вырастут стены и трубы комбината. И перед этими трубами дуб будет так же мал, как перед ним был мал камень.

Рано лег в ту зиму на Фракийское поле снег. Ледяным потоком хлынул в низины Марицы ветер. Ладони строителей прикипали к железу, холод сковывал мускулы рук, но жар молодых сердец был неугасим.

Подвиги тех дней вписаны золотыми строками в летопись строительства социализма.

В конце декабря в Софии собрался V съезд Болгарской коммунистической партии. Это был первый съезд в условиях свободы. Он обозревал героический путь партии, которая привела народ к победе, и намечал генеральную линию создания в стране экономических и культурных основ социализма.

Фашизм поставил Болгарию на грань национальной катастрофы. И без того бедное хозяйство страны было разорено, разграблено. Медленно залечивались раны войны.

Страна не имела отечественной тяжелой индустрии, машиностроительных заводов, химической и электропромышленности. Мелкие, раздробленные крестьянские хозяйства не могли оправиться от губительных засух. Огромные трудности переживали молодые ТКЗХ, им не хватало сельскохозяйственных машин, удобрений. Земля жаждала влаги.

В такой обстановке с трибуны съезда громко прозвучали полные силы и уверенности слова Георгия Димитрова:

«…Необходимо посредством индустриализации и электрификации страны и механизации земледелия добиться в течение 15—20 лет того, на что другим странам в других условиях потребовалось целое столетие».

Эти слова стали генеральной линией партии и пламенным лозунгом народа, с которым он пошел на штурм будущего.

Первенец болгарской тяжелой химической промышленности строился с братской помощью Советского Союза. Он проектировался советскими институтами. Его оборудовали машинами и аппаратурой советские заводы. На строительстве и

монтаже работали сотни советских специалистов.

И каждый, кто входит в главные ворота комбината, прочтет теперь краткую, выразительную и волнующую надпись на арке:

«Димитровградский химический комбинат — детище болгаро-советской дружбы».

Величественна картина комбината! Строгие кирпично-красные корпуса цехов и белокаменные здания лабораторий, свинцово-серые цилиндрические резервуары, конические трубы, из которых кучевыми облаками поднимается в небо сизый дым. Над прямолинейными асфальтированными магистралями, разделяющими территорию комбината на квадраты, от корпуса к корпусу протянулись широкодиаметровые трубопроводы и электрические провода. Словно мускулы и нервы, они связали цехи, лаборатории и службы в один живой организм.

Вдоль магистралей и тротуаров выстроились в линейку высокие, густолистые тополя — ровесники комбината, — молодое поколение от семени тех могучих деревьев, что шумят в долине, на горизонте.

История комбината — это история города!

Молодые люди, возводившие его стены, вместе с ним росли и мужали.

Крестьянский сын приходил на стройку и начинал свой трудовой стаж с разнорабочего. Скоро он становился каменщиком, затем — монтажником. А когда комбинат готовился к пуску, у него уже была профессия эксплуатационника.

Ему полюбились люди, с которыми он делил трудности и радости ударных вахт. Он всей душой был привязан к городу своей юности. Тут, на лесах стройки, он повстречал свою суженую, вместе с нею вселился в светлую квартиру нового дома… Ветеран бригадирского движения[8] работает теперь на посту мастера, технолога, инженера.

Такова жизнь и судьба тысяч димитровградцев.

В том числе и Вачо Николаева Стоянова. Правда, с некоторыми «деталями», о которых нельзя умолчать.

Вачо — сокращенная форма слова «Ванчо», то есть «Ванюша». Этим ласкательным именем его называли в семье, затем оно закрепилось за ним в кругу друзей и, наконец, обрело силу гражданства в Димитровграде. Но есть у Ивана еще одно имя — Страшимир. Он был «крещен» им семнадцати лет от роду, в партизанском отряде.

Стоянов овладел, пожалуй, всеми профессиями, какие существуют на химическом комбинате. И нынче он занимает уже пост начальника смены объединенного корпуса. Великолепное знание техники помогает ему на каждом шагу. Неполадки в

машинах или аппаратах Иван устраняет, не обращаясь к помощи ремонтной бригады. Сам со своими товарищами проводит он технические осмотры, текущий и капитальный ремонт. За восемь лет на его участках не было ни одного случая аварии.

Он еще довольно молод, ему тридцать пять. А у него проходят практику инженеры, постигая «искусство производства». Многих рабочих вывел Иван в мастера.

И хотя Димитровград знает и называет его попросту Вачо, не добавляя к имени почтительного слова «бай»,[9] он слывет среди рабочих старым, заслуженным коммунистом. Товарищи всецело ему доверяют. Несколько раз Иван избирается секретарем цехового партбюро, членом парткома и членом пленума городского комитета БКП.

У многих друзей-димитровградцев я, грешным делом, интересовался: чем объяснить их всеобщую горячую любовь к своему городу?

Одни отвечали:

— Это город нашей мечты, город социалистической юности!

Другие говорили словами Владимира Маяковского:

— Землю, с которою вместе мерз, вовек разлюбить нельзя.

Стоянов согласился с этой аргументацией и добавил:

— Каждый камень в нашем городе положен нами, каждая шестеренка в заводской машине опять же нами прилажена к месту. И все сделано добротно… Известный советский академик Виноградов писал, что Димитровградский химкомбинат — первое величественное здание социалистической Болгарии… Как людям, построившим это здание, не любить его и не гордиться им?!

Любят димитровградцы свой город и старательно украшают его. Как-то весною я подъехал к дому, в котором помещалась квартира Ивана. Во дворе зеленел скверик. Между деревцами были устроены качели, песчаная горка… И детей, казалось, собрался пчелиный рой.

Я спросил у чернявого бойкого мальчонки: не детский ли тут сад? Он засмеялся:

— Нет, это наш двор!

— Хороший у вас двор!

— Дядя Вачо построил! Да еще игрушки нам из самой Москвы привез! Он очень любит детей. У него сын Николай еще маленький: ему один годик и один месяц. Дядя Вачо и его любит и нас одинаково. Для ползунков он насыпал горку, нам смастерил качели и карусель. А когда его малыш подрастет, с нами играться будет!..

Большой масштаб, большой размах у димитровградцев! Они возвели город, «мечты прекрасней», создали индустриальный

центр, один из самых крупных в Болгарии, который с каждым годом наращивает свои мощности. Химический комбинат уже производит в год свыше 260 тысяч тонн азотных удобрений, 370 тысяч тонн суперфосфата, более 160 тысяч тонн серной кислоты.

На северо-западе города высятся ряды труб цементного завода «Вулкан». Невдалеке, по другую сторону Марицы, лежит цепь известняковых холмов. От карьера до завода протянулись стальные тросы канатно-подвесной дороги. Бесконечной вереницей движутся над синей лентой реки, над зелеными коврами огородов и лугов вагонетки, груженные белым камнем. А из заводских ворот точно по графику выползает, набирая пары, очередной эшелон с цементом. Каждый день — новый маршрут. Болгария строится. Цемент идет на сооружение гигантских плотин язовиров, на возведение бетонных основ новых промышленных предприятий, на строительство новых городов и селений.

Рядом с «Вулканом» расположены корпуса этернитового завода. Он ежегодно производит более одного миллиона линейных метров асбестово-цементных труб, тысячи квадратных метров кровельных и других плит.

За чертою города черными сопками поднялись терриконы. Марицкий каменноугольный бассейн снабжает дешевым топливом химический комбинат, димитровградские теплоэлектроцентрали, цементный завод, железнодорожный транспорт, дает тысячи тонн бурого угля народному хозяйству страны.

Есть в Димитровграде еще один комбинат. Он стоит рядом с химическим. Над ним не дымятся трубы; он построен сплошь из стекла, в его цехах нет приборов, кроме простого ртутного градусника. Под его прозрачными сводами и в холодные зимние дни цветут и зреют сочные помидоры, растут огурцы. Это овощной комбинат.

Широко и привольно раскинулся среди зеленого Фракийского поля красавец Димитровград. На километры простерлись его бульвары, проспекты и улицы, встали рядами многоэтажные белокаменные корпуса жилых домов, школ, больниц, магазинов, детских яслей, гостиниц, кино, театров.

Димитровград — социалистический город, в котором в отличие от старых городов с роскошным центром и трущобами на окраинах строительство ведется по плану и каждый квартал встает, как архитектурный ансамбль.

Город юности!.. Он молод возрастом, его строила юность страны! Годы идут. Подвиг основателей Димитровграда становится историей. Но растет молодое гордое поколение.

Юности не убавляется, а прибывает. И потому, что молодые не стареют, и потому, что Димитровград — первый в стране город по проценту рождаемости.

* * *

Димитровград — звезда первой величины. Множество таких новых звезд расцветило карту Болгарии. И она с каждым годом все больше и больше походит на Млечный Путь!

Всех звезд не перечесть! Назовем лишь те, что ярче светят. Начнем с западного «небосклона». Металлургический завод имени Ленина в шахтерском городе Димитрове, электротехнические заводы, железнодорожный, завод металлорежущих машин в Софии, медеплавильный комбинат имени Георгия Дамянова в зеленой котловине Главного Балканского хребта, севернее столицы; каскад родопских гидроэлектростанций — «Батак», «Пештера», «Алеко Константинов», теплоэлектроцентраль «Марица — Восток», свинцово-цинковый завод в Кырджали, флотационные фабрики Родопского бассейна; самый молодой горняцкий город Болгарии — Мадан; Коларовградский машиностроительный, Русенский завод сельскохозяйственного машиностроения, содовый завод имени Карла Маркса на реке Девне, Разградский пенициллиновый, Варненский судостроительный!.. И еще и еще!..

«Страна пастухов и пахарей» — старая Болгария насчитывала всего лишь несколько предприятий легкой промышленности да кустарных ремесленных мастерских. За годы народной власти она создала свою цветную и черную металлургию, машиностроение, электротехническую и химическую промышленность, кораблестроение, многократно увеличила мощности каменноугольной и горнорудной промышленности. Из отсталой, земледельческой страны Болгария превратилась в социалистическую индустриально-аграрную страну с крупным кооперативным и механизированным сельским хозяйством.

Невиданными темпами развивается отечественная индустрия. Продукция промышленности за шестнадцать лет увеличилась в двенадцать раз, а тяжелой промышленности — в двадцать пять! Заветы Георгия Димитрова воплощаются в жизнь. Ныне Болгария за один месяц получает больше промышленной продукции, чем имела ее за весь предвоенный 1939 год. Рабочий класс успешно выполнил задания третьей пятилетки за три года. Валовой объем промышленной продукции в 1960 году вырос на 63 процента по сравнений с 1957 годом и превысил объем продукции,

запланированный на 1962 год.

Благодаря братскому сотрудничеству в рамках социалистического лагеря и международному социалистическому разделению труда Болгария сосредоточивает свои силы на развитии тех промышленных отраслей, которые в большей степени отвечают специфике ее народного хозяйства, природным условиям и экономическим нуждам.

Новыми, многозначными числами измеряется теперь индустриализация страны. Только в течение одного года болгарские строители и монтажники ввели в эксплуатацию 213 промышленных объектов. В каждые двое суток родина получала новое предприятие.

У подножия Главного Балканского хребта, в тридцати километрах от Софии, сооружается Кремиковский металлургический комбинат; возле Пловдива растут корпуса свинцово-цинкового комбината; вступают в строй вторая, третья и четвертая турбогруппы теплоэлектроцентрали «Марица — Восток»; полным ходом идет строительство Старозагорского завода минеральных удобрений, проектная мощность которого вдвое больше Димитровградского химического комбината.

Народ под руководством Коммунистической партии одерживает замечательные победы на всех фронтах социалистического строительства.

Страна успешно осуществляет культурную революцию. Подлинного расцвета достигли наука, искусство, литература. Народная республика вышла на одно из первых мест в мире по проценту людей со средним и высшим образованием. Каждый сотый болгарин имеет диплом вуза. В стране, насчитывающей около восьми миллионов населения, работает почти двадцать тысяч инженеров.

Болгария переживает социалистическую юность!

На границе двух эпох

Позади остались неоглядные пшеничные разливы Ямбольской долины. Вдоль реки Тунджи, текущей в густо-зеленом окладе ивняка и камышовых зарослей, мы пробираемся на «газике» в одиниз пограничных пунктов.

Оказия, как говорится, подвернулась мне неожиданно. Несколько дней я провел на строительстве теплоэлектроцентрали «Марица — Восток», где познакомился с бригадиром монтажников Кали Стефановым. Ему тридцать четыре года. Он принадлежит к тому поколению сыновей болгарских пролетариев,

юность которых совпала с грозовыми годами войны. А в тяжелых испытаниях и битвах юноша мужает по дням, по часам, рано вырастая в закаленного воина. Уже в 1941 году Кали вступил в Рабочий союз молодежи, участвовал в антифашистском движении. После победы народной власти он восемь лет сторожил границу родины. Майор, демобилизовавшись, приобрел профессию монтажника, затем стал мастером и возглавил молодежную бригаду.

Парни и девушки его бригады работали на самых боевых участках стройки и вот уже много месяцев давали по две нормы за смену. Они завоевали звание бригады ударного комсомольского труда. Коммунисты избрали Стефанова членом партийного общестроительного комитета. Об успехах его бригады писали газеты.

Пограничники заставы, на которой служил Стефанов, прислали ему письмо. Они просили своего товарища приехать к ним «на побывку», «вспомнить боевую молодость» и, конечно же, рассказать о стройке самой крупной на Балканах теплоэлектроцентрали, где Стефанов «достойно несет мирную вахту, как достойно нес он ее на родной границе». Партийный общестроительный комитет решил командировать бригадира монтажников на заставу сроком на двое суток. Напутствуя Стефанова, секретарь комитета между прочим сказал:

— Объясни товарищам пограничникам все, как есть. Проведи действенную агитацию… Словом, сам понимаешь: чтобы те, которые демобилизуются, направлялись прямым ходом, без пересадки, на нашу стройку. Это — твое партийное поручение!..

…Взвод пограничников выстроен. Звучит команда «Смирно!». Дежурный капитан рапортует Стефанову: на границе все спокойно!..

— Здравствуйте, товарищи пограничники!

— Здравия желаем, товарищ майор! — гремит в ответ мощный раскат молодецких голосов и эхом отзывается в ближней роще.

Начальник заставы полковник Васил (это его партизанское имя) крепко обнимает и трижды целует Стефанова… Дружеские рукопожатия с офицерами… Теплые слова привета.

Через минуту застава живет своей будничной, спокойной и настороженной жизнью. Сменяются часовые, уходят и возвращаются дозорные пикеты. На плаце строевые занятия. В красном уголке политчас… А с кухни доносится ароматный запах жареной дичи и острых трав — чудеснейшей приправы.

Полковник и капитан ведут гостя в казарму, с которой начинается осмотр заставы.

— Кажется, эта? — спрашивает Васил, останавливаясь у одной из коек.

— Она, — тихо откликается Кали, и в его голосе слышится та нотка грусти, которая рождается в душе, когда человек случайно встретится со своей молодостью.

Это была койка рядового Стефанова, пришедшего на заставу осенью сорок четвертого года.

— Кто теперь спит на ней?..

— Сержант Петков, — отвечает капитан.

А полковник добавляет:

— Такой же, как и ты, заядлый шахматист!

— Надо будет с ним сразиться!

— Обязательно!.. Боевой пограничник. Достойная смена. В прошлом году его дозор задержал крупного диверсанта.

И вот уже начинается разговор о «случаях», об обыкновенных и героических буднях заставы… Разговор, который может длиться часами и днями…

С холма, возвышающегося над местностью, мы смотрим по ту сторону рубежа. Полковник предлагает полевой бинокль. День ясный, видимость превосходная. И кажется, что до минаретов города Эдирне, стоящего там, где Тунджа вливается в Марицу, подать рукой.

— Говорят, в этом городе самые высокие в мусульманском мире минареты и самые богатые мечети, — роняет полковник.

Но мы уже оставляем бинокли и глядим невооруженным глазом на ближние турецкие деревни.

— Да-а!.. — невольно вырывается у меня вздох. — В Болгарии я не встречал таких старых, полуразваленных кошар, какие у них дома!

— С тех пор, как я их видел в последний раз, — говорит Стефанов, — она пришли в еще большую ветхость, а некоторые вовсе развалились!..

Бедность, нищета и тьма лежали по ту сторону пограничной полосы. Точно по команде сердца, мы повернулись туда, где за буйной зеленью садов проглядывали светлые окна новых кирпичных домов, где стелились неоглядные пшеничные разливы и солнце светило ярко и тепло, где жила, трудилась, творила и радовалась народная Болгария.

Мы стояли на границе двух миров, на рубеже двух эпох.

Народы-братья

У каждой реки свое русло, свой путь к морю. У каждого

народа своя история. Много русских и болгарских рек сливается в одно море — самое синее в мире Черное море!

Где-то в дальней дали минувших веков переплелись пути двух народов. Из земли южных славян через Дунай и Днестр ученые пилигримы занесли в Киевскую Русь кириллицу, ставшую нашей общей азбукой.

На перепутьях истории оба народа встречали много общих врагов, которые хотели согнуть им выю, надеть на них ярмо, подчинить их своей злой воле, растоптать душу, язык и песню.

Русский Илья Муромец своею могучей палицей вогнал в землю незваные орды тевтонцев и монголов, избил дубиною полчища Наполеона. Могучею грудью он отстоял свою родину и защитил братьев славян за Дунаем от истребления.

Враг вломился на Балканы через Босфорские ворота. Пять долгих веков стонала Болгария под оттоманским игом. Но она выжила, ибо верила, что придет русский «дедушка Иван» и освободит ее.

…Россия! Свято нам оно,
То имя милое, родное,
Оно, во мраке огневое,
Для нас надеждою полно.

Так выразил вековые чувства надежды и любви своего народа к России Иван Вазов.

Кому не известны Шипка, Плевей, Горный Дубняк, Стара Загора — места исторических битв за освобождение Болгарии? Они продолжили ряд увековеченных славою русского оружия названий: Чудское озеро, Куликово поле, Бородино…

Двести тысяч русских воинов из армий генералов Скобелева и Столетова, Радецкого и Гурко сложили на болгарской земле свои головы. Благодарный болгарский народ воздвиг на братских могилах полтысячи памятников, и вот уже восемь десятилетий у их подножий не вянут цветы. Эти памятники — словно вехи на пути истории двух народов.

…Лютый враг вполз в Болгарию с запада: сначала — немецкой крови династия Кобургов, а следом за нею — того же происхождения коричневая чума.

Царь и фашисты «резали народ, как его не резал турок». Эти слова написаны на стене музея в селе Батак — болгарской Голгофе, где в 1876 году башибузуки, а в 1943 фашисты отрубили головы тысячам борцов за свободу.

Заря свободы снова засияла с востока. Ее несли на своих опаленных огнем знаменах герои Ленинграда, твердыни на Волге,

Киева, Севастополя, Одессы. И он пришел, долгожданный День свободы. Девятого сентября сорок четвертого года восставший болгарский народ сверг ненавистный фашизм и в миллионных объятиях прижал к сердцу своих освободителей — советских братушек.

Тысячи советских людей видели Шипку. Миллионы знают по снимкам величественный гранитный монумент, воздвигнутый на ее поднебесной вершине имени Столетова, знают грандиозный монумент Советской Армии на Русском бульваре в Софии. Но мало кто слышал о памятнике неизвестному советскому воину на берегу Черного моря, у мыса Маслен нос, южнее Бургаса.

Он невелик, этот памятник. Скромная пирамида на могильном холмике. Но мне думается, что эта пирамидка возвышается над всеми пирамидами мира величием и искренностью любви народа-брата к народу-брату.

…Шли ожесточенные бои за Севастополь. На море сражались советские и гитлеровские эскадры. В один из дней к каменистому мысу Маслен нос волны прибили тело советского матроса. Его заметили жены и дочери рыбаков, которые шли лесом из села Приморско к своим мужьям, отцам и братьям, промышлявшим за мысом скумбрию. Тельняшка матроса была обагрена кровью, которую не смыла соленая морская вода. Документов при нем не оказалось. Болгарки вырыли на крутом утесе могилу и, как родного человека, похоронили со всеми почестями неизвестного русского солдата.

Той же тропинкою через лес, мимо Маслен носа, ходят и теперь к рыбакам их жены и дочери. На полянах они собирают цветы и складывают их возле скромной пирамиды, на которой высечена одна фраза: «Здесь покоится неизвестный советский воин, геройски погибший в борьбе против фашизма».

А вечером первого июня, в канун Дня памяти Христо Ботева и всех борцов против турецкого и фашистского рабства, у могилы неизвестного советского солдата ежегодно собираются сотни рыбаков со своими семьями. Заглушая морской прибой, на скале громко звучит торжественная поверка героев, павших за свободу. Она начинается именем Ботева и завершается словами: «Неизвестный советский солдат». Гремят ружейные залпы салюта, и каждый раз, всякий год, в этот вечер кажется, что бурное Черное море утихает, когда люди становятся на колени, склоняют головы перед памятью тех, кто пожертвовал своей жизнью ради их счастья.

Наивысшего, истинного расцвета болгаро-советская дружба достигла после победы в Болгарии народной власти, наполнившись новым содержанием. В ее основу легли

бессмертные идеи марксизма-ленинизма, пролетарского интернационализма. Были устранены все преграды, искусственно возводившиеся прежде национальной и международной буржуазией между болгарским и советским народами.

Болгарский народ видит в Советском Союзе гарантию своей независимости и свободы, своего счастья и благоденствия. Идея вечного братства двух народов ярко выражена в государственном гимне республики:

Болгария наша, отчизна героев,
Могучий расцвет тебе силы дает.
В надежном союзе навеки с тобою
Великий и братский советский народ!

Есть замечательные слова Георгия Димитрова, которые знает и хранит в сердце каждый болгарин:

«Для болгарского народа дружба с Советским Союзом так же жизненно необходима, как солнце и воздух для всякого живого существа».

О великой дружбе советского и болгарского народов чудесно сказал Никита Сергеевич Хрущев, когда он находился в 1959 году на американском континенте с миссией мира: «…Русский народ особо теплые чувства питает к болгарскому народу. Русский народ и болгарский народ — это народы-братья».

Исторические пути двух народов-братьев ныне сошлись воедино, русла их судеб слились навечно. У них одно будущее, одно лучезарное завтра — коммунизм!

1961 г.

Большая судьба

Секретарь окружного комитета партии Иван Тенев, высокий, подобранный мужчина с энергичным, живым лицом, щуря карие глаза, словно вглядываясь вдаль, рассказывает о прошлом и настоящем Фракийской долины. Сам он родом здешний, сын безземельного крестьянина из-под Ямбола.

— Фракию называли долиной лучезарного солнца и беспросветной темноты, несметного плодородия и неслыханной нужды. В этом, казалось бы, парадоксе — сущая правда, горькая истина!

С юных лет Иван Тенев видел нищету и страдания трудового люда, испытывал несправедливость и жестокость власть имущих. Гайдуцкое сердце и горячая кровь дедов привели его в стан народных мстителей.

В начале тридцатых годов сельский, учитель Иван Тенев вступает в Коммунистическую партию и становится пламенным пропагандистом-ленинцем. За революционную деятельность фашистские правители готовят над ним расправу. Он скрывается от полиции и уходит в подполье, где целиком посвящает себя делу партии. Царский суд заочно приговаривает его к 15 годам каторги по одному «делу» и спустя некоторое время к пятнадцати — по другому. Приходит 1937 год. Солдат пятого корпуса 15-й дивизии Интернациональной бригады Иван Тенев на полях Каталонии, в долине Эбро, бьется за свободу испанского народа. Потом — перевал через Пиринеи, рабочие кварталы Марселя и Тулона. Когда гитлеровцы оккупируют Францию, болгарский коммунист в одном строю с французскими братьями сражается в рядах Сопротивления…

И вот заветное знамя свободы реет над его землей. Родина зовет. Иван Тенев возвращается в отчий край.

— Вы спрашиваете, о чем можно написать из Фракии, чтобы русские люди воочию представили себе, как изменилась наша жизнь. Трудно, друг мой, посоветовать. Каждый земледельческий кооператив, каждый завод — это эпопея социалистического труда!..

Тенев задумался, еще плотнее сощурив глаза. Но вот в его зрачках вспыхнули две золотистый искорки.

— Лучше всего напишите о нашей женщине. Очень советую именно о женщине. *Чем* она была и *кем* стала. О ее судьбе в прошлом и теперь. Турецкие султаны пять столетий своего черного владычества насаждали в Болгарии бесчеловечное, мусульманское отношение к женщине как к существу низшей

ступени, как к бессловесному и покорному быдлу. Поезжайте в ямболские села. Тот край был темным пятном на нашей карте. Сейчас я познакомлю вас с нашим женоргом другаркой[10] Златкой Василевой. Энтузиаст!.. Половину женщин в Фракии по именам знает. Кстати, у нее есть в те края поручение окружного комитета. Поезжайте непременно, там вы найдете женщину, которая за одно десятилетие перешагнула сразу три общественно-экономические формации!..

* * *

Из поколения в поколение судьба дочери походила на судьбу матери, как одна слеза на другую. Горькая участь была предопределена с рождения. Когда бабка-повитуха сказала Николе Атанасову, что у него родилась дочь, он досадно махнул рукой: «Что ж, одной страдалицей на земле больше».

Сызмала Ганка пошла батрачить.

— Работала от солнца до солнца на богача-чорбаджию. Обращались со мной, как со скотиной, разве только не запрягали!..

О том, чтобы приодеться, нечего было и думать. Летом и зимой, в будни и праздники ходила она в черном сукмане — сарафане из грубого домотканого полотна. Несладкой была девичья жизнь, но она слыла раем в сравнении с замужеством, с женской долей.

Замуж не выдавали, а продавали. Девичьего слова не спрашивали. По сердцу человек, не по сердцу — никому дела нет: сживется — смирится, смирится — слюбится. Отцы за чарками ракии[11] вели торг. Будущий тесть запрашивал побольше выкуп; свекор, цинично разбирая физические достоинства и недостатки невесты, торговался, сбивал цену.

Лучше песни не скажешь. Невеста, после того как ее продали, причитала:

Прощай навеки, родимая мать:
Меня продали чужим людям.
У чужих людей — ни сесть, ни встать,
Поздно ляжешь, рано разбудят.
Чужие люди раз позовут,
А два раза пинка дадут.
Черная доля, женская доля —
Жить в неволе, родить в поле…

Ганке больше посчастливилось, чем ее многим товаркам: она и Георгий любили друг друга. Впрочем, любовь любовью, а в семье свекра царили все те же жестокие домостроевские обычаи. Молодые были бессильны от них отступить. И замужняя доля Ганки складывалась не лучше той, о которой ее прабабки сложили заунывную песню-причитание.

Жили Георгий и Ганка Семовы в темной, глинобитной избушке под соломенными стрехами, гнули в поле спину, не видя света. Нужда ожесточает человека. Георгий чаще всего был угрюмо-молчаливым. Но порою в нем прорывалась нежность. Лаская загрубевшей рукой дочь, он тихим голосом рассказывал, что есть на свете страна — Советская Россия, где все люди имеют землю, все равны и счастливы, счастливы и свободны даже женщины. И его взор смягчался долгой, задумчивой улыбкой.

…В сентябре 1944 года Ганка в первый раз в жизни шла по улицам своего села Сламено в одном ряду с мужем, его товарищами и своими подругами. Георгий крепко держал в руках древко алого знамени, и радостью звучал его голос в хоре революционной песни. Ганка не понимала вначале всего величия совершившихся событий, но душой чувствовала, что произошло что-то непостижимо большое, чего не видели ни ее деды, ни прадеды.

Интересы семьи Семовых переступили за порог глинобитной избушки, за межу своей нивы. В один из вечеров Георгий приехал из Ямбола таким сияющим, каким Ганка не видела его даже в парнях. «Сегодня у меня великден,[12] — сказал он жене, — я коммунист», — и обнял ее, как обнимал, бывало, в девушках.

На село стали наведываться женщины из околийского и окружного центров. Они ходили по дворам, беседовали с крестьянками, заглядывали к Ганке. В горнице, на деревянной полке, где раньше одиноко лежал псалтырь, впервые появились книжки.

Как-то сельские коммунисты проводили открытое партийное собрание. В числе женского актива была приглашена Ганка. Обсуждался вопрос о читалище[13] и организации культурно-просветительной работы. Выступил представитель из околии, за ним — учитель… И вот из угла заднего ряда раздался тихий, нетвердый голос: «Прошу слова». Поднялась невысокая смуглая женщина с тонкими и выразительными чертами лица. Ее порозовевшие щеки и слегка дрожащие опущенные ресницы выдавали внутреннее волнение.

Мужчины с передних скамеек окинули ее удивленными взглядами, потом перевели глаза в ту сторону, где сидел Георгий Семов.

В конце собрания взял слово секретарь партийной организации Иван Динев. Он сказал, что целиком и полностью поддерживает предложение Ганки об активном привлечении женщин к просветительной работе.

— Женщины — огромная сила, и работа среди них должна быть в центре нашего внимания.

Каждый новый день был полон событий. Жизнь бурным потоком врывалась в когда-то захолустное село. Ганка поняла: не только света, что в окне. Перед ней открылся широкий мир. Она на глазах оживала, молодела. Заботы по хозяйству, о муже и детях требовали немало сил, но она всегда находила время для занятий в читалище, для общественной работы. Ганка ездила делегаткой на женские собрания в Ямбол, и теперь вся работа среди крестьянок лежала на ней. И, словно полевой цветок под лучами весеннего солнца, раскрылся недюжинный талант деятельной женщины-общественницы.

Настал и ее великден. Ганка Семова была принята в члены Коммунистической партии.

Сельское ядро коммунистов — братья Торлаковы, семья Диневых, Георгий и Ганка Семовы стали зачинателями и организаторами сламенского трудового земледельческого кооператива.

Бессменный председатель ТКЗХ Тодор Торлаков рассказывает:

— Село наше прежде если чем и славилось, то только соломенными крышами и чесноком. Кроме жита[14] да чеснока, крестьяне ничего не сеяли. На такой базе нелегко было начинать многоотраслевое хозяйство. Но старались всем миром. И надо прямо сказать, что большая заслуга в росте кооператива принадлежит нашим женщинам. Мы, мужики, может быть, в силу старых крестьянских традиций оказались более косными. Однажды на партийном собрании ставится вопрос — заложить на кооперативных полях виноградники. И представьте себе: кто же его ставит? Ганка Семова. Многие тогда встретили ее предложение с ухмылкой: ни в кои веки сламенская земля не видала гроздей. А Ганка по книжкам доказывает, что почва и климат у нас подходящие, кооперативу же большая прибыль будет. Сама, говорит, с женщинами все сделаю, выделите только землю. И права оказалась. Теперь такая лоза вымахала, что виноградари из Золотого Лога позавидуют. По полторы тонны с декара[15] берем. А все она, Ганка, со своей женской бригадой… Светлая у нее голова и золотые руки!..

За селом ровными рядами выстроились каменные, под черепицей животноводческие помещения. В чисто прибранном

коровнике доярки задают корм. К ферме подкатывает грузовая машина с бортами, обтянутыми кумачом. Рассыпая прибаутки, с кузова спрыгивают десятка полтора женщин в белоснежных косынках.

— Принимай, Ганка, гостей!

Прибыла делегация доярок из соседней околии.[16] Женщины, не впервые встречающиеся с Ганкой, обнимают ее, тормошат:

— Ну, веди нас по хозяйству, чародейка. Показывай все без утайки, как за коровами ходишь, как добилась, что они дают тебе по четыре да по пять тысяч литров. Иль, может быть, какое слово знаешь?

— У коровы, девушки, молоко на языке, — отшучивается Ганка. — А слово действительно знаю — слово советских доярок!..

Ганка Семова ведет гостей по ферме, рассказывает о рационе кормления, способах раздоя, о племенной работе в кооперативе. В своем рассказе она часто упоминает авторов зоотехнических книжек и брошюр, имена советских доярок из совхозов «Караваево», «Горки-II».

До 1951 года коровы в кооперативе давали молока чуть больше «козьей нормы». Партийная организация решила укрепить животноводство надежными кадрами. Ганке выделили десять тощих коров. Но она не опустила рук, принялась за новое дело горячо, с охотой. И в первый же год за счет заботливого ухода и правильного кормления увеличила надои коров в два раза.

В январе следующего года Ганку Семову пригласил к себе секретарь окружкома Иван Тенев. Об успехах доярки-коммунистки он много слышал.

Тенев сказал Ганке:

— Спасибо тебе, землячка, за честный труд, за помощь, которую оказываешь партийной организации в подъеме животноводства!..

Секретарь окружкома обстоятельно расспросил, какие у доярки заботы и претензии, в чем нуждается. А в конце беседы передал ей объемистую бандероль.

— Я подобрал тебе несколько брошюр и книжек советских животноводов. Тут сокровищница опыта. Учись и учи других. Это тебе самое ответственное поручение партии: распространяй свой опыт, добивайся, чтобы все стадо в вашем кооперативе было таким же продуктивным, как твои десять коров…

Спустя два года окружная партийная конференция намечала делегатов на шестой съезд БКП. Участники конференции единодушно назвали в числе своих посланцев фамилию Ганки.

Простая женщина-крестьянка избирается окружной

организацией в высший орган партии. Она участвует в обсуждении народнохозяйственного плана, решает вместе с другими избранниками партии основные вопросы дальнейшего развития государства.

— Тогда, на заседаниях съезда в зале народного театра, я всю свою жизнь заново передумала, будто второй раз пережила, — рассказывает Ганка. — Вспомнилась мне моя мать и тот день, когда она надорвалась от непосильной работы. Ее не повезли к врачу за сто километров, а послали за попом. «Не ропщи, раба божия, — оказал отец Варфоломей, — терпи, за земные испытания бог воздаст тебе на том свете»… Да, она была раба божия, раба чорбаджиев и раба своего мужа. И самый труд ее был рабским трудом. А я, дочь ее, за свой труд заслужила почет народа и удостоилась высокого доверия партии. Труд, когда он свободный, делает чудеса… Сидя в зале, я не только до конца поняла, а будто душою увидела, быть может, простую, но великую истину, что есть на свете капитализм, который обманывает людей божьим раем, высасывает из них соки, душит, и что есть справедливый строй, народный, который поднимает, возвеличивает человека и создает ему счастливую жизнь на земле!..

Год спустя на окружном совещании передовиков сельского хозяйства Ганка предложила развернуть социалистическое соревнование животноводов. Окружком партии поддержал ее почин. На призыв доярки откликнулись работники всех ферм, мужчины и женщины. И вот в канун Дня свободы были подведены итоги.

… Сегодня в Сламено чествуют победительницу соревнования. Вечером в просторном зале читалища собрались кооператоры. Передние ряды заняли доярки — делегатки от соседних сел.

Златка Василева от имени окружкома партии и окружного Народного совета торжественно вручает Ганке переходящее красное знамя первенства в животноводстве, почетную грамоту и премию. Стекла звенят от рукоплесканий. Женорг и доярка крепко обнимаются. Ганка целует край бархатного полотнища знамени, как его целуют воины на присяге.

— Нынче, — говорит Златка Василева, — у нас с вами большой женский праздник. Ганка Семова получила звание передовика-животновода в нашем округе. Таких праздников в Болгарии с каждым годом становится все больше. Наши женщины наравне с мужчинами активно участвуют в строительстве социализма. Тысячи женщин-новаторов работают на фермах, полях, за штурвалом комбайна, у станка, в научно-

исследовательских лабораториях… Народная власть открыла им широкое поприще для свободного труда, проявления своих талантов, энергии и силы. И мне хочется сказать не только о Ганке Семовой, а о болгарской женщине вообще, о Женщине с большой буквы!

Златка Василева называет имена женщин-героинь, которые в мрачную годину фашизма сражались плечом к плечу с мужьями и братьями в партизанских отрядах и отдали свои молодые жизни во имя свободы и счастья народа… Иорданка Николова, Лиляна Димитрова, Вела Пеева… Память о них будет жить в веках!

— Чего могла достичь женщина в старой Болгарии? Высшей ступенью ее общественного положения была акушерская должность в околийском центре. А теперь? Тысячи женщин работают врачами и медсестрами. Дочь Ганки Радка учится на врача!

Народная конституция дала женщине все демократические гражданские права, подняла ее до высот общественной, политической и государственной деятельности. Во всех звеньях государственного аппарата, от правительства до исполкома Сламенского сельского Совета, женщины работают наряду с мужчинами!..

Ганка слушала, и слова подруги звучали для нее, как гимн женщине.

Когда кончилось собрание, Семовы пригласили Златку на вечерю.[17] Ганка провела гостью по комнаткам своего нового двухэтажного дома, похвалилась мебелью, коврами, библиотекой. После ужина женщины прошли в горницу отвести душу беседой. Они говорили о своей радостной жизни и работе, о серебряной паутине бабьего лета, рано осевшей на их смоляные волосы, о счастье быть верной подругой мужа, матерью. И словно тонкое кружево, причудливыми узорами вязался их разговор.

* * *

— Значит, вы были вместе со Златкой в Сламено? — спросил Иван Тенев. — Ганка Семова — моя старая знакомая. Я из соседнего села. Оно называется теперь Тенево — в память погибшего моего брата, партизана… Интересная и большая судьба у этой женщины. Ганка из тех многих тысяч женщин новой Болгарии, которые за десять лет шагнули из рабства в социализм!..

1954 г.

Васил Ганев вступает в кооператив

Васил Ганев, крестьянин села Чубра, сорока двух лет от роду. Стоит он на земле, словно могучий дуб, глубоко пустивший свои крепкие корни; кажется, никакая буря не сломит и не склонит его долу. Открытые глаза цвета спелого желудя глядят спокойно и прямо, а густой, грудной голос звучит мирно и тихо.

— Край наш богат солнцем и водой, почвы плодородные, народ трудолюбивый. Нашей земле недоставало одного сокровища — заботливой руки свободного хозяина. А теперь землица стала такой, как ей должно быть!..

Познакомил меня с Ганевым председатель местного кооперативного хозяйства Штилян Петров, который раньше, чем многие его земляки, увидел радостный путь болгарского крестьянина. Я приехал в село, когда уже наступили сумерки.

— Вам бы отдохнуть, — предложил он. — Но если хотите отдохнуть «производительно», то есть кое-что увидеть и узнать за это время, то я вас заведу в семью среднего болгарского крестьянина, середняка до мозга костей… Птицу нужно увидеть в своем гнезде, а человека в своем доме, чтобы почувствовать, что он чувствует! Айда в дом Ганева!

Село Чубра расположилось в привольной Сунгурларской долине. История его восходит к первому тысячелетию нашей эры. Коренные жители долины — болгары возделывали виноградники, давили из виноградных гроздей искрометный хмельной сок и сеяли жито. Во времена турецкого нашествия они бежали от насилия, грабежа и смерти в горы и основали на неприступных вершинах Стара-Планины махалу[18] Скала. Пять долгих веков в долине хозяйничали чужеземные поработители, а болгарские крестьяне бедовали на голом камне, где не посеешь и не пожнешь, водили мелкий скот, по месяцам не ели хлеба, забывая его вкус. Но они предпочитали голод неволе. «Свобода слаще хлеба», «Лучше смерть, чем рабство» — эти слова были знаменем народа-страдальца, народа-гайдука.

Когда русские полки Скобелева перевалили в 1878 году через Стара-Планину, отец Василя, Ганю, опустился в долину. И снова на земле предков пшеничные нивы заколосились для болгар, для них наливались янтарным соком виноградные грозди. Кроме Василя, было у старого Ганю шестеро наследников. При разделе отец дал сыновьям по пяти декаров виноградников и благой совет:

— Земля — кормилица. Крестьянин без нее — птица без крыльев, рыба, выброшенная на берег. Держитесь за землю

руками и ногами, трудитесь, не щадя живота, — и даст бог, может, разбогатеете!..

Вся жизнь Василя Ганева с малолетства была наполнена непрерывным тяжелым трудом — от великдня до великдня, от петухов до соловьев весною, от зари до зари летом, осенью и зимою.

— Ни одна ломовая лошадь не перевезла на своем веку столько груза, сколько наш брат, крестьянин… Однако правильно говорилось: «Трудом праведным не наживешь палат каменных». Сколько нахлебников-паразитов на шее нашей сидело: казна, богач-чорбаджия, полицай, поп! Одному — налог, другому — проценты за долг, третьему — чтоб реже по морде бил, четвертому — чтоб на том свете в геенне огненной не пытали. И всяк норовил содрать куш побольше. Но мы, болгары, народ живучий. Одну фасоль семья ела, до 35 лет обувок купленных не носили, по стотинке[19] от хлеба урывали и каждую осень по кусочку землицы прикупали!..

Вольготно вздохнул крестьянин, только когда в Болгарии победила народная власть.

Хозяйство Василя Ганева пошло в гору. На деньги, вырученные за несколько лет от продажи винограда и домашней скотины, он выстроил отличный кирпичный дом — пять комнат, хлев с птичником. Глядь, подросли сыновья — Ганчо и Георгий. Отец послал их учиться в городскую среднюю школу!

…Мы сидим с хозяином в уютной гостиной, увешанной и устланной коврами ручной работы — искусными жениными произведениями. Хозяйка с настойчивой приветливостью потчует нас кебапом[20] и искристым сунгурларским вином. Васил неторопливо ведет рассказ о своем житье-бытье, время от времени останавливая гордый отцовский взгляд на Ганчо. Сыну пошел двадцатый год. Летом он получил аттестат зрелости.

— Оперился соколик, вот-вот вылетит из родительского гнездышка!

Скоро наша беседа сама собой выходит за границу одной семьи, за стены дома. Мы обсуждаем последние события в жизни села: поворот крестьянской массы лицом к кооперативу.

Трудовое кооперативно-земледельческое хозяйство в Чубре было организовано в 1951 году. Объединилось в нем тогда 35 хозяйств из 130. Январь, а особенно февраль и март нынешнего года стали переломным этапом: остальные 95 семейств подали заявления с просьбой принять их в кооператив.

— Спрашиваете: почему я решил связать свою судьбу с кооперативом? По своей доброй воле и точному крестьянскому расчету. Есть такая поговорка: «Рыба ищет, где глубже, а человек

— где лучше». Жил я, как видите, безбедно. Кроме дома и двора, имел сто три декара земли, лошадь, пару волов, пять овец, плужок, борону. Хозяйство мое для наших мест — середняцкое. Все нажито своим горбом, без эксплуатации чужого труда, без спекуляции и гешефтов. Не буду углубляться в нашу крестьянскую политэкономию — скажу, что мне дал прошлый год. За грозде,[21] зерно, мясо и другие продукты я выручил 16 тысяч левов. Шесть тысяч вложил в хозяйство, часть из них приходится на налог. На две тысячи купил купоросу и минеральных удобрений. Осталось восемь. Половина — на детей, половина — нам со старухой. Конечно, в доме все свое, но «запас кармана не режет». Такой, значит, был баланс единоличного сектора!..

Воспользовавшись паузой в рассказе Василя, хозяйка приглашает закусить «чем бог послал от единоличного сектора».

— А теперь возьмем моего соседа, Димо Тодорова. В прошлом году он работал в ТКЗХ рядовым кооператором. Семьи у нас по числу ртов и рабочих рук одинаковые. Выработал Димо девятьсот трудодней. Кооператив выдал только одними деньгами на трудодень по 22 лева да продуктов… Димо получил восемь с половиной тонн зерна, две тонны винограда, 32 килограмма масла и брынзы, 19 с чем-то тысяч левов деньгами, не считая дополнительной оплаты — девять тысяч. Словом, его доход в денежном выражении, если продукты считать по среднезакупочным ценам и вычесть из этого стоимость годового пропитания, составил что-то около 32 тысяч левов. Это в два раза больше моих доходов!..

Хозяйка с явной грустью вздохнула и бросила быстрый, но довольно выразительный укоризненный взгляд в сторону мужа. И я понял, что ей тоже принадлежит немалая роль в приобщении мужа к «кооперативному сознанию».

— Один в поле не воин. Единоличник, будь он хоть Крали Марко, все равно ему за коллективом не угнаться. В ТКЗХ машинно-тракторная станция работает; каждый трактор пятьдесят четыре лошадиных силы имеет; удобрений почти столько, сколько требуется; агротехника, согласно правилам… Отсюда и урожаи. Кооператив взял по 200 килограммов пшеницы с декара, а единоличник — по 120; кооператив снял по тонне и триста пятьдесят килограммов гроздей с декара, а единоличник — по 700. Вот вам и арифметика.

А что касается отцовского завета — держаться за землю обеими руками и ногами, то ведь никто ее, эту землю, у меня не отнимает. Она идет в наше общее крестьянское пользование. Будь живы наши отцы, они бы теперь по-другому сказали: «Крестьянин

без кооператива — птица без крыльев, рыба, выброшенная на берег».

Месяц и семь дней уже, как я кооператор. Хвалиться не буду, пускай другие скажут, работаю на совесть. В табеле на моем счету значится уже 62 трудодня. Учтите, нынче трудодень побогаче прошлогоднего будет… Партия и народная власть идут навстречу кооператорам, большие льготы и привилегии предоставляют!..

Немного помолчав, Васил бесхитростно подморгнул сыну и заключил:

— По доброй воле вступил в кооператив. Не без «агитации» обошлось, конечно. Признаю. Вот он, сын мой Ганчо, член Димитровского союза молодежи. Идеологически со дня организации ТКЗХ на отца действовал: «Вступай, несознательный элемент, частнособственническая твоя психология! Кто же от своего счастья отказывается?!». Молодежь! Образование имеет: позорче глаз, потоньше нюх! На то ей и широкая дорога дана! А с прошлого года на его сторону перекочевала и моя благоверная. Не по своей сознательности, а, сами понимаете, увидела, что у соседки закрома и погреб полней!..

Наш разговор затянулся до первых петухов. Однако, верный крестьянской привычке, выработанной десятилетиями, хозяин поднялся с третьими петухами. Плотно позавтракал, отправился на кооперативный двор.

За мной рано утром зашел Штилян Петров.

— Ну как, хлебнули крестьянской психологии?

— Вдоволь!

— А теперь, ежели не возражаете, поглядим кооперативные угодья, посевы и виноградники.

Несмотря на воскресный день, улицы села были пусты. Встретились две-три старухи с куделями да хоровод ребятишек, высыпавших в сопровождении воспитательницы на прогулку. Весь народ был в полях.

За околицей села по логу петляет речушка, быстрая и мутная. Начало свое она берет с ближней вершины Стара-Планины. В полую воду ей становится тесно узкое каменистое русло, а едва стают горные снега, не ищи броду: куда ни ступишь — по щиколотку или по колено.

Неподалеку от моста, на всхолмье, взметнулась деревянная вышка с бурильным станком. Рабочая бригада опускала зонд. Через несколько дней тут будет установлен электромотор. Он достанет подземную воду и погонит ее по каналам и оросителям на ближние плантации хлопка и огороды.

К нам подошел чернявый молодой человек в белом плаще, без кепи. В противоположность по-сельски неторопливому

председателю был он весь энергия, движение.

— Познакомьтесь, — сказал Петров, — Борислав Крыстев, наш агроном, прибыл в кооператив два дня назад из машинно-тракторной станции на постоянную работу. Первый специалист с высшим образованием в Чубре от сотворения мира!

— Лет через пять агрономов в Чубре станет в десять раз больше.

— А покамест, Борислав, тебе за десятерых работать придется.

…На восточных склонах косогора раскинулись виноградники. По каштановому полотну земли куртинками пестрели соломенные шляпы мужчин, белые и цветастые косынки женщин и девушек. Кооператоры подрезали лозу.

Близ проселка работало звено Хюсеина Хасанова. Оно сформировано 14 февраля, в день «Трифона-зарезана», когда виноградари, по обычаю прадедов, отмечают свой праздник, символически режут лозу и поливают ее вином, не обнося, конечно, и себя. Половина членов звена — новые кооператоры, среди них был и мой знакомый Васил Ганев.

Мужчины, не разгибая спины, быстро орудовали кривыми ножами-пилами, аккуратно складывая пучки срезанных прутьев, и живо перебрасывались короткими фразами. Поздоровавшись с агрономом, Васил Ганев лукаво усмехнулся и сказал:

— Консультация требуется, другарю[22] Крыстев. Как ты посоветуешь обрезать вот этот куст?

Виноградари, как по команде, выпрямились и потянулись к «месту происшествия». Каждый понимал, что сейчас будет не консультация, а экзамен.

Крыстев тоже великолепно сознавал это, но не подал и виду. Он достал из кармана свой нож-пилу и, действуя им, как хороший жонглер, за несколько секунд обрезал куст. Потом, поймав на стальное лезвие солнечного зайчика, будто невзначай сказал:

— От отца в наследство ножичек достался!..

На лицах кооператоров засветились довольные улыбки: «Агроном — крестьянский сын, человек от земли, не только, знать, в теории силен!»

На правом крыле рассредоточенной цепочки виноградарей рысцой семенил от куста к кусту седой, чисто выбритый и подобранный человек. Агроном подошел к нему, присмотрелся, как тот режет лозу, и окликнул:

— Дядо,[23] неправильно делаешь!

Виноградарь поднял голову и не то чтобы удивленно, а совершенно оторопев, посмотрел на Крыстева. Через мгновение, словно опомнившись, спокойно проговорил:

— Сыне, мне скоро стукнет семьдесят. Я ведь в Сунгурларской долине родился!

— Ты, дядо, не обижайся!.. На этом кусте надо оставить пять лозин, а прочие подрезать. С таким расчетом, чтобы на каждую лозину приходилось по два глазка. А ты оставил десять лозин!

— Так ежели мы, сыне, оставим десять лозин, то осенью снимем с этого куста четыре килограмма гроздей, а ежели пять, то от силы два с половиной!

— Правильно, дядо. При десяти лозинах нынешней осенью мы действительно получим с этого куста четыре килограмма, но через десять лет на нем горсть сухих листьев снимем, а гроздей не будет. Прежде крестьяне именно таким образом и подрезали: каждый норовил взять от земли и от лозы все, что они могут дать сейчас, и вперед не заглядывал. Оттого виноградники быстро истощались, сборы гроздей катастрофически падали. Другое дело в кооперативе. Мы должны смотреть вперед, не эксплуатировать виноградники хищнически, на будущее обеспечивать высокие, все возрастающие сборы. Ты, дядо, давно ли в кооперативе?

— Месяц, — примирительно сказал старик. — Будем знакомы, сыне. Я Колю Димитров. Вместе со своими сынами вступил — Димитром и Раю. Сыны говорят: «На покой тебе, татко, пора, прокормим, мол». А мне дома не сидится. Всю жизнь в борозде. Да и силенка есть еще, могу быть полезным обществу!

— Значит, решился на старости лет перейти на рельсы новой жизни?

— А чего ж, сыне, не перейти на эти рельсы, ежели они прочней да прямей?

— Убедился, дядо Колю?

— Собственными глазами и внутренностями убедился. Мой одногодок бай Петко в кооперативе с самого основания. Я ем черный хлеб, а он белый, я в царвулях[24] хожу, а он сапоги справил, костюм из тонкой шерсти, радиоприемник в магазине купил — все на собственные заработки в кооперативе!

— Всколыхнулось село, — медленно проговорил агроном, задумчиво глядя в бесконечную синюю даль родных полей и гор. Потом, повернувшись к председателю, весело добавил:

— Читал, бай Штилян, сегодня в газете: только по одному нашему Бургасскому округу за два месяца тысяча новых хозяйств вступила в кооператив!..

Председатель кооператива с волнением сказал:

— Середняк валом пошел!

…Была весна 1955 года. На болгарской земле зацветали сады.

1955 г.

Эдельвейсы

Это случилось в самый канун Нового года. Я возвращался из командировки. До Софии оставалось 70 километров, до первой минуты 1 января — семь часов.

Каждый семейный человек поймет, какие чувства владели мною. Дома был накрыт праздничный стол, и сын, путая все славянские языки, допытывался у матери:

— Зашто до сих пор няма татко?[25]

Шофера, Лазаря Крыстева, кроме жены и сына, ждала любимая дочь.

Нам предстояло одолеть еще один горный перевал, от которого до Софии было рукой подать. Машина легко карабкалась в гору. С каждым километром в настроении также отмечался определенный подъем. И я, подладившись к гулкому рокоту мотора, начал напевать что-то очень оптимистическое, вроде: «Эх, как бы дожить бы до свадьбы-женитьбы».

Вдруг в вечерней тишине разразился оглушительный грохот… Заскрежетали тормоза. «Победа» содрогнулась и застыла на месте, будто вкопанная. Песня, само собой разумеется, оборвалась на полуслове. «Обвал? Землетрясение?» — молниями мелькнули догадки.

Скоро ухо стало улавливать характерный рев падающей воды.

Стряслось такое, чего нельзя было предвидеть, уезжая в командировку. Теплый ветер и дождь растопили снежный наст балканской вершины, и миллионы тонн воды хлынули вниз, прорыв русло поперек шоссе.

Спереди — бешеный поток пены, брызг и камней, справа — отвесные скалы, слева — пропасть. Не объедешь, не обойдешь. А окольный путь только через вершину Столетова, через Шипку — крюк в полтысячи километров, да и перевал покруче.

— Эх! — тяжко вздохнул Лазар. — Положение… международное!

— Все встретят Новый год по-человечески! А мы?!

— Могло и с нами не случиться такого, будь уходящий год високосным. Тогда бы у нас лишний день в резерве оставался!

— Да ты юнак, Лазар! Не падаешь духом даже в безвыходном положении!..

— А какой резон падать?! Я расскажу тебе случай из своей жизни, и ты многое поймешь… Дело было в Сливенском каземате. В нашей камере лежало тридцать человек. (Болгары говорят «лежать в тюрьме», а не «сидеть».) Все мы ждали суда. Поганое это занятие. Сроки, правда, нас не интересовали. Лишь

бы не расстрел. А десять или пятнадцать лет дадут — разницы никакой: все одно через год-полтора придут советские братушки и освободят. Но было два наших товарища, у которых никакой надежды не оставалось. Один — я его не виню: человек есть человек — пал духом, замкнулся. Другой вел себя, как будто ничего не случилось: проводил с нами, молодыми, беседы по истории партии, даже пел.

Как-то на прогулке в тюремном дворе я спросил его: «Откуда, бай Иван, у тебя такая воля?» А он грустно улыбнулся и ответил: «Воли, парень, у меня нет. Если бы она была, то я застрелился бы, когда меня схватили. А сознание имеется. Рассуди сам. Вы вот на меня смотрите и думаете: не сегодня-завтра человека расстреляют, а он не сдается, живет; значит, убежден, что правильно жил, что боролся за правое дело. И еще крепче поверите в наше дело. Крепче поверите — быстрее победите. А когда меня поведут на расстрел, я, парень, выдержу, глазом не сморгну. Пусть почувствуют убийцы своими заячьими душонками, какая у нас сила, пусть они задрожат, ежели у них есть капля разума, чтобы представить расплату за нашу кровь!..» И закончил он просто, с той же своею тихой, грустной улыбкой: «Главное, парень, никогда не падай духом!» Вроде бы наказ мне такой дал!

Долго ль, коротко ль, вглядываясь в гранитную мглу, мы слушали могучий рев потока, видели за ним недоступные нам праздничные столы и попеременно обращались с монологами по адресу «свободной стихии». Но в конце концов делать было нечего, вернулись. Решили встретить Новый год в ближайшем околийском центре — небольшом городке, известном тем, что через него во время о́но прошел Филипп Македонский, которому принадлежит историческая фраза: «Из всех войн, которые я вел, самая трудная была с моей супругой Олимпией».

— А может быть, этот самый Филипп Македонский тоже тут встречал Новый год, — предположил в раздумье Лазар.

В этом городке был у меня знакомый — секретарь околийского комитета партии. Мы с ним довольно часто встречались в Софии, ездили как-то вместе в земледельческий кооператив и один раз, по случаю, даже предприняли туристскую вылазку на гору Пирин. Знал я о Пенчо — так зовут этого человека — то, что он коммунист с 1940 года, что около трех лет партизанил в Балканах, что дважды фашистские власти приговаривали его к смертной казни, от которой его чудом спасли товарищи. О своей личной жизни Пенчо никогда не говорил, и я, разумеется, его не спрашивал.

Со временем у меня сложилось о Пенчо мнение, что это тот

тип коммуниста, который отдал всего себя до последнего биения сердца общему делу. Одна у него была человеческая слабость: любил эдельвейсы — вечные цветы заоблачных горных вершин. Из-за них он ходил на Пирин.

И вот передо мною встала альтернатива: позвонить ему или не звонить. Больше склонен я был к последнему: человек, безусловно, встречает Новый год в кругу друзей, с которыми я не знаком. «Незваный гость хуже татарина». Но Лазар, ссылаясь на болгарские обычаи и нравы, убедил меня в обратном. Я снял телефонную трубку.

…Хозяин встретил нас у ворот, сдавил в богатырских объятиях и, что называется, внес на крыльцо.

— Вы, как нельзя, вовремя! — весело проскандировал он своим баритоном. — У Славчо несколько часов назад был перелом. Сейчас температура спа́ла… Все в порядке. Но я решил никуда не ходить, встретить Новый год с ним!..

Я ничего толком не понимал. Кто такой Славчо? О каком переломе идет речь? Но распытывать не стал: все само собою разъяснится.

Пенчо провел нас в гостиную, а сам, извинившись, куда-то вышел. Обстановка гостиной с первого взгляда показалась мне немного строгой, соответствующей рабочему кабинету: письменный стол, диван, четыре кресла. На стене в простенькой оправе висела картина — зимний пейзаж Балкан.

Я еще раз осмотрелся и увидел в углу портрет молодой женщины с широким, как крылья птицы, размахом бровей и большими черными глазами. Писал портрет, без сомнения, не мастер кисти, но глаза женщины казались живыми. И я подумал, что любовь водила рукой художника. Под портретом стояла ваза с букетом эдельвейсов, отливающих призрачным желто-золотистым цветом далеких звезд.

Дверь из гостиной в соседнюю комнату была полуоткрыта. Там, в глубине, светилась новогодняя елка, а за нею была видна кроватка, завешенная белым пологом. Я любовался елочными украшениями, как вдруг заметил, что один край полога дрогнул и приподнялся. Изнутри высунулась вихрастая головка мальчика 12—13 лет, вылитая копия женского портрета, висевшего на стене.

— Здравствуйте, дяди, — проговорил он слабым голосом, в котором прорвалась одна баритонистая нотка. Лицо мальчика было бледным, отчего черные глаза казались еще бо́льшими, чем у женщины на портрете.

— Ты Славчо? — спросил я.

— Славчо, — охотно ответил мальчик. — У меня было

воспаление легких. Но сегодня я уже не больной… Не вовремя простудился. Как раз конец четверти. По алгебре кубические корни объясняла учительница. Но ничего, я за каникулы догоню ребят. Хорошо, что вы пришли. Папе будет весело. Его бай Ганю и тетя Стояна приглашали сегодня. А он не пошел. Из-за меня, конечно. Со мной могла бы посидеть тетя Златка. Вы ее не знаете? Это наша няня. Да папа ее отпустил. Говорит, идите, встречайте Новый год в кругу своей семьи, а я со Славчо сам посижу. Она пирогов напекла нам, поросенка приготовила. Лучше тети Златки никто пирогов не умеет печь!..

Я слушал мальчика и кое-что начинал понимать. То, что он сын женщины, с которой писан портрет, в этом не могло быть никакого сомнения. Между тем Славчо ни разу не упомянул слова «мама». Значит… Спрашивать у мальчика было по меньшей мере нелепо.

Скрипнула дверь. Вошел Пенчо, раскрасневшийся, возбужденный, со свертком под мышкой.

Заглянув в спальню, он расплылся в блаженной улыбке.

— Вижу, что вы уже познакомились. Ну, добро!..

Он глянул на часы, состроил смешную, страшно удивленную мину и сказал, обращаясь к Славчо:

— Тебе, сынок, спать пора. Пора, пора! Поздравь нас с наступающим Новым годом. И спать. Нельзя переутомляться. Ты еще болен!

Мы пожелали нашему юному другу здоровья, счастья, успехов в учебе, а отец, поцеловав его, закрыл кроватку пологом.

Было десять часов. Общими усилиями мы стали сервировать стол. Хозяин не в пример нам оказался заправским официантом.

В одиннадцать часов по местному и в двенадцать часов по московскому времени Пенчо предоставил мне слово. Я поднял тост за Родину, за наши семьи, за друзей!

И разговор перенесся на ту северную параллель, где стоит Москва. Хозяин и расспрашивал меня и рассказывал. Он дважды бывал в Москве и полюбил ее любовью русского.

Выпили за болгарский Новый год. Посидели. Вспомнили общих знакомых.

Пенчо снял с руки часы и положил их возле себя на стол. Я глянул на свои — без четверти час. Хозяин наполнил бокалы. Потом он поднялся, устремил взор куда-то вдаль. Помолчав, проговорил просто и торжественно:

— Я поднимаю эту чашу в память матери Славчо — Надежды, славной партизанки и чудесной дочери болгарского народа. В этот час 1 января 1944 года ее повесили фашисты.

Спустя несколько минут я сказал:

— Славчо — вылитая мать!..

— Похож. Но у него многое от отца. Так говорила Надежда. Я ведь его отца не знаю. Он вместе с Надеждой сражался в другом партизанском отряде, на Риле. Во время одного из боев их отряд был наголову разгромлен. Погиб и Димитр — отец Славчо. Надежда две недели скрывалась в горах, пока случайно не натолкнулась на нас. Я нашел ее тогда в лесу. Она была почти что без сознания. И держала в одной руке автомат, а в другой — букет эдельвейсов. Не знаю, почему!

— Славчо — приемный?!

— Да. Но он этого пока не знает. Я ему скажу после, когда вырастет и станет на ноги. Может быть, это с моей стороны неправильно. Но так лучше. Пусть видит, что у него есть отец. Ребенок должен иметь кого-то очень родного!..

И на мужественном лице хозяина засветилась улыбка, нежная и душевная. Она показалась мне отсветом внутреннего неугасающего огня, горящего в этом человеке.

— А сын хороший у меня растет, — проговорил Пенчо таким же нежным и душевным голосом. — Весь в мать, и, наверное, действительно, у него многое от отца!..

Я не стал больше спрашивать Пенчо ни о чем, что касалось его семьи. Но когда в ту новогоднюю ночь мы с ним прощались, он как будто нечаянно обронил:

— Она была гораздо красивей, чем на портрете. Она была достойна кисти Рафаэля. Но глаза — такие у нее были. Я их рисовал с глаз Славчо!..

Я по-прежнему встречаюсь с Пенчо. И очень часто думаю о нем. Почему-то он представляется мне всегда таким, каким я видел его на Пирине — с букетом эдельвейсов в руках. Может быть, потому, что вся жизнь этого человека красива и чиста, как бессмертный цветок гор.

1955 г.

Живые ключи

Село ютилось у большой дороги. С четырех сторон его обступал дремучий лес. За околицей, в лощине, поросшей малахитовым разнотравьем, били из-под земли родники. В летний зной путник, приникая жаждущими губами к чистому, студеному источнику, благословлял этот чудесный уголок природы. И само село люди назвали Горски Извор, что значит Лесной Ключ.

Вдоль дороги стояли четыре корчмы: «Семейное счастье», «Глубокая тень», «Встреча друзей» и «Спящая красавица». Бойкими вывесками корчмари наперебой зазывали проезжих, местных крестьян, дурманили их сивухой и обирали. В соседстве со «Спящей красавицей» разместилась церковь. Отец Варлампий, бравший с бедняка за крещение новорожденного последнего петуха, по воскресеньям вещал с алтаря после похмелья проповеди о бренности всего земного, сулил мирянам за их покорность и смирение судьбе царствие небесное и вечное блаженство на том свете.

Церковная летопись кратко и бесстрастно повествует о стихийных бедствиях в Горском Изворе, «ниспосланных божьей карой». «Сей год случился недород…» «Сей год падеж на скот…» В одно из таких недородных лет приезжий купец сторговал за бесценок у общества лесное урочище. Как говорит болгарская пословица, богач-чорбаджия купил у бедняка коня за курицу. Поп по сему случаю отслужил молебен, а корчмари и староста погасили крестьянские долги и недоимки… Зазвенели вскоре пилы, застучали топоры. С шумом валились наземь вековые ясени и тополи, которым «по пояс» была церковная маковка. К следующей осени село очутилось словно бы на ладони; кругом, до самого горизонта, ни деревца, ни кустика. Загуляли по открытой равнине ветры, песком и серой пылью занесли ложбину и насыпали сухой холм над родниками за околицей.

Земля тощала, крестьянин разорялся, продавал лошадь, закладывал в казну свой надел и шел батрачить. В недрах земледельческого пролетариата закипал классовый протест.

Победа Великого Октября в России прогремела на Балканах призывным набатом. В 1918 году в Горском Изворе возникает коммунистическая ячейка. Коммунисты организуют сельское читалище, развертывают среди крестьян просветительную работу, сплачивают актив, легально действовавший под названием «Общество воздержателей». В сентябрьские дни двадцать третьего года фашисты осуждают на смерть вожака сельских коммунистов

Желю Дякова. На место павшего отважного борца за свободу встают трое его сыновей.

Тысячи юнаков собираются под красное знамя отцов и успешно доносят его до победного Дня свободы — 9 сентября 1944 года.

* * *

…Свинцовая гладь шоссейной дороги врезается в зеленое село. По обе стороны, расступившись, стоят новые кирпичные дома с полуподвалами и верандами, увитыми плющом и виноградной лозой.

Воскресный день. На улицах людно. Веселой гурьбой направляются за околицу парни и девушки. Чинно прохаживаются об руку с женами в сопровождении неугомонной детворы отцы семейств. Кооператив вовремя справился со всеми полевыми работами, и село отдыхает. Заняты только животноводы да строители.

Председатель кооператива Райко Илчев, крестьянин лет сорока, крупной кости, с утра обошел фермы, заглянул в правление. Хозяйское сердце не знает ни покоя, ни праздников. Собрался он было сесть за бумаги, как открылась дверь, и на пороге, упираясь черною шевелюрой в самую притолоку, встал Христо Желев — один из трех сыновей расстрелянного фашистами Желю Дякова, а за ним еще несколько человек. Секретарь парторганизации кооператива, Желю учится на курсах переподготовки бухгалтеров в Пловдиве и вот взял «на денек увольнительную проведать свое хозяйство».

— Здравей, бай Райко!

— Привет, Христо. Ба, да ты не один! Земляков, питомцев наших, привел… Здравейте, другари!..

Илчев горячо трясет руки солидному, осанистому полковнику Тодору Желеву и худощавому «интеллигентного вида» юноше Ангелу Иванову, студенту Софийского экономического института.

— Давненько вы не наведывали Горски Извор. Пожалуй, теперь заблудитесь в родном селе. Что ж, пойдемте, мы с Христо покажем вам наши новые тропинки, проспекты и площади. Айда, будущий генерал и завтрашний инженер!..

Они медленно двинулись по улицам, поминутно останавливаясь и отвечая на приветствия встречных односельчан. Миновали просторный двор школы имени Кирилла и Мефодия, полюбовались рядами молодого сада, заботливо возделанного руками юннатов, вышли к большому новому зданию контрольно-

семенной лаборатории. Штукатуры и кровельщики еще только заканчивали наружную отделку, а внутри уже были размещены экспонаты, виднелись стенды, приборы. Гостей встретил русоволосый парень, агроном Никола Ванчев.

— С новосельем, Никола, — приветствовал агронома Илчев. — Что отстаешь от молодежи?.. Почему не на вылазке?..

— У меня, бай Райко, в четыре часа лекция для кооператоров по радиотрансляции. Регламент — двадцать минут, а материала минимум на два часа. Муки творчества. Тема серьезная: «Наш кооператив накануне своего десятилетия». И того нельзя упустить и другого. Во-первых, думаю сказать, как механизация перевернула все старые представления о потолке урожайности. Когда под хлопок пахали ралом, собирали по тридцать килограммов с декара, а теперь при глубокой тракторной вспашке на хорошем агрофоне — по 150.

— Два миллиона двести тысяч левов дохода только от хлопка имеем, — вставил бухгалтер Желев. — Двадцать девять кооператоров-хлопкоробов — лауреаты Димитровской премии.

— Во-вторых, агрономическая наука, — продолжал Ванчев, — сортоиспытание и проблемы селекции. Почему на опытных участках кооператив снимает по 350—600 килограммов пшеницы с декара, а в полях севооборотов — по 150—200? Отсюда — вопрос неиспользованных резервов!..

— На животноводстве заостри внимание, — заметил председатель. — Успехи, конечно, есть. Две с половиною тысячи литров надоя от коровы — это прогресс. Но ты говори о наших недостатках. Когда я был в Москве и на Кубани… Ну, садитесь, хлопцы: я в двадцать минут не уложусь!..

И Райко Илчев — в какой уже раз! — но так же увлеченно, как впервые, рассказывает друзьям о своей поездке в Советский Союз, о кубанских нивах и отарах, о подмосковных животноводах, о том, что в его родном кооперативе имени Василя Коларова все построено по образцу и подобию колхозов Курганского района, Краснодарского края.

Хозяева и гости побывали на скотных дворах, в новых, каменных помещениях ферм и вышли на центральную площадь, где напротив памятника жертвам Балканской войны — скульптуры женщины с младенцем на руках — сверкает мраморною белизной двухэтажное здание народного читалища. Строители закончили и сдали его к великому празднику — 7 ноября.

Полковник и студент по старой крестьянской привычке только языком прищелкивали от изумления и восторга. Нет, они не поверили бы прежде, чем смогли убедиться своими глазами,

что этот просторный зал с балконом, эти 500 бархатных кресел, театральная сцена с оркестром, эти комнаты для занятий кружков самодеятельности и библиотека, что этот истинный Дворец культуры находится в их селе.

— А теперь, дорогие друзья, — сказал Илчев, — мы, пожалуй, захватим с собой приготовленные моей хозяйкой плоды кооперативного труда и — за околицу, на лоно природы. Устроим праздничную трапезу и еще кое-чем похвалимся!

…Райко Илчев, Христо и Тодор Желевы, Ангел Иванов сидели со своими женами на цветном рядне, вокруг белотканой скатерти, уставленной вареной и жареной снедью, овощами, виноградом. Над ними шумел осенней листвой молодой парк. А в лощине, заросшей густой отавой, искрился на солнце серебряный эллипс пруда. Там могучий работяга-бульдозер ровнял высокую земляную насыпь.

— Воды маловато, — проговорил председатель. — А к весне будет двести пятьдесят тысяч кубометров. Вон до тех ясеней уровень в язовире поднимется. Рассчитываем на талые воды. Но основной гарантийный резерв — ключи… Они, оказывается, живы!..

Несколько десятков лет ключи, занесенные песком и пылью, дремали под спудом. Кооператоры сняли наносный слой, вырыли котлован, и студеная вода заполнила дно сухой чаши. Она отразила, словно зеркало, синее небо, молодую поросль деревьев и счастливые улыбки юноши и девушки, заглядевшихся на вечерней заре в манящую даль.

Ключи неустанно бьют из-под земли. Они заполняют язовир, а из него будущим летом вода пойдет по канавам на огороды, на хлопковые плантации.

…Веками дремали под спудом подавленные и скованные угнетателями живые ключи сил и творчества трудовых людей Болгарии. Народная власть открыла их и направила на службу народу. И они преображают лицо родной земли.

1956 г.

Факел, горящий столетие

На центральной площади города Свиштова, раскинувшегося вдоль правого берега Дуная, возвышается красивое двухэтажное здание в славянском стиле. Глядишь на строгие и легкие линии его фасада и чувствуешь, что строители — от архитектора до каменщика — вложили в его стены не только свой талант, но и свою душу.

Здание это священно для каждого болгарина. С ним связана одна из светлых страниц нации.

Сто лет тому назад, в январе 1856 года, в Свиштове было основано первое народное читалище. Читалище — самобытное болгарское явление. Это народный Дом культуры и просвещения с библиотекой, читальней, лекторием, театром.

Первое читалище народилось в городе, называвшемся «воротами на Балканы». Тут скрещивались торговые артерии Европы, сюда приезжали заморские купцы. Пограничное местоположение Свиштова, близость к России, куда были обращены взоры всего болгарского народа, превратило его в один из центров революционной борьбы, привлекало сюда видных деятелей болгарского Возрождения.

Основателями свиштовского читалища были народные учителя — болгарин Эммануил Васкидович и русский Георгий Владыкин, а также их ученики Димитр Начович и Христаки Филчев, по профессии коммерсанты. Эммануил Васкидович, воспитанник эллинского училища в Южной Болгарии, с юных лет посвятил себя просвещению соотечественников. Переселившись в 1815 году в Свиштов, он стал учителем одной из первых светских школ в Болгарии. Под его духовным влиянием выросла плеяда борцов за национальное освобождение, людей бесконечно преданных родине.

Другом и соратником Васкидовича был Георгий Владыкин, офицер армии Дибича-Забалканского, осевший здесь после русско-турецкой войны 1828—29 годов. В анналах свиштовской летописи он чаще всего фигурирует под именем «Даскал Георги Казака», что значит «Учитель Георгий — Казак». В те времена русских солдат называли не иначе, как казаками, отсюда и прозвище, ставшее его второй фамилией. Человек этот обладал большими дарованиями. Современники его характеризовали как энциклопедиста. Всесторонне образованный в гуманитарных науках, он в то же время был портным, сапожником, краснодеревщиком, камнерезом, часовщиком, живописцем и владел всеми этими ремеслами мастерски.

В дружбе двух незаурядных личностей — болгарина и русского — и в их совместной просветительной деятельности сказалось кровное родство двух братских славянских народов и историческое тяготение возрождающейся болгарской нации к великой русской культуре.

Идея создания читалища принадлежала выдающемуся болгарскому революционеру-демократу Георгию Саве Раковскому, который не раз останавливался в городе на пути через Дунай. «Бороться за свободу мечом, пером и словом, острыми, как меч!» — таков был его девиз.

Нынешний председатель свиштовского читалища Иван Гунев — старый учитель, почетный гражданин своего города. Он показывает мне бережно сохраняемые листы первого рукописного устава читалища и изображение его печати. В центре печати — раскрытая книга, страницы которой залиты яркими лучами горящего факела.

По кругу — надпись на церковнославянском языке с явным влиянием русской грамматики 19-го века: «Печать народнаго читалища в Свищовъ. 1856».

И мне кажется, что отсвет этого факела отразился на вдохновенном лице старого учителя, напоминающем своими чертами портрет древнего летописца с его проницательными глазами, которые словно бы устремлены в даль веков.

— С самого начала своего существования, — повествует Гунев, — читалище развернуло широкую культурно-просветительную деятельность. Уже в 1857 году оно издает букварь-грамматику, один из первых болгарских учебников. Авторами этой книги были Эммануил Васкидович и Георгий Владыкин. Читалище скоро распространило свое влияние на всю округу: оно несло книгу под крышу каждой крестьянской избушки, открывало школы для народа, назначало учителей и платило им за труд, выдавало пособия сиротам и детям из бедных семейств, чтобы они могли учиться, — словом, сеяло «разумное, доброе, вечное».

При читалище существовал самодеятельный театр, на сцене которого впервые, вопреки укоренившимся турецким обычаям, выступали также женщины. В музее имеется портрет первой свиштовской актрисы Аники Такевой. Декорации к спектаклям рисовал замечательный художник эпохи болгарского Возрождения Николай Павлович. Читалище существовало исключительно на добровольные пожертвования населения. Значительный денежный вклад внесло в его фонд русское генеральное консульство, находившееся в городе Русе.

Пламя факела, зажженного болгарскими патриотами в

Свиштове, перекинулось в другие концы порабощенной страны. В том же 1856 году создаются читалища в Ломе и Шумене, а немногим позже, с подъемом революционно-освободительного движения, в десятках городов и сел страны.

Перелистав документы, относящиеся к зарождению читалища и его первоначальной деятельности, Иван Гунев «дипломатически» осведомился, располагаю ли я свободным временем, и тут же предложил:

— Прежде чем перейти к современности, я хотел бы познакомить вас с живым свидетелем и активным работником читалищного дела в прошлом — старейшей гражданкой Свиштова девяностодвухлетней Кицей Хаджиденковой. Род Хаджиденковых издавна был известен своим прогрессивным духом. Отец Кицы — Цвятко Радославов состоял в дружбе с Георгием Савой Раковским и не раз укрывал его в своем доме от глаз и ушей турецких заптий!..[26]

И вот я в небольшой горнице дома Хаджиденковых, уставленной мебелью вековой давности. У горящего камина сидит старушка с умными светлыми очами. На письменном столе — груда книг в старых кожаных переплетах с золотым тиснением. Тут книги на болгарском, русском, английском, французском языках. В красном углу среди многочисленных фамильных портретов и фотографий — картина, принадлежащая кисти художника Николая Павловича, на которой изображена девушка-подросток, писаная красавица славянского типа. Это Кица Радославова Хаджиденкова, рисованная 80 лет назад, в год вступления в Свиштов русских освободителей.

— Как сейчас помню эти дни, полные надежд и счастья, — говорит Кица Хаджиденкова, и ее голос звучит, как тихий верховой ветер в кронах дремучих вековых сосен. — Под вечер все наше семейство из окна с глубоким волнением следило за движением русских воинских частей на румынском берегу. Всю ночь никто не сомкнул век, и как только над рекой забрезжила заря, мы снова кинулись к окну. И сердца наши замерли: русских не было, они снялись с лагеря и ушли. Однако, как потом выяснилось, то был маневр. Спустя несколько часов западнее Свиштова разразилась канонада, и турки стали покидать город. Им уже было не до грабежа и не до бесчинств. Каждый только и думал о том, как спасти свою шкуру… Но какой-то башибузук, случайно приметив в окошке вот это сияющее личико, — старушка кивнула в сторону портрета девушки-подростка, словно бы говорила не о себе, а о ком-то другом, — поднял ружье и выстрелил. Стекла посыпались мне на косы, на платье. Через мгновение грянул второй выстрел. Снова зазвенели, падая,

стекла. И я, не успев еще испугаться, увидела, как тот самый турок неестественно взмахнул руками, уронил ружье и рухнул под ноги коня. Это стрелял в него мой отец. Через стекло — и не промахнулся. Мать кинулась ко мне: жива ли, невредима, потом утащила меня за косу в подполье.

К обеду все население вышло на улицы с цветами, хоругвями и русскими флагами встречать долгожданных освободителей. Мне выпало счастье преподнести традиционную славянскую хлеб-соль самому генералу Скобелеву… Не забыть, пока жива, его теплого отеческого поцелуя… Генералы Скобелев и Драгомиров остались на ночлег в доме моего отца, о котором они слышали в России, как о верном родолюбце.[27] Мужчины, чтобы привести себя в порядок с дороги, закрылись в своей половине и появились только к ужину. Отец на радостях не смог мне отказать в удовольствии сесть за общий стол. Я чувствовала себя на седьмом небе… И, чего греха таить, не могла оторвать глаз от генерала, будущего героя Плевны, Шипки и Шейново, тридцатичетырехлетнего Скобелева с большой, распушенной бородою патриарха.

Говорили больше на русском. По временам переходили на французский. Но Скобелев настойчиво возвращался к родному языку. Помню, он сказал: «Мы славяне, язык наш обилен выразительными словами и глубокой мудростью, посему нам и бог велел объясняться на славянском наречии!» А ведь он в совершенстве владел шестью или семью языками. Больше всего нас поразило, когда генерал встал и провозгласил тост на болгарском языке. Только что вступив на нашу землю, он где-то услышал и запомнил несколько фраз… То был шуточный тост «за героиню дня». Очевидно, между делом отец рассказал русским генералам о случае со стрелявшим в меня турком. «За первое боевое крещение болгарской Жанны д'Арк! — сказал Скобелев, поклонившись, и добавил: — Запомните на будущее, что смелого пуля не берет!» Да, он на своем белом коне всегда был впереди, в самом пекле сражения, и его, действительно, пуля не брала!..

Старушка умолкла, углубившись в воспоминания.

— Так вы спрашиваете о нашем читалище? Как же! С девичества вечно там пропадала. Чаще, чем в церковь, ходила. Это было место сбора молодежи, наша библиотека, наш театр. Там устраивали мы вечера. Я со своими подругами участвовала в театральном коллективе и в певческом хоре. Старшее поколение деятелей читалища научило нас любить книгу, с которой я не расстаюсь до сих пор ни на один день. У нас была замечательная библиотека, половину которой занимали книги на русском языке. Тут я впервые познакомилась с Пушкиным, Лермонтовым,

Гоголем, Карамзиным, тут я познала и навек полюбила вашего замечательного сердцеведа — Ивана Сергеевича Тургенева!

И как будто стряхнув на минуту со своих плеч тяжкую ношу лет, Кица Хаджиденкова порывисто поднялась с кресла, подошла к книжному шкафу и достала с полки томик романа «Накануне».

— Тургеневские Елена и Инсаров были любимыми образами нашего поколения, — задумчиво проговорила свидетельница давних десятилетий.

* * *

История народных читалищ Болгарии тесно и неразрывно связана с героической борьбой народа. В эпоху Возрождения они развиваются как истинные массовые культурно-просветительные организации, как крупные центры демократической деятельности в стране. Читалища уже тогда стали очагами просвещения, светильниками прогрессивной человеческой мысли, рассадниками горячей любви к свободе. В их стенах воспитывались беспредельно преданные своей родине революционеры.

В годину капитализма и фашистской диктатуры народные читалища, сохраняя старые демократические и революционные традиции, вели активную борьбу против мракобесия и тьмы. Под руководством коммунистической партии в них сплачивала свои силы прогрессивная интеллигенция. Здесь формировались взгляды и убеждения будущих партизан-антифашистов. Под сенью читалищ организовывались первые ячейки рабочего союза молодежи — родного брата комсомола. Во все времена своего существования читалища шли рука об руку, плечом к плечу с народом — в его бедствиях и страданиях, в грозовые дни его революционной борьбы, в его победах и радостях.

Своего настоящего расцвета читалища достигли в новой, народно-демократической Болгарии. Ныне им принадлежит огромная роль в социалистическом воспитании и культурном подъеме трудящихся, особенно молодежи, в совершаемой в стране культурной революции, в борьбе за создание новой культуры — национальной по форме и социалистической по содержанию. Они превратились в культурно-просветительные и агитационные пункты Отечественного фронта, стали его незаменимой опорой.

В Болгарии почти нет такого села, не говоря уже о городе, где бы не было своего читалища. Коммунистическая партия и народное правительство уделяют большое внимание

строительству очагов культуры. Если до 9 сентября 1944 года их насчитывалось в стране меньше трех тысяч, то теперь — четыре с половиною тысячи.

Здание читалища можно распознать издалека и, конечно, не по вывеске. Это, как правило, дворец в городе и двухэтажное, самое лучшее строение в центре села.

Изменился не только внешний облик, но и содержание деятельности этих очагов света. Более чем в пять раз увеличилось число их членов, в два с лишним раза вырос книжный фонд, насчитывающий в настоящее время более 4 миллионов томов. При читалищах организованы 3 248 театральных коллективов, около 1 800 хоров, 457 оркестров, 1 526 кружков народных песен и танцев. В художественной самодеятельности принимают участие 150 тысяч человек.

К чествованию столетия со дня рождения народных читалищ большую деятельность развернула общественность Свиштова. В канун юбилейной даты здание читалища было значительно расширено и капитально отремонтировано.

* * *

Председатель Иван Гунев ведет меня по светлым, отделанным белоснежным гипсом читальным залам. Их три. Кроме общего, один предназначен для детей, другой — для научных работников. Днем особенно оживлен детский зал, в вечерние часы приходят почитать и позаниматься студенты, рабочие городских предприятий, служащие. К их услугам 25 тысяч томов книг, каталог и консультант.

— Актив читалища, — говорит Гунев, — истинные энтузиасты своего дела. По традиции, заложенной век назад, у нас и сейчас широко развито книгоношество — доставка литературы на дом.

Мы осматриваем малый и большой лектории — комнаты, уставленные рядами красивых кресел, с трибунами, за которыми в канун празднеств, знаменательных дат и по воскресеньям произносятся «сказки», что по-болгарски означает — доклады.

— Наш народ жаден до живого слова. Во время «сказок» свободных мест в читалище не бывает. И это объяснимо. Тут, в стенах народного читалища, всегда говорилась и говорится людям только правда!

Иван Гунев вспоминает, как при фашистской диктатуре он и его коллеги не раз жестоко платились за свои правдивые доклады о Советской России, о замечательной культуре страны

социализма.

В большом лектории читалища состоялась встреча читателей с известным болгарским писателем Димитром Димовым, автором романа «Табак». Для народной интеллигенции нет более почетной трибуны, чем читалище. Так повелось и утвердилось со времен Христо Ботева и Ивана Вазова.

Зал лектория не пустует и по будням. В нем занимается созданная читалищем детская музыкальная школа. Девяносто мальчиков и девочек под руководством опытных преподавателей учатся музыке. А по субботним вечерам здесь собирается литературный кружок — двадцать молодых писателей и поэтов читают и обсуждают свои новые произведения.

Великолепен театральный зал читалища с глубокой сценой и оркестром. Партер и балкон насчитывают полтысячи мест. Всякий год любительский драматический коллектив читалища показывает несколько премьер. В его репертуаре классические, а также современные пьесы болгарских и советских писателей. На сцене выступают песенные и танцевальные ансамбли.

Гунев при каждом случае повторяет, что в Свиштове есть, кроме того, своя библиотека и свой театр, где играют профессиональные артисты, и своя музыкальная школа, что читалище — это особь статья — дело самого народа, его инициатива, его творчество, самобытный национальный институт культуры и просвещения.

Тесными рядами тянутся стеллажи книг. Тут собраны произведения классиков марксизма-ленинизма, лучшие творения художественной литературы всех времен и народов. В библиотеке читалища хранятся рукописное евангелие 13-го века, первый болгарский «Дамаскин» — книга светского содержания, относящаяся к 16-му веку, и другие библиографические редкости. Председатель показывает мне пожелтевшую тетрадку, на обложке которой фиолетовыми чернилами написано: «Свадбата от Николай Гоголь, 1870 г.». Безвестный свиштовский литератор перевел восемьдесят шесть лет назад «Женитьбу» Н. В. Гоголя на болгарский язык. Комедия была поставлена на болгарской сцене.

…От центральной площади Свиштова, где возвышается красивое двухэтажное здание в славянском стиле, путь на Софию лежит по двум широким улицам города. По этим улицам в 1877 году прошли солдаты генералов Скобелева, Драгомирова, Радецкого, вызволившие Болгарию из-под турецкого ига, и в 1944 году — воины маршала Толбухина, освободившие братский болгарский народ из-под гнета фашизма. Эти улицы носят имена Васкидовича и Владыкина — народных учителей, основателей первого болгарского читалища, сеятелей света.

1956 г.

Щедрое солнце

Накатанная проселочная дорога осыпана золотою лунной порошей. До рассвета еще по крайней мере три часа. Вместе с агрономом кооператива «Пятый съезд БКП» Стойче Стойчевым идем на табачные плантации. В чуткой тишине до уха доносятся далекие шаги и голоса людей, скрип телег. Долина уже пробудилась.

Короток ночной сон табаководов в эту пору. Лист нужно снять прежде, чем взойдет солнце и спадет роса. Иначе он потеряет свои драгоценные качества.

Кооператоры с агрономом обмениваются «добрым утром», перебрасываются шутками. Работа спорится бойко. Радуется крестьянская душа, что табак уродил на славу, что земля сторицей оплатила труд.

Женщина в белой косынке, обращаясь к Стойчеву, говорит:

— Мы думаем, что кооператив наберет, пожалуй, сотню тонн табака!

— Не меньше ста пятидесяти, — поправляет агроном.

— Неужто так?! — раздается одновременно десяток восклицаний.

Кооператив сдаст в нынешнем году государству сто пятьдесят тонн лимонно-желтого ароматного «башибали» высшего класса, пользующегося спросом на международном рынке. В общественную кассу поступит от реализации табака два с половиною миллиона левов. Доход с плантации в девяносто гектаров! Хорошие деньги платит государство. А ведь прежде пиринские табачные короли скупали «башибали» за гроши, обирали крестьян, прикарманивая баснословную прибыль… И урожаев таких в помине не бывало: только при кооперативном хозяйствовании появилась возможность соблюдать полный комплекс агротехнических мероприятий, давать земле необходимое количество удобрений, организовать орошение, в лучшие сроки обрабатывать плантации и снимать лист.

Агронома окружают бригадиры и звеньевые. Начинается обычная полевая «пятиминутка», на которой вожаки уточняют порядок дня, вносят коррективы.

Табачные поля разбросаны в разных концах угодий. Стойчев обходит их по заведенному маршруту, не пропуская ни одного. Мало ли вопросов возникает у людей в работе? Они ждут решения.

…Вот блеснул и затрепетал на чистом небосклоне первый солнечный блик. Несколько мгновений — и заря разгорелась, как

костер. Взору открылся сказочный вид. Долина, огражденная со всех сторон горными грядами, лежит, словно чаша огромного озера. От края и до края ее заливает буйная зелень. Вдоль дорог поднимаются в исполинский рост вековые чинары, образуя могучими ветвями тенистые аллеи. По южному склону Беласицы спускаются каштановые рощи, уступая место у подножия хребта черешням.

Дальше, перемежаясь с полосками полей, тянутся виноградники и сады. Меж живописных берегов течет серебряная Струма. Чем ближе к южному барьеру гор, тем стремительнее ее бег. Там, в скалистых ущельях, она пробивает себе путь к Эгейскому морю. Это ущелье называют «воротами весны». Через него в ранние мартовские дни сюда проникают средиземноморские ветры, неся тепло и влагу. И когда в Северной Болгарии еще лежат снега, тут распускаются и зацветают персики, гранаты, айва… Наступает долгое благословенное лето.

— Поспешим в персиковые сады, — предлагает Стойчев. — Там сегодня наша передовая линия. В полночь на станцию прибыл эшелон-холодильник. За двое суток мы должны заполнить его персиками. Отсюда он пойдет по «зеленой улице» на Берлин!

…Ровные ряды деревьев с шаровидными, стрижеными кронами уходят вдаль, смыкаясь и та́я в голубой дымке. Ветви, густо усыпанные крупными плодами, покоятся на подпорах. В междурядьях поднимается по колено сухая ботва земляных орехов.

— Персики в нашей долине, — рассказывает агроном, — культура молодая. Первые насаждения были заложены крестьянами-опытниками в конце тридцатых годов. Когда организовался кооператив — восемь лет назад, — мы имели круглым счетом полтора десятка деревьев. Теперь персиковые сады занимают 170 гектаров, сто из них — плодоносящие. Некоторые экономисты до последнего времени утверждали, что главной и чуть ли не единственной отраслью земледелия, дающей пропитание людям, в петричском окру́ге нужно считать табак. Так-де было, так и будет. Но жизнь опрокинула их «теории». Уже в этом году кооператив возьмет выручку от персиковых садов бо́льшую, чем от табачных плантаций: три миллиона левов! Мы культивируем восемь сортов персика, и они плодоносят «конвейером», с июня по ноябрь — пять месяцев, один сорт за другим!..

В прогалинах меж деревьев там и сям мелькают женщины с корзинами в руках. На полянке, рядом с широкой конной тропой,

высятся штабеля ящиков, заполненных желтыми, с красным румянцем вполбока, сочными плодами.

Стойчев знакомит меня со звеньевой Стойной Костадиновой, женщиной средних лет, в пестром наряде здешних мест, какой ее бабки носили только по праздникам. Прикрывая ладошкой от солнца иссиня-черные, как маслины, глаза, она настойчиво требует у агронома ускорить подачу воды на дальний участок сада, закрепленный за ее звеном.

— К полудню получишь, — обещает Стойчев. — Везде вода нужна. Жарынь смертная: тридцать восемь градусов в тени… Если такие годы и дальше пойдут, придется расширять каналы, увеличивать водный дебит!..

Покамест агроном проверяет на выбор сортность уложенных в ящики персиков, я пользуюсь возможностью поговорить со звеньевой. Опрашиваю, как живется в кооперативе, лучше ли, чем при частном хозяйствовании.

— Ой, нашли что спрашивать! — искренне удивляется моему вопросу Стойна Костадинова. — Скажу вам по-крестьянски: жили мы раньше хуже, чем скотина на кулацком подворье, а в кооперативе людьми стали: едим досыта, имеем чем гостей попотчевать, во что одеться по будням и по праздникам. Обстроились, обстановку завели, у многих имеются сберегательные книжки… Вот подсчитайте: я заработала в прошлом году триста трудодней. По двадцать пять левов на трудодень — получается семь с половиною тысяч! Нынешний год придется до тридцати левов на трудодень. А в табачной монополии капиталист платил нам за шестнадцать часов работы всего лишь полтора лева. Но есть и такое, чего не переведешь на числа и деньги. Это — наше счастье!

Звеньевая добродушно улыбнулась, в глазах мелькнули солнечные искорки.

Я не сожалею, что задал крестьянке наивный, по ее разумению, вопрос. Можно ли сравнивать несравнимое?.. Можно! Ради того, чтобы люди по ту сторону социалистического рубежа услышали немудреные и эпические, как строки истории, слова болгарской крестьянки о счастье. Ради детей этой женщины. Пусть, узнав от матери, каким было ее прошлое, они лучше берегут, понимают и славят свою настоящую жизнь!

От века слыли щедрыми земля и солнце этого края. И от века крестьянин мыкал нужду. Мелкие хозяйства с их карликовыми наделами и примитивными орудиями труда производили продукции меньше, чем ее требуется для пропитания семьи. Земледелие развивалось однобоко. Почти все площади занимались под табак: его можно было легче сбыть.

С первых лет организации кооперативов в Южной Болгарии Коммунистическая партия указала крестьянам верный путь крутого подъема земледелия — развитие интенсивного многоотраслевого хозяйства. Тогда петричане заложили персиковые сады, промышленные насаждения виноградной лозы, оборудовали парники, начали выращивать ранние помидоры и перец, мак, рис, хлопок…

Кооператив снимает ежегодно по два-три урожая почти со всех полей! В садах, кроме того, сеют земляные орехи, ягоды, используя каждую пядь земли. Крепнут общественные животноводческие фермы. За три лета средние надои молока от коровы поднялись с тысячи до четырех тысяч литров. Животноводство, считавшееся прежде невыгодным занятием из-за отсутствия пастбищ, в результате укрепления кормовой базы выходит в ряд ведущих отраслей.

Семь лет назад денежный доход кооператива составлял всего один миллион левов. В нынешнем году он поднялся до десяти миллионов! Если прежде на каждый гектар угодий производилось продукции на 1 300 левов, то теперь это число удесятерилось.

Но даже десятизначными числами не выразишь того, что принесла людям петричского края новая жизнь. Это — счастье! Солнечные его искры светятся в глазах Стойны Костадиновой, Стойчо Стойчева. Оно в каждом сердце!

1956 г.

В недрах Родоп

Громады скалистых гор, очерченные четкими гранями, кажутся гигантскими друзами — группами сросшихся кристаллов. Словно кварцевые глыбы, ослепительно блестят на солнце вершины, покрытые девственно чистым снегом… Малахитом и лазоревым камнем отливают куртинки хвойных лесов.

Серпантин горной дороги круто вьется над пропастью. Где-то внизу, в тесном, тенистом ущелье, кипит и пенится студеная Арда.

Наш спутник — горняк Хайри Хабипов, высокий, плечистый мужчина сорока пяти лет, сохранивший молодую стать и силу. Восточные Родопы — его родная колыбель.

Час назад мы миновали город Смолян, над которым, точно обелиск, возвышается созданная самой природой гранитная скульптурная фигура, именуемая «Невястой».

Хайри рассказывает легенду о «Невясте», слышанную им от дедов.

…Однажды ночью красивая молодая женщина, спасаясь от турок, гнавшихся за ней, чтобы заставить силою переменить православную веру на мусульманскую, бежала с двумя детьми в горы. Пропасть преградила ей путь. Мать, схватив детей, ступила на край скалы, чтобы броситься в бездну, но в это мгновение окаменела, оставшись вечным напоминанием о прошедших тяжелых временах.

Часть населения Родоп все же силою была обращена в мусульманство. Но поработителям не удалось отуречить их жителей, убить душу народа.

Болгары, принявшие коран, называются помаками. В Европе не было более темных, забитых и нищих людей.

…Мы остановились на развилке дороги, у чешмы — водного источника, бьющего из скалы. Напившись, Хайри огляделся гордыми очами горца и, глубоко вздохнув, сказал:

— Жили мы, помаки, как те карликовые сухие березки по трещинам голых скал. Не за что было корню уцепиться!..

Повернувшись вполоборота, он указал рукой на противоположную вершину:

— Видите, под самым гребнем белеют три хижины, будто ласточкины гнезда. Это Койнарци, мой родной поселок. Вот та хижина, что у черной скалы, наша была, хабиповская. Теперь там никто не живет!..

…Три низенькие стены из камня, пристроенные к скале;

пологая глинобитная крыша; маленькое, как в курятнике, оконце, заклеенное промасленной бумагой вместо стекла. Типичная старая горная сакля. Под этой крышей родился и рос Хайри. Близ сакли на горной террасе полгектара расчищенной от валунов земли — надел Хабиповых. Лютые ветры и талые воды уносили и смывали и без того тощий слой почвы. Каждый год отец и сын таскали на себе и возили на горбу ишака, составлявшего все их движимое имущество, плетеные кошелки с землей из ущелья Арды.

Хабиповы, как и другие родопские крестьяне, сеяли табак. Земледелие было обязанностью женщин. Все мужское население поселка спускалось ранней весной в долину на поиски работы. Отец и сын дробили камни, мостили шоссейные дороги. Домой возвращались к зиме. На жалкие гроши, заработанные отходниками и вырученные от продажи табака, покупали кукурузную муку и, покуда ее хватало, ели качамак.[28] Хлеба по месяцам не видели, спали на соломенных циновках, жгли лучину, одевались в домотканую шерсть и овечьи шкуры, вымирали от голодовок и эпидемий…

Так говорил наш спутник, стоя у подножия скалы, у пустого отчего дома и возвращаясь памятью к черным дням, какой была вся его прежняя жизнь.

…Сурова, неприветлива природа, скудна флора и фауна Восточных Родоп. Но недра гор хранят неисчислимые богатства.

О залегании в Родопах полезных ископаемых было известно народам, жившим еще до нашей эры. На протяжении многих веков тут добывали руды фракийцы, затем римляне, а за ними болгары.

В начале нынешнего столетия сюда проникли франко-бельгийские комиссионеры, германские капиталисты. Они хищнически грабили горные недра: при минимальных капиталовложениях старались как можно больше вычерпать полиметаллов. Геологической разведки не было, разрабатывали только самые богатые жилы. Одним словом, действовали как воры, ворвавшиеся в чужой дом, — поспешно хватали что попадется под руку, боясь возвращения хозяина.

И вот хозяин пришел. Болгарский народ вышвырнул за шиворот иноземных поработителей, рачительно, заботливо и разумно начал изучать и разрабатывать кладовые Родоп.

Осенью 1946 года в поселок Мадан прибыла первая геологическая экспедиция. Встречать ее вышли все триста жителей Мадана и его окрестностей. Помаки недоверчиво и с удивлением рассматривали, трогая пальцами, приборы и буровые станки. Когда главный геолог сказал, что экспедиции требуются

рабочие, — женщины, придерживая паранджи, скрывавшие их лица, испуганно обернулись в сторону мечети, у которой в одиночестве, желтый от злобы застыл мулла.

Но Хайри Хабипов знал, с чьего голоса поет мулла. Юношей на строительстве дорог он вступил в Рабочий союз молодежи, потом служил в армии, повидал свет, изучил грамоту и открыл глаза на жизнь. Хабипов первым попросил главного геолога записать его фамилию.

Разведчики недр работали в палящий зной и свирепую стужу, брали керн за керном в грозовые ливни и снежные бураны. Вместе с болгарскими геологами и рабочими шли советские специалисты, приглашенные в помощь народным правительством. Были открыты новые большие залежи руды. Они в несколько десятков раз увеличили промышленные запасы бассейна.

Еще много тайн хранят горделивые Родопы. Много неразгаданных кладов лежит под их каменными глыбами. Ученые твердо заявляют, что древний Родопский массив представляет собой одну из богатейших областей на европейском материке. Народ назвал этот край сокровищ «болгарским Уралом».

Коммунистическая партия и народное правительство развернули грандиозные работы по созданию отечественной сырьевой базы. Страна вкладывает огромные капиталы в проведение исследовательских работ, организацию добычи полезных ископаемых, в экономическое и культурное преобразование Восточных Родоп.

…Там, где десять лет назад геологи пробивались узкой горной тропой, погрузив на спины ишаков приборы и инструмент, теперь во все концы широкими зеркалами рек растеклись шоссейные дороги. В гранитной груди Родоп прорублены десятки окон новых рудников. Над пиками и куполами гор, над пропастями и ущельями протянулись тросы канатных подвесных дорог и электрические провода высокого напряжения. В глухих дебрях, на месте затерянных, словно одинокие шлюпки в штормовом океане, селений выросли большие промышленные центры — Мадан, Рудозем, Страшимир, Бориева и другие. У истоков Арды, в городе Рудоземе, построена мощная флотационная фабрика, которая оснащена первоклассным современным оборудованием советского производства.

* * *

Шоссе, мчавшееся вдоль излучины реки, врезается в горную котловину, поросшую хвойным редколесьем. По серым горным

уступам амфитеатром расположились отливающие меловою белизной двух- и трехэтажные корпуса. Город Мадан. Самый юный город Болгарии, отмеченный на карте лишь в 1953 году.

Горняки своими руками возвели стены его светлых и просторных жилых домов, Дворца культуры, гостиницы, ресторана, больницы и вполне закономерно гордятся своим городом, как родным детищем.

Директор рудоуправления Петр Тамбурджийский после знакомства тотчас же спрашивает:

— Видели город? Понравился? Красавец!

Немного поразмыслив, закруглил свою тираду с еще большим увлечением:

— Впрочем, под землей у нас гораздо больше можно увидеть, чем на поверхности. В Родопах без малого вся таблица Менделеева залегает! Советую спуститься, посмотреть. Но сначала я вас познакомлю с одним из родопских самородков. Айда на рудник «Шаренка»!

…Самородком оказался худощавый степенный человек среднего возраста, обутый в резиновые сапоги и одетый в брезентовую спецовку, в горняцкой каске, из-под которой пушились густые черные брови.

— Хайри Ризов Мустабашев, — представился он.

— По владениям собрался прогуляться? — спросил Тамбурджийский.

— Там всё на глазах. Что не ладится — можно на месте исправить. Словом, легче руководить, чем с земной поверхности!

— Вот и русского друга проведешь по своим магистралям. Но прежде потолкуйте да познакомьтесь поближе!

Хайри — помак, сосед Хайри Хабипова. Тезки ходили одними тропами, жили одними бедами. Вместе с Хабиповым Мустабашев начал новую жизнь рабочим в геологоразведочной экспедиции. Потом они спустились в забой… Нет, не на ветер бросил Тамбурджийский слово «самородок». За пятилетку Мустабашев прошел путь от чернорабочего до начальника рудника. Взять такой подъем под силу только коммунисту, человеку большой воли и таланта.

…Шагая по шпалам узкоколейки, мы вступили в зияющее отверстие штольни. Навстречу пахну́ла струя сквозного ветра. Под буковыми крепями в сумеречную даль протянулась гирлянда электрических огней. Тяжело громыхая, из глубины вынырнул электровоз с эшелоном вагонеток, груженных рудой.

— Дальше нашим солнышком будет ацетиленовая лампа, — сверкнул жемчугом зубов Хайри.

По вертикальному штреку поднялись в забой. Прерывистый

стук перфораторов вначале закладывал уши. Казалось, тысячи пар палочек выбивают дробь по барабанам… с жестяными днищами. Но постепенно все стало на свое место, и я, внимательно прислушиваясь, мог уже разбирать человеческую речь.

— Так дышит грудь Родоп! — воскликнул Хайри по-русски. — Как-то раз, еще будучи мальчишками, мы с Хабиповым из-за ребячьего любопытства пробрались с горняками в рудник, который эксплуатировали немцы. Был я не из боязливого десятка, но у меня что-то оборвалось внутри, когда у входа в штольню прочитал высеченные на скале слова: «Помоги вам бог». Правда, настоящий смысл этих слов я понял позже, когда в руднике случился обвал и оттуда вынесли три трупа… Хозяева экономили на крепежном лесе, а человека ставили ни во что. Что им до жизни дикого горца, когда он за тарелку качамака готов был не только в рудник идти, а хоть к шайтану в зубы… Тяжело было, работали вручную, вагонетки катали на «человечьем пару́».

Неожиданно Хайри поднял над головою лампу, и выдолбленный взрывами свод забоя засверкал мириадами радужно-ярких блесток.

— Сплошной концентрат, а не руда! Двухметровая жи́ла!..

Скреперные лебедки, приводимые в движение электромоторами, сгребали руду, сбрасывая ее сквозь стальную решетку в рудоспуски. В центральной штольне из люков она высыпалась в трехтонные вагонетки, и электровоз доставлял их на распределительный пункт подвесной канатной дороги. Человек не прилагает вовсе ручного труда для погрузки и разгрузки руды на передаточных пунктах. От забоя до флотационной фабрики она движется механически, силою собственной тяжести.

— У нас на «Шаренке» весь процесс добычи механизирован от начала до конца — по советскому образцу. Гляньте, на каждой машине советская марка стоит. Да не только техника. Мы весь курс горнорудного дела от азов у советских инженеров брали. Мне посчастливилось учиться в Казахстане. Правительство командировало меня туда как лучшего забойщика. Теперь-то в Болгарии и свои инженеры и свой горный институт. Своими руками мы создаем отечественную сырьевую базу — основу тяжелой индустрии!..

Хайри часто прерывал наш разговор, чтобы поздороваться с забойщиками, дать наставление новичку-машинисту, выслушать доклад бригадира. Из-под запорошенных касок на него глядели молодые, живые глаза. Многие горняки пришли сюда после окончания средней школы. Они зарабатывают в рудниках

большие деньги. Но главный их капитал — мечта стать специалистами горного дела!

Когда мы снова спустились в штольню, Хайри, слегка прикрутив в ацетиленовой лампе воду, продолжал:

— В старой Болгарии горняк справедливо считался смертником. Если он по счастливому случаю не погибал под обвалом, то его сводил в могилу силикоз. Мельчайшая кварцевая пыль разъедала легкие, как моль разъедает шерсть. Работали без масок, в непроветренных забоях. Сколько мы уже ходим с вами под землей? Часа четыре? Больше?! Вы непривычный к забоям человек. А скажите: свободно ведь дышится? Везде у нас применено мокрое бурение, воздух очищается мощными электрическими вентиляторами. Кстати, техника безопасности была налажена под руководством советского инженера Михаила Харитоновича Соловьева. И вообще всю технику в руднике он пустил на полные обороты!..

Богаты Родопы ценными рудами. Нелегок труд горняка. Но народная власть ценит человека больше всех сокровищ. Миллионные средства расходует она, чтобы обеспечить горнорудным рабочим материальные и культурные блага, сберечь и закалить их здоровье. Люди — золотой фонд Родоп!

Конец смены. Горняки пассажирским электропоездом, в автобусах и на машинах доставляются к широкому подъезду огромного корпуса бытового комбината. Они сдают спецовки в сушильные камеры, моются в душевых и ваннах, меняют белье. Если же организму и коже рабочего недостает питательной энергии горного солнца, он по предписанию врачей принимает в физиотерапевтическом кабинете бытового комбината сеансы облучения соллюксом и кварцем. Освеженный и бодрый, горняк поднимается в ресторан-столовую, где неизменно действует принцип «единства противоположностей» — богатое меню и дешевые цены.

Родина окружила своих сыновей заботой матери. Двенадцать лет назад на весь Восточно-Родопский массив был один фельдшер, его «амбулатория» умещалась в походной полевой сумке. Нынче медицинский персонал края — несколько сотен врачей, фельдшеров и сестер. Светлый трехэтажный корпус, самое лучшее здание Мадана, принадлежит поликлинике и больнице. Рядом — вместительный профилакторий. Медицинские учреждения оборудованы самыми современными аппаратами и приборами.

…Поздним вечером, возвращаясь в гостиницу, я завернул на огонек, светившийся в кабинете директора рудоуправления.

— Задержался вот, — сказал он, подняв голову и прищурив

усталые глаза. — Присаживайтесь. Со школьной скамьи ненавижу бюрократию и всяческое бумаготворчество. А в данном случае с большим удовольствием занимаюсь этим делом: пишу рапорт генеральному директору. Рудоуправление выполнило месячный план на неделю раньше срока. Но бориевцы нас опередили. Очевидно, там меньше бумажной волокиты, больше живого руководства. Иначе в чем же причина, если не в бюрократизме?.. Горняки работают с таким энтузиазмом, а мы иногда еще бумажками занимаемся. Позвоню-ка я лучше в Кырджали без рапортов, по телефону. Генеральный директор ведь тоже не спит!

* * *

Направляясь из Мадана в Кырджали, я последовал благому совету друзей и сделал семидесятикилометровый крюк, чтобы посмотреть стройку первого в Восточных Родопах гидротехнического сооружения «Студен Кладенец». Дорога петляла заячьим следом, неотступно держась излучин реки. Когда мы поднялись на подоблачную вершину Суукбунар и огляделись, ее русло блестело внизу сжатой стальной спиралью.

У Чертова моста горы отступали от берегов, образуя просторные террасы. На их скудных каменистых почвах осенью вызревают лучшие в мире табаки, которые в старину несправедливо называли «турецкими».

Террасы остаются позади. Чуть ли не «мертвой петлей» взмывает шоссе. Арда течет глубоко внизу. Нет, она не течет. Отвесные скалы туго сжали ее «горло». И огромная толща ледяной воды кружит, бьет фонтаном, кипит, ворочает тонные глыбы камней. Между стенами скал — от силы десяток шагов расстояния.

Над тесным коридором лепится по карнизу горы село Студен Кладенец, или, по-русски, Холодный Родник. Веками оно лежало в стороне от путей истории. Одна-единственная тропка, по которой не мог пройти даже ишак, связывала его с внешним миром. По ней здешние жители таскали на себе через перевалы тюки табачных листьев в город Хасково.

Народное правительство решило использовать огромные энергетические ресурсы Арды на службу народу. В долине реки началось строительство системы язовиров.

Редко где можно встретить более подходящие естественные условия для сооружения плотин: широкие чаши и узкие ущелья, сложенные из твердых пород, не поддающихся ни водной, ни ветровой эрозии.

…Рядом со старым селом, на андезитовом откосе правого берега реки, амфитеатром разместилась строительная площадка. Над Ардой в синем небе повисли тросы канатно-подвесной дороги и двух кабель-кранов. Из многоемких бункеров транспортеры подают песок и гравий на бетонный завод. Отсюда до грузовых тележек кабель-кранов беспрерывно снует по рельсовому пути юркий мотовоз с трехтонными бадьями. Гигантскими ступенями спускается к руслу одетая в опалубки железобетонная основа плотины. Гул моторов, грохот взрывов, треск автогенов заглушает рев реки.

Начальник строительства инженер Георгий Георгиев знакомит меня со строительными объектами. Инженер-коммунист, он один из той плеяды старого поколения технической интеллигенции, кто во времена монархо-фашистского режима подвергался преследованиям и перед кем только после победы народной власти открылось широкое поприще для приложения своих знаний и сил. Вот уже более десяти лет Георгиев работает на сооружении язовиров. За свой полезный родине творческий труд он удостоен ордена Георгия Димитрова.

— Наше отечественное инженерное строительство, — рассказывает Георгиев, — в последние годы сделало такой шаг вперед, что дух захватывает от радости. Я начинал с язовира на реке Росице. Тогда главными орудиями производства были у нас кирка да лопата. Землю отбрасывали вручную, бетон — тачками возили. А на Арде девяносто восемь процентов всех работ уже механизировано. Вся техника современная. Росицкий гидроузел строился целый десяток лет. «Студен Кладенец», сооружение гораздо крупнее, мы возведем за два года — темпы, о которых болгарские инженеры раньше не могли и предполагать!

На перемычке, у плотины, начальник стройки подозвал инженера-гидротехника Константина Ферадова.

— Мой старый сослуживец, хотя по возрасту в сыновья годится. На Росице он был командиром молодежной бригады. Отличился, показал ум и сметку. Мы его послали на учебу в Ленинградский политехнический институт. И там не подвел, закончил с отличием. По возвращении министерство предложило ему место научного работника в Софии. Но он отказался и пришел сюда, на производство. Правильно сделал! Настоящий инженер должен понюхать «пороху» на передовой линии строительного фронта!..

Константин Ферадов с увлечением юноши рисует мне картину будущего года. У каменных стен села заплещет серебряною волной язовир-гигант. Он вместит полмиллиарда

кубометров воды и протянется по ущелью на тридцать километров, вплоть до города Кырджали. Невообразимо, но факт: этакая емкая «чаша» будет заполнена до верхней отметки в течение одного паводка, точнее, одних суток февральского половодья. Режим Арды особый, не как у других рек. В преддверии весны с Эгейского моря сюда прорывается теплый ветер, которому обычно сопутствуют ливни, смывающие за несколько часов с гор весь снежный и ледяной покров. Уровень реки у села Студен Кладенец поднимается на 20 метров, и Арда несет тогда каждую секунду такое количество воды, как Дунай в межень!

…Где-то наверху раздается гулкий металлический звон, прокатываясь над стройкой сильным троекратным эхом.

— Конец первой смены!

— Откуда этот «царь-колокол»? — интересуюсь.

— Из Америки завезен, — хмуро усмехается Георгиев. «Летающие крепости» по неведомым соображениям в конце войны сбросили на Студен Кладенец тонную бомбу, которая не взорвалась. Наши автогенщики отрезали ей хвостовое оперение, а кузнецы отлили язык, — вот вам и колокол. Использовали смертоносное оружие в мирных целях!..

Грузовые тележки кабель-кранов и вагонетки подвесной канатной дороги неподвижно застыли в вышине. Мы пошли в нарядную, чтобы присутствовать на планерке. Длилась она всего лишь пять минут. Бригадир бетонщиков Христо Маринов, человек с завидными бицепсами, сообщил, что за истекшие восемь часов аварий не было, все механизмы в порядке и что в тело плотины уложено пятьсот восемьдесят кубометров бетона. При этом он добродушно улыбнулся. Его сменщик Иван Балканский, худощавый и жилистый, ответил так же односложно:

— Бригада к работе готова. Поздравляю тебя, Маринов, с успехом. Но улыбаться погоди, пока наша смена кончится…

Нарядная сотряслась от смеха. Сидевший рядом рабочий в щеголеватом комбинезоне ввел меня в курс дела:

— Сегодня Христо выполнил почти три нормы. А у Ивана — знамя стройки. Если он подкачает, то знамя перейдет к Христо. Между ними давнишнее и принципиальное соревнование. Азартные ребята! Оба из одного села. Оба у себя в кооперативе были полеводческими бригадирами. Там еще начали соревноваться. И тут с первого дня дают другим пример!

— А вы чем занимаетесь на стройке?

— Горами ворочаю! Бригадир забойщиков по проходке тоннелей. Зовут Кадир Беядиров. По национальности — турок, по душе — коммунист!

Характеристику коммуниста-турка довершил подошедший Георгиев:

— Кадир — самый опасный соперник Христо и Ивана. Старый забойщик. Тоже с Росицы начал. Кавалер серебряного ордена Труда, знатный строитель язовиров!

Положив руку на плечо Беядирова, Георгиев в раздумье проговорил:

— Строитель язовиров — профессия, родившаяся в новой, народно-демократической Болгарии. Это отряд рабочего класса, преобразующий природу родной земли. Он насчитывает уже сотни знатных людей, мастеров своего дела. За его плечами плотины Софийского моря, искусственных озер-великанов имени Александра Страмболийского, имени Георгия Димитрова, имени Василя Коларова. Самым мощным у нас аккумулятором воды и источником энергии будет система водохранилищ в поречье Арды. Только один из трех язовиров — «Студен Кладенец» — рассчитан на производство двухсот миллионов киловатт-часов в год и на орошение девяноста тысяч гектаров полей…

…«Студен Кладенец» — Холодный Родник — станет могучим родником энергии и плодородия!

* * *

У подножия отрогов Восточных Родоп, за чертою города Кырджали, раскинулись заводские корпуса. На запорошенных снегом площадках зеленеют пушистые елочки. Они были посажены в ту весну, когда строители закладывали бетонные фундаменты корпусов.

Директор завода Коста Димитров, осанистый, кареглазый, с большой седой головой, начинает нашу экскурсию с ельника.

— Привились деревца, растут ровесники отечественной цветной металлургии!

К концу первой пятилетки добыча руды в Восточно-Родопском бассейне достигла таких размеров, что строительство завода стало насущной необходимостью. Первенец цветной металлургии республики был сооружен с братской помощью Советского Союза. Машиностроительная индустрия СССР предоставила Болгарии первоклассное современное оборудование; советские специалисты, приглашенные болгарским правительством, участвовали в проектировке, монтаже и пуске завода.

…Не первого гостя встречает Коста Димитров. Он выработал уже свой маршрут ознакомления с заводом, пролегающий по

путям технологического цикла. По каменным лестницам и железным сходням поднимаемся и спускаемся с одного бетонного пролета на другой, переходим из корпуса в корпус. Электрические печи, агрегаты, аппараты, приборы — все блестит свежей краской. Цехи полны света и воздуха. Чисто, как в лаборатории.

— Первый цинк, — рассказывает директор, — мы дали родине 28 августа 1955 года. За два месяца наш коллектив достиг проектной мощности, и с той поры завод работает ритмично, все время наращивая темп. Вы заметили, как мало в цехах народу? Производство полностью механизировано, на многих узлах установлены автоматы. Это определяет состав нашего рабочего коллектива. Более трех четвертей его — инженеры и техники. Проблема кадров была для нас самой трудной. От нее зависела судьба новой отрасли промышленности. Мы строили завод и учили людей. Нам удалось за несколько лет выковать крепкое ядро специалистов разных профессий. Громадная заслуга принадлежит в этом партийной организации. Из сотен строителей — крестьянских парней и девушек — она кропотливо отбирала единицы, взвешивая качества каждого человека, и самых достойных посылала на учебу. Большая группа молодежи прошла курс обучения в Советском Союзе, многие специализировались на Димитровградском химическом комбинате. Технологический процесс-то у нас схожий: металлургия — это девяносто девять процентов химии…

Разве преминет директор, чтобы не свести русского человека с болгарином — воспитанником советской школы?! Этим он высказывает знак своей любви к великой братской стране. И Коста Димитров задерживается у электропечей намного дольше, чем в других корпусах, чтобы только дождаться занятого по неотложному делу начальника цеха электролиза, выпускника Киевского института электрохимии Димитра Димитрова. Непосвященный в болгарские «святцы» иностранец запросто мог бы «бухнуть в колокол»: «А не родственники ли?» Тем паче, что и лицом директор и начальник цеха схожи. Но если Георгиевых в Болгарии примерно такой же процент, как в России Ивановых, то Димитровых — как Петровых.

После окончания института Димитр Димитров стажировался на советских заводах. Там, по его словам, он прошел «высшую школу организации производства» и теперь внедряет передовые методы труда советских предприятий у себя на родине.

— И строиться и осваивать производство нелегко приходилось нам, — вспоминает начальник цеха минувшее. — Но без труда, как говорит болгарская пословица, даже грушу не

скушаешь. Самим бы, конечно, не справиться. А с помощью Советского Союза нам любое дело под силу!..

Подошел чернявый молодой человек в белом халате. Отрекомендовался на русском языке:

— Георгий Атанасов, технолог цеха!

— Однокашник Димитра Димитрова по институту?

— Нет. Окончил Краковскую горнометаллургическую академию. А у вас проходил практику в городе Орджоникидзе. Знаете ли, для каждого металлурга поездка в Советский Союз — заветная мечта. В нашей академии был один старый профессор, очень заслуженный ученый, но, как мы его называли, — «западник»: нет-нет да и начнет по поводу и без повода хвалить шведскую сталь, швейцарские часы, английскую точность. И вот этот человек всегда и всем нам говорил: «Если вы не видели советских заводов, то о настоящей металлургии ваше представление является допотопным. В России такие электропечи, каких нет нигде в мире!» Правду говорил старик. Не печи, а симфония! Мы и у себя обязательно построим такие!..

Когда мы закончили маршрут по заводу, директор пригласил меня в свой кабинет «получить причитающийся сувенир». Но с вручением его он не спешил. Видимо, хотел заключить нашу беседу чем-то весомым и убедительным. Он подошел к окну, в раме которого, словно на картине, рисовались подернутые сизой дымкой белые вершины Родоп, и сказал:

— Построим! Обязательно! С такими людьми, как у нас, мы не только электропечи, а и атомные реакторы построим! Ведь вот какие таланты открыла в человеке народная власть! Я познакомил вас с Димитром Димитровым и Георгием Атанасовым. Кто они? Крестьянские сыны. Не будь 9 сентября 1944 года, бродили бы сейчас ребята с пастушьими сумками по долинам да кулацкие отары стерегли. А тут высшее образование. И семя упало на благодатную почву. Образование — само собой, да к нему нужно еще прибавить страсть к жизни и труду, какую имеют они! Хватка у них крепкая и размах мысли государственный. При проектировке завода не было предусмотрено промышленное производство такого важного, сопутствующего свинцу и цинку продукта, как кадмий. Так они уломали не только нас, но и доказали в главке, что речь идет о перспективном и выгодном мероприятии. И мы-таки вышли за рамки проекта. Теперь Болгария получает кадмий, металл, по цене и значению не уступающий некоторым «благородным».

Димитров подошел к письменному столу и достал из ящика несколько слитков цинка, размером и формой напоминающих шоколадные плитки.

— Это на память!..

На слитке было отштамповано:

«Народная Республика Болгария. Свинцово-цинковый завод».

Чудесный сувенир!

* * *

«Доро́га тесна», — любят говорить коренные родопчане, вкладывая в эти слова тот смысл, что гора с горою не сходятся, а человек с человеком встречаются.

Наш путь снова лежал на Смолян. А это мимо нового двухэтажного дома на берегу Арды, в котором живет человек, первым знакомивший меня со здешним краем, мой первый спутник по недрам Родоп. При расставании он несколько раз брал с меня слово, что если случится «хотя бы через сто лет» миновать «по край его хижины», то я непременно зайду.

Семья Хайри Хабипова — жена Фатме, мать, теща, сын и молодая невестка — была в сборе. У радиоприемника сидел гость — Хайри Мустабашев, только что возвратившийся с совещания в Кырджали.

Мустабашев делился последними новостями. Он возбужденно рассказывал:

— Ты вообрази, Хайри, только на строительство жилищ и на культурно-бытовые нужды в нашем бассейне правительство отпустило несколько десятков миллионов левов. Это несколько десятков новых яслей, школ, бань, гостиниц. Из самого Райкова к нам в Мадан будет проложена подземная линия водопровода!.

— Правильная линия, — вдумчиво заключил Хайри Хабипов, — имея в виду, очевидно, не только маршрут водопровода.

У славян есть древний обычай, который и поныне блюдется в Болгарии в своей полной чистоте: хозяин, привечая гостя и желая упредить, что гость до́рог, знакомит его с родными, показывает ему свою «палату» или «хижину», открывает перед ним все двери, как свое сердце, и потчует хлебом-солью.

Хайри провел меня по своим шести комнатам, обставленным стильной мебелью под красное дерево. Общительная и разговорчивая Фатме, давно уже снявшая паранджу и распростившаяся с мечетью, похвалилась богатыми коврами и своим рукоделием. Сын Фехми — электромеханик в Рудоземе — показал приобретенные на собственный заработок последнюю модель фотоаппарата «Зоркий», фотоувеличитель и мотоцикл.

После ужина перешли в гостиную. Хозяин, порывшись в

книжном шкафу, извлек старую книжку в картонной корке. Перевернув несколько страниц, сказал:

— Полюбопытствуйте, что писал один буржуазный социолог пятнадцать лет назад о Восточных Родопах и о нас, помаках:

«Бедный, редко населенный, забитый край. Небольшое пространство обрабатываемой площади. Каменная пустыня, культура каменного века. Ленивое и ограниченное в своих нуждах помакское население, у которого отсутствует всякое стремление к прогрессу».

На губах Хабипова застыла горькая усмешка, а его друг разразился заливистым смехом. Это у них-то, знатных горняков страны, поднявшихся из темных ущелий к сияющим вершинам, отсутствовало «всякое стремление к прогрессу»?!

Народная власть раскрыла несметные богатства Родоп, обратила их на пользу Родине. Она вызвала горцев к жизни из векового мрака, осветила им путь к знанию, труду, к творчеству. И таланты простых людей засверкали, словно драгоценные камни-самоцветы родопских недр.

1956 г.

Первая Болгарская!

— Итак, профессор, вы предлагаете построить в Болгарии доменную печь. Это серьезно?

— Совершенно серьезно, уважаемый коллега!

— Тогда, если позволите, еще один вопрос. Не находите ли вы экономически целесообразной идею строительства в Антарктиде промкомбината по производству костяных пуговиц для европейского рынка?

…Спор этот имел место между двумя почтенными учеными мужами пять лет назад. О нем рассказал мне инженер-строитель Стойко Кантарджиев.

— С каким превеликим удовольствием профессор-скептик взял бы теперь свои слова обратно! — заключил инженер, изобразив на лице мину нарочитого участия.

Мы стояли на заснеженном бугре, откуда открывалась широкая панорама металлургического завода имени В. И. Ленина. На переднем плане вырисовывались характерные очертания домны. Усеченные конусы шахтной печи, цилиндрические кожухи кауперов, многоступенчатая лестница бетонных эстакад, широкодиаметровые газовые трубопроводы — все играло свежими красками. Из семи цветов радуги, которые были положены на металлоконструкции, преобладал красный.

Печь накануне сдачи в эксплуатацию. Там и сям снуют группы монтажников, завершая последние узлы. По путаному сплетению рельсов бойко маневрирует «кукушка», подвозя к бункерам руду и кокс. В сравнении с трубой домны, с самой печью, с кауперами паровоз кажется маленьким, как птичка, именем которой его называют.

— Спор двух ученых, — продолжал Кантарджиев, — не был праздным. Строить домну в Болгарии, чтобы возить руду и кокс за тридевять земель, из-за границы, действительно не имело смысла. Пять лет назад многие наши экономисты исчисляли запасы железной руды в стране микроскопическими цифрами, а коксующихся углей — и того меньшими. Но находились среди ученых и оптимистически настроенные люди. Они верили, что Болгария богата не только камнем. «Горы — кладовые природы, — рассуждал профессор, отстаивавший идею строительства домны. — Надо только снять замки с этих кладовых»… Правильно человек мыслил. Время подтвердило его прогнозы. За последние годы геологи «отомкнули» много «кладовых» в наших Балканах. Вблизи Софии, под селом Кремиковцы, обнаружены огромные запасы железной руды. В

Подбалканском бассейне открыты месторождения коксующихся углей. Встал вопрос о строительстве второй домны. Рядом с первой планируем ее. Рудный двор-то мы предусмотрительно построили с расчетом на обслуживание двух печей!..

— Значит, адрес покамест не придется менять. Здесь остаетесь?

— Да, без смены места жительства на новый объект переходим. Впрочем, нашего брата и переезды не страшат. Я сколько себя помню, столько кочую. Наша династия — вот уже три колена — все инженеры-строители. Дед, по имени которого меня назвали, дороги строил. Отец — специалист по домам, ну, а я — по домнам!..

— Домну возвести — не дорогу проложить, и не дом поставить!

— Еще бы! Особенно для нас. Представьте себе, что художник должен нарисовать предмет, которого он не видел в натуре, а имеет представление о нем лишь по картине или фотографии… Мы, строители, были в положении такого художника! Взять хотя бы меня, не говоря уже о прорабах и бригадирах. Доменную-то печь мы прежде в глаза не видели… Конечно, все народ грамотный, чертежи читать умеем. Но чертеж — схема, скелет. А инженеру, как и художнику, легче творить, когда «во плоти» предмет представляет. Какую красавицу, однако, отгрохали! Последнее слово техники. Ежели бы не советские специалисты, нам бы такое дело не по плечу было… Теперь опыт приобрели. Следующую домну, думаю, легко осилим!..

Вспоминая трудности и радости строительных будней, Стойко Кантарджиев ведет нас путями технологического цикла. Он останавливается почти возле всякого прибора, каждого аппарата, объясняет их «биографии», «родословную».

— Девять десятых оборудования, — говорит Кантарджиев, — получено из Советского Союза. Для монтажа второй домны восемь десятых заказов выполнят болгарские заводы. Наша индустрия выходит на столбовую дорогу!

На площадке у литейного двора инженер познакомил меня с десятком монтажников — полным составом молодежной комплексной бригады Андрея Андреева. Бригада только что закончила сборку и установку одного из самых сложных узлов — наклонного моста. Задорные парни, перебрасываясь шутками-прибаутками, направлялись на новый объект. Я попросил бригадира сказать несколько слов о себе, о своих товарищах.

— Все мы крестьянские сыны. Семеро приобрело профессию на строительстве печи. Я родом из дунайского села. Подростком пас овец и учился. После окончания средней школы работал

паровозным кочегаром. Потом стал квалифицироваться как монтажник. Хорошая специальность. Требует от человека разносторонних знаний и смекалки. Смелость развивает. Не всякому верхолазу приходится ходить по краю да по жердочке на головокружительной высоте, как монтажнику.

— Производственный год бригада с какими показателями завершила? — осведомляется, очевидно, не без особого умысла Кантарджиев.

— Без пятнадцати процентов два плана дали… Ребята трудолюбивые и сознательные. За что ни возьмутся — все идет как по писаному. И у каждого своя думка о завтрашнем дне есть. А это ведь тоже придает силы!..

— Ваши-то личные планы какие?

— Я летом сдаю экзамены в Софийский машиностроительный институт!..

Прощаясь с монтажниками, я пожелал, чтобы сбылись все их светлые думы. Парни поблагодарили на добром слове и ушли своей дорогой. Десять крестьянских сынов. Десять молодых гвардейцев рабочего класса. И хочется верить, десять будущих инженеров социалистической Болгарии.

…Мы стояли у летки печи, по которой через несколько дней потечет огненный ручей чугуна, когда к нам широким и легким шагом подошел человек лет двадцати пяти в новеньком рабочем костюме без кепи, как обычно в Болгарии ходят зимою ребята молодецкой закваски.

— Наш Прометей! — представил его Кантарджиев. — Первый в стране инженер-доменщик!..

Приветливо улыбнувшись, «Прометей» заговорил на чистейшем, как диктор Московского радио, русском языке.

— Услышал о вас под землею. Тут ведь треть всего хозяйства внизу, под заводским двором. С утра насосы проверяю. И вот решил подняться на белый свет, побеседовать с братушкой!..

Если бы не слово «братушка», я бы принял инженера за соотечественника.

— Держу пари, что вы жили в Советском Союзе!

— Нет, проиграли!.. Учился… Полтора года, как окончил Свердловский политехнический институт!..

Христо Попов, и вправду, оказался первым и пока что единственным в Болгарии инженером по домнам. Сын пловдивского портного, работавший после школы на производстве, был рекомендован комитетом Димитровского союза народной молодежи для посылки на учебу в Советский Союз.

— Что же вас толкнуло избрать специальностью именно

печи?

— Наши товарищи порекомендовали, из правительства.

— Это был, если не ошибаюсь, 1950 год? — спросил, что-то прикидывая в уме, Кантарджиев.

— Верно, пятидесятый!..

— Вот оно как! — повернулся инженер-строитель ко мне. — Семь лет назад правительство послало человека учиться доменному делу. Значит, там предвидели!

— Насколько понимаю, — сказал я Попову, — вся эта махина теперь ляжет на ваши плечи?

— Зачем же только на мои? Одному с нею не управиться, будь ты семи пядей во лбу. О кадрах мы позаботились. Восемьдесят четыре наших металлурга были командированы на специализацию в Советский Союз, где освоили квалификации слесарей, монтажников, горновых, литейщиков и другие. Советский инженер товарищ Сухачев, консультирующий строительство, провел несколько курсов с рабочими здесь, на месте. Кроме того, мы пригласили на задутие печи группу доменщиков с советских заводов!..

— Первую сталь тоже таким образом варили, совместно болгарские и русские специалисты, — вставил Кантарджиев.

— Не только сталь. Свинец, цинк, кадмий, — подхватил Попов, — учили нас плавить братушки!..

— За чугуном тоже дело не станет!..

— Не станет, — уверенно отозвался инженер-доменщик. И, скользнув орлиным оком над куполами и пиками раскинувшихся гор, добавил:

— А сколько еще неизвестных богатств таят Балканы! Но мы все добудем, все переплавим!..

1957 г.

Золотое дно

Апрельским утром сидел я в кабинете Ивана Андреева — директора пищевого комбината имени Гаврила Генова. Широкие створы окон были распахнуты настежь, и через них вливались чудесная прохлада реки и росистого луга, терпкий аромат цветущих садов, неизбывный поток солнца.

Иван Андреев — высокий седовласый старик с крупным лбом и добрыми карими глазами, глядящими на мир без года семь десятков. В его взоре будто отразилась волнующая радость весны и безмятежное спокойствие природы.

— Вы чувствуете, воздух как бодрит, будто насыщен поливитаминами. Вдыхаешь — и молодеешь… Хорошая пора, балканская весна!.. Особенно для стариков. Летом жарковато. А осенью и зимой дождь да слякоть. Подержанный организм, как барометр, реагирует на непогоду. Старые раны начинают ныть, и нет тебе ни сна, ни покоя. Впрочем, душа выручает: она помоложе плоти и закаленней!..

Говорит он тихо и после каждой фразы делает паузу, точно желая подчеркнуть сказанное.

Да, старым ранам, пожалуй, и счет потерян. Но все это раны солдата великой армии, полученные в жестоких боях за свободу. Полвека, как Иван Андреев член коммунистической партии. Он был сподвижником и помощником Таврида Генова — одного из руководителей Сентябрьского восстания 1923 года, много сидел в тюрьмах и концлагерях, скрывался от преследований фашистских властей в эмиграции.

…Целые десятилетия борьбы, упорного труда, и всегда — в четырех шагах от смерти, как на передовой линии фронта. Но разве нужно спрашивать у такого человека: выпади вам чудо заново начать жизнь, как бы вы ее прожили? Конечно, он, не колеблясь, пошел бы прежним тернистым и светлым путем партии.

Над письменным столом за чуть сгорбленною спиною Андреева висит картина с изображением человека в натуральный рост. Мужественное лицо кажется зеркалом воли: фигура отлита из стальных мускулов; большая, натруженная рука протянута в призыве к людям. Таким запечатлел Гаврила Генова художник. Таким знали и помнят пламенного коммуниста, трибуна и бойца крестьяне Врачанского Балкана, назвавшие его именем свой комбинат.

Они здесь родились, Гаврил Генов и Иван Андреев, вместе росли, вместе размышляли о судьбах родины, что была им дороже

жизни, плечом к плечу сражались за ее счастье вот на этих полях и лугах, стелющихся за распахнутыми широкими окнами.

Хорошо, если мечта всей жизни человека осуществляется в молодости. Но когда ее солнце блеснет на закате лет, оно согревает кровь, возвращая молодые силы, будоража энергию… После победы народной власти Иван Андреев вернулся в родные места. Коммунист знал их прошлое, вместе с крестьянами переживал нужду и горе и воочию видел будущее. Он решил посвятить всего себя экономическому и культурному преобразованию отчего края. Земляки, чьи интересы Иван Андреев защищал и отстаивал всю жизнь, избрали его своим представителем в верховный орган власти — Народное собрание.

…Ветеран болгарской революции начинает повествование с времен давно минувших, как бы воссоздавая фон, на котором возникнут эти большие корпуса и трубы комбината, цветущие сады и ровные гряды кооперативных огородов, уходящие до самых отрогов Главного Балканского хребта.

— Река Огоста — вы ее отсюда видите — не совсем обыкновенная. Имя-то у нее царственное. Первоначально она называлась Августа, в честь римского императора, а причислили ее к лику «августейших» по той причине, что в песке, который она несла с вершины балкана, было золото. Добытчики круглый год бродили по берегам, промышляя драгоценные крупицы.

Каждую весну река затопляла полыми водами широкие низины. Едва она входила в русло, как на заливных лугах начинали подниматься сочные травы. В мае вдоль Огосты вырастал неисчислимый «табор» копен сена. Но для крестьянских буренок оно было «не по зубам». Не община владела лугами, а богатеи.

На исходе прошлого века их прибрали к рукам богачи братья Харитовы. А в 1907 году, воспользовавшись бедственным положением окрестных деревень после жестокой засухи, они же за бесценок скупили у крестьян всю скотину. Харитовы задались целью создать в поймах Огосты образцовое молочнотоварное хозяйство американского типа. Два десятка лет дела у них шли как будто на лад: крестьянский пот и коровье молоко текли, обращаясь в прибыли. Но первый мировой экономический кризис подсек под корень харитовское предприятие. От всей затеи осталась пара полуразрушенных хлевов да аллейка американских тополей по ту сторону реки.

Долина Огосты — благоприятный для развития интенсивного земледелия район. Однако ввиду того, что эта часть северо-западной Болгарии искони была «глубинкой», отрезанной от столицы горной грядою и удаленной от других значительных

рынков сбыта, тут сложилось хозяйство зернового, отчасти молочнотоварного направления.

Народная власть с первых же лет приступила к экономической перестройке района. Были распаханы межи полей. На луга вышел с косой новый хозяин — крестьянин. В создании генерального плана перестройки активно участвовал товарищ Георгий Димитров. Его кровно интересовала будущность Вратчанского Балкана, судьба его людей — героев сентября 1923 и 1944 годов. Он же высказал идею закладки в долине Огосты большого комбината по переработке сельскохозяйственных продуктов.

Иван Андреев с горячим сердцем взялся за ее выполнение. Крестьяне, быстро уразумевшие, какую выгоду им сулит это мероприятие, охотно вызвались помочь государству и безвозмездно отработали на стройке 200 тысяч трудовых дней.

…Я не хотел злоупотреблять вниманием Ивана Андреева и попросил его, чтобы с комбинатом меня ознакомил кто-либо другой. Но он категорически отверг мое предложение.

— Прежде всего мне представляет величайшее удовольствие поговорить по-русски. А потом, неужели вы думаете, что болгарин упустит возможность похвалиться советскому человеку своим предприятием, хотя оно и относится к легкой промышленности?!

Комбинат и рабочий поселок расположились на возвышении, которое в пору разлива Огосты становится полуостровом. Производственные корпуса выложены из красного кирпича. Жилые дома слепят глаза белизною стен, луга — зеленью.

Красный, белый и зеленый — три цвета болгарского государственного флага.

К самым воротам комбината подходят железнодорожная ветка и шоссе — две магистрали, связывающие его с окрестностями, откуда поступает на переработку сырье, а также с промышленными центрами и городами, куда отправляется готовая продукция.

Мы осмотрели холодильники и сушильные помещения, макаронный цех, мельницу, три маслобойки… Каждый цех, каждая служба, по существу, представляли собой своеобразную фабрику, перерабатывающую тысячи тонн овощей, фруктов, пшеницы, подсолнечника.

Дольше и подробнее знакомил меня Иван Андреев с техникой и производственным процессом вакуумно-консервного цеха. Во-первых, потому, что этот цех ведущий, во-вторых, — что восемь десятых его производства идет на экспорт и значительная доля — в Советский Союз. Ассортимент выпускаемой им продукции

разнообразнейший: томатное пюре, молотый красный перец, овощные, бобовые, ягодные, фруктовые и виноградные консервы, джемы, варенья, желе, мармелады…

Конец зимы и начало весны на комбинате — период межсезонья. Поэтому вакуумно-консервный цех переключается на технологический осмотр и ремонт. В его складах, машинных отделениях и лабораториях шли последние приготовления к «весенней страде». На кооперативных огородах уже рдела красным румянцем ранняя клубника, завязывались огурцы. Не за горами была черешня. Страда предстояла горячая, восьмимесячная. Последние фрукты и овощи перерабатываются на комбинате в декабре и январе.

Начальник цеха, молодой специалист Георгий Митев, провожая нас из помещения в помещение, от аппарата к аппарату, не без гордости замечал:

— Машины все новые, последнее слово консервной промышленности. Технологический процесс — нагрев и стерилизация — происходит таким образом, что в продуктах сохраняется от разрушения наибольший возможный процент витаминов, остаются их жизнетворные соки!

Затем он заводит речь о примененном советскими учеными способе стерилизации фруктов, ягод и овощей токами высокой частоты.

— Надеемся в скором будущем попробовать их у нас. Дело, судя по всему, весьма эффективное!..

Иван Андреев утверждающе кивает головой. Но едва Митев заканчивает свою мысль, директор тут же выводит ее из тесного круга технологии на широкую орбиту экономики:

— Комбинат, как социалистическое предприятие, сыграл огромную организационную роль в развертывании кооперативного движения, а затем и во всем преобразовании сельского хозяйства долины на базе развития интенсивных культур. Он дает работу нескольким десяткам тысяч кооператоров на полях, обеспечивая покупку их продукции, приносит определенную прибыль государству, пополняя через экспорт его валютный фонд, и, наконец, благодаря ему тысячи наших братьев-северян могут покупать в любое из четырех времен года плоды солнечной Болгарии — эликсир здоровья и долголетия!..

Комбинат имени Гаврила Генова — один из двух с половиною десятков государственных консервных предприятий Болгарии. Сельское хозяйство страны располагает огромнейшими возможностями увеличения производства первоклассных десертных и винных сортов винограда, фруктов, ягод, овощей и

может в возрастающей степени удовлетворять в них потребности своих северных соседей. Однако экспорт этих скоропортящихся продуктов в свежем виде связан со значительными затруднениями, упирается в транспорт и практически составляет лишь малую часть от валового сбора. Поэтому развитие консервной промышленности — жизненно важный вопрос для Болгарии.

До победы народной власти предприятия по переработке сельскохозяйственных продуктов в стране были примитивными, кустарными. Не случайно болгарская буржуазия не могла удержать прочных позиций на европейском рынке и вытеснялась более сильными конкурентами.

За годы двух социалистических пятилеток консервная промышленность переустроена коренным образом. Сооружены новые крупные предприятия, старые расширены и переоборудованы на базе современной техники. Общее производство консервов увеличилось в восемь раз. Почти две трети этого количества идет на экспорт.

Рост, несомненно, большой! Но ближайшее будущее сулит гораздо большее, чего не измерить старыми масштабами.

Советский Союз и другие страны социалистического лагеря обеспечивают Болгарии гарантированный рынок для сбыта консервированных, сушеных и свежих фруктов, овощей и винограда. Не конкуренция, а братская взаимопомощь, обоюдная выгода, полное равноправие характеризуют наши взаимоотношения, нашу торговлю. Между государствами социалистического лагеря осуществляется разделение труда, которое способствует быстрому развитию сырьевой базы промышленности, расцвету экономики и подъему материального благосостояния трудящихся.

В течение ближайших лет болгарская консервная промышленность значительно умножит свое производство. Комбинат имени Гаврила Генова будет производить через три года продукции в три раза больше, чем теперь.

— Я вижу то время, — говорит Иван Андреев, — когда хозяйки Москвы, Варшавы, Берлина, возвращаясь из магазинов, поставят на стол вместе с пучком подснежников вазу с красными болгарскими помидорами. А те же помидоры в консервных банках они смогут покупать всю зиму, до нового урожая. Так-то оно… Братья Харитовы попробовали в долине Огосты организовать показательное хозяйство, да прогорели: негодным для Болгарии оказался американский образец. А по социалистическому образцу у нас ладно получается!..

…Давно вычерпан золотой песок со дна Огосты. Но долина,

перешедшая в собственность народа и преображенная его золотыми руками, стала не беднее, а намного богаче.

1957 г.

Побратимы

Звездный шатер ночного балканского неба. В чуткой тишине отчетливо слышен далекий шорох, глухой шум крыла встрепенувшейся птицы. Безветренно, как в затоне. Не шелохнется легкий кленовый лист. Но какой-то неощутимый воздушный поток доносит с привольных полей влажное и терпкое дыхание вспаханной земли.

Погасли огни в селе Гагово. И только окна двухэтажного дома Ивана Великова ярко залиты электрическим светом. Серебряно-желтые блики легли на недвижные кроны темного сада. На веранде, увитой виноградником, за праздничным столом собрались гости. Хозяйка хлопочет на кухне, дочь подает закуски. Сам Иван Великов, пожилой, кряжистый человек, разливает по чашам вино.

Бай Иван, старший конюх кооператива, отмечает семейный праздник. Приглашены сверстники хозяина и люди второго поколения. У каждого, как в болгарской поговорке, своя изба, своя судьба, своя семья… Но, пожалуй, поговорка сегодня не к столу. Эти люди разных фамилий — больше, чем родные. Они из поколения в поколение шли одною дорогой. Вслед за дедами на эту дорогу вступили их отцы, а потом и они сами. В жестокой и кровавой борьбе за свободу эти люди — мужи Болгарии — стали побратимами.

Бойцы вспоминают минувшие дни… Мысли уносят их в те времена, свидетелей которых теперь уж нет за тесным товарищеским столом.

— Был бы жив бай Велико!.. Хоть одним глазом увидел бы он наше крестьянское счастье!..

Велико Великов — отец бая Ивана — основатель села Гагово. Его именем названа крутая улочка, где на взгорье красуется новый дом старика сына.

— Всю жизнь был головою и сердцем общества, горой стоял за бедных. По стотинке собирал на сельских сходах в помощь нуждающимся. Всегда говорил: «Общество — крестьянская сила, вкупе и попа и богача бить сподручнее». Справедливый был человек — бай Велико, правая рука Стефана Писарева!..

Лица людей, словно по велению, повернулись к распахнутой двери летней комнаты. Во взорах вспыхнули искры душевной теплоты. Там, на стене, украшенной коврами, висел портрет человека с выразительным интеллигентным лицом, обрамленным черною бородой. Таким и запомнили люди старшего поколения его, Стефана Писарева, народного учителя села Гагово. Четверть

века он обучал грамоте босоногих крестьянских детей, четверть века он во тьме болгарской деревни сеял разумное, доброе, вечное…

Стефан Писарев был одним из учеников и сподвижников Димитра Благоева — Дядото, боевым товарищем Василя Коларова. Первым в здешние места, именуемые Лудогорием, то есть дикой лесной глухоманью, принес он светлые идеи коммунизма. Шел 1923 год. В стране бесчинствовала монархо-фашистская реакция. Коммунист Писарев организует в Гагово революционный комитет и в исторические сентябрьские дни становится во главе трехсот земляков-повстанцев. Отряд занимает несколько окрестных сел. Над Гагово, Опакой, Садимой реет красный флаг свободы. Однако народное восстание терпит поражение. Карательные отряды палача Цанкова чинят кровавую расправу. Остатки разбитого отряда — Стефан Писарев, Велико и Иван Великовы, Петко Генов и другие пытаются пробить себе путь в горы.

— Это был последний путь народного учителя и народного героя, — задумчиво говорит Иван Великов. — Казалось, что в нем тогда воплотились мужество и сила самого народа. Никогда не забуду его слов: «Нас могут убить, но нельзя убить народа, а покуда жив народ, юнаки будут биться за свободу. Русские братья завоевали себе счастливую жизнь… Я вижу — скоро взойдет солнце и над нашей многострадальной родной землей!» Короток был его последний путь. В одной из схваток учителя ранили. Петко Генов был убит. Нас окружили. Нечеловечески жестокими были истязания и пытки. Писареву отрезали язык, перебили руки и ноги, вырвали из груди сердце — горячее сердце коммуниста, которое умело так пламенно любить и ненавидеть. Отца, меня и всех оставшихся в живых бросили за решетку, в затвор!..

Снова над болгарской землею нависла черная ночь. И снова в этой ночи пламенем запылала на Балканах партизанская война.

Когда советские воины насмерть стояли у стен города на Волге, в Лудогорие уже действовал большой, хорошо организованный и оснащенный партизанский отряд. Летом сорок третьего года небольшая группа, выполняя боевое задание, попала в засаду. Вместе с юнаками перед фашистским судом предстали старые партизаны, участники сентябрьского восстания — Пенчо Георгиев (отец председателя кооператива Георгия Георгиева) и Иван Великов.

— Они хотели пыткой добиться, чтобы мы раскрыли штаб, — с иронической усмешкой говорит хозяин. — Но мы коммунисты и перед страхом смерти не отступили. Вот сегодня сорок лет, как я в партии. И пусть молодые простят меня, старика, но похвалюсь:

ни на воле, ни в тюрьме ни разу мое сердце не дрогнуло!..

9 сентября 1944 года через Гагово прошли советские воины-освободители. С этого дня Болгария начала летосчисление новой жизни.

Люди за столом вспоминают по именам русских солдат и офицеров, с которыми они успели побрататься.

— Сержант Иван Петров и рядовой Петр Загорулько, — рассказывает старик Великов, — открыли засовы камеры, в которой я был заключен. «Выходи, отец, на волю, — говорят. — Пришла твоя власть!» Расцеловались мы. Я их в гости приглашаю. Они: «Спасибо, из Берлина обязательно завернем». Герои-братушки!.. Где вы теперь? Строите Волжскую, а может быть, атомную электростанцию или поднимаете на могучих тракторах целину?..

Братушки! В этом слове — море любви и сердечного признания освободителям!

В сентябре 1958-го исполнилось сорок лет, как в Гагово родилась коммунистическая ячейка, и четырнадцать лет, как победила народная власть.

— В прежние времена, — говорит Георгий Георгиев, — четырнадцать лет легли бы на крестьянскую спину, как тяжелый камень… Состарилась и упала в борозде лошадь, беззубая корова стала давать молока меньше овечьей меры, стропила прогнили, прогнулась черепичная крыша, подросла старшая дочка: выдавать пора… На все нужны деньги. А где их возьмешь, когда прикупить хлеба не на что? Так было. Другое дело — последние четырнадцать лет. Они расправили сгорбленную спину крестьянина. Я лично считаю, что ты, бай Иване, даже помолодел!..

— И хозяйство, погляди, справное у него, — перебил председателя седовласый сверстник хозяина, двоюродный брат погибшего партизана Петко Генова. — Двухэтажный дом, как с картинки снятый, надворные постройки добрые, мебель городская, ковры — персам позавидовать, закрома золотого жита!..

— Все нажито честным трудом, — солидно расправляя усы, проговорил хозяин. — Трудодень в нашем кооперативе вроде устойчивой золотой валюты. А сколько он стоит, это можно вычислить по моему имуществу. Каждый кирпич в доме — частица трудодня. Впрочем, обо мне разговор только потому, что я сегодня именинник. А ежели оглядеться, то каждый хозяин имеет то же самое. Конечно, не у всех двухэтажные дома. Но тут уж дело во вкусе, а не в средствах. Я за свою жизнь намучился в тесных карцерах темниц и поэтому, может быть, люблю, чтобы

больше было простора и света!

Уже летом сорок пятого года крестьяне села Гагово объединились в трудовое кооперативно-земледельческое хозяйство. Организаторами его были старые коммунисты и одним из первых — Иван Великов. В память Стефана Писарева, который всегда говорил, что кооперативное движение — единственно правильный путь крестьянина, они назвали свое хозяйство его именем.

— Помню, как наш учитель в сентябрьские дни двадцать третьего года на площади призывал народ к вооруженному восстанию!.. Он звал нас на бой за лучшее будущее, за счастье всего народа без нищих и господ!.. Мечты у него были орлиного полета. Многие хотя и уважали его как отца, но про себя думали: сказки рассказывает, такого, наверное, и в раю не бывает!..

Извечно болгарский крестьянин жил в нужде. С каждым годом все меньше родили истощенные поля. Но вот на землю дедов пришли машины. Агрономы сказали свое слово. Хорошо обработанные и обильно удобренные поля восстановили плодородие. Ныне кооператив собирает по 200 килограммов пшеницы с декара, по 375 — ячменя… Золотые ордена труда горят на груди председателя Георгия Георгиева, бригадира Ильи Занкова, колхозников Стояна Маринова, Мустафы Юсеинова. Мечта учителя стала явью в кооперативе его имени.

…Из-за балкан поднялась зеленая луна. В прозрачной дымке обозначились красивые строения нового Гагово. С гор дохнуло легкой прохладой. Хозяин, вслушавшись в приглушенный тон радиоприемника, встал и повернул усилитель. Хор мужских голосов пел боевую партизанскую песню «Хей, Балкан, ти роден наш…». Чарующий гайдуцкий мотив брал за душу. Сначала тихо, потом громче и, наконец, во всю грудь стали подтягивать свою родную песню, спутницу трудных партизанских лет, жестоких сражений, люди за именинным столом, побратимы в борьбе и в труде!

1957 г.

Под счастливыми крышами

Для полноты впечатлений мало пересечь страну вдоль и поперек на поезде, автомашине или пешим ходом; надо окинуть ее взглядом с высоты птичьего полета, с позиции «третьего измерения». В наш век стальных чудо-птиц человеку трудно отказать себе в таком удовольствии, а журналисту — просто-таки невозможно. Чем выше поднимаешься, тем шире раздвигается горизонт. А какое захватывающее чувство — видеть дальше!..

Вы летите над Болгарией, и земля стелется живописным пестроцветным ковром. В зависимости от времени года долины и горы меняют свои краски: блекнут осенью, обновляются весной, чаруют неповторимыми гаммами зимой и летом. Но есть на этом ковре один постоянный и, пожалуй, самый яркий цвет — киновари. То черепичные крыши.

Под черепичными крышами, куда ни глянь, живут люди. Кто они, потомки праславян, перевалившие тринадцать веков назад Балканы, как они трудятся и радуются, как строят новую жизнь, какие думы думают и какие песни поют?.. Все хочется узнать, увидеть своими глазами. А для этого нужно спуститься на землю… Впрочем, большая стрелка альтиметра дрогнула и пошла по кругу. Самолет, ложась на левое крыло, делает вираж и быстро сбивает высоту над Софийской котловиной. Внизу — зеленый разлив парков, бульваров, скверов, причудливая мозаика кварталов, в которой преобладает, затемняя другие краски, цвет киновари.

И вот вы уже мчитесь «навстречу Болгарии» по старому царьградскому тракту — замечательной автомагистрали, сворачиваете на окольные асфальтированные дороги, взбираетесь по шоссейным спиралям к горным перевалам. Чем дальше путь, тем больше минуете городов и селений. Они, как люди, старше и моложе, меньше или больше, похожи и не похожи друг на друга. Но всюду и дворцовые палаты и крестьянские жилища — под черепицей.

Если это — ваше первое путешествие по стране, вы многие села примете за городки. Последующие поездки не сгладят этого впечатления, а, напротив, закрепят его. Хотя знание административной карты страны скоро позволит вам реже впадать в заблуждение.

Болгарское село не было таким прежде. Оно преобразилось и преображается в годы народной власти.

Все познается в сравнении. Вы не найдете теперь в Болгарии села, сохранившего свой прежний, дореволюционный облик.

Однако вам все же предоставляется возможность предпринять «путешествие в прошлое». Зайдите в Национальную художественную галерею, размещенную в бывшей резиденции царя, и вы найдете картину старого болгарского села… Да, это она. Сухие мазки приковали ваш взор, вы забыли обо всем, что вас окружает, и словно бы на «машине времени» перенеслись через бездонную пропасть лет в мир минувшего.

…Сутолока, табор домов и сараев. У центральной площади, возле корчмы и церкви, занимают место дома побогаче — кирпичные, под черепичной крышей. За их широкими «спинами» — строеньица, видом неприглядней и «статью» помельче, а на околице сгорбились саманные хижины и халупы, крытые каменными плитами или вовсе без «шапок». Точь-в-точь как на сельской сходке того времени: кто с мошною и пузом — в первом ряду, за ними — вторая по зажиточности категория и, наконец, за кругом, на отшибе, — голытьба.

Но ведь «бездонная пропасть» — это всего лишь полтора-два десятилетия. Трудно и радостно поверить!

А менее века назад болгарские крестьяне некоторых мест ютились в плетеных клетях, в землянках… Около села Лехчево, тысяча новых домов которого протянулись прямыми улицами вдоль реки Огосты, на обрывистом берегу притока Огосты — Рибине, сохранились темные пещеры. В них жили деды нынешних кооператоров, скрываясь от башибузуков, янычар и султановских наймитов. Дядо Христо Цолов Паков, лехчевский «столетник»,[29] ополченец русско-турецкой освободительной войны 1877—1878 годов, поведает вам захватывающую и печальную повесть о темных днях своей «пещерной юности». Он пригласит вас гостем в свой пятикомнатный дом, угостит «чем бог послал», то есть как следует, по-славянски, а на прощанье скажет:

— Вроде бы мне и помирать пришла пора, братушка, да что-то не хочется!.. Ежели и существует царствие небесное, то мне его не надо, коли уж я дожил до царствия земного… Вот ты мне ответь, милый человек, чем рай может быть лучше нашей теперешней жизни?

* * *

Не доезжая до Старой Загоры, мы сворачиваем с царьградского тракта в глубь Среднегорья. Шоссе словно бы проложено в «просеке» садов. Толстые ветви гнутся до самой земли под многопудовою тяжестью яблок и груш.

Нас в машине двое русских: я и редактор одной из

московских центральных газет, задавшийся целью поглядеть, как обстраивается болгарское село.

Сквозь ажурную прогалину неожиданно проступили строгие контуры строений. За пару сот метров до крайней усадьбы табличка: «Село Кирилл-Мефодиево». Шоссе врезается на главную улицу. По обеим сторонам расположились в четком порядке одно- и двухэтажные дома — сплошь кирпичные, под красною черепичною кровлею, просторные и светлые. Широкие окна, выходящие на юг, восток и запад, балконы и террасы, увитые виноградною лозою и плющом, — все предусмотрено для удобства человека: в любое время года он найдет в своем жилище солнце и тень, тепло и прохладу.

Многие дома похожи, как близнецы, но немало и таких, — что созданы по особому архитектурному проекту.

На центральной площади, где разбит сквер и воздвигнут памятник сельским партизанам, погибшим в боях за свободу, у здания народного совета, встречаемся с председателем совета Петко Димовым и секретарем парторганизации Игнатом Костовым, людьми среднего поколения. Объясняем, что хотели бы, если это не противоречит планам хозяев, познакомиться с жилищным строительством на селе.

— Рады и похвалиться и опытом поделиться, — приветливо улыбается Петко Димов. — В нашем селе триста шестьдесят четыре двора. За годы кооперативной жизни, собственно говоря, за последние девять лет, триста тридцать хозяев построили себе новые дома и, как видите, за редким исключением, все двухэтажные!..

Медленным шагом, любуясь отменными крестьянскими жилищами и садами, идем по улице, сворачиваем в переулок. Разговор приводит к приятной неожиданности: оказывается, секретарь парторганизации — краевед. Для корреспондента это сущий клад. Чего греха таить, крестьянская память всюду и всегда была «коротка», не дальше дедовского «колена» своей фамилии. И разве до истории было человеку, добывавшему в поте лица хлеб насущный.

Игнат Костов рассказывает:

— Осели тут и пустили корни наши прапрадеды, вольнолюбивые болгары, бежавшие от турецкой кабалы из долинных селений в леса, к подножию Средна-горы. Жили они в плетенных из лозы хижинах, похожих на кошары, — теперь у нас таких на скотном дворе уже в помине нет. Кырджали, или турецкие разбойники, предпринимали сюда набеги, несколько раз дотла сжигали село, грабили и убивали людей, вырубали лес. Сто лет назад наши деды основали одну из первых в Болгарии школ

на родном языке и присвоили ей имя великих славянских просветителей Кирилла и Мефодия. Отсюда и пошло название села. Кстати, школа тоже помещалась в плетеном катухе.

С конца прошлого века наши крестьяне начали строить дома из камня и крыть их каменными плитами, а в 1943 году Кочо Димов, сейчас член кооператива, первым на селе наформовал и обжег настоящий кирпич и построил из него дом. По правде сказать, до народной власти строиться дедам нашим, отцам и нам некогда было. То с турками бились, то с фашистами. Кирилл-Мефодиево — революционное село. Парторганизация существует у нас с 1912 года. Много наших орлов-земляков погибло и в сентябрьском восстании двадцать третьего года и в партизанских отрядах… А нынче вот, когда завоевали свободу и жизнь, строимся, и строимся навек!..

Переулок взбирается по бугру. С правой руки — три двухэтажных, под свежей штукатуркой до́ма, на задах — ветхая каменная избушка — не то чтоб халупа, но как почерневший зуб в полном и ровном двурядье здоровых челюстей.

— Упрямый старик, — обращается к нам, словно бы ища сочувствия, Петко Димов. — Я говорю о дедушке Марко Петкове. Три сына у него — Иван, Тотю и Матю. Это их дома. Троим выстроил. А сам не хочет расстаться со старыми пенатами. Тут родился, говорит, тут и помру. Весь архитектурный ансамбль портит нам. Бывают ведь в природе такие аномалии: всю жизнь человек исповедует революционные идеи, а в этаком деле — закоренелый консерватор!..

Пустынны в страдную осеннюю пору улицы села: кооператоры от мала до стара заняты в полях, в садах и виноградниках. Пройдет навстречу старуха с куделью шерсти да веретеном, поздоровается, и снова кругом ни души. А вот у той калитки собралось их шестеро. Вьют себе нитку и судачат.

— Добре дошли![30] — приветствуют нас хором.

— Русские братушки интересуются, как живем, как жильем обзаводимся, — объясняет женщинам председатель совета.

— Милости просим в дом, — приглашает седая до единого волоска, хлопотливая старушка, откладывая в сторону пряжу. — Я тут хозяйка. Спаской зовут меня люди уже восьмой десяток годков!..

Двор нового дома выложен камнем, дорожки усыпаны гравием. Садик и сарай отгорожены от жилой части оградою тоже из камня. Чего-чего, а этого строительного материала в Болгарии хватает, за ним далеко не ездить. Дом двухэтажный. Построили в прошлом году, а нынешнею весною оштукатурили. В нижнем этаже — комната, кухня, салон и чулан, на верхнем — две

комнаты, салон, чулан и балкон. Внутри чисто, справно обставлено, водопровод, электрическое освещение…

Возле сарая, под самый карниз, поднимаются аккуратно уложенные штабеля кирпича.

— Я-то, старая, и позабыла вам объяснить, — спохватывается хозяйка. — Ведь у меня два сына. Старший отстроился. А младшего черед — следующей весной!

— Во сколько же обошелся вашему старшему такой дом?

— Пятнадцать тысяч левов. Кирпич-то мы сами, каждый себе, производим. Дерево и черепицу покупаем. А ежели и кирпич покупной, то не меньше тридцати тысяч надо!..

Мало того что на селе все строятся, почти каждый мужчина — строитель: ставь его на кладку кирпича или на штукатурные работы — и он так же ладно будет орудовать кельмой, как косой. Младшие переняли ремесло от старших, а те научились ему друг от друга.

При возникновении кооператива правление создало две бригады каменщиков и бригаду штукатуров. Предстояло большое строительство общественных и производственных служб. Теперь оно закончено. За околицей села вырос большой животноводческий городок, возведены склады, амбары. В прохладной тени парка красуются новые здания детских яслей, гимназии.

Коммунисты предложили перебросить каменщиков и штукатуров на строительство жилых домов. Застройщик должен позаботиться лишь о кирпиче, остальное берет на себя кооператив. Бригады переходят со двора во двор, согласно очередности, устанавливаемой правлением в начале года. Кооперативная деревообделочная мастерская обеспечивает застройщиков досками для полов, стропилами, дверьми, наличниками, рамами. За работу бригад хозяин выплачивает общественной казне полтораста трудодней в рассрочку на три года.

* * *

Из Кирилл-Мефодиево наш курс лежал в Ракитницу. Села эти — соседи. Земли их граничат. Кооперативы этих сел соревнуются между собой по всем хозяйственным и культурным показателям, включая, разумеется, и благоустройство.

Отбывали мы в Ракитницу утром. Секретарь Кирилло-мефодиевской партийной организации Игнат Костов напутствовал:

— Не доезжая до села, вы увидите метрах в ста от дороги большой холм. Это фракийская могила. Поднимитесь на нее. Уж очень красивый вид открывается оттуда на Ракитницу. Хотя мы и соперничаем в соревновании, но вынуждены признать, что соседи нас опередили. Разыщите непременно председателя кооператива бай Моню Радева… Большой руки хозяин, старый коммунист, ятак. У него в доме до Девятого сентября сорок четвертого года была партизанская явка. Он все вам и покажет и расскажет. Обязательно побывайте на Сызлийке, где у них организовано кирпичное производство!..

И снова шоссе мчится по яблоневой аллее. Там и сям в глубине сада мелькают кофточки и косынки сборщиц плодов. Тихий ветер волнами доносит душистый аромат спелых яблок и звучные мелодии песен.

У фракийского кургана останавливаем машину. Поднимаемся на его купол, который высится наперекор ливням и бурям две тысячи лет. От подножия кургана начинается Ракитница.

Если бы дома собирались на конвейере, то можно было подумать, что они только что сняты с полотна транспортера и в строгом геометрическом порядке расставлены среди ракит и каштанов, садов и огородов. Резкий контраст между светлым асбестовым тоном стен и густой киноварью черепичных крыш как бы подчеркивал их новизну.

…Разыскать председателя кооператива не составило труда: он снаряжал на станцию колонну автомашин с яблоками нового урожая, но начать с ним разговор «по существу интересующей нас темы» оказалось делом посложнее. Бай Моню на правах хозяина пожелал прежде всего расспросить у моего друга, редактора, последние московские вести — от запуска спутника до выпуска новой марки садово-огородного трактора. Победы советской науки и техники он комментировал, как истинный болгарин и коммунист, для которого «страна братушек» — его вторая родина.

— Вот так наши! — восторгался бай Моню всякому радующему сообщению. — Мы им еще не то покажем! Пусть знают!..

«Им» — это значит американским воротилам и вообще всему международному капитализму.

О стройке села председатель кооператива особенно не распространялся, считая «проблему в основном завершенной».

— В Ракитнице, — сказал он, — триста пятнадцать домов. Только четыре из них ведут свою «биографию» с буржуазного времени. Остальные «родились» при кооперативном строе… Люди зажили вольготно: средняя семья — четыре-пять человек, включая детей, — занимает дом. По сельской статистике у нас на душу

населения приходится больше комнаты.

…Можно неделю ездить по шоссейным трактам, проселкам Болгарии и не заметить ни одной трубы кирпичного завода, хотя на всем пути стоят кирпичные дома. «Секрет» этого прост, как божий день. Каждый крестьянин, любой кооператив производят кирпич на месте. Технология производства до крайности немудреная, но экономически весьма эффективная.

За околицей Ракитницы, на берегу мелководной речушки Сызлийки, мы подробно ознакомились с болгарским способом производства кирпича. Пятеро крестьян, выделенных правлением кооператива, с ранней весны и до поздней осени готовят здесь строительный материал для нужд общественного хозяйства и для кооператоров.

Руководитель бригады Стефан Недков, сухопарый, жилистый мужчина лет сорока, объясняет нам технологический процесс, а его подручные делают свое дело.

В двух шагах от берега вырыт неглубокий карьер. Мотыгами двое рабочих отваливают куски глины и разбивают их. Третий ведрами подносит из речки воду, заливает размельченную массу. Теми же мотыгами глина замешивается, подобно тесту, до такого состояния, чтобы внутри не осталось комьев, и около двух часов отстаивается. Затем на ручной тачке ее подвозят по дощатому настилу и сваливают на широкий стол. Тут стоит рабочий с деревянной формой, такой, какими у нас на юге делают кизяк или саман. Быстро, как пекарь хлебы, он формует сырец. Еще один рабочий выкладывает его рядами на ровную, утрамбованную площадку.

Спустя день подсохший сырец переворачивают на ребро, а через двое суток складывают в штабеля с широкими просветами, чтобы внутрь свободно входил воздух и проникали солнечные лучи. Весь процесс сушки длится от декады до двух недель. Получаются глиняные плитки, подобные саману. Их уже не сломаешь руками, они не крошатся и при легком ударе издают глухой звук.

Наступает главный этап в производстве кирпича. Из готового сырца складывается в форме усеченной пирамиды печь. Схема ее довольно простая: ряд сырца — плитка от плитки на расстоянии толщины пальца, — сверху ряда и в просветы между плитками засыпается угольная пыль, снова — ряд сырца и слой угольной пыли и так далее. У пода печи оставляются отверстия размером с духовку, по два с каждой стороны. Когда кладка закончена, печь с боков и сверху обмазывают глиной. Она готова. В нижние отверстия закладываются дрова или солома и зажигаются. Огонь постепенно растекается по угольным «жилам». Подовые отверстия

неплотно прикрываются плитками сырца с таким расчетом, чтобы была тяга. Глина, которой обмазана кладка, нагревается, лопается, и через щелки печи идет синевато-сизый, как степное марево, дым. Печь сама собою горит около полумесяца. За это время происходит полный и идеальный обжиг. Может быть, это покажется и странным, но получается кирпич прочнее и долговечнее, чем из ринговых печей. Когда ударишь, плитка отскакивает от плитки и звенит, как металл.

— Дом из такого кирпича, — говорит Стефан Недков, — переживает три поколения, стоит полтора столетия. А производство проще быть не может. Впятером мы за сезон делаем до полумиллиона штук кирпича. На одноэтажный дом уходит его двенадцать тысяч штук, а на двухэтажный — около двадцати!..

Для обжига кирпича болгарские крестьяне используют не только угольную пыль — отбросы шахт, заводов и паровозных топок, — но и дрова, солому, подсолнечную лузгу, камыш, стебли кукурузы. Однако каждое топливо требует особой конструкции печи.

Следует ли говорить, что кирпич, произведенный на месте, обходится в несколько раз дешевле покупного и привозного. Крестьянину же, вкладывающему в его производство свой труд, он стоит считанные гроши.

Качество кирпича, безусловно, зависит от сырья. Как показывает практика, почти всякая глина пригодна для его выделки. Лишь немногие села в горных районах Болгарии не производят кирпич на месте, а завозят.

* * *

Дом исстари считается мерилом зажиточности хозяина. Крестьянин не станет строиться, если у него, по болгарской поговорке, «в амбаре пусто, а в погребе лишь квашеная капуста».

Заглянем еще в одно село… Оставим Фракийскую долину, где интенсивное земледелие обеспечивает кооперативам и крестьянам значительные доходы. Отправимся в самый захолустный и самый бедный ранее край, бывшую Румелию — ту часть болгарской земли, которая освобождена от турецкого ярма только в канун первой мировой войны.

…Село Белица. Кругом горы: с юга — Пирин, с запада — Рила, с востока — Родопы. Село разместилось в каменной чаше на высоте 1 600 метров над уровнем моря.

Во времена оттоманского владычества здесь, как птичьи гнезда, были разбросаны по лесам и теснинам махалы,

удивительно похожие на кавказские аулы. Название самой большой из них, Белицы, в переводе означает «беда, несчастье, хлопоты, заботы». Присвоено оно махале башибузуками, которым местные жители — вольнолюбивые гайдуки — не давали жизни. Когда в 1903 году горцы поднялись с оружием в руках против поработителей и за присоединение к Болгарии, турки дотла сожгли Белицу. Люди бежали через Рилу и Родопы во Фракийскую долину. Позже они вернулись на пепелища и начали с колышка. В Балканскую войну Белицу сровняли с землею греки. Пылало село в сентябре 1923 года: болгарские фашисты огнем и мечом тушили народное восстание. И не раз горело в период второй мировой войны. В 1942 году Белица и соседние махалы стали очагом партизанского движения. Отряды фашистской полиции, бросаемые сюда на усмирение, неизменно бывали биты. Ныне крестьяне — бывшие партизаны и ятаки — с гордостью произносят имя своего села — Белица.

Улицы, словно ступени, спускаются поперек склона к берегу буйной горной речки. Красивый ансамбль двух- и трехэтажных домов, оформленных в национальном стиле, образует центральную магистраль села. Усадьбы засажены плодовыми деревьями. Будто паутина бабьего лета, повисли в прозрачном воздухе электрические и телефонные провода. Над крутыми черепичными крышами взметнулись радиоантенны.

Восточный конец села — сплошная строительная площадка: штабеля кирпича и сосновых балок, холмики извести и песка, каменные фундаменты…

На отшибе, среди пестрого альпийского луга, раскинулись производственные службы кооператива: зернохранилища, склады для овощей, животноводческие фермы.

Председатель кооператива Сава Георгиев, горец по наружности и по натуре, у которого каждая фраза, что гвоздь под молотком мастера, говорит:

— Строят, строят крестьяне дома!.. Да не как-нибудь, а девять из каждого десятка двухэтажные, с водопроводом и канализацией. Значит, имеют достаточно средств. Капитально строятся… До Девятого сентября мы жили боевым станом, всегда готовые сняться с места, чтобы воевать за свою свободу. А теперь свобода — наш сегодняшний день, люди уверены в своем завтра, в крепости своей власти, своего государства. Соответственно этому возводят и дома!

Не дожидаясь расспросов, Георгиев сам счел необходимым сказать об экономической базе строительства:

— Наше богатство — стада коров, отары овец, яблоневые сады, лен и пшеница. Кооператив вышел в миллионеры.

Стоимость трудодня год от года растет и уже составляет двадцать левов. Примерно половина годового дохода средней семьи уходит на питание. Второй половины достаточно, чтобы построить половину дома. Кое у кого хватает ее и на целый дом, коль хозяин вкладывает в строительство больше своего труда… Впрочем, пойдемте к новоселам в гости, там все увидим и потолкуем!

Пятая усадьба от края по новой улице принадлежит работнику фермы Василию Самарджиеву. В прошлом потомственный безземельный крестьянин, он каждую весну покидал Белицу и пешком шел в Добруджу или Фракию наниматься батраком к чорбаджии. Не было у него ни кола, ни двора: всю свою жизнь скитался по чужим углам. И вот этот человек спускается навстречу нам с крыльца своего двухэтажного дома.

Довольный, но сдержанный, Самарджиев вместе с сияющей супругой показывает нам свое жилище — светлую гостиную, просторную детскую, уютную спальню, кухню и комнаты про запас — на случай, если кто приедет из родных или знакомых.

— А там дети подрастут, обзаведутся семьями, может быть, не сразу разделимся, так пускай поживут с родителями, — мечтательно поясняет хозяйка и, пользуясь удобным случаем, открывает гардероб, чтобы гости узнали, какая она рукодельница, полюбовались искусно сотканными ею коврами.

Снисходительно улыбнувшись женской слабости, Самарджиев выждал, пока все было уложено на свое место, потом достал из ящика письменного стола тетрадь и снова завел беседу о доме.

— Сюда у меня занесена каждая стотинка, израсходованная на строительство. Вот общий баланс. Дом обошелся в четырнадцать тысяч левов. Все до последнего гвоздя куплено на деньги, заработанные в кооперативе. За два минувшие года мы с женою получили на трудодни без малого тридцать тысяч левов. Построились, ни в чем особенно себе не отказывая. Правда, сам с супругой и кирпич делал и стены клал!..

…Дом вершит крыша. Черепица красива и по своей долговечности ровня кирпичу. Кооперативы и крестьяне не делают черепицы, в этом нет необходимости, поскольку заводы с лихвой обеспечивают спрос и государство продает ее по весьма низким ценам. А перевезти тысячу плиток для кровли дома с базы селькоопа — две ездки на волах.

Строится болгарский крестьянин. Капитально строится, навек. Восемьдесят процентов сел страны обновилось уже за годы народной власти. Каждый день сорок семей кооператоров вселяются в новые дома.

…Как-то я провел три дня во фракийском селе Рыжево Конаре и стал невольным свидетелем болгарских темпов строительства. Крайняя усадьба одного из кооператоров-молодоженов представляла собой в день моего приезда огороженную легким забором пустошь. Вдоль плетня были аккуратно сложены кирпич, песок, известь, тес, деревянные брусья. В две ночи на этом месте вырос, как в сказке, дом-теремок. Молодой хозяин пригласил меня на новоселье. За празднично накрытыми столами в трех комнатах сидело полсотни гостей. Дом строила вся улица. Люди работали не за плату, просто помогали соседу, как положено по традиции, а главное, по совести. Еще утром они укладывали на стропила черепицу.

А вечером под новой счастливой крышей веселье лилось через край.

1957 г.

Женщина с Красной Поляны

Помещение цеха, широкое, как софийские бульвары, протянулось на длину квартала. Вдоль стен, по правую и левую руку, рядами стоят швейные машины, над которыми склонились женские головы в белоснежных косынках. Посредине — стометровая брезентовая лента конвейера. На расстоянии шага друг от друга медленно движутся по ней пары легких, элегантных босоножек всех цветов весеннего букета.

Вдоль тесного строя машин проходит полная женщина лет тридцати пяти — сорока с пышной куделью черных, как вороново крыло, волос. Это Станка Котева, руководитель отделения пошивочного цеха обувного завода имени 9 сентября.

Задержавшись на какую-то долю минуты около пожилой работницы, она бросает внимательный взгляд на быстро бегущую строчку нитки, словно бы читая ту строчку. В ее глубоких карих глазах вспыхивает огонек: сердце мастерицы радуется искусству и сноровке своей товарки.

Время от времени Станка, слегка нагибаясь к уху работницы, говорит ей несколько слов и продолжает свой путь дальше. Вот она остановилась за спиною белокурой девушки, сшивающей стельки.

— Ну как, Верочка, дела?

Девушка, не останавливая машины, на мгновение оборачивается. Ее взор полон дочерней ласки.

— Идут дела, тетя Станка!

— Вижу, что идут. Даже сказала бы, что бегут. Стельки, как блины у хорошей хозяйки с жаркой, намасленной сковороды, слетают. А ты говорила, ничего не получится!

— Трудно мне было сначала!

— Первый блин всегда комом. Зато потом под умелыми руками они пташками летят. Главное, во всяком деле иметь веру в свои силы!..

— Спасибо вам, тетя Станка: вы мне эту веру внушили!

— Так уж и внушила!.. Ты сама Вера!

И обе заливисто рассмеялись.

Немного погодя Станка сказала уже серьезно:

— Если человек очень захочет чего-либо, то у него непременно получится, если крепко задумает, сбудется… Тебе-то легко начинать свою трудовую жизнь. А вот каково нам было?!

Чистые глаза мастерицы заволокла пелена.

* * *

Тяжело было!

Родилась Станка в селе Габра — в пятидесяти километрах от Софии. Нужда была единственной, неотступной нянькой крестьянской дочери. В семье отца на каждого едока приходилась одна сотая гектара земли — площадь, которая при тогдашних урожаях давала зерна меньше, чем его было нужно, чтобы прокормить курицу. Едва встав на ноги, дети должны были заботиться о собственном пропитаний. Чуть пригреет весеннее солнышко, они уже гнут свои хрупкие спины на полях и во дворе чорбаджии. Кусок хлеба — ничтожная плата, но когда его нет, то нет ему цены.

К двенадцати годам Станка уже имела солидный стаж работы в прислугах, в совершенстве овладела «искусством» мыть полы, убирать комнаты и даже готовить обеды. Природа наделила ее крепким здоровьем, которое каким-то чудом не сломил изнурительный и тяжкий труд. Девочка вышла лицом и ста́тью.

Как-то осенним вечером отец, возвратившись с ярмарки, привез всем сыновьям и дочерям по бублику и по плитке пастилы, а Станке — сатиновый отрез на платье. Мать Катерина ахнула:

— Что ты, Лазар, ума лишился: баловать девку с этаких-то лет! Сама отродясь в домотканом ходила!..

— Молчи, старая! Это ей не наряд будет, а спецовка. Пора Станке браться за настоящую работу, чтоб деньгами отцу-матери подсобляла. Я подыскал ей хорошее местечко. В самой Софии. Прислугой в семействе одного адвоката. По слухам, порядочные люди. Не обидят девку. Платье по-городскому нужно сшить!..

Начались дни, пошли месяцы и годы подневольного труда на городских господ, ничем не отличавшихся по бездушию и по изощренности эксплуатации от своих сельских сородичей. Девочка была полна неизбывной жизненной силы. Ее влекли подъезды столичных театров, широкие двери музеев, иллюминированные витрины книжных магазинов. Но пути в этот новый, чудесный мир были для прислуги заказаны. Она не хотела смириться со своим положением и по ночам, урывая драгоценные часы от сна, стала учить грамоту.

«Если человек очень захочет чего-либо, то у него непременно получится, если крепко задумает, сбудется» — эти слова, пожалуй, были девизом всей ее жизни с девических лет. Она хотела узнать, что пишут люди в книгах, бессознательно, сердцем веря, что в них можно найти разгадку тайны человеческого счастья. Станка научилась читать и благодаря своему упорству, оставаясь в прислугах, сдала экзамены за четыре класса

начальной школы.

Восемнадцати лет девушка вернулась в родное село. У адвоката не нажила она даже традиционного для невесты сундука приданого. Впрочем, в сватах недостатка не стало. Напрашивались и состоятельные женихи. Но вышла она замуж по любви за такого же сиромаха,[31] как сама.

Молодая супружеская пара не имела ни земли, ни крыши над головой. Погрузив на плечи весь свой скарб, Станка с мужем Веселином отправилась проторенной дорогой сельских пролетариев в город, на поиски работы.

Была весна 1939 года. И без того слабая болгарская промышленность, расшатанная кризисом, трещала по швам. Фабриканты сотнями выбрасывали на улицу кадровых рабочих.

Злой мачехой встретила Станку и Веселина столица. Но идти было некуда. Всюду безработица, по дорогам процессии выброшенных деревней и не принятых городом людей.

Котевы поселились в парке, на западной окраине Софии. Спали на скамейках, под открытым небом. Благо, что была весна, что до холодов еще оставалось много времени. Каждое утро они пускались в длинный маршрут по столичным бульварам и улицам в надежде, что на каком-то перекрестке улыбнется счастье. Порою Веселином овладевало отчаяние: ведь по закону отцов на его плечах лежала ответственность за судьбу семьи… Но Станка была не только женой, она была хорошим и большим другом — в тяжелые минуты поддерживала духовные силы мужа, вселяла в него веру:

— Горем беде не поможешь! Не твоя вина, что мы без работы и что некуда нам приклонить головы. Жизнь такая… Много людей бедствует. Но ведь мы молодые. Руки у нас есть. Как говорится, «бог не без милости, юнак не без кысмета».[32]

В один из октябрьских вечеров Веселин не возвратился «домой», под кущу пожелтевшего полувекового береста. Станка провела бессонную ночь. Какая беда могла стрястись с мужем? Но к утру он пришел, усталый и довольный.

— Устроился!

Жена, даже не расспросив толком, как и куда, залилась радостными слезами.

Устроился Веселин брандспойтщиком в отделе «чистоты» при Софийской городской управе — мыл по ночам улицы. Заработная плата была нищенски ничтожной, но на хлеб и кислое молоко денег с горем пополам хватало. Скоро нашла место и Станка — уборщицей в большом жилом доме.

Приближалась зима. Синее балканское небо заволокли свинцово-грязные дождевые тучи. По утрам с горбатого хребта

Витоши[33] сползали на Софию холодные и сырые, пронизывающие до костей туманы. Надо было думать об уголке для жилья.

Станка присмотрела во дворе, где она работала, старый чулан, служивший когда-то складом для утиля. Хозяева оказались более или менее сердобольными: сдали, разумеется, не безвозмездно, эту дыру Котевым. Веселин заделал пробоины в крыше и щели в стенах, соорудил печку.

Котевы стали законными гражданами болгарской столицы. Они получили даже право голоса. Их конура, в которой не всякий хозяин держал бы собаку, была типичным жилищем рабочей семьи в кварталах Красной поляны.

Свое наименование Красная поляна, эта окраина столицы, получила еще на заре столетия, когда болгарский рабочий класс начал сплачиваться в боевые ряды. Тут неугасимо тлел и временами разгорался грозным пламенем огонь революции; тут были организованы первые коммунистические ячейки. Над каменными и черепичными крышами рабочих кварталов каждый Первомай гордо реяли красные флаги, по улицам текли многочисленные колонны демонстрантов и, как океанский прибой, гремел пролетарский гимн «Интернационал». Отсюда вышел навстречу битвам за новую жизнь великий сын болгарского народа Георгий Димитров. На выборах в парламент Красная поляна, несмотря на жестокие репрессии монархо-фашистских властей, голосовала за кандидатов-коммунистов.

Станка и Веселин ходили на маевки, посещали рабочие митинги, слушали беседы агитаторов-коммунистов. В их комнате стали появляться запретные брошюры. У Котевых все шире открывались глаза на мир и взаимоотношения, существующие между людьми труда и теми, кто пожинал плоды этого труда. Теперь уже и жена и муж знали, отчего «много людей бедствует», знали, что ни бог, ни царь не дадут им избавления от нужды, что за свободу и счастье надо бороться плечом к плечу с такими же, как они, рабочими под красным знаменем коммунистов.

В годы второй мировой войны революционное движение охватило города и села страны от края до края. Народ всем сердцем сочувствовал и всеми силами помогал советским братьям в их титанической битве с гитлеровской Германией.

…Однажды софийская полиция устроила в Красной поляне очередную облаву на скрывавшихся там руководителей районного комитета партии. Рабочие кварталы были оцеплены. Начальник полицейского участка созвал всех дворников и уборщиц жилищных кооперативов:

— Вам, как котам, известны все чердаки и, как клопам, все

щели в домах. Если не вы, так кто же знает, где укрываются коммунистические бунтари. Тому, у кого в доме найдем без его помощи коммуниста или партизана, обещаю железные браслеты на руки или веревочное ожерелье на шею!

Станка знала, что в соседних лачугах прячутся трое бежавших из тюрьмы политзаключенных. Она передала одному из них — знакомому товарищу — слова начальника полицейского участка и предложила всей группе переселиться к ней, в заброшенное подполье, что находилось под их жильем.

— Туда не сунется ни одна лягавая собака!

Коммунисты были спасены. После этого случая Краснополянская коммунистическая ячейка стала давать супругам Котевым задания — распространять листовки и брошюры: при их работе это можно было делать, не вызывая особых подозрений. И они оба с душою выполняли партийные поручения.

Скоро наступил день, который поныне семья Котевых отмечает как самую светлую дату в своей жизни: Станка и Веселин были приняты в члены Коммунистической партии.

В сентябре 1944 года, когда Советская Армия, громя гитлеровские полчища, переступила Дунай и когда рабочий класс и крестьянство Болгарии поднялись на восстание, чтобы свергнуть ненавистный монархо-фашистский строй, чета Котевых шла во главе боевой дружины краснополянских пролетариев Софии.

* * *

…Мастерица идет по цеху между тесными рядами машин, и кажется, что не только глазами, а сердцем своим она видит любое движение каждой швеи, что у нее есть какое-то необычайное чувство пульса работы конвейера. В нужную минуту Станка всегда там, где едва намечается заминка. Порою, обняв работницу, она просит ее уступить место, садится сама за машину, показывает сначала нарочито медленно, чтобы та улавливала движения рук, потом быстрее и быстрее, как выполнять операцию.

И мне вспоминаются слова, которые сказала секретарь партийной организации завода Ольга Хранова о Станке перед тем, как познакомить с нею:

— Огонь мастерица! Любое дело горит в ее руках. Начни эта женщина сызнова свою жизнь в новой Болгарии, из нее вышел бы замечательный инженер, волшебник машин!

Пять лет прошло с тех пор, как Станка переступила порог завода имени 9 сентября. Она была зачислена на должность уборщицы. Как говорится, долог путь стрелочника до поста машиниста или диспетчера, а тем паче — начальника службы. Но, работая уборщицей, Котева поступила на курсы мастериц. Она блестяще сдала экзамен и была переведена в цех. Этого, однако, ей показалось мало. И она в течение полутора-двух лет овладела всеми рабочими профессиями, какие существуют на заводе.

…Мне довелось видаться со Станкой Котевой несколько раз. После каждой встречи я все больше и больше утверждался во мнении, что это человек действительно недюжинного таланта и большой, доброй души. Как это часто случается в практике корреспондента, историю ее жизни я узнал раньше, чем познакомился с нею самой. В первый раз я услышал про Котеву от ее подруг по партийной работе в подполье, многое дополнили товарищи по бригадирскому движению, в котором участвовала она со дня победы народной власти до поступления на завод.

Впрочем, Станка не из молчаливого и замкнутого десятка: сама свою биографию, как на исповеди, выложит. А уж коли зайдет речь о работницах цеха, то может рассказывать часами. Людей она изучает тщательно и в каждом человеке умеет приметить ту жемчужину, которая составляет его главную цену как члена общества, строителя новой жизни. Этот дар организатора развился и созрел в ней за долгие годы работы в рядах партии.

— Когда человека видишь насквозь, как стеклышко, — говорит Котева, — его легко и воспитывать и направлять!..

В этот раз мастерица завела беседу о молодой работнице — белокурой девушке Верочке:

— Сирота она. Пришла к нам полтора года назад. Скрытная такая, боязливая. Оно и понятно: росла на попечении дальних родственников, на чужом хлебе да попреках. Поначалу на заводе дело у нее не клеилось! Наблюдаю я — вроде девушка умная, сметку имеет, но не хватает ей уверенности в себе. С таким человеком, как с цветком, бережно нужно, любовно обойтись. Сама много времени ей отдавала, старалась вызвать на откровенный разговор, свела со сверстницами — активистками Димитровского союза молодежи. Всем коллективом ставили ее на ноги. И поставили-таки прочно. Расцвела девушка. Не хуже меня несколько профессий освоила. Возобновила учебу в гимназии, вышла и там в отличницы. Сдала экзамены на аттестат зрелости. Вот я ей и говорю, что хотя ты без отца-матери, а тебе легче строить свою жизнь, чем нам приходилось: народная власть — тебе мать родная!..

…Завод, партийная и общественная работа требуют немало сил и времени. А дома — семья: муж, сын Божидар, учащийся десятилетки, восьмилетняя дочка Вера, — обязанности матери, жены, хозяйки.

— Как успеваете?

— Если наша сестра — женщина — счастлива, она не знает усталости!..

Счастье пришло в дом Котевых. Семья живет в достатке. Веселин приобрел хорошую профессию: работает техником-монтером в городском трамвайном депо. Супруги зарабатывают достаточно. Дети растут на радость родителям: послушные, прилежные, вместе с отцом помогают матери по хозяйству.

Божидар — отличник. Мать мечтает учить его на инженера.

Станка гордится своей семьей, и гордится по праву: она вложила в нее столько труда и забот, сколько может их быть лишь у любящей женщины, матери. Сегодня принесла она в цех свидетельство сына об окончании 10-го класса и почетную грамоту мужа. Пусть и подруги разделят ее радость. Показала оба аттестата и мне. Потом вынула из кармана спецовки бережно сложенный листок бумаги, развернула. На нем было написано большими каракулями: «Мама! Я посуду помыла и вытерла! Пошла с Божидаром на детский сеанс в кино! Папа дал деньги на мороженое! Вера».

— Это дочка такие послания мне пишет. Грамотная уже. Гляньте, сколько восклицательных знаков наставила!..

…Верно, когда человек счастлив, он не устает, и тогда труд для него — великое благо!

1958 г.

Земля цветет

Долина похожа на гигантский острогрудый ковш, выдолбленный в стволе горы. Вокруг него дыбится каменными валами Балканский хребет. Над гребнями его волн белой пеной клубятся туманы и вьюги. А в долине тихо, тепло, и кажется, что тропический ливень солнечного света вот-вот до краев затопит поля и виноградники, луга и поймы.

Такой застает Сунгурларскую долину путник весной — в феврале или в марте. Но вот наступает апрель. И могучая рука весны смывает белую пену с гор в долину: зацветают сады. Будто землю облепили мириады бабочек. Все белым-бело, на деревьях ни единого зеленого листа.

…Каждый человек сердцем привязан к родному месту. Жители долины боготворят свой край. В старой болгарской песне поется о том, что тот, кто единожды посетил его, непременно вернется еще, а осевший в долине никогда ее не покинет.

Пять веков хозяйничали в долине турки. Пять веков лилась здесь болгарская кровь. Оттоманские паши и беи отняли у крестьян землю, имущество, спалили их дома. Оставшиеся в живых бежали, но бежали не за тридевять земель, а за три — девять верст: ушли в соседние горы, откуда хорошо была видна долина. На скалах Балкан не растет ни хлеб, ни виноградная лоза. И юнаки спускались по ночам в родные поля, чтобы добыть своим семьям пищу, чтобы отомстить басурманам за кровь своих отцов и дедов.

Так было из поколения в поколение, пока не пришли на Балканы русские-освободители. Болгары навечно спустились в долину.

Старики рассказывают…

Много среди здешних крестьян таких, что исколесили вдоль и поперек всю Европу, а то и полсвета. Не из-за любви к странствиям, а по горькой нужде: своей земли не хватало, работали на чужой. Много красивых девушек за Дунаем, за Днестром, за Моравой… Но в жены отходник брал только девушку из своей долины. Тут он родился, рос, скупо, урывками ласкал своих детей, тут встречал последние закаты солнца, такого теплого, каким оно, наверное, не бывает нигде.

Не преминут рассказать старики историю Хасанова рода… Давно это было… Столбовым царьградским трактом проезжал по Фракии табор. Одна кибитка отстала. А ехал в ней лихой цыган Хасан со своею молодой красавицей женой. Заблудился Хасан и случайно попал в Сунгурларскую долину. Раскинул он на околице

села Гроздeн свой шатер да и прожил тут все лето. А осенью, как положено, в теплые края подался. Но следующей весной вместе с аистами он вернулся снова в Сунгурларское гнездовье…

Шли годы. У Хасана выросли и поженились сыновья, а там — сыновья сыновей. И после каждой свадьбы за околицей Гроздена становилось одним шатром больше. А теперь… ни одного шатра. Огромный Хасанов род разместился в благоустроенных кирпичных домах, занимающих целый квартал, живет оседло и примерно трудится заодно с болгарами в кооперативе.

* * *

Отец и деды Ивана Маринова — коренные жители Сунгурларской долины. И сам он тут родился, вырос и вырастил детей. Любовь его к своему родному краю не меньшая, чем у земляков. Но она выражается не словами той песни, а совсем, совсем другим образом. Иван Маринов с грустью повествует о том, какие бедность и нужда царили в долине, и живо, светло рисует картину настоящего и ее будущего.

Слегка грузный для своего роста, в первую минуту встречи он показался мне чересчур спокойным, даже флегматичным, но это только до того, как заговорил.

Я внимательно слушаю этого человека, чувствую в его речи что-то очень знакомое и напряженно пытаюсь припомнить, когда и где мы с ним раньше беседовали. На мгновение возникает перед глазами южноукраинская степь, уютное причерноморское село… Нет, то был Макар Посмитный… Приходят на ум разговоры с Федором Дубковецким, Сергеем Коротковым, Кириллом Орловским… И чем больше я слушаю Ивана Маринова, тем больше начинаю понимать причину непроизвольной ассоциации. Внешне совсем не похожи друг на друга эти люди. Но есть в них такое, что не только делает их похожими, а и роднит. Что же?.. Думаю, это знание жизни и мудрая мера, с какой они к ней подходят, это крылатый размах мысли, вечно беспокойной и всегда ищущей путей и тропинок к новым и новым родникам общественного богатства. Похожи они своей неповторимой самобытностью, люди от земли, воплотившие в себе таланты организаторов, агрономов, экономистов, вожаков крестьянских масс.

Голова — пшеничная копна, завьюженная густою снежною порошей. Розовое, словно тронутое морозцем лицо, расписанное узором морщин, и глаза, внимательные, глубокие, о которых действительно можно сказать, что они зеркало души; таков с виду

Иван Маринов, председатель трудового земледельческого кооператива «Грозден».

«Бай Иван» — так величает его вся Сунгурларская долина. Бая Ивана Маринова знают в Болгарии, как в Советском Союзе знают Посмитного, Дубковецкого, Короткова, Орловского…

Иван Маринов говорит:

— Вы помните знаменитую фразу, которую любил и часто повторял академик Тимирязев: «Человечество будет бесконечно благодарно тому, кто сумеет вырастить два колоса там, где рос один»? Первый раз я вычитал ее в книжке, будучи еще зеленым юношей. Но она глубоко запала в мою память. И мною завладела одна дума — постичь «магию земли», вырастить два колоса там, где рос один. Вырастить, чтобы крестьянин досыта ел хлеба, чтобы не было голодных. Но как ты постигнешь эту «магию», когда у тебя земли с овечью овчину и нет средств, чтобы получить агрономическое образование? Впрочем, свою заветную думу я никогда не оставлял: учился всю жизнь самоучкой!..

Бедные крестьяне, страдавшие десятилетиями от малоземелья и лишенные всяких орудий производства, трудились на своих наделах в поте лица денно и нощно. Выращивали они один колос там, где могли расти четыре. С них драли три шкуры кулаки, закупщики, торгаши. Стараясь защититься от лихоимцев и грабителей, крестьяне начали кое-где организовываться в кооперации.[34] Сквозь полицейские кордоны проникала в болгарское село правда о советских колхозах. «Один в поле не воин, а артелью можно гору своротить». Через кооперацию крестьяне сбывали продукты сельского хозяйства, сообща обороняясь от торгашей и скупщиков, сбивающих цены на рынке. Когда их дела шли на лад, они покупали артелью несложные машины, чтобы облегчить свой труд. Судьба кооперации зависела от того, кто стоит у ее руководства. Если это коммунист — значит, все сделки по купле, продаже и распределению доходов производились в интересах трудового люда. Нередко случалось, однако, когда кормило кооперации захватывали богачи. И тогда бедняк попадал в еще большую кабалу.

В середине тридцатых годов образовали такой кооператив и крестьяне села Грозден. Председателем на общем сходе избрали они Ивана Маринова. «Хоть молод, да умен и сметлив, а главное, нет у него своей корысти — все для общества». Крестьянский сын погрузился с головою в работу… Копейка по копейке — кооператив сбил капиталец, небольшой, но по бедности и немалый. Встал вопрос: в какое дело его вложить? Крестьяне чуть ли не в один голос запросили: «Водопровод проведем! Осточертело возить воду в бочках за пять верст!»

Но Иван Маринов употребил весь свой авторитет, чтобы уговорить мир повременить с водопроводом, а построить винодельню.

— Вложим деньги в водопровод — воду получим, — говорил он, — но от нее никаких доходов ни в скором, ни в далеком будущем. А винодельня через пару лет вернет сполна затраченные на нее средства. Вот тогда и построим водопровод. Вина из воды не сделаешь, а воду из вина можно получить!

Так оно и стало.

Иван Маринов действовал и старался не в одиночку. За своей спиной председатель кооператива имел доброго советчика и помощника — сельскую коммунистическую ячейку, одними из организаторов которой явились он сам и его давний товарищ Недко Киров. Коммунисты серьезно думали над тем, как облегчить путем кооперации участь бедняков, улучшить их жизнь. И вот накануне второй мировой войны они убедили крестьян купить на сколоченные кооперативом средства 400 декаров земли. Купчая формально была записана на школу и читалище, пользовавшиеся, подобно церкви, льготами, на которые фашизм не решался посягнуть.

На общественной земле, засаженной виноградниками, работали лишь безземельные крестьяне. Учет труда и распределение доходов между ними производились по трудодням, как в колхозах; тайно действовал Примерный устав сельскохозяйственной артели. Остальные члены кооперации получали небольшую ренту.

Создавая «подпольный колхоз», Грозденская партийная организация глядела далеко вперед. В годы второй мировой войны и партизанской борьбы он стал продовольственно-снабженческой базой отряда народных мстителей на Старапланине. Крестьянин, трудясь коллективно, перековывал свою извечную психологию и после победы народной власти был, по существу, уже подготовлен к вступлению на социалистическую дорогу хозяйствования.

Поэтому уже весною сорок пятого года в Гроздене основывается крепкий и спаянный земледельческий кооператив. Коммунист Иван Маринов — его председатель.

* * *

— Кооперация, конечно, помогала нам спасти крестьян от полного разорения, — рассказывает Иван Маринов, вспоминая дни минувшие. — Но как ни бились мы, а не могли вылезти из

трясины нужды. Сила была за капиталистами, торговцами и кулаками. При буржуазном строе не дано хлеборобу вырастить двух колосьев на месте, где растет один! Но вот власть и земля стали нашими, мы получили в свои руки средства производства и стали хозяйствовать!

Первые годы становления кооператива оказались нелегкими. Старый мир не уступал без боя свои позиции. Чтобы повернуть всю массу крестьянства лицом и сердцем к новой жизни, нужно было весомо и зримо показать преимущества коллективного труда. Тут помогло государство. Кооператив начал получать машины, минеральные удобрения, химикаты для борьбы с вредителями растений. Скоро общественные поля и плантации можно было распознать не только «по гону», то есть по их длине и ширине, но и «по колосу и грозди», по их тучности.

К пятидесятому году грозденский кооператив объединял уже всех крестьян села. Наступила новая пора в его развитии. На совместном заседании правления ТКЗХ и партийного актива Иван Маринов выступил со своим планом организации труда и оплаты.

— Крупное кооперативное земледелие, — говорил он, — содержит в себе неограниченные возможности для развития производительных сил. Где ни копни — найдешь резерв богатства. Прежде всего мы должны пересмотреть свои планы. Ни для кого не секрет, что некоторые отрасли нашего хозяйства являются покуда убыточными. А они могут быть доходными. И будут! До каких пор кооператив останется нахлебником государства? Время отказаться от всяких кредитов и субсидий. Для этого у нас есть все условия!..

Идея Ивана Маринова была горячо одобрена. К разработке новой системы планирования, учета и оплаты труда был привлечен широкий актив кооператоров. Год спустя она уже успешно действовала.

В основе ее лежит принцип советских колхозов, а именно — сочетание материальной заинтересованности кооператоров в повышении производительности труда и снижении себестоимости произведенной продукции. Уравниловка была объявлена врагом номер один. Введена была мелкогрупповая сдельщина. Бригады и звенья специализированы. На многие годы за ними закреплялись определенные культуры и площади.

План — железный закон кооперативного труда. Он детально предусматривает на год вперед все расходы труда и средств во всех отраслях хозяйства и прибыль, которую оно должно получить; указывает агротехнические мероприятия и оптимальные сроки их проведения. Подобный план, учитывающий выполнение намеченных мероприятий при

определенной затрате средств на семена, химикаты, на использование инвентаря, рабочего скота и машин, имеют каждая бригада и звено, каждая ферма. Таким образом, показателем выполнения плана считается не только урожай и продуктивность, но и размер расхода труда и средств.

— Правильная организация труда — дело важное, она заставляет человека работать с душою, мыслить, — рассуждает Иван Маринов. — А мыслить при кооперативном хозяйствовании — значит не менее, чем пахать или сеять. Особенно это касается руководителей. Правильное решение, инициатива, сметка стоят порою стотысячного безвозмездного кредита, который через годик-другой оборачивается миллионами. Тем более в наших районах интенсивного земледелия!

Вспоминается мне сорок седьмой год. После жестокой трехлетней засухи хозяйство наше заметно пошатнулось. Кооперативная касса оказалась чуть ли не пустой. И мы были не одни у государства, чтобы надеяться на большую помощь… Как быть? Собираемся и думаем всем активом: «А не посадить ли нам клубнику и умножить в два раза кукурузные площади? Клубника идет по хорошей цене. Кукуруза, превращенная в сало, не дешевле. Главное — ждать долго не придется». Так и вышли из бедственного положения.

Это страничка прошлого. Оно, правда, не так уж далеко отстоит от настоящего, но минуло без возврата. Теперь нас никакая стихия не может согнуть. Крепко стоим мы на ногах. Вот уже скоро десять лет, как неуклонно проводим курс на развитие многоотраслевого, разностороннего хозяйства, на создание прочной экономической базы, которая определяет и общественное богатство и личное благосостояние крестьян!..

Ежегодные капиталовложения кооператива исчисляются миллионами левов. На пустыре, за околицей села, выстроились десятки животноводческих ферм. Рядом с винодельней, мощность и емкость которой увеличена уже многократно, разместились цехи консервной фабрики и производственных мастерских. Виноград, фрукты, овощи — почти всю свою продукцию грозденцы перерабатывают на месте. Ни одна ягодка не сгниет!

Богатство кооператива — виноградная лоза. В минувшем году она дала четыре с половиною миллиона левов чистой прибыли. С декара было собрано по 1 350 килограммов гроздей на круг, со всей площади. А ведь десяток лет назад, не говоря о более позднем времени, и 500 килограммов с декара было чудесным урожаем. Две тяжеловесных грозди выращивают люди на том месте, где росла одна, худосочная. И по праву носит ныне село звучное имя — Грозден!

Много других, не менее разительных цифр просится на лист. Три тысячи литров молока от коровы — надои, в шесть раз превышающие те, что были в единоличном хозяйстве. На каждого трудоспособного приходится 16 тысяч левов основных средств! Вознаграждение на трудодень — 25 левов! И т. д. и т. п.

— Но потолка еще и не видно! — задорно и радостно улыбается Иван Маринов. — Да и существует ли он вообще при социалистическом хозяйствовании?!. Коммунисты разбили небесные потолки, а земные разобьют и подавно!

* * *

Солнца в долине — хоть бы кому взаймы дать, а воды — недостача, и потому засуха тут — частая гостья, незваная и жестокая. За десять последних лет лишь два года можно считать плодородными. Июль, август и сентябрь — квартал бездождья. Случается, не только глинозем — камни от засухи трескаются!

…В сентябрьские дни прошлого года крестьяне Гроздена и соседних сел увидели бродящего по холмам и логам коренастого человека с каким-то инструментом в руке. Издали порою он был похож на странника, любующегося красотами Балкан, порою — на искателя клада, щупающего там и сям землю.

— Да то никак Иван Маринов! — предположил девяностолетний житель села Терзийско, тезка председателя.

— Действительно он!

— И чего он потерял, интересно знать?

— Маринов зря не пойдет!

Не прошло и двух недель после этого случая, как кооперативный актив обсуждал новый план орошения долины. На стене висела топографическая карта, испещренная четкими синими линиями будущих каналов и бесформенными, словно кто разлил по ней чернила, пятнами водохранилищ.

— Живая влага у нас под боком, товарищи, — докладывал председатель. — Талые воды с Балкан до сих пор стекали без пользы, только овраги и ущелья рыли, землю губили… Заключим их в трубы, соберем в чаши язовиров на возвышениях и оттуда пустим на поля, плантации, в сады и огороды!..

Иван Маринов подробно ознакомил кооператоров с выработанной правлением и специалистами-ирригаторами программой строительства оросительной системы, которая рассчитана на семь лет. Когда он закончил, кто-то из молодых парней, видевших его на склонах Балкан, вслух высказал свое восхищение:

— Вот эта голова! Пришел, увидел, и… план готов!

Пуще всех расхохотался в ответ на эту тираду Маринов.

— Не я один думал об этом, товарищи, и не со вчерашнего дня. Тут есть и свидетели и соавторы. Скажи, Недко, — кивнул он своему другу Кирову, — как мы еще в тридцать восьмом, когда ты был секретарем грозденской партячейки, обсуждали с коммунистами этот план. Правда, тогда он казался нам фантазией!

— Обсуждали. И сам я, грешный, не верил, что сбудется, хотя ты всегда обвинял меня в «левацком» загибе! — смеясь, отозвался Киров.

— А теперь тебя правление ставит руководителем работ по осуществлению этого плана!

…Всю зиму и весну сотни людей и десятки машин рыли каналы, прокладывали трубы, прудили плотины, строили водонасосные станции. И каждый день над фуражками и платками строителей возвышалась непокрытая голова Недко Кирова, издалека маячила его могучая фигура. Руководил он, не теряя на указания много времени, большей частью копал сам, укладывал трубы, сидел за рулем машины. Впрочем, все трудились на славу.

— С таким энтузиазмом, — шутил Недко Киров, — любую крепость одолеем!

Хлынула весна. На этот раз ее воды устремились с Балкан не только по оврагам и ущельям, но и по трубам и каналам в кооперативные язовиры.

— Большой урожай будет! — тихо и тем убежденней звучит голос Ивана Маринова. — Но моя думка не о нынешнем годе, а о шестьдесят пятом, когда мы полностью осуществим свой генеральный план орошения и кооператив станет сильнее стихии. Вот тогда все цифры и числа урожаев будут удвоены и утроены!..

Неожиданно его мысль снова возвращается к любимой Тимирязевым фразе:

— Если перевести в условную единицу «колос» те сельскохозяйственные продукты, которые давала наша земля в прошлом, сравнить с тем, что мы берем от нее сейчас, то можно смело сказать: там, где рос один колос, растет пять, а будет расти десять!..

И словно бы подводя красную черту беседе и своим размышлениям, крестьянский вожак, депутат высшего органа власти — Народного собрания Болгарии, — задумчиво роняет золотые слова:

— Человек рожден, чтобы жить богато и красиво, чтобы возделанная его руками земля цвела!..

1958 г.

Город-коммунист

Фабриканты любили называть этот город «болгарским Манчестером». Но рабочий класс возвеличил и прославил в веках своими подвигами его настоящее имя — Сливен, которое по праву заняло место в одном ряду с Иваново-Вознесенском.

«Сливен — крепость нашей партии, социализма и пролетарской революции», — восторженно говорил Василь Коларов.

…Город расположился у южного подножия Главного Балканского хребта, в горловине Забалканской котловины, перед перевалом Железные ворота. Искони его жители занимались ткацким ремеслом, производя добротные сукна, ковры и ткани для верхней одежды. В 1834 году болгарский Морозов — Добри Железков основал в северном пригороде Сливена первую текстильную фабрику, положившую начало отечественной промышленности.

Бурные воды реки Асеновской, низвергающиеся со скалистых уступов, завертели лопасти деревянных колес, которые привели в движение ткацкие станки. Дешевая энергия, дармовая рабочая сила привлекли сюда других предпринимателей. По Асеновскому ущелью выстроился целый фабричный каскад.

После освобождения страны от оттоманского рабства город быстро пошел по пути капиталистического развития. Сливенские фабриканты не уступали ни манчестерским, ни иваново-вознесенским капиталистам в своей звериной алчности к наживе. На предприятиях царил жестокий произвол. Были узаконены 12-часовой рабочий день, эксплуатация детского труда, поборы и штрафы. Капиталисты экономили на керосине, свечах, угле, оконных стеклах, обрекая ткачей на каторжный труд в тесных, сырых и холодных помещениях, подобных казематам.

Во мраке Асеновского ущелья вспыхнула первая искра болгарской революции. Текстильные рабочие в начале девяностых годов прошлого века устроили стачку, которая возвестила об их непреклонной воле бороться за свои права. Бастующие потребовали от хозяев создания кооперативных рабочих пекарен и отмены принудительного снабжения хлебом и продуктами по безбожным ценам в фабричных лавках. И они добились своего.

Гневный протест против эксплуататоров сливенский ткач вкладывал в слова песни, которая стала «Марсельезой» его классовых битв:

На каторге тяжкой ночью и днем
На кровопийца мы спину гнем.
Спешит челнок, гремит станок,
Терпенью нашему вышел срок!

Буржуазия, мы саван твой ткем.
В него мы свой гнев и проклятье вплетем.
В бою кровавом и правом
Мы ткем твой саван!

Рабочий Сливен становится оплотом Коммунистической партии. В 1901 году он избирает депутатом в парламент Георгия Киркова, ближайшего соратника Димитра Благоева. Здесь проходят два съезда партии. С 1911 года до фашистского переворота в 1923 году коммунисты держат в Сливене в своих руках городское управление. В Сливене обосновывается и действует окружной комитет партии — политический штаб, организующий и возглавляющий стачечную борьбу, а в период второй мировой войны — партизанское движение края.

* * *

Шоссейная дорога, следуя извилинам и петлям реки, поднимается в гору. По обеим сторонам встают отвесные стены ущелья, на которых каким-то чудом растут дубки и грабы, низкорослые и тощие, затратившие всю свою жизненную силу, чтобы пробуравить корнями камень и устоять.

Вместе с секретарем городского комитета партии Иваном Штиляновым я еду на текстильный комбинат имени Георгия Димитрова, самое крупное сливенское предприятие. Штилянов, плотный болгарин средних лет, с голубыми глазами и белой, как осенний ковыль, шевелюрой, — потомственный ткач.

— Это дорога трех поколений моей фамилии, — вскидывая шевелюру, говорит секретарь горкома. — Впрочем, сама-то дорога имела другой вид. Шоссе вымостили лишь после победы народной власти. Была тут горная тропа, на которой не один человек сломал себе голову. Средствами передвижения хозяева не обеспечивали. В весеннюю распутицу, когда речка выходила из берегов, рабочие пробирались к фабрике по колено в воде. Но еще страшнее была осень. Дорогу покрывал ледяной наст. Приходилось снимать царвули и мерить пять километров в чулках. А ветер тут, что в вытяжной трубе! Свирепый, студеный,

он пронизывал до костей!..

Навстречу нам чуть ли не поминутно спускаются, резко тормозя на поворотах, «зилы» и «татры», доверху груженные тюками. Шоссе представляется широким полотнищем громадного конвейера, на который укладывают свою продукцию разместившиеся по всему его протяжению фабрики.

Ущелье расступается, образуя просторную площадку. По правому и левому берегам реки встают корпуса комбината. У его ворот и за оградой несколько десятков юношей и девушек роют кирками и лопатами лунки, закладывают саженцы акаций и березок, черенки тополей…

— Молодые ткачи задумали создать вокруг комбината зеленый массив, — объясняет Иван Штилянов. — Турки, а за ними фашисты сводили леса. Потому что из-за каждого куста им грозила смерть: пуля гайдука, граната партизана. Теперь народ восстанавливает свои зеленые богатства, украшает природу и жизнь!..

Здороваясь с молодыми людьми, секретарь горкома называет их по именам. Видимо, они частенько встречаются. Вот он останавливается возле чернявой девушки в белой косынке.

— В пятницу, Иванка, бюро горкома. Твое заявление о приеме в кандидаты партии разбирать будем. Как у тебя с нормой, не снизила?..

— Сто десять процентов, — зарделась девушка.

— Молодцом! И насчет теории, смотри не подкачай! Мы с таких, как ты, ткачей со средним образованием, строго спрашиваем!..

— Будьте уверены, товарищ Штилянов!

* * *

Длинный пролет цеха залит половодьем весеннего солнца. Гулкий стук сотен станков, вырываясь из раскрытых окон, гаснет в рокоте горной реки. Непривычное ухо плохо разбирает людскую речь. Но ткачам производственная «симфония» не мешает слышать даже шепот.

Едва уловимо, со скоростью стрелы скользит челнок, и неприметно оборачивается товарный навой, на который миллиметр за миллиметром наматывается рулон тонкой шерстяной ткани.

В цехе к нам присоединяется секретарь партийного комитета комбината Иван Бахов, худощавый, подвижной человек.

— Значит, товарищ Штилянов, решил лично произвести

проверку на нашем комбинате? — интересуется он.

— Бюро поручило!

— Что же, хорошо. Мы всегда рады дорогому гостю, хотя гость иногда и подсыпает хозяевам жару!

— Хлеб-соль ешь, а правду-матку режь! На том стоит наша народная власть. Но, если мне не изменяет память, на прошлом бюро Иван Бахов критиковал Ивана Штилянова!

— Не все же одному Ивану устраивать горячую ванну! — сострил Бахов. — Хлеб, то есть похвалу, и соль, критику, нужно распределять равномерно.

— Ты перед иностранным гостем такую гнилую теорийку проповедуешь?!

— Да какой же это, дьявол меня возьми, иностранец, когда он настоящий, доподлинный братушка! И роль критики снизу ему, конечно, известна!

— Сдаюсь, убедил!.. Кстати, чтобы не забыть, в пятницу твоих ткачей принимать в партию будем. Прошу пожаловать. А вопрос о соревновании готовим к следующему заседанию бюро.

— Добре!

— Ткачи комбината имени Димитрова, — сказал мне Штилянов, — выступили инициаторами соревнования в текстильной промышленности за досрочное выполнение третьей пятилетки. Партийная организация провела большую работу по распространению передового опыта, внедрению новаторских методов производства. Городской комитет поддержал инициативу димитровцев и рекомендовал их опыт всем предприятиям. Через недельку-полторы обсудим первые итоги соревнования на бюро. Думаю, что на фабрике вы увидите много интересного. Комбинат работает четко, как часы, с той лишь разницей, что опережает время.

— А разве можно иначе работать, когда тут такие мастерицы, как Радка! — весело и громко проскандировал секретарь горкома, протягивая руку вышедшей из-за станка женщине в синей блузе. — Знакомьтесь… ткачиха-коммунистка Павлова. Одна из нашей старой гвардии!..

— В старухи записываться не спешу, товарищ секретарь, — задорно отшутилась ткачиха, — а что касается гвардии, — твоя правда. Как видишь. — И она повела очами на красный вымпел передовика, висящий над ее станком.

— За прошлый месяц без малого сто двадцать процентов дала, — сказал Иван Бахов. — В ткацком производстве показатель высокий. Однако труд Радки одними процентами не исчислишь. По поручению партийной организации она вот уже несколько лет обучает своему мастерству молодежь. В цехе наберется больше

десятка ее воспитанниц. Достойные ученицы!

— Сметливые девчата! — подтверждает Павлова. — Быстро схватывают ткацкое искусство. Оно и понятно: база у них солидная — среднее образование. Некоторые уже на пятки наступать начали. Станка Чолакова, например!..

— Это та, что мы осенью в кандидаты принимали? — справляется Штилянов.

— Она самая!

— Средняя школа стала главным резервом ткацкой профессии, — замечает секретарь горкома, — кузницей рабочего класса социалистической Болгарии!

Иван Бахов, обращает наше внимание на протянутый во всю ширину цеха плакат: «Каждый ткач должен работать по почину Николая Мамая!».

Имя донецкого шахтера давно получило в Болгарии широкую популярность. Сначала мамаевскую инициативу подхватили родопские и димитровские горняки, затем она вошла в распахнутые ворота всех заводов, фабрик и строек.

Партийная организация творчески подошла к распространению почина советского новатора. Некоторые предприятия его внедряли прежде всего на передовых участках. Партком комбината, напротив, предложил, чтобы по-мамаевски начали работать отстающие. На первых порах решили испытать новый метод в бригаде Ивана Душанова. Вместе со специалистами и активом партийный комитет наметил детальный план действия. Каждый коммунист, член Димитровского союза народной молодежи и беспартийный ткач получили какое-либо, хотя бы и малое, общественное поручение, возлагающее на него долю ответственности за работу товарищей. Коллективный контроль не замедлил сказаться на укреплении производственной дисциплины и собранности людей, на повышении их сознательности. Бригада, которая в течение трех кварталов не выполняла плана, после первого же месяца работы по-новому преодолела рубеж ста процентов, а затем шагнула еще дальше.

Цеховые партийные организации приступили к развертыванию мамаевского движения широким фронтом. В процессе освоения его содержание было обогащено. Ткач, бригада, участок брали на себя обязательства, предусматривающие наряду с каждодневным перевыполнением норм повышение качества продукции и соблюдение строгого режима экономии.

Вдоль стен цеха выставлены красиво оформленные доски показателей и итоги соревнования за каждую неделю.

Производственный учет и контроль наладили коммунисты и ведут его тщательно, посменно. Взгляд задерживается на красных, синих и зеленых мешочках, висящих у каждого станка. В них ткачи собирают отходы, кладут порванные концы. Раньше они шли в мусор. Теперь перерабатываются.

— Наши деды сложили пословицу: «С миру по нитке — голому рубашка», — говорит Иван Бахов. — Мы, однако, собираем нитки не из-за бедности, а чтобы стать еще богаче. Может показаться, что оборванный конец короток, что мешочек мал. Но выгода получается большая. Из сэкономленной таким образом шерсти комбинат изготовил сотни метров сверхплановой ткани. Наша многотиражка завела на своей страничке раздел: «Собери нитки — из них костюм вытки!».

Метод Николая Мамая внедрен почти на половине станков. Он помог раскрыть новые резервы производства. И коллектив комбината принял обязательство: повысить производительность труда на 3,5 процента. Рабочие текстильных предприятий имени сливенских героев-коммунистов, павших в бою за свободу, Сыби Димитрова и Спаса Георгиева, Электролампового и других заводов города активно поддержали инициативу димитровцев. Коммунисты развернули знамя соревнования.

Мы останавливаемся у станков, беседуем с ткачами разных поколений. Их рассказы о своем житье-бытье, о заботах и думах воссоздают образ рабочего социалистической эпохи. Радостно видеть людей, довольных своей судьбой, уверенных в своем завтрашнем дне, убежденных в правоте и большом значении того дела, которое они вершат. Комбинат — для них родной дом, рабочий коллектив — дружная семья, труд — творчество, требующее душевных сил и вдохновения.

Ткачи свято хранят и множат славные революционные традиции отцов и дедов. На этих традициях коммунисты воспитывают молодежь, выковывая и закаляя новое пополнение рабочего класса.

…После вечерней пересмены Иван Бахов пригласил нас заглянуть в стеклянную конторку второго ткацкого цеха. За столом, вполоборота к тесному рядку молодых ткачих, сидел грузноватый пожилой мужчина с добродушными карими глазами — начальник цеха, ткач-ветеран Петр Пенев. Судя по сосредоточенным глазам и зарумянившимся лицам, девушки были поглощены разговором, и мне подумалось, что наш приход не ко времени.

— Добро пожаловать! — поднялся навстречу Пенев. — У нас тут очередная, как говорится, беседа. Посвящаю будущих коммунисток в историю нашей партийной организации.

Молодежь интересуется, как мы «ткали саван капитализму», как боролись…

— Продолжайте, пожалуйста, товарищ Пенев, — попросил Бахов.

— Так вот, девчата, с приходом к власти фашизма фабрикант самовольно отобрал у рабочих те льготы, которых мы добились во всеобщей стачке двадцать девятого года. Опять невмоготу стало жить нашему брату. Среди ткачей начались ропот и брожение. Почуяв недоброе, хозяин в подмогу жандармам, постоянно охранявшим фабричный двор, вызвал солдатский отряд… Якобы для «примерки обмундирования». Но коммунисты решили действовать. Партячейка выработала проект требований к фабриканту.

Мы настаивали на 8-часовом рабочем дне, на повышении зарплаты. Были и такие пункты: «Хозяин должен по-человечески относиться к ткачу», то есть не давать ему зуботычин; «по вечерам в цехах зажигать лампу и чистить стекло». В вашем сознании, может быть, это и не укладывается, да ведь слово из песни не выкинешь, страницу из истории не вырвешь. Из рук в руки, под полою, партийный проект требований пошел от станка к станку. Фабрика заклокотала, как паровой котел!..

Вспоминая о далеком прошлом, человек вновь переживает его глубоко и больно. Пенев чуть дрогнувшей рукой стирает со лба испарину, чаще моргают его морщинистые веки, резче голос:

— Хоть и молод я был в ту пору, но меня избрали членом стачечного комитета. Пошли мы к хозяину. А он, не дочитав листка с нашими требованиями, скомкал его и разразился такой бранью, что у мужского уха барабанная перепонка могла лопнуть. Построились мы в цехах колоннами. У одного паренька было припасено красное знамя — под рубахой обмотался им… Солдаты стрелять не стали, а жандармы струсили, разбежались. Кто-то затянул: «На каторге тяжкой…», — и все подхватили. По пути в город к нам присоединились рабочие других фабрик. Наше шествие протянулось на целую версту.

Сливен объявил всеобщую стачку. Она продолжалась больше месяца. Руководил ею окружной комитет партии. Он организовал акцию продовольственной помощи городу в окрестных селах. Без крестьянского хлеба мы бы не выстояли. Детишкам нечем было заткнуть рот. Как ни щетинились фабриканты, а в конце концов вынуждены были пойти на уступки. Хотя и не по всем пунктам. Да дело-то в том, что наша организованная пролетарская сила взяла верх. У ткача еще больше укрепилась надежда на партию и вера в будущую окончательную победу. Вот так-то оно было!..

Пенев испытующе поглядел на девушек, словно обращаясь к

ним с молчаливым вопросом: «Дошли до вас мои речи?» И, видимо, убедившись в положительном ответе, повторил твердо, с ноткой назидания:

— Вот так-то!..

Потом встал и подошел к секретарю парткома.

— Теперь тебе, Иване, полный резон дополнить нашу беседу. Расскажи-ка девчатам, как во время стачки ты, еще совсем зеленым парнишкой, целый воз муки нам подвалил!

— Было и такое дело, — ответил Бахов. — Слух о всеобщей стачке быстро облетел Балканы. Из нашего села — оно в двенадцати километрах от Сливена — несколько батраков работало на фабриках. Крестьяне, конечно, душою были с ткачами. Знали, как тяжко живет рабочий люд, возмущались произволом хозяев. Но о том, чтобы выразить боевую солидарность, разговора не шло. По тому времени в нашем селе еще не было партийной ячейки. Кто организует народ?! А крестьянин, как вы знаете, имеет свою особую психологию, частнособственническую. Когда стало ясно, что стачка затягивается, фабриканты и торговцы устроили рабочему классу «экономическую блокаду», — проще говоря, прекратили доставку хлеба и продуктов, позакрывали магазины. В городе началась голодовка. Кулаки окрестных сел решили этим воспользоваться, нажиться. Они стали возить в Сливен жито, муку и сбывать втридорога, обменивать у голодающих на последние вещи… Прихожу как-то я к отцу и говорю: «Давай, татко, и мы подзаработаем! Есть же у нас чувалов пять лишней муки». А он мне: «Неудобно бы вроде, сынок, на чужом горе строить свое благополучие. Это против закона божьего». «Но деньги где-то нам надо добывать, — настаиваю я. — Без обуви зимой останемся!» Поколебался батька и сдался. Нагрузил воз и снарядил меня в Сливен. Разведал я у знакомых, где размещается стачечный комитет, — и прямым ходом туда. Там мы и встретились с баем Петром, товарищем Пеневым. Ему-то я и сдал всю муку под расписку.

Не один я, конечно, оказался сознательным. Целые общины помогали ткачам. Смычка рабочего класса с крестьянством уже действовала. Во многих селах работали партийные ячейки… Возвратился я восвояси и кинулся отцу в ноги. «Полиция, — чуть не плачу, — конфисковала муку!» Съездил он меня разик кнутом через спину и сказал: «Врать не умеешь, сынок. Ежели это полиция, то она и лошадь с телегою конфисковала бы и тебя небитого не выпустила. Она, сынок, бьет людей ни за что, ни про что, а уж когда есть за что, — спуску не даст!» И с огорчением добавил: «Мешки-то были совсем почти новые!» «Мешки, татко, —

сказал я, — люди вернут!» «Ну, коли так, то добро!»

Девчата смеялись до слез. Штилянов хохотал заливисто, по-юношески.

— А ты говоришь, частнособственническая психология!

Бахов закончил серьезно, с чувством:

— Когда меня принимали в партию — это было три года спустя после того случая, — вместе с рекомендациями к делу была приобщена расписка стачечного комитета!..

* * *

По заповедным тропам, где ходят лишь дикие козы, мы поднялись к вершине балкана. Иван Штилянов вызвался показать поляны, на которых 15 лет назад горели партизанские костры отряда имени Хаджи Димитра.

Под нами, в зеленой долине, макетом лежал белокаменный город. В самом центре его возвышалась монументальная гранитная фигура Хаджи Димитра, легендарного гайдука, сливенского уроженца, сложившего свою голову в жестокой битве с оттоманскими поработителями. Это ему великий Ботев посвятил свои бессмертные строки: «Кто в грозной битве пал за свободу — не умирает…» С именем Хаджи Димитра связана еще одна замечательная глава болгарской истории. На вершине Бузлуджи, где его отряд встретил свое последнее утро перед смертным боем, собрался в 1891 году, под сенью вековых буков, первый съезд Болгарской социал-демократической партии, звучал зовущий к битвам за свободу голос Димитра Благоева.

От городской площади звездными лучами разошлись широкие улицы, засаженные пирамидальными тополями, пики которых поднимались над островерхими черепичными крышами четырехэтажных зданий. Тут и там были видны строительные площадки, в опалубках лесов стояли массивные кирпичные каркасы. Вниз по руслу реки Асеновской поднялся огромный новый корпус текстильного комбината имени Георгия Димитрова.

— Раздается наш Сливен вширь и растет ввысь, — роняет Штилянов, обводя зачарованным взглядом долину. — Расправляет свои могучие индустриальные плечи. Один только комбинат имени Георгия Димитрова в минувшем году дал промышленной продукции больше, чем все текстильные предприятия буржуазного прошлого. А в третьей пятилетке наш Сливен увеличивает еще наполовину выпуск тканей. Широкие горизонты открываются!

Я слушаю Штилянова, и мне кажется, что отсюда, с высоты

балкана, с плацдарма партизанской поляны, сливенский ткач и партийный вожак достигают своим оком горизонта времени, имя которому коммунизм!

1958 г.

С попутным ветром

Корабли несут по морям и океанам в другие страны славу своей родины!

Эти слова, достойные афоризма, принадлежат старейшему варненскому инженеру-кораблестроителю, которого молодое поколение называет «дедушкой болгарского флота».

Ныне трехцветный национальный флаг Болгарии реет на многих судах Черного моря. Ему салютуют в дальних портах трех океанов. А ведь еще недавно балканская страна хотя и имела выход к морю, но не считалась морской державой.

Кое-где люди не только не видели болгарского флага, но и не подозревали о его существовании.

Выдающийся болгарский писатель Алеко Константинов, предпринявший в конце прошлого века путешествие на американский континент, с горечью за судьбу родины рассказывает о своей встрече с нью-йоркским таможенным чиновником:

«Он спросил мое имя. Услышав фамилию с окончанием на „ов“, пробормотал:

— Русский?

— Нет, я болгарин!

— ?!

— Болгарин я, из Болгарии!

— ??!!

— Бал-ге-ри-ен, — проскандировал я уже с досадой, ибо меня начало сердить невнимание этого американца. — Глухой, что ли? — Балгериен!

— А!.. Из Венгрии? — поправил он меня.

— Какая тебе Венгрия! Болгария, на Балканском полуострове!..

Я смекнул, что, может быть, плохо выговариваю на их языке название нашего княжества, и потому достал, и развернул перед ним карту Европы, ткнул пальцем в то место, где обозначена София.

— О, да! Турция! Ол райт!

— Нет, господин, — запротестовал я. Но он и слышать не хочет, пишет меня за турка…»

А теперь… Передо мной лежит несколько иностранных журналов, среди которых один на языке нью-йоркского чиновника. Этот самый журнал признает замечательные успехи народной республики в развитии отечественной индустрии. И хотя сквозь зубы, поневоле, но он восторгается

«исключительными достижениями болгарских кораблестроителей».

Историки, будучи жрецами точной науки, изучающими всякое явление с зародыша и всякое течение с истока, говоря о дне рождения болгарского кораблестроения, называют 1907 год.

Действительно, в ту пору на варненской пристани была создана первая мастерская по судоремонту. Техническое оборудование этого предприятия состояло из одной кузнечной печи с ручным мехом, набора молотков, зубил и щипцов. Починить рыбацкую шаланду или корыто для стирки белья тут могли, что же касается более сложной работы, — не брались.

После первой мировой войны в штат мастерской был зачислен корабельный инженер. По соседству с кузницей хозяин выстроил для него дощатый сарайчик — помещение менее приглядное, чем те времянки, в которых, по описаниям авторов приключенческих романов, жили на необитаемых островах моряки, потерпевшие кораблекрушение. Сарайчика этого сейчас на берегу Черного моря нет. Однако фотография его сохранилась и висит среди экспонатов древностей в музее Варненского судостроительного завода с подписью «Первое помещение нашего КБ» (конструкторского бюро).

История не прошла мимо сарайчика. В недрах КБ, штат которого состоял из одного инженера и двух чертежников, родился проект пассажирского моторного катера, предназначавшегося для прибрежного плавания. Мастера, имевшие под руками допотопный инструмент, чтобы осуществить этот проект, должны были обладать талантом легендарного тульского Левши и таким же чувством национальной гордости. В 1935 году суденышко спустили на воду. Его испытали в шторм, и оно выдержало.

Хозяин мастерской назначил по этому поводу торжество и пригласил на него царя Бориса, проводившего свое время в фамильном дворце на золотых песках Черноморья.

В отпрыске кобургской династии заговорила кровь. Бросив с берега беглый взгляд на судно, царь назидательно изрек:

— Не вижу надобности, чтобы Болгария строила свои плохие корабли, когда она может покупать отличные в Германии — отечестве техники. Да будет вам известно, что именно немцы изобрели обезьяну!..

В тот день рабочие корабельной мастерской окрестили первое болгарское суденышко именем варненского мыса «Галата», а последнего болгарского царя — прозвищем «кобургский щенок», с которым он дожил земные дни и отошел к предкам, бесславно завершив царствие своей собачьей династии.

«Галата» дала болгарским кораблестроителям крылья. Но крыльям этим было суждено опериться, окрепнуть и размахнуться десятилетие спустя, когда в стране победила народная власть.

Орлиные крылья, орлиный размах и взлет!

…Вдоль изогнутого дугою пологого берега Варненского залива протянулись на многие километры верфи кораблестроительного завода имени Георгия Димитрова. Взметнули ввысь слоновые хоботы и жирафьи шеи портальные, консольные и гусеничные краны. На стройплощадках, на стапелях идет монтаж стальных корпусов. Над заливом раскатывается, будто шквал разъяренного моря, грохот молотов, гуд моторов, треск электросварочных аппаратов, гул электровозов, что снуют между огромными ангарами цехов, как игрушечные. Денно и нощно не смолкает богатырский голос стройки.

В неутомимом труде людей и динамике машин рождаются из листов стали секции, из секций — каркасы грузовых и пассажирских пароходов, танкеров, барж, брандвахт… Вот стальной корпус готов. По старому морскому обычаю мастер в присутствии строителей разбивает о нос судна бутылку шампанского — на счастье! Корпус спускается по стапелям на море. Вот он взбурлил тихую гладь бухты, покачнулся — раз, другой, третий — и застыл, как впаянный в воду. И тут ликующее «ура» сотен людей на несколько секунд заглушает шумную металлическую симфонию машин и механизмов.

Наступает очередь токарей, плотников, краснодеревщиков. Они ставят «надстройку», монтируют деревянную часть.

Судно вскоре приобретает свой окончательный облик, существовавший до сих пор на чертежах. Теперь в его тело вставляется сердце, дающее жизнь и могучую, неутомимую силу, которая одолевает долгие мили и выходит победительницей в единоборстве с бурями и штормами, — монтируется двигатель.

На верфях Варны и в ее самом крупном на Балканах сухом доке одновременно строятся и ремонтируются десятки судов. Восемьдесят процентов объема производства судоверфи приходится на строительство. Завод выпускает суда самых различных серий: речные, озерные и морские баржи, самоходные и буксирные — грузоподъемностью от 1 000 до 4 000 тонн, товарные самоходные суда грузоподъемностью от 150 до 3 200 тонн, четырехтысячетонные танкеры, двухсотпятидесятиместные морские пассажирские пароходы, железобетонные брандвахты или плавающие гостиницы, железобетонные буксирные рыбозаводы и ремонтные мастерские.

Попав на территорию завода, я последовал благому совету товарищей из морского регистра — «начинать изучение его

анатомии с головного мозга».

Головным мозгом, или техническим умом, образно именуется конструкторское бюро. Тут вынашиваются и рождаются идеи, производятся точнейшие расчеты и на основе их создаются проекты будущих судов. В просторном, полном света и воздуха двухэтажном здании конструкторского бюро сидят, склонившись над чертежами, кальками и бесконечными колонками цифр и формул, 170 человек.

Первый встречный, к которому я обратился, узнав во мне русского, сказал:

— Вам, очевидно, будет интересно познакомиться с ленинградцами. Они все и расскажут, и покажут, и объяснят. Зайдите к Атанасу Иорданову. Это наш ведущий инженер и секретарь партийного бюро!..

Не успел я раскрыть рта, чтобы спросить о происхождении ленинградцев на кораблестроительном заводе, как мы оказались лицом к лицу с одним из них. По виду и природе своей он представлял типичного болгарина: коренастый, свитый из мускулов человек выше среднего роста, с покатыми атлетическими плечами, с добродушными карими глазами под колосьями бровей на широкоскулом бронзовом лице и теми непередаваемыми чертами, которые позволяют безошибочно определить его национальную принадлежность за милю… Однако говорил он действительно на чистейшем русском языке с ленинградским «нюансом».

Прочитав в моих глазах недоуменный немой вопрос, Атанас Иорданов объяснил:

— Я тут не один, нас целое «землячество», окончивших Ленинградский судостроительный институт!

Коммунистическая партия и народная власть, получив в наследство от старого строя примитивные ремонтные мастерские с несколькими специалистами и начиная создавать отечественное кораблестроение, стали прежде всего решать задачу подготовки квалифицированных кадров. Была организована широкая сеть курсов, семинаров и школ заводской молодежи, на которых преподавали болгарские и советские инженеры. Лучших сыновей рабочих и крестьян, проявивших способности и прилежание к наукам, народное правительство послало на учебу в Советский Союз. Менее чем за десятилетие страна выковала прочное ядро инженерно-технических работников, занявших ныне узловые посты на производстве. И если еще несколько лет назад завод строил суда по иностранным проектам, то сейчас почти целиком перешел на собственные. Конструкторское бюро дало ряд оригинальных проектов грузовых и пассажирских пароходов, на

которые получены массовые заказы из-за границы.

Мне довелось беседовать с представителями старой гвардии инженеров, прошедшими курс кораблестроения в Петербурге, Париже или Генуе. Все они исключительно высокого мнения о подготовке своих молодых коллег — «ленинградцев».

— В нашу бытность, — говорили старики, — талантливому инженеру со студенческой скамьи положено было поработать два-три года на ассистентских должностях, прежде чем стать ведущим. А «ленинградцы», получив сразу после института руководство проектами, блестяще справляются. Советская школа — первая в мире: она дает не только замечательную теоретическую подготовку, но и практический опыт!

Атанас Иорданов любезно согласился сопровождать меня по цехам и верфям.

— Это, говоря на нашем языке, будет дальний рейс, — предупредил он.

— Тем больше встреч и впечатлений!

Инженер оказался незаменимым «боцманом» в этом рейсе. Да и не мудрено: ведь он тут начал с фабзавуча, прошел все стежки-дорожки, пересчитал все ступени, чтобы подняться на второй этаж конструкторского бюро.

…«ЖК-I». Сколь кратко наименование, столь длинно, просторно и высоко помещение цеха. Под его сводами свободно уместился бы целый городской квартал. «ЖК-I» — это значит: железнокораблестроительный-первый, иначе именуется корпусным.

— Мы часто и справедливо сетуем на злоупотребления сокращенными словами — аббревиатурами, — рассуждает Иорданов. — Но жизнь сильнее самых строгих блюстителей стиля. Рабочему или специалисту сподручней говорить короче: для метровых фраз нет времени!.. Кстати, прежде в шутку этот цех называли цехом «громкоговорителей». Круглые сутки тут трещали сотни воздушных пистолетов так, что земля гудела, и клепальщики, чеканщики вынуждены были объясняться, крича друг другу в ухо. В конце концов «повышенный тон» становился их профессиональной привычкой. Сейчас, слышите, в цехе — относительная тишина. Но дело, конечно, не в тишине, а в технической революции, которая свершилась в нашем кораблестроении. Мы перешли от клепочных соединений к сварной конструкции!

Мощные машины режут, как нож масло, стальные листы 25-миллиметрового сечения, большой вальцовый пресс, словно утюг, их гладит, а гидравлический — одним нажимом, будто это не сталь, а воск, придает им точные, сложно переплетенные изгибы.

По электромагнитным стендам движутся автоматические электросварочные аппараты, намертво соединяя стальные листы. Портальные краны то и дело выносят из ворот цеха на стапеля целые секции и блоки корпусов.

— Полюбопытствуйте, — говорит Иорданов, — на всех машинах стоят марки советских заводов. Эта первоклассная техника позволила нам несравненно облегчить труд рабочих и за одну пятилетку увеличить производительность в 10—15 раз. Однако, если быть точным, нужно сказать, что этот скачок обеспечили наши кораблестроители, которые переняли от советских мастеров и освоили передовые современные методы. Вслед за сварной конструкцией на заводе был внедрен бригадно-поточный метод производства. Насколько он эффективен, можно судить по такой цифре: если прежде, даже при сварной конструкции, строительство тысячетонной баржи продолжалось 290 дней, то теперь — не более месяца!..

Куда бы мы ни заходили: в корпусный второй или третий, в ремонтно-механический или литейный, в кузнечный или деревообделочный цехи, на стапели железобетонного кораблестроения или на сухой док, — всюду видели сложные и умные машины, механизмы, автоматы. Они выполняли главную, самую тяжелую долю труда. На их фоне, на фоне гигантских конструкций, человек казался со стороны малым существом. Но стоило приблизиться к нему, как он вырастал во весь свой гигантский рост.

Вместе с Иордановым мы наблюдали, как токарь, черноволосый ладный мужчина средних лет, обрабатывал на копировально-фрезерном станке винт судна, когда к нам подошел директор завода Иван Ковачев.

— Как вам нравится эта махина? — спросил он, кивнув головой на станок, и сам же ответил: — Хороша! — Подумав, продолжил: — Но машины машинами, они и в Америке машины. А вот людей таких там не встретишь. Не потому, что они какой другой породы, а потому, что нет у них резона так работать. Да вы побеседуйте хотя бы с ним. Иордан! — окликнул Ковачев токаря. — Познакомьтесь!..

Биография Иордана Коларова — типичная для поколения болгарских рабочих, которым сейчас от трех до четырех десятков, тех, кто хлебнул горького прошлого и черпает полной чашей настоящую счастливую жизнь. Правда, Иордан рос сиротой и начал добывать свой хлеб трудом не с четырнадцати, как его сверстники, дети пролетариев, а с десяти лет.

Рабочий, он вместе со своим классом сражался, не щадя жизни, за победу народной власти и вместе с ним встал на вахту

социализма. Работая, Коларов упорно учился. Знания пробудили его незаурядные способности и творческий ум. В станке, который был для него верхом человеческой мудрости, он подметил недостаток. Токарь предложил одну рационализацию, другую…. И вот станок словно бы вырос из мальчика в мужа. На нем без дополнительной нагрузки Коларов стал выполнять по три нормы за смену и не сдает темпа вот уже несколько лет подряд.

Родная власть высоко оценила труд токаря, удостоив его орденом Трудового Красного Знамени, Золотого ордена труда и других наград.

Такие люди в Варне строят корабли!

Распрощавшись с директором и токарем, мы вышли на причал.

— Если не устали, на этом закончим наш сухопутный рейс и предпримем морской, — предложил Атанас Иорданов. — Через полчаса начнутся ходовые испытания грузового моторного судна «Бяла». Это мое произведение. Я руководитель проекта!..

…«Бяла», словно большая белая чайка, стремительно летит по волнам Черного моря. Словно чайка, она кружит на одном месте и снова несется над морскою пучиной. Строгие и скрупулезные во всем товарищи из морского регистра проверяют, как судно «слушается руля», какова его скорость и поворотливость, исправно ли действуют механизмы и приборы, сколько двигатель расходует топлива!..

Иорданов спокоен. Судно сработано золотыми руками. Сын варненского рабочего, выросший в «пролетарских кубриках» — сырых и темных подвалах портового города, — ныне ведущий инженер завода, смотрит на проплывающие мимо берега, на верфи, на расположившиеся вдоль Золотых песков белокаменные дворцы народных санаториев и говорит:

— Совсем еще мальчишкой я читал морской приключенческий роман, эпиграфом к которому автор поставил чуть ли не библейское изречение: «Моря меняют свои берега». Эта древняя мудрость мне врезалась в память. И я по детской наивности каждое утро, направляясь к морю, думал, а не изменило ли оно берега… Теперь вот смотрю и вижу, насколько наш берег изменился. Но изменило его, преобразило его не море, а люди, которые стали сильнее моря!..

Спустя два дня «Бяла» уходила в свой первый регулярный рейс. Атанас Иорданов, урвав полчаса от работы над проектом нового десятитысячетонного судна, вышел на берег, чтобы пожелать капитану и матросам «попутного ветра».

…Под мирным болгарским флагом идут корабли с попутным ветром в дальние моря и океаны.

По дедовскому следу

Пожелтевшие страницы истории живут и сегодня.

…Русская армия могучим валом подкатила к стенам Царьграда. Разгромленный наголову противник был вынужден безоговорочно подписать продиктованные ему победителем условия мира.

19 февраля 1878 года, по старому стилю, 3 марта — по новому, на восточной окраине константинопольского предместья Сан-Стефано разбилось биваком 60 тысяч русских воинов. Герои Плевена, Шипки и Арабаконака ждали с минуты на минуту известия об исходе переговоров.

Со стороны Сан-Стефано показалась конная кавалькада: на рысях к биваку приближались генералы Гурко, Скобелев, Тотлебен и другие прославленные полководцы. По строю многократным эхом прокатилось: «Смирно-о-о!» В мертвой тишине раздался голос: «Поздравляю с заключением мира!»

Грозное и ликующее русское «ура» потрясло простор. Шапки полетели в воздух.

Война закончилась.

Болгария была освобождена от тяжелого чужеземного рабства, длившегося пять долгих веков.

* * *

Путь русской армии в освободительной войне 1877—1878 годов озарен великим героизмом, самопожертвованием и гением суворовской школы. Форсирование Дуная, битва под Плевеном, эпопея Шипки, переход через Балканы, ставшие апофеозом воинского искусства, удивили весь мир.

Двести тысяч русских воинов отдали свои жизни за свободу братского болгарского народа.

«Кто в грозной битве пал за свободу, — не умирает!..» — пел великий болгарин Христо Ботев.

На полях, залитых горячей кровью освободителей, выросли памятники их бессмертия. Гранитными вехами протянулись они по всему победоносному пути армии и вознеслись выше древних пантеонов и пирамид. Упирающийся вершиной в облака Шипкинский обелиск, памятник освободителям в Софии, Плевенский мавзолей, храмы-памятники Александра Невского и Шипкинский являют собой неповторимые творения зодчества и ваяния. Они созданы гением народа, вдохновленного бесконечной

признательностью и безмерной любовью.

Болгария свято чтит и помнит имена своих освободителей. Они высечены на гранитных и мраморных плитах четырех с половиною сотен памятников, установленных на народные пожертвования; ими названы десятки селений, сотни улиц, бульваров, площадей и парков. Золотыми буквами эти русские имена навечно вписаны в историю страны!

«Герои, на ваших костях воздвигнута наша свобода!» — гласит надпись из вечнозеленого самшита в Плевенском парке-мавзолее.

Посаженные Западом на болгарский престол последыши кобургской династии и хозяйничавшие в стране фашистские головорезы многое бы отдали, чтобы стереть с лица земли гранитные реликвии русской славы, и не раз пытались посягнуть на них. Но народ грудью вставал на защиту своей святыни.

Ныне рядом с памятниками Освободительной войны выросли монументы в честь героической Советской Армии, вызволившей болгарскую землю из-под фашистской тирании.

Проходя по стопам своих дедов, победоносные солдаты маршала Толбухина написали резцом на камне Шипкинского обелиска чудесные слова:

Вдали от русской матери-земли
Здесь пали Вы за честь отчизны милой,
Вы клятву верности России принесли
И сохранили верность до могилы.

Стояли Вы незыблемей скалы,
Без страха шли на бой святой и правый.
Спокойно спите, русские орлы,
Потомки чтят и множат вашу славу.

Отчизна нам безмерно дорога.
И мы прошли по дедовскому следу,
Чтоб уничтожить лютого врага
И утвердить достойную победу!

Для Болгарии русско-турецкая война была могильным камнем оттоманскому феодализму. Победа антифашистского Сентябрьского восстания 1944 года похоронила болгарский капитализм. Страна вступила в эпоху социализма. Восходящий народ за десятилетия наверстывает века и опережает бег времени.

Без марта 1878 года не было бы сентября 1944 года и не могло быть свободной и цветущей страны Болгарии, жемчужной

звезды в лучезарной социалистической плеяде.

Окинем взором горы и долины, перевалы и дороги, по которым 80 лет назад шли, добывая победу, освободители.

Плевен… Каждому славянину со школьной скамьи знакомо и свято имя этого города. Под его крепостными стенами разыгралась кровопролитнейшая битва. Плечом к плечу с русскими воинами в ней участвовали солдаты Румынии.

1958 год… Плевен — крупный экономический и культурный центр, административный узел земледельческого округа с высокоразвитым зерновым хозяйством, виноградарством и животноводством.

На городской площади высится утопающий в зелени мавзолей, где в саркофагах покоятся кости русских героев. Неподалеку от него — музей. Он размещен в том самом доме, в котором останавливался русский главнокомандующий и куда к нему был приведен пленный турецкий генерал Осман-паша. У входа надпись:

«Преклоните главу перед нашими братьями-освободителями и храните беспредельную преданность русскому народу!»

Под кронами столетних берестов, на каменных пьедесталах расставлены русские батареи, громившие турок на Мертвом поле у подступов к Плевену. На юго-западной окраине города шумит зеленый Скобелевский парк. Под его сенью тут и там разбросаны памятники воинам, павшим на поле жестокой брани 30 и 31 августа 1877 года.

Горный Дубняк… Селение в трех десятках километров на пути из Плевена в Софию, где находился неприступный турецкий редут, героически опрокинутый русским штыком и прикладом. Вокруг любовно оправленных и увенчанных мраморными крестами братских могил разрослась молодая роща. А за ее чертой привольно раскинулись нивы, плантации и сады молодого трудового кооперативно-земледельческого хозяйства «Горный Дубняк». Крестьяне, ставшие подлинными хозяевами земли, выращивают из года в год отменные урожаи, живут культурной и зажиточной жизнью. Триста кооперативных семей отстроили себе просторные и светлые кирпичные дома. Историческое село обновилось.

София… Когда зимою 1877/78 года в суровую стужу, метель и бездорожье солдаты генерала Гурко перевалили Балканы в районе Арабаконака, повторив альпийский переход суворовских чудо-богатырей, перед ними лежала в котловине София. Тогда это был захолустный городишко ремесленников и торговцев, насчитывающий едва 20 тысяч жителей.

София сегодня — это сердце социалистической Болгарии,

политический, культурный и экономический центр страны, город вузов и театров, фабрик и заводов, дворцов, памятников и парков. Сверстница Рима, она год от года растет и молодеет. А в 30 километрах юго-западнее столицы, где русские солдаты, сыновья уральских добытчиков, открыли «горюч-камень», вырос шахтерский город Димитрово, взметнулись в небо трубы завода имени В. И. Ленина, первенца отечественной металлургии, детища советско-болгарской дружбы.

Путь армий генералов Скобелева и Гурко на Адрианополь и Царьград проходил через Шипкинский перевал Главного Балканского хребта, через Фракийскую долину и по северным отрогам Родоп. Неузнаваемо преобразились эти края. На некогда пустынном и болотистом поле, неподалеку от Хасково, вырос социалистический Димитровград, центр тяжелой промышленности. В недрах диких Родоп — медвежьем углу Оттоманской империи — возник Родопский индустриальный район, именуемый «Болгарским Уралом». Это огромный комплекс рудников, новых заводов, гидроузлов, обогатительных фабрик.

* * *

Шипка!.. Имя это стало символом беспримерного героизма и воинской славы. Оно стоит в одном ряду с такими названиями, как Чудское озеро, Куликово поле, Бородино, Волгоград! На Шипкинском перевале насмерть стояли русские воины и болгарские ополченцы.

Сегодня действительно «на Шипке все спокойно».

С самого раннего детства у меня сложился зрительный образ этой вершины славы по картине Верещагина. Он был здесь в ту зловещую зиму вместе с солдатами Скобелева, Столетова и Радедкого, кому, кстати, принадлежат слова: «На Шипке все спокойно».

Иван Вазов, посетивший Шипку вскоре после войны, написал бессмертные строки:

«Предо мною вздымается южная часть горной вершины и одинокий, острый, словно шило, пик, увенчанный узким, скалистым утесом — Орлиным гнездом. Отсюда ополченцы метали камни в наступавшие по обрывистым склонам войска неприятеля. На этом месте стоит простой железный крест. Погрузившись в воспоминания о великом прошлом, я, среди окружавшего меня покоя, мысленно представил себе эпопею борьбы за эти высоты. Молчат сегодня утесы, дрожавшие от отзвуков битв, молчат отвесные склоны, некогда залитые русской

и болгарской кровью. Горная вершина стоит безмолвная, покрытая хмурыми скалами и белыми крестами, словно недоступный мавзолей в подоблачной вышине».

…На островерхой скале группы шипкинских возвышений, ныне наименованной вершиной Столетова, рядом с Орлиным гнездом, взметнулся в синее небо 40-метровый гранитный обелиск в форме усеченной пирамиды. Внутри обелиска шесть этажей. Над входом отлитое из бронзы изваяние льва — символ свободной Болгарии.

Подземелье памятника — усыпальница. В мраморном саркофаге собраны черепа и кости погибших героев.

Весною и летом, осенью и зимою сюда, на вершину Столетова, к подножию Памятника свободы текут на поклонение тысячи и тысячи людей. «Все дороги, — говорят в Болгарии, — ведут на Шипку!» И нет в стране человека, который бы не преклонил колени перед ее святыней.

С поднебесной высоты Шипки сквозь чистый, как горный хрусталь, утренний воздух глаз достигает до голубой ленты Дуная! Взору открывается чарующая картина: на зеленых балканских склонах пасутся тучные стада; в долине коврами стелятся нивы; блестят на солнце серебряные зеркала искусственных озер, сотворенных трудом и разумом человека; огромные массивы садов перемежаются с плантациями виноградников и роз. И все это принадлежит свободному, новому крестьянину, внуку раба турецкого бея, сыну батрака богача-чорбаджии и царя.

У подошвы балкана, на шоссе, спускающемся спиралью с вершины Столетова в Розовую долину, раскинулись легендарные села Шипка и Шейново. Разрушенные и сожженные дотла Весель-пашою, они возродились из камня и пепла. Как и в Горном Дубняке, здешние кооперативы неизменно и во всем преуспевают. Крепнет общественное хозяйство. Каждый крестьянский дом — полная чаша.

Давно отгремели судьбоносные бои. Но никогда не заглохнет их слава! Иван Вазов вдохновенно пел:

И теперь — лишь буря грянет на Балканы,
Вспоминают Шипку горы-великаны.
И проносят эхо — гром былых побед —
Через перевалы, в даль грядущих лет.

Каждый год 23 августа, в день кровопролитных шипкинских сражений, вершину Столетова заливает море народа. Сюда съезжаются из ближних и дальних краев страны рабочие,

крестьяне, интеллигенты, люди всех возрастов — от стара до мала. И все семьями.

Картина походит на табор, на стан кочевья. Там и сям раскинуты шатры. Горят костры. На вертелах, сковородах, на углях жарятся барашки и поросята. Булки — что значит по-болгарски молодицы — на зеленых полянках готовят праздничную трапезу. «Дивизии» и целые «соединения» ребятишек играют в «Гори-гори ясно», «полки» юношей и девушек водят хороводы… Счастливый мирный бивак!

С торжественной и душевной простотой народ отмечает день 23 августа, великую дату в своей истории борьбы за свободу.

* * *

Мне выпала удача быть свидетелем и участником одного необычайного и трогательного события на вершине Столетова осенью 1955 года.

По приглашению болгарского правительства в Софию прибыл на празднование Дня свободы стотрехлетний Константин Викентиевич Хруцкий, бывший гвардеец Преображенского полка, сражавшийся на Шипке.

И вот 78 лет спустя, после своего первого восхождения, ветеран исторических битв снова «штурмует» орлиную высоту балкана. У подножия — толпы людей, половодье цветов. Шипкинский храм-музей — это неповторимое творение русского зодчества, — воздвигнутый во славу павших воинов, встречает героя колокольным звоном.

Эскорт машин, сопровождающих «ЗИЛ» Хруцкого, поднимается на вершину. Старик становится на колени, припадает к земле, и с его щек скатываются на грудь две крупные слезы. Одна, отражая яркий солнечный свет, как бриллиантовый камень, застывает на Георгиевском кресте, который получил гвардеец из рук Скобелева.

У К. В. Хруцкого феноменальная память в буквальном смысле этого слова, без всякой скидки на годы. Он называет не только фамилии, но имена и отчества десятков генералов, офицеров и солдат — своих сослуживцев. С затаенным дыханием слушают люди его пересыпаемую бисером пословиц и поговорок речь о шипкинской эпопее.

— А что касается саркофага, — улыбается Константин Викентьевич, — то я убежден, что он еще долго будет ждать костей самого жизнелюбивого воина!

— За много години! — раздалось в ответ тысячеустое

восклицание.

В переводе на русский это значило: «Многие лета!»

Георгиевский кавалер пешком поднялся на Орлиное гнездо, неся венок живых цветов к скале, где сложили свои головы его боевые товарищи.

Этот человек — настоящее чудо природы. Высокий и стройный, с лицом апостола и бородой патриарха, он твердо в свой век ступает по земле.

И кажется, что в этом русском богатыре воплотилась вся могучая несгибаемая сила нашего народа!

* * *

В Болгарии можно встретить немало современников Освободительной войны. Почетная гражданка города Свиштова Кица Хаджиденкова черноглазой девушкой подносила генералу Скобелеву хлеб-соль. Шипкинский учитель пенсионер Ленчо Станев, его землячка крестьянка Каля Лалева были свидетелями боев у Шейново.

Здравствует еще ополченец Шипки, последний из могикан, генерал-майор болгарской армии Тодор Василев Габарев. Воспитанник Петроградского кадетского корпуса и Киевского юнкерского училища, участник пяти войн, человек, переживший на своем веку все бури и штормы, нашел спокойное пристанище в белом домике на берегу Черноморья, в порту Варна. Тихо, но взволнованно звучат его слова:

— Кровь, пролитая русскими и болгарскими братьями, дала жизнь моей родине, свободу и счастье моему народу. Дело, за которое мы боролись вместе, победило!..

Великая любовь к освободителям горит священным пламенем в каждом болгарском сердце. И свет этого живого огня озаряет грядущие века и поколения!

1958 г.

Синеглазая Правда

На этот раз корреспондентская дорога завела меня в дебри Рилы. Географы называют эту горную громаду «царицею Балкан». Ее малахитовая корона, расцвеченная алмазами озер, поднимается выше Олимпа.

…Двадцать четыре века тому назад в здешние края завернул беспокойный Филипп Македонский. Устремив взор очей своих к горным вершинам, он заявил в узком кругу приближенных военачальников:

— Если бы я был Зевсом, то, будь я проклят, поселился бы на Риле. Она же ведь ближе к небу, чем Олимп. А для всякого бога, чем ближе он находится к небу, тем выше его авторитет. Ума не приложу, что заставило громовержца избрать своим биваком Олимп, а не Рилу!

Верующие военачальники не посмели упрекнуть в богохульстве своего главнокомандующего по той простой причине, что «до бога высоко», а царь рядом и его гнев страшен: «в два счета командирует к богу в рай».

И один из них тогда рек:

— Неисповедимы пути господни!

Другой, что стоял по правую руку от Филиппа, сказал:

— Никак невозможно нашему богу тут жить: кругом язычники, кем править? А бог без верующих — это военачальник без армии!

Третий, по всей вероятности, атеист, резюмировал:

— Да простят меня олимпийские боги, но старому хрычу Зевсу ни в жисть не залезть на Рилу. Гляньте — громадина какая. Только крылья Икара могли бы вознести его на такую высоту. Но Зевс ведь у нас бескрылый!..

…Состоялся ли такой разговор у подножия Рилы, или же его не было, трудно с достоверностью определить. И времени с тех пор утекло много, и, что немаловажно, при армии Филиппа не было военного корреспондента, который бы оставил потомкам хотя бы скудные заметки из походной жизни полководца. Но пробелы истории восполняет фантазия.

Шуточную легенду эту поведал мне председатель земледельческого кооператива села Махлата, раскинувшегося среди альпийских лугов Рилы на высоте двух тысяч метров над уровнем моря, Стоян Русев. Целый день ходили мы с ним по кооперативным угодьям, фермам. Он знакомил меня с хозяйством, рассказывал о житье-бытье крестьян. И когда (в какой раз!) я стал изливать свои восторги касательно величественной

красоты Рилы, Русев к слову припомнил и этот исторический анекдот.

Рассказчик Стоян Русев отменный. Говорит — творит. Кажется, застенографируй его — и в набор, без правки!

Уже смеркалось, когда мы возвращались в село. Впрочем, сумерек-то и не было. На шатры гор внезапно низверглась тьма, погребя под собою леса, скалы и дороги. Стало темно, как в пещере. Не будь со мной Русева, я бы не смог сделать шага. А он шел себе, не сбиваясь с изученной тропинки, словно ее освещал какой-то видимый только ему одному свет, и ступал неслышно, будто не по земле, а по воздуху. Я признался в своей беспомощности и откровенно удивился его сноровке.

— Что же тут такого, — ответил он, — я ведь горец — родился и вырос на Риле. Да, кроме того, прошел двухлетнюю «школу» альпинизма в партизанском отряде!.. Вылазки и переходы мы совершали только по ночам. Идет отряд — камушек под ногами не зашуршит, ветка в чащобе не шелохнется. Нас фашистские жандармы иначе не называли, как «крылатые красные дьяволы».

Я до этого не знал, что Русев участвовал в антифашистском движении. Меня подмывало, не откладывая, расспросить его о партизанских годах, но как тут вести беседу, когда все твои физические и духовные силы сосредоточены на том, чтобы не оступиться и не свалиться в тартарары?

Спустя несколько минут вызвездило. Казалось, незримый великан-волшебник рассыпал щедрой рукой по черному бархату неба мириады драгоценных бриллиантов. И на какой-то миг наступила абсолютная тишина. Будто природа и человек, зверь и птица замерли в торжественном созерцании неземной красоты. Почти одновременно засветились электрические огни в деревне, расположенной метрах в пятистах от нас, на нижней террасе. Они представлялись отражением сектора звездного неба в зеркальной чаше озера.

Русев пригласил ужинать к себе.

— Вроде как бы на новоселье, — сказал он. — Месяц назад переехал в новый дом. Все наши крестьяне отстроились раньше, пару лет назад, а я оказался в хвосте, потому моя хата и стоит с краю, на околице. Все недосуг было: обзаводились общественным хозяйством, скотные дворы строили — словом, ставили кооператив на ноги!..

На крыльце нас встретила хозяйка — женщина лет тридцати с небольшим, невелика ростом, тонка и стройна, с волосами черными, как смоль, и глазами, как ночь. Рядом со своим супругом — русым, синеглазым геркулесом — косая сажень в

плечах — она выглядела игрушечной.

— Данка, — представил Русев жену.

— Добре дошли! — приветствовала нас хозяйка и проводила в гостиную.

Просторная комната была устлана пестрыми домотканными коврами, обставлена новенькой, под орех, мебелью. На стенах висели три картины известных в Болгарии художников: прощание партизана с семьей, зимний вид Рилы и портрет крестьянина-горца на фоне леса, суровых скал и полей.

В гостиную впорхнула птичкой четырнадцати-пятнадцатилетняя девочка, бросилась на шею к отцу, поцеловала его, но заметив гостя, застеснялась, отошла в сторону и села на диван, мгновенно преобразившись во взрослую. Я вгляделся в ее личико и подумал, что природа не всегда является творцом, бывает и компилятором.

Правда, компилятором талантливым. Девочка — да простят меня стилисты — была фотомонтажом портретов своих родителей: синие, с широким разрезом глаза отца, его тонкий с горбинкою нос и резко очерченные губы, а мраморный лоб, орлиный размах бровей и черные кудрявые волосы — матери.

Сели за стол. Хозяйка подала жареного барашка и поставила бутыль красного, густого, как бычья кровь, сельского вина. По болгарской народной традиции мясному блюду сопутствует вино: в холодные месяцы года — красное, в жаркие — белое (в месяцы, название которых содержит букву «р» — от сентября до апреля, — красное, а в остальные — без «р» — белое). Согласно тому же давнему обычаю хозяин наполняет чаши вином и произносит первый тост за здоровье дорогого гостя, после чего начинаются разговоры и следуют другие тосты.

— Правда! Принеси, пожалуйста, утиральники, — сказала Данка, обращаясь к дочери.

Девочка выпорхнула из гостиной и, возвратившись через полминуты с четырьмя полотенцами, аккуратно уложила их по левую руку каждого сидящего за столом.

Несколько раз и до этого родители, окликая дочку, называли ее «Правдой». Сначала я подумал, что ослышался, и теперь решил спросить ее имя.

— Правда, — ответила она рокочущим, как весенний лесной ручеек, голосом.

— Мы ее не по святцам крестили, — улыбнулась мать. — Да и вообще, как вы, наверное, заметили, болгары не отличаются особой религиозностью. Это объясняется, в частности, некоторыми обстоятельствами нашей истории. Пятивековое турецкое рабство у нас сопровождалось греческим духовным

игом. Турки, истребляя народ физически, пытались насаждать мусульманство, а греки под хоругвями христианской веры старались уничтожить нашу национальную культуру и язык. Поэтому болгары и говорили: «Избави нас аллах от турок, а господь бог от греков».

— Она у меня учительница, — проговорил, добродушно подморгнув, супруг. — В школе ведет историю. С тех пор, как женаты, не помню такого случая, чтобы съел в семейном очагу барашка без исторического соуса!..

Отпив глоток из чаши, сказал совершенно серьезно:

— Дочка-то — ваша крестница!..

В моих глазах зримо обозначились два вопросительных знака.

Русеву, очевидно, доставило удовольствие меня удивить, и он, прежде чем продолжать разговор, сделал долгую — тактов на сорок — паузу, потом сказал:

— Чтобы вам это объяснить, нужно окунуться в историю. Не так, безусловно, глубоко, как это делает Да́нка, но все же!.. Как?.. Хватит ли терпения слушать?

— Я весь внимание!

— Тогда давайте сначала запалим по одной сигаретке!

Добродушное до беззаботности лицо Русева как-то сразу посерьезнело. От краев прищуренных век разбежалась густая зыбь морщинок. Когда он зажигал спичку, кисть вздрогнула, папироса несколько раз перекочевала из одного угла рта к другому, жесты стали резче. Но стоило ему затянуться, как передо мною снова сидел человек, воплощающий в себе олимпийское спокойствие.

— Ты бы, дочка, пошла почитала, — обратился он к Правде. — Да и спать тебе уже пора, а то завтра в школу опоздаешь!

Правда пожелала всем «лека нощ»[35] и поспешно упорхнула в свою комнату.

Еще раз глубоко затянувшись и медленно выпустив струю сизого дыма, Русев начал:

— В сорок втором году, когда взоры всего мира были прикованы к твердыне на Волге, мы, рильские коммунисты и комсомольцы, организовали партизанский отряд и начали с оружием в руках помогать русским братьям — за тысячи километров от фронта, во вражеском тылу. Нас было всего несколько сотен, капля в море. Но ведь и капля камень долбит. И еще говорится: «Капля по капле вир образует, а вир да вир — станет язовир — большое озеро». Мы отправлялись в долины, пускали под откос поезда, груженные немецким оружием, громили полицейские участки, держали в страхе и напряжении фашистские власти. Враги бросали против нас большие

соединения полиции. Однако карательные экспедиции всякий раз заканчивались провалом. Народ, горы и леса хранили нас, давали нам пищу и убежище, а полицаи, хотя силы их в несколько раз превосходили наши, были одинокими, как стая волков в степи, окруженная пылающими кострами ненависти. Бессильные, они вымещали свою звериную злобу на мирных жителях — крестьянах, а если разузнавали ятаков — помощников партизан, — вешали без суда и следствия.

Да́нка тогда была ятачкой. Она тоже из нашего села. Мы с нею вместе в подпольной комсомольской организации работали до того, как мне уйти в партизаны. Я секретарем был. И если по совести признаться, недооценивал я ее. Больно уж нежное создание! Что, думалось, она может сделать для завоевания рабоче-крестьянской власти?..

Ятачкой, однако, она оказалась незаменимой. Даже в самые трудные зимние недели, когда в селе стоял батальон полицаев и Рилу обложили войска, чтобы если не пулями, то голодом взять нас, она каким-то чудом умудрялась пронести в партизанский лагерь мешок сухарей, раза в полтора больший, чем сама.

Кто-то из кулаков выведал и выдал группу ятаков. На счастье, в ту ночь, когда полицаи их схватили, Да́нка со своей подружкой Надкой ночевала у родственников в соседнем селе. Слух о предательстве и провале группы опередил карателей, и девчата укрылись в горах, а затем пришли к нам. Партизанский отряд состоял сплошь из мужчин. Добровольно мы, конечно, ни одной женщины не приняли бы. На этот счет наш брат — немного турок. Но тут положение сложилось безвыходное. Куда бедняжкам идти? На виселицу?!

После не пожалели: девчата освоили оружие не хуже многих из нас, а главное — взвалили на свои плечи тяжкий и благодарный труд медицинских сестер.

…Как-то весною сорок третьего года разведка доложила, что в нескольких километрах батальон полицаев прочесывает лес. Быстренько разработали в штабе план действий и двинулись в обход. В перестрелке шальная пуля угодила мне в левую ногу. Кровь хлестала, как вода из чешмы…[36] Я лежал на земле, Да́нка накладывала жгут и перевязывала рану. Выстрелы удалялись. Наша взяла!..

Закончила она перевязку и говорит:

— Что мне с тобою делать, ума не приложу. Дотащить тебя до землянки — сил моих не хватит. И зачем ты такой буйвол уродился?!

— Слушай мою команду! — говорю ей. — Иди за отрядом. После меня подберете!

— Там, — отвечает она, — Надка. А командовать ты мною не можешь. Ранеными командует медицина, то есть я!.. И вообще, дурень ты синеглазый, как я могу тебя бросить?!

Говорит, а сама сверху смотрит на меня в упор своими черными и нежными очами. Чувствую — сердце мое огнем горит и разум мутится.

— Отвернись, — прошу ее, — или закрой глаза: не могу я выносить твоего взгляда!

— Не отвернусь и не закрою!

Смутно помню, что случилось дальше, кажется, я обнял ее и поцеловал. Она прикрыла ресницы, но уже поздно было: легко запалить пожар, а потушить, особенно ежели он внутри, никакой жидкости не хватит!

Комиссар категорически воспротивился нашей женитьбе.

— Бесстыдники, дождитесь победы — и тогда такую свадьбу справим, что эхо по Балканам прокатится! И, кстати, кому-кому, а вам-то известно, что любовь в партизанском отряде карается по всей строгости партизанского кодекса!

А я ему режу свое:

— В Уставе партии не записано, что во время войны жениться запрещается!

Разозлился он.

— Вдов да сирот и без того хватает!

— Пускай погибну, — говорю, — зато потомство оставлю!

В конце концов вступился командир, весельчак и шутник, отец семерых детей.

— Все мы неизбежно допускаем в жизни эту роковую ошибку. Не все ли равно когда? Зря, комиссар, препятствуешь. Ежели человеку пришла пора жениться, он, как бешеный конь, стрелою летит по прямой, не разбираясь, куда. Логика для него — пустой звук!

В такой исторической обстановке мы, — продолжал Русев, — значит, поженились!..

Партизанская жизнь шла своим чередом. Часто зеленое подножье, лесные склоны и голые вершины Рилы оглашались стрекотом автоматных и пулеметных очередей, гулом орудий. Война войной, а любовь любовью. Любовь не мешает воевать, она вдохновляет биться насмерть!

Подоспела пора, и Да́нка затяжелела. Начиная с шестого месяца, она не ходила с нами на боевые операции — ухаживала за ранеными в госпитале, для которого мы вырыли землянку около Рыбного озера. Ну и местечко, скажу я вам. Туда, прежде чем добраться, не только полицай — сам черт голову сломает, если не знать тайной стежки.

Шел март сорок четвертого года. Внизу, в долинах, уже гуляла весна. А на Риле бушевали свирепые метели, заметая утоптанные партизанские тропинки, ураганные бураны валили вековые сосны. Мы оказались отрезанными от мира. Продовольствие было на исходе. Отряд сидел на голодном пайке. Во всех окрестных селах еще с осени расквартировались войска. Фашисты бросили в горы тысячи янычар, чтобы задушить партизан.

Однажды погожим мартовским днем нас вызвала по радио Большая земля. Политический штаб партизанских соединений, движущийся на запад вместе с советскими войсками, передал шифровку:

— В 22 часа по московскому времени разожгите на Партизанской поляне сигнальные костры, примите парашютиста.

Близко к полуночи мы в землянке потчевали дорогого гостя кипятком, заваренным последними остатками сушеной душистой рильской травы. Это был болгарин, старый друг нашего командира, который находился после сентябрьского восстания двадцать третьего года в эмиграции в России и стал генералом Советской Армии.

Рассказав нам о положении на фронтах, генерал достал из бокового кармана свежий номер газеты «Правда». Я и мои товарищи ни разу в своей жизни не держали в руках, не видели «Правды». В фашистскую Болгарию она не приходила и была запрещена под угрозой смерти. Забыв о голоде и холоде, мы вслух читали каждую строчку газеты — от «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» до телефонных номеров внизу на четвертой странице. Читал я, понимавший русский язык чуть больше своих друзей. И когда коллективная читка была закончена, я, по праву, положил газету в собственный планшет.

Генерал, познакомившись с обстановкой, принял решение:

— Пробиться в село Махлата, уничтожить гарнизон и за час до подхода карателей из других сел запастись продовольствием, а затем вернуться обратно в горы… Другого выхода нет!

Операция была назначена на следующую ночь. «Ночь — мать гайдука», — поется в нашей песне.

Двинулись, едва зашло солнце. Переход предстоял долгий — не меньше шести часов в один конец. Отряд шел гуськом, потом «партизанской цепью». В походное снаряжение, помимо оружия и боеприпасов, входили альпенштоки и веревки, которыми вытаскивали провалившихся в сугробы и ямы, заметенные снегом.

Фашисты не ждали нас, будучи уверенными, что Рила непроходима. Поэтому два форпоста перед селом нам удалось снять без шума — ножами и прикладами. Но на околице нас

встретила автоматная очередь. Спустя минуту село было на ногах, хотя не засветилось ни одно окошко. Фашистские янычары выпустили в небо несколько ракет, давая знать своим соседним гарнизонам о нападении. Промедление было подобно смерти. Мы шли напролом. Главное — использовать растерянность и смятение врага… Неожиданно встречный ливень пуль прекратился. Захлебываясь, застрочили автоматы на центральной площади и прилегающих улицах. Что такое? Наших там нет!.. Бросок — и мы смяли полицаев. Нас обнимают, целуют, в радости и слезах, односельчане, увешенные винтовками, пистолетами! Это они, вытащив из подполья запасенное оружие, ударили врагу в спину и открыли нам ворота!..

Быстро, не мешкая, мы нагрузили сани продовольствием и трофеями. К отряду присоединились все мужчины и женщины, старики и дети: в селе не останется камня на камне, каратели превратят его в песок и пепел!..

Предстояло самое тяжелое, что не было предусмотрено планом операции: довести до лагеря тысячу человек, треть из которых малые да старые. Вне всякого сомнения, полицаи двинутся по нашему следу.

Командир оставил меня в арьергарде. Приказ был ясен без слов: биться и держать позицию, пока передняя колонна не проберется на бивак. В нашей группе остался и комиссар.

На рассвете, часов пять спустя, после того, как мы покинули село, над нашими головами прожужжали по-осиному пули.

…Начался неравный бой. Мы отстреливались, поднимаясь короткими перебежками в гору. Чувство времени было потеряно. Где-то около полудня вражеский огонь стих. Чуть выждав, отряд продолжил свой путь к лагерю.

Прошли метров двести. Вдруг слышу нечеловеческий вопль одного из разведчиков:

— Ложись!

И пулеметную очередь над самыми шапками… Враг неожиданно перерезал нам путь. Справа и слева — пропасть. Сзади и спереди — смерть.

— Комиссар! Поднимай партизанское красное знамя! Если умирать, то стоя! Отряд! В атаку!..

Прячась за соснами, идем в полный рост. Пули, дробя кору, вздымают желтую пыль. Какая-то внутренняя сила заставляет меня повернуть голову. И я вижу, как комиссар, перебегающий по правому флангу у самого края скалы, падает, сраженный пулей. Красное полотнище знамени падает на его голову, грудь и исчезает вместе с ним в пропасти.

Тогда я достаю из планшета «Правду», развертываю ее как

знамя, вырываясь вперед на прогалину, открытую врагу.

— Вперед, за свободу, за комиссара!

И чудо. Полицаи не стреляют. Молнией меня осеняет мысль: «Думают, сдаемся. Приняли газетный лист за белый флаг капитуляции».

— Не открывать огня! — передаю по цепочке. — Руки поднять вверх! В тридцати метрах по моей команде бросать гранаты!

…Что ж, хитрость удалась!.. Пробились мы!..

Вечером дотянулись, вернее, доползли до лагеря. А там меня ждала уже не одна жена. Ждала и дочка!

Имя ей дали всем отрядом. «Правда» спасла отца от неминуемой смерти. Значит, дочери быть Правдой.

— Вот она, наша история, — задумчиво, далеким-далеким голосом закончил свою повесть Стоян Русев.

И мне подумалось, что в эти минуты он не со мною, за столом, а стоит там, на вершине Рилы, в партизанском гнезде, в орлиной стае народных борцов, со своей нежной Да́нкой, верной на жизнь и на смерть подругой, и малым синеглазым птенчиком, названным именем Правды.

Такова история! Она героичнее мифа! Свободолюбивые люди бесстрашным подвигом своим овеяли Рилу легендарной славой, которая ее возвысила над всеми Олимпами!..

1958 г.

Растет и молодеет

Горы, словно крепостной вал, кольцом опоясали зеленое плато, среди которого привольно раскинулась София. В аллеях каштанов, тополей и акаций текут ее улицы, вливаясь в широкие, как озера, тенистые площади. Светлые фасады домов глядятся большими проемами окон, распахнутыми навстречу щедрому балканскому солнцу. Южные кварталы упираются в подножие горы Витоши. «Каменная красавица», как окрестили ее поэты, входит органической частью в городской пейзаж. Когда смотришь с подоблачной витошской террасы, София представляется чудесным пестроцветным панно на зеленом холсте долины. Неутомимый творец и художник, имя которому строитель, неустанно наносит на этот холст искусные мазки. В опалубках строительных лесов там и тут возникают контуры новых корпусов и зданий.

…«Растет, но не стареет!» — таков девиз, начертанный на древнем гербе города в обрамлении вечнозеленых оливковых ветвей.

Известная вначале под именем Сердики, затем Средец, София стоит более двух тысячелетий. Некоторые ученые, ссылаясь на Геродота, упоминавшего о «блистательном городе сердов», определяют ее возраст в 30 веков. Археологи, ведя раскопки, находят под фундаментами Софии памятники эллинской, фракийской, римской, византийской и древнеславянской культур.

В черную ночь оттоманского рабства многовековая слава города поколебалась. Когда восемьдесят лет назад сюда пришли русские воины-освободители, он едва насчитывал 20 тысяч жителей.

За шесть с лишним десятилетий буржуазного владычества София приобрела облик типичного капиталистического города с резкими контрастами роскоши и нищеты, с дворцами и виллами для власть имущих, трущобами и подвалами для людей труда. Уже на исходе прошлого столетия она превращается в неугасимый очаг рабочего движения. Тут обосновывается Центральный комитет Болгарской социал-демократической партии, а также национальный штаб профсоюзов. В голодных и нищих кварталах Красной Поляны, Коневицы и Кирпичных фабрик зреет ярый гнев против поработителей и эксплуататоров. Печатники и другие рабочие Софии впервые празднуют в 1895 году Первомай. С той поры каждую весну над столицей реют красные знамена и набатом гремит «Интернационал».

Пролетарии Софии горячо внимали пламенным, зовущим на

бой за свободу словам своих вождей Димитра Благоева и Георгия Димитрова. На ее фабриках и в мастерских зачинались стачки и забастовки, охватывавшие пламенем другие города и селения страны. Она еще в 1942 году организовала комитеты Отечественного фронта и дала Балканам многих героев партизанского движения, народных мстителей. 9 сентября 1944 года трудящиеся Софии одними из первых в стране поднялись на восстание, и при решающей помощи Советской Армии низвергли ненавистный монархо-фашистский режим и установили народную власть.

Тогда столица лежала поверженной в руины. Американо-английские воздушные пираты, злоумышленно предпринимавшие жестокие бомбардировки беззащитного города, сровняли с землей больше пятой части жилых домов Софии.

На расчистку пепелищ и развалин вышли все, кто мог держать кирку и лопату. Массовые субботники положили начало восстановлению Софии. Теперь на ее стройках заняты профессиональные рабочие, используется первоклассная техника. Но, по старому доброму обычаю, каждый гражданин — рабочий и студент, ученый и домохозяйка — ежегодно вносит свою лепту в благоустройство города.

«Трудно сегодня писать о Софии, — справедливо замечает один болгарский публицист, — ибо завтра она уже другая, еще краше и наряднее. За быстротечными переменами ее лица не поспеть и киноаппарату».

Строительство ведется широким фронтом как в черте старого города, так и на окраинах. Сняты уже последние леса в центре. На месте сутолоки торговых рядов, тесных улочек и закоулков возведен величественный архитектурный ансамбль. Его составляют здания Партийного дома с высоким шпилем, увенчанным красной звездой, здания Министерства тяжелой промышленности и Министерства электрификации, комфортабельного отеля «Балкан» и Центрального универмага. Широким, вымощенным брусчаткой проспектом связаны площадь Ленина с площадью 9 Сентября, где стоит в окружении вековых яворов мавзолей Георгия Димитрова и где происходят всенародные торжества в дни революционных и национальных праздников.

Город, насчитывавший прежде лишь несколько предприятий легкой промышленности да мелких кустарных ремонтных мастерских, оформился ныне как крупный центр социалистической индустрии. В его северной и восточной окраинах над островерхими черепичными крышами взметнулся высокий частокол заводских труб. За годы двух пятилеток в

Софии построены завод металлических конструкций имени Христо Смирненского, электротехнические заводы, заводы металлорежущих машин, авторемонтный и обувной, прядильный комбинат имени Тельмана, теплоэлектроцентраль, реконструирован локомотивно-вагонный завод имени Димитрова, заново переустроено много других заводов и фабрик. Город вместил 200 промышленных предприятий, 220 производственных трудовых кооперативов. Он дает более пятой части валовой промышленной продукции страны. Марка софийских предприятий известна во многих странах Европы, Азии, Африки. Значится она на первоклассных станках и машинах, на электроприборах, аппаратах и точных инструментах, на индустриальных произведениях сотен различных наименований.

Верный своим революционным традициям, рабочий класс столицы идет в авангарде социалистической индустриализации родины. Он выступает инициатором всенародного соревнования за перевыполнение государственных планов. В его недрах рождаются новые, прогрессивные методы труда. По нему равняются другие города.

Индустриальный рабочий — главная фигура новой Софии, ее цвет и гордость. Кто же он, этот человек, герой нашего времени?..

Сказать об одном человеке мало, говорить о каждом невозможно. Но если собрать тысячи биографий людей разного возраста и профессий, разной судьбы, слить их воедино, тогда вырисуется истинный образ нового софийского рабочего-богатыря.

Он родился в сыром пролетарском подвале столичной окраины. Отец и мать его надрывались от тяжкого труда на капиталиста. Братья и сестры умирали с голоду. Он выжил. И, чтобы жить, четырнадцати или пятнадцатилетним подростком пошел работать в мастерские, где до него загубил силы и здоровье и без времени состарился отец.

Его школой был Рабочий союз молодежи, университетом — партия коммунистов. Лучи кремлевских звезд освещали ему путь и согревали сердце. Он бастовал, выходил с красным знаменем на софийские площади, и от его гневного голоса содрогались стены дворцов. Полиция бросала его в тюрьмы, отправляла на расстрел. И все-таки он выстоял, выжил. Его не взяла пуля, когда он с десятком товарищей-партизан сражался в горах против батальона царских войск.

Плечом к плечу с советскими воинами он добивал гитлеровцев на Драве.

Это его руками залит бетон в фундамент первого в стране металлургического завода, которому дано имя великого Ленина.

Это он варит сталь, формует и обтачивает детали для быстрорежущих станков. Исполинская у него сила и мудрая мысль. Он, свободный и счастливый сын Болгарии, создает материальные ценности нового общества, обогащает, укрепляет свою родину, строит социализм. Его судьба — это история, жизнь и победная поступь его класса!

Таков он, рабочий и хозяин социалистической Софии.

Подобно рачительному садовнику, он выкорчевывает в городе гнилые корни старого.

Снесены оставшиеся в наследство от капитализма пролетарские трущобы, идут на слом ветхие дома. Вдоль широких бульваров Стамболийского, Заимова, Девятого сентября, по Княжевской магистрали, в районе парка Свободы, на Красной Поляне, в районе Западного парка и в других концах столицы выросли отличные многоэтажные жилые комплексы. Каждый десятый дом в Софии новый, построенный в последние десять лет. Каждая четвертая семья за это время праздновала новоселье!

Наряду с государственным строительством все большие масштабы приобретает в Софии кооперативное. В чем его суть? Семья вносит в инвестиционный банк 12 тысяч левов сбережений, получает 40 тысяч левов государственной ссуды, которую она обязуется выплатить в течение двадцати лет. «Софстрой» возводит на объединенные средства пайщиков большие блоки жилых зданий. Семья получает в собственность квартиру из двух-трех комнат со всеми удобствами.

— Материальное благосостояние рабочих и служащих, — рассказывает нам главный архитектор Софии Димитр Димитров, — неизмеримо возросло. — А коли у болгарина имеются на сберегательной книжке деньги, он непременно начинает обзаводиться новым домом… Назову лишь одну цифру: из сданной под заселение в 1957 году жилой площади 80 процентов приходится на кооперативное строительство. У нас не хватило бы строительных материалов, возьмись мы сразу удовлетворить заявки всех вкладчиков инвестиционного банка. Пришлось установить очередность. Дома растут, как грибы после дождя. Но надо признать, что пока обходятся они еще дороговато. По заданию Центрального Комитета партии мы решаем задачу удешевленного строительства. Первые опыты обнадеживающие: себестоимость снижается почти в два раза. Партия заботится о том, чтобы каждая рабочая семья в недалеком будущем получила возможность приобрести в свое пользование просторную благоустроенную квартиру!..

…Стряхнув с себя прах веков, София превратилась в цветущую социалистическую столицу. Город Академии наук,

Государственного университета и десяти других вузов, нескольких десятков научно-исследовательских учреждений, город 25 тысяч студентов и 105 тысяч учащихся стал кузницей национальных кадров. София насчитывает 11 театров, 15 музеев, 37 кинотеатров, 118 народных читалищ, сотни библиотек. Новая София — кипучее сердце политической и культурной жизни Болгарии!

Славен город своими сокровищами древности, которые народ пополняет и бережно сохраняет. Недавно при разработке котлована открыта уцелевшая от римского времени ротонда святого Георгия. На площади Александра Невского находится памятник VIII века — церковь святой Софии, давшая имя городу. В полях Витоши разместился 900-летний Боянский монастырь, расписанный картинами и фресками необычайной реалистической выразительности. Это — драгоценные произведения славянского возрождения, опередившего на целый век итальянский Ренессанс.

Сама история, облеченная в гранит, камень и мрамор, встает с софийских площадей. История борьбы за свободу, история нерушимого русско-болгарского братства.

Народ увековечил в гордом обелиске подвиг своего великого революционера Василя Левского, казненного султанскими палачами. У здания Болгарского парламента — Народного собрания, на площади Освободителей красуется замечательный шедевр скульптурного творчества — памятник Освободителям — русским воинам, вызволившим страну из-под турецкого рабства. А в трехстах метрах от него, на широкой зеленой площади, блестит золотыми куполами величественный храм Александра Невского, архитектурное произведение русско-византийского стиля. Он был воздвигнут на средства народа в память совместно пролитой русскими и болгарами крови в войне 1877—1878 годов. В парке Свободы, на самом высоком холме — братской могиле героев, павших за победу власти народа, — взметнулся сорокачетырехметровый пик из белого рильского гранита. От него звездными лучами расходятся «аллеи славных людей», вдоль которых стоят бюсты выдающихся деятелей национального возрождения. У преддверия парка, на Русском бульваре, высится, подпирая небо, грандиозный монумент Советской Армии-освободительнице. Десятки площадей, улиц и бульваров столицы, нареченных именами русских и советских государственных деятелей, мыслителей и полководцев, — живое свидетельство вечной и нерушимой дружбы двух братских народов.

Есть в Софии скромный памятник, бесконечно дорогой сердцу каждого болгарина. Это дом в рабочем квартале, на улице

Ополченской, под номером 66-м. С 1888 по 1923 год в нем жил Георгий Димитров. Ныне этот дом превращен в музей. Все здесь сохранено, как было при Димитрове. Внизу, в полуподвальном помещении, — кухня, столовая и горница, где стоит ткацкий станок матери Георгия — бабушки Парашкевы — и маленький столик, за которым еще юный революционер читал при свете керосиновой лампы по ночам вдохновенные творения Ботева, Чернышевского, Герцена, Белинского. В верхнем этаже, надстроенном позже, — рабочий кабинет, кухонька и спальня Георгия Димитрова.

Тысячи болгар и иностранных гостей приходят в музей в будничный день и в праздник. Люди с глубоким волнением осматривают скромную и строгую обстановку квартиры. Они подолгу задерживаются у книжных стеллажей, поднимающихся до потолка вдоль стен коридора и кабинета. В библиотеке Димитрова сотни томов политической и художественной литературы на болгарском, русском, немецком и других языках. Великий болгарин говорил и писал на языке Ленина как на родном, а язык Маркса и Энгельса изучил по «Капиталу». С трибуны Лейпцигского процесса он на чистом и совершенном немецком громил фашистских судей и палачей, губителей немецкой культуры.

Во дворе дома-музея под густой сенью шелковиц находится небольшая постройка, где экспонированы документы о революционной деятельности Димитрова. Вот он на снимках среди типографских работников, в кругу членов руководимого им марксистского кружка в Самокове, в первых рядах демонстрантов против империалистической войны, на трибуне; вот он беседует с В. И. Лениным, вот в грозные дни сентября двадцать третьего года… Документы, снимки, факсимиле — золотые строки истории жизни-подвига!

София — город-парк. Под зелеными насаждениями в его черте занято 750 гектаров. У болгар есть старая мудрая поговорка: «Человек, посадивший хотя бы одно дерево, прожил жизнь недаром». Не боясь ошибиться, можно сказать, что в Софии нет человека, который бы не посадил своими руками дерево. «Берегите парки: они легкие столицы!» — всюду висят у входов в зеленые оазисы таблички с такой надписью. Отцы и матери учат детей с первых самостоятельных шагов любить зеленого друга. Краса Софии — Витоша превращена народным правительством в Национальный парк культуры и отдыха. Десятки тысяч трудящихся столицы проводят воскресные и праздничные дни на ее живописных склонах, в «храме воздуха и здоровья».

Болгары любят свою столицу, гордятся ее красотой и

богатством. Певец Софии, поэт, академик Людмил Стоянов восклицает:

— София — новый современный город, переустраивающийся на социалистическом фундаменте во имя материальных и культурных благ человека! Новый город! Днем он живет бурной трудовой жизнью, которая напоминает собою титаническую симфонию, ночью — мириадами своих огней он преображает софийскую долину в фантастическую феерию. И гаснет этот свет, чтобы уступить небо заре нового счастливого дня!

Старый девиз города звучит теперь по-другому: «Растет и молодеет!»

1958 г.

Комбинат здоровья

Бытует в Софии такая поговорка: «До рассвета просыпаются соловьи, а чуть свет — млека́ри». Она вполне отвечает истине. С первыми трамваями, автобусами и троллейбусами, проносящимися на лихих скоростях по безлюдным бульварам и улицам, млекари, то есть продавцы молочных магазинов, спешат на работу. К 6 часам утра они уже за прилавком. Наступает «час хозяек». Звеня бидонами и бутылками, перекликаясь, женщины заполняют магазины.

Ни одна болгарская семья не завтракает без молока. Так ведется от века, из поколения в поколение. Болгары шутят: «Вкус к молоку у нас прививается с молоком матери». Действительно, молочные продукты, особенно кислое молоко и брынза, никогда не сходят с болгарского стола. Они незаменимы, как хлеб, и, как хлеб, не приедаются. Это одинаково любимая пища младенцев и стариков, мужчин и женщин, сельских жителей и горожан.

Триста с лишним молочных магазинов Софии в любое время года и дня имеют в достаточном количестве доброкачественное кислое и свежее молоко, богатый выбор брынз, сыров, масла. По желанию потребителей молочные продукты доставляются на дом.

Народная власть осуществила давнюю мечту трудящихся столицы: построила большой завод по переработке молока. Прежде, до 9 сентября 1944 года, торговля молочными продуктами находилась в руках спекулянтов-перекупщиков. Ради наживы они не гнушались ничем. По данным многолетней статистики городской управы, треть молока, поступавшего на рынок, изымалась инспекцией как непригодная к употреблению: или же оно было «разбавлено водой» или же «приправлено опасными для здоровья химикатами».

…На окраине Софии, в районе Красной Поляны, раскинулись цехи, лаборатории и склады молочного комбината «Сердика».

Утро. Широкие створы железных ворот распахнуты настежь. То и дело во двор вкатываются белые автоцистерны. «Сердика» собирает молоко с окрестностей радиусом в 100 километров — долин и гор западней Болгарии. От складов один за другим отъезжают грузовики, доставляющие молочные продукты в магазины.

Дойчо Делирадев, технический директор комбината, человек из того десятка, о котором говорят «кровь с молоком», знакомит нас с производством. Он один из старейших болгарских специалистов по переработке молока, посвятивший любимому делу всю жизнь. Делирадев участвовал в проектировании

комбината. Под его руководством строились все помещения и устанавливалась каждая машина.

Цех пастеризации. Чистота идеальная, как в операционной палате. У аппаратов и приборов работают люди в снежно-белых халатах. Впрочем, здесь только три человека. Цех оборудован по последнему слову техники. Процессы нагрева и охлаждения молока, режимы температур регулируются и контролируются автоматами.

Делирадев представляет мне машиниста Георгия Кошева.

Молодой мужчина, с виду спортсмен, весельчак, рассказывает о том, какая дорога привела его на «Сердику». Родом он из села Белицы, гнездящегося в подоблачном котловане межгорья Рилы, Родоп и Пирина, среди альпийских лугов. Белица известна потомственными мастерами по выработке кислого молока и брынзы. Не случайно крестьянский сын избрал и окончил техникум специалистов молочной промышленности.

— Работать на «Сердике» для меня большое счастье. Это своеобразный университет. Тут собраны лучшие в стране умельцы и специалисты по молочному делу: бактериологи, врачи, агрономы, зоотехники и волшебники-сыровары… Есть люди, у которых за плечами тридцати-сорокалетний стаж. Они передают молодежи все тонкости сложного производства, прививают любовь к скромному, но полезному делу!..

Из пастеризационных аппаратов молочные ручьи стекаются в многоемкие резервуары. Готовую продукцию остается развесить и «запаковать». В отделении расфасовки весь цикл также полностью механизирован. Машины моют и стерилизуют посуду, машины наполняют и закупоривают ее. Один автомат ежечасно подает на конвейер 13 200 бутылок.

— Комбинат поставляет на рынок исключительно полноценное молоко, — замечает начальник цеха пастеризации Иван Стоянов. — Стандартная жирность не ниже четырех процентов!

…Просторное помещение цеха кислого молока тесно уставлено длинными, упирающимися в потолок стеллажами. На полках — алюминиевые чаны, наполненные до краев густой массой, подернутой кремовой пленкой.

— Болгарское кислое молоко, — разъясняет Делирадев, — известно далеко за пределами нашей родины. Помимо питательности, оно обладает несомненными лечебными свойствами: способствует нормальному пищеварению, уничтожает вредные вещества, оседающие в кишечнике человека. Замечательный русский ученый Мечников, открывший в нашем кислом молоке особую бактерию, названную им «болгарской

бациллой», не без основания приписывал ей секрет омоложения организма. Этим он объяснял, в частности, тот факт, что Болгария занимает первое место в Европе по числу людей столетнего возраста.

Технический директор приглашает меня «продегустировать» хотя бы часть продукции. На столе появляется прежде всего кислое молоко. И словно чтобы развить аппетит, Делирадев «приправляет» дегустацию популярной лекцией:

— Некоторые современнее ученые убеждены, что в болгарском кислом молоке присутствует антибиотик не менее сильный, чем стрептомицин. Это вполне вероятно… Но пока мы еще не разгадали одну удивительную тайну природы: почему болгарская бацилла — эта чудодейственная палочка, хорошо развивается только в пределах нашего полуострова. Многочисленные попытки культивации ее в других местах, к сожалению, оставались до сих пор безуспешными. А у нас она, что называется, как рыба в воде! Оставьте открытым стакан подогретого парного молока, слегка подквасьте его, и через два с половиной часа готово прекрасное третье блюдо к обеду. Если вы взглянете на каплю этого молока вооруженным глазом, то обнаружите в ней мириады микроскопических друзей человека — болгарских палочек!..

Приносят брынзу. Она нарезана точно такими же «шматками», какими на Украине кладут в засол сало.

— Мы, конечно, не лишены гордости за щедро одаренную природу нашей родины, — говорит Делирадев, доканчивая килограммовую миску кислого молока. — Но вместе с зарубежными коллегами нам предстоит акклиматизировать эту мирную болгарскую бациллу в других странах света. Она должна служить всему человечеству!..

В цехах молочного комбината изготовляются десятки сортов сыра и брынзы, масло, творог, сметана, мороженое. Его производственные мощности рассчитаны на дальнейший рост населения столицы.

Этикетка «Сердика» — абсолютная гарантия высокого качества выпускаемых комбинатом продуктов питания. Пожалуй, самую большую часть штата на предприятии составляют лаборанты и контролеры. В течение одной смены они делают тысячу пробных исследований и анализов.

Жители Софии гордо называют «Сердику» «комбинатом здоровья».

1958 г.

Летопись села Масларево

В канун Алексея — человека божия седые Балканы, пригретые жарким солнцем, сбрасывали снежную шапку, и мутные потоки талых вод, пересекая черную долину, устремлялись к голубому Дунаю. Село Масларево пробуждалось от зимней спячки. Старики и дети выползали на припек, щуря опухшие от голода веки, и в их глазах зажигались живые искорки.

Бай Божан снимал со скрыни ржавый дедовский замок, доставал царвули и домотканую льняную рубаху. Перекрестившись на святой образок, потомственный сельский пролетарий перебрасывал через плечо тощую торбу и выходил на дорогу.

— Алексей — человек божий — во двор, а сиромах Божан — со двора, — говорили соседи.

Во всех концах села хлопали ворота, и скоро за Божаном тянулась длинная вереница людей. По колени увязая босыми ногами в топкой грязи, шествие замыкали братья-сироты Жоро и Васил Атанасовы. Десятки масларевских крестьян, тех, «у кого, кроме проезжей дороги, не было своей земли», направлялись в дальний путь — в Лясковец.

Каждую весну в день Алексея — человека божия — там собирался «рынок людей». Безземельные крестьяне из придунайских сел за гроши продавали свои трудовые руки.

Город гудел, как пчелиный улей. На базарной площади и вдоль заборов шпалерами стояли люди с торбами. У многих на груди были подвешены грамоты, которые свидетельствовали, что их владельцы — либо мастеровые люди, либо огородники, виноградари, или садоводы… Между рядами важно, словно грачи по весенней борозде, расхаживали газды — хозяева. Ощупывая со сноровкой заправского работорговца мускулы крестьян, они приценивались к «товару».

Даровую рабочую силу газды перепродавали богачам-чорбаджиям Добруджи, кулакам Фракийской долины, поставляли «людское быдло» на фольварки панской Польши, в Румынию, Чехию, Германию.

К зимнему Николе отходники возвращались домой. Несколько недель их дети и жены ели досыта, по вечерам в корчмах долго светился огонек и были слышны веселые, словно переливы весеннего ручья, звуки гайды.[37] Но после рождества село погружалось в темноту и полуголодную зимнюю спячку. Иногда в настуженной избе бая Божана собиралась на посиделки масларевская молодежь. Парни и девушки слушали

увлекательные рассказы хозяина о чужих краях, за Дунаем, читали книжки о Советской России, мечтали о счастье.

Голосистые братья Жоро и Васил Атанасовы, их друзья Спас Балканский и Иван Люцканов заводили любимую песню:

Девять лет, любимая моя,
Я скитался по чужим краям.
Спину гнул на жадных богачей
И не нажил девяти грошей.

И за девять лет я, сиромах,
Не сменил на теле двух рубах.
Но за эти долгих девять лет
Пережил немало горь и бед.

Потому я будущей весной
Не пойду на рынок, на людской.
А пойду я в горы, на Балканы,
Где за счастье бьются партизаны.

* * *

В долине занимался бирюзовый рассвет. Третий раз прокричали масларевские петухи, и село засветилось огнями, ожило. Над зданием сельсовета в лучах восходящего солнца развевался по ветру красный флаг.

Позавтракав, бай Божан сорвал со стенного календаре листок, почесал за ухом и вдруг лукаво подмигнул новой дате.

Потом он вышел во двор, запряг пару волов — Белчо и Сивчо, — погрузил на телегу чувал жита и собрался было выезжать за ворота, когда его окликнул сосед:

— Алексей — человек божий — во двор, а бай Божан — со двора?

— Со двора-то со двора, да не на лясковскую дорогу. Сами нынче себе хозяева. Айда, соседушка, в поле. Земля-то, глянь, как парует, что тебе молодое вино играет!.. Наша земля!..

Отшумели над землей благодатные майские дожди и теплые июльские ветры… Крестьяне убрали нивы… Пришел сентябрь. Масларево отмечало шестую годовщину свободной Народно-демократической Болгарии. На праздничных столах лежали сдобные караваи, овощи, фрукты, стояло в кувшинах доброе вино. Люди сердечным словом поминали русских воинов-

освободителей и балканских партизан… Народная власть дала людям землю и волю. Каждая семья, каждый двор живут в достатке.

— Так бы жить и жить! — мечтал вслух бай Божан. — Я человек не избалованный: для меня, ежели свобода, да каждый день ломоть белого хлеба с брынзой, да пара стручков лютого перца — больше ничего и не желаю. А коммунисты говорят: не одним хлебом и брынзой жив человек. Трудящийся народ должен потреблять больше калорий, регулярно питаться мясом, есть виноград и разные прочие цитрусы!..

Бай Божан имел в виду дошедшие до него толки об объединении крестьянских хозяйств в кооперативы.

…И вот началось. Ноябрьским вечером на митинге выступал с крыльца сельсовета первый масларевский народный староста Жоро Атанасов.

— Мелким хозяйствам из нужды не выбиться. Только при крупном, коллективном земледелии с помощью науки и техники можно достичь избытка продуктов сельского хозяйства, культурной и зажиточной жизни. Наши земли — полутораметровый чернозем, а мы в лучшие годы получаем нищенские урожаи — по восемьдесят — сто килограммов жита с декара. А почему? Потому, что пашем клюкой, а сеем рукой. Дайте этой земле трактор, сеялку, комбайн, да прибавьте ей минеральных удобрений!.. Тогда она станет родить такие урожаи, что сам бай Божан за Дунаем отродясь не видывал!..

Смотрит Божан на оратора и верит этому без времени поседевшему человеку, вся тяжкая и честная жизнь которого прошла у него на глазах. Босоногим юношей стоял Жоро с ним рука об руку «на рынке людей». Не забыть Божану, как фашистские палачи истязали коммуниста Атанасова за помощь партизанам, сбрили топором на его голове волосы, а потом бросили в тюрьму. Такой человек не обманет, дурного не посоветует.

На крыльцо поднялся секретарь сельской партийной организации Спас Балканский. Он сказал, что сорок масларевских коммунистов решили образовать кооперативное хозяйство и приглашают в него всех трудовых крестьян. Когда секретарь умолк, в передних рядах послышалось несколько возгласов в поддержку.

— Так какое же ваше слово, селяне?

Вопрос потонул в тревожной тишине. Наконец из толпы выплеснулся обычно густой, но сейчас надтреснутый от волнения бас Божана:

— Ты, Спасе, повремени!.. Девка, когда ей замуж идти, и то

думает. А это дело посурьезней. Раскинуть умом нужно, взвесить, что к чему!..

Митинг одобрительно загудел. Люди волною хлынули с площади, растеклись ручьями по улицам, и постепенно скрип калиток приглушил их голоса.

Всю ночь ворочался, не сомкнув глаз, Божан. Виделась ему желтеющая нива — его собственная нива; сухими от жара губами повторял он клички пары своих волов; вспомнил, как прошлой осенью железный плужок сторговал… Теперь все нужно отдать в общественный котел!.. А каким трудом все это нажито!

Ни свет ни заря прибежала соседка «за цедилкой» и на ухо зашептала жене: «Косая баба Недялка ночью знамение на небе видела — Георгий-победоносец сидит на коне, в глазах угрюмость и копье прямо на крыльцо сельсовета нацелено. А в церкви случилось потемнение окон и круг вокруг лика святого Николы, ужасть как помрачнел!»

Что ни день, то новое «чудо»!.. Ядовитыми змеями поползли по селу слухи: «Обобществят все до последнего цыпленка», «До зернышка из закромов выгребут», «По́ миру пустят».

В одну ночь в Масларево забили полсотни волов и закололи сотни две свиней. Хлеб из сухих закромов навалом ссыпали в сырые ямы. Кулаки действовали замаскированно, исподтишка. Коммунисты шли открытым фронтом, убеждали словом, живым примером. Борьба была жестокая, не на жизнь, а на смерть. Но правда шаг за шагом отвоевывала позиции у врага.

К весне 150 хозяйств объединились в кооператив. Его назвали именем героически погибшего в борьбе с фашистами масларевского партизана Ивана Люцканова.

Стали собирать семена для посева. Кое-кто под видом зерна подсыпал озадков. Но государство взамен разносортице дало кооперативу элиту. Распахали межи, засеяли.

А осенью, когда убрали урожай и распределили богатые доходы по трудодням, в правление поступило еще триста прошений о принятии в кооператив.

* * *

Субботний вечер. На дворе январь. Год 1955-й. С неба третьи сутки валит, перемежаясь с дождем, мокрый снег. На проселочной дороге так развезло, что гусеничный трактор вязнет по самый картер. Народ доволен: «Много грязи — много хлеба».

В канцелярии масларевского кооператива окна залиты электрическим светом. Год завершен, предстоит общее собрание.

Коммунисты и беспартийный актив советуются по поводу отчетного доклада правления.

Говорит председатель кооператива Борис Желязков, подвижной человек с черными проницательными глазами. Старики и молодые люди слушают его так, словно идет речь о самых будничных, ни чем не примечательных делах. Таков уж человек: легко забывает он тяжести и невзгоды прошлого, быстро свыкается с хорошей жизнью, и ему уже кажется, что так было в селе испокон века.

Прежде масларевские крестьяне сеяли только пшеницу. Теперь кооператив — многоотраслевое хозяйство. На его полях возделываются пшеница, ячмень, кукуруза, хлопчатник, подсолнечник, сахарная свекла. Прошлый год посадили виноград. Дедовская земля воздает сторицей. Кооператоры снимают с каждого декара по 250—280 килограммов пшеницы. Урожай неполивного хлопка достиг 160 килограммов с декара. Только от этой ценной технической культуры хозяйство получает более чем миллионный доход.

Актив одобряет доклад председателя и рекомендует особо заострить внимание на перспективах дальнейшего развития хозяйства, в частности на расширении виноградарства, садоводства, пчеловодства.

Повестка дня исчерпана, однако домой никто не спешит. Разговор продолжается. Вокруг председателя и его друга Жоро Атанасова, инструктора околийского комитета партии, сгрудилась группа кооператоров. Тридцатилетний геркулес бригадир Никола Трифонов интересуется:

— Жоро, а пожалуй, крепче и богаче нашего кооператива в округе не найдется другого?

— Ошибаешься, Никола. Побольше десятка таких будет!

— Ц-ц-ц, — разочарованно поцокал языком Трифонов. И, подумав, неожиданно заключил: — Это хорошо!

— Зато такой конефермы, как наша, никто на Дунае не имеет! — раздался запальчивый голос Васила Атанасова, заведующего конефермой, крайне противоположного по характеру своему скромному и спокойному брату Жоро.

— Да ты не хвастайся, — пробасил бай Божан. — Ферма как ферма, и все тут!..

— То есть как это — «и все тут»? — оторопел коневод. — Кони — рысаки чистых кровей, элита. За год от шестидесяти семи маток шестьдесят четыре жеребенка получил. Факт!

— Шестьдесят четыре, — с усмешкой проговорил Божан. — Нашел чем удивить! Вон Вырбан за год от каждой свиноматки по тридцать одному поросенку взял. И то не бахвалится!

— Ты, бай Божан, не понимаешь, что конь — это не свинья, — совсем серьезно объяснил коневод.

— Понимать-то я понимаю, хотя своей собственной лошади отродясь не имел, — с ноткою грусти закончил старик.

Примирительный тон Божана охладил полемический задор коневода.

— У меня до кооперативной жизни поросенка своего не водилось. Был гол, как сокол. По целым месяцам, кроме фасоли, ничего на столе не видели. Зато теперь добра полон двор. За истекший год, доложу вам, я с женой и двумя ребятишками заколол двух свиней по полтора центнера каждая, восемь десятков куриц и полтора десятка индеек!

— Насколько мне известно, — перебил брата Жоро, — другие кооперативные семьи не меньше тебя мяса скушали!

— Нынешний год еще посытней будет, — резюмировал бай Божан. — Возьмите, к примеру, наше семейство. Я да зять с дочерью заработали тысячу двести семьдесят трудодней. Получили семь тысяч левов чистыми деньгами, пять с половиной тонн зерна, два центнера фасоли, шестьдесят четыре килограмма сахара, столько же сыру, тонну подсолнечника и кое-что прочее. А ведь спервоначалу, откровенно признаюсь, не было веры в кооператив, сильное колебание я имел. В первую кооперативную весну в фонд общественных семян озадки подсунул. На теперешнем этапе, конечно, сознательный стал!

— Все наши личные достатки от общественного богатства идут, — сказал Борис Желязков. — Два с половиной миллиона денежного дохода получили. А через пару лет по всем расчетам четыре будет. Нынче трудодень, если натуру перевести в денежное выражение, равняется восемнадцати левам. Полновесный трудодень! А скоро и за двадцать левов перевалим. Наше богатство в наших руках!

Долго еще масларевские крестьяне вели разговоры о кооперативной жизни, о своих заботах, думах и планах. Вспомнили с грустью, как первую весну скот под навесы ставили… Сараев в кооперативе не было. А теперь за околицей целый животноводческий городок вырос — полсотни ферм, и все из кирпича, под черепицей. От старого села осталось одно название. За четыре года 400 из 450 семейств кооператоров построили себе новые благоустроенные дома.

Расходились в полночь, досказывая недоговоренное по дороге, останавливаясь на свету электрических фонарей. Бай Божан, задержав у своих ворот под руку инструктора околийского комитета, говорил ему задумчиво:

— А помнишь, Жоро, как в Лясковец вместе на «людской

рынок» ходили? Да!.. Было, да быльем поросло. Очень правильная она, наша народная власть!

* * *

Минуло еще четыре весны. Старые постарели, молодые возмужали, а черноволосые мальчуганы, гонявшие, кажется, еще вчера голубей, работают звеньевыми в поле, бригадирами на фермах. Но старики на пенсию уходить не собираются. Хотя пенсия в кооперативе хорошая.

— Силенки пока в потребиловке не покупать! — выпячивая колесом грудь, полушутя, полусерьезно похваляется бай Божан. — В наше время, доложу вам, человек стареет куда медленней, чем в бытность отцов и дедов! А почему?!.

— Ну, дядо Божан опять в прошлое окунается, — подмигивает молодым смуглый юноша в спецовке механизатора по имени Никола.

— Дядо Божан! — окликает рассказчика другой недавний «голубятник». — Ты бы мемуары написал. У тебя талант пропадает!

— Так-то оно, бай Божан! Дедушкой тебя уже величает племя молодое, — сочувственно качает головою Жоро Атанасов.

— А что ж? Я им и прихожусь дедом, ежели судить по арифметике годов. Да и неплохо иметь таких внуков. Гляди: один к одному, юнаки-ребята![38]

— На кооперативных харчах вымахали!

— И грамоте и труду обучены. Однако изрядный недостаток в их психологии имеется: к прошлому мало интереса питают. Зачнешь им байку про житое-пережитое, — вроде бы как подсмеиваются над тобою в черный ус, чертенята, простите меня за такое выражение!

— Что им прошлое, когда они в будущее глядят! — умиротворяет расходившегося вдруг старика Жоро Атанасов. — А коли и поскалят иногда зубы, то и мы такими были. Закон природы! Авторитет твой в их глазах и сердцах от этого не уменьшается!

Разговор происходит в логу, поперек которого легла долгая, похожая на усеченную пирамиду земляная плотина, одетая с внутренней стороны в бетон, с внешней — в камень. В логу, выше плотины, работает бульдозер. Лопатою, подобною огромному резцу, он снимает с откоса пласт за пластом, словно стружку, расширяя и углубляя чашу будущего язовира. Народу в низине тьма-тьмущая. Все Масларево вышло на воскресник с лопатами и

кирками. Одни копают, другие грузят землю на прицепы легких тягачей, которые отвозят ее на бугор.

Молодежная бригада, осилив до обеда дневную норму, устроила перекур. Курящих немного, но таким словом повелось называть перерыв. Собрались кружком на полянке, «запруженной» мотоциклетами и велосипедами. Хотя от стройки до села подать рукою, владельцы транспорта, в большинстве молодые люди, не могли отказаться от удовольствия промчаться с ветерком в свежее весеннее утро. К тому же комитет комсомола решил: под вечер, после окончания воскресника, устроить мотоциклетные состязания. Участвовать в них будет больше ста кооператоров. Мотоциклетный парк Масларево перевалил на вторую сотню. Кое-кто пересел уже на четыре колеса — завел себе «Москвича». Но, как определил Жоро Атанасов, «„Москвичи“ — только первые ласточки, а нынешнюю весну „делают“ мотоциклеты».

— А разве мы с тобою, Жоро, не заслужили этого авторитета? — говорит прочувствованно бай Божан. — И за народную власть боролись и кооператив строили! Как же нас не уважать?!

Никто об озадках баю Божану не напоминает: дело прошлое.

— Партии принадлежит этот авторитет, старина!

— Но партия — это люди, сынок, коммунисты!

— Что правильно, то правильно, — поддержал Божана юноша в спецовке механизатора. И его посерьезневший взгляд остановился на Жоро Атанасове, словно продолжая недосказанное: «О тебе речь, коммунист!»

…Насколько юноша помнит, нивы в селе всегда были широкими. Понятие «голодовка» для него весьма туманно, и почерпнуто оно из книг и рассказов родителей. Ему доводилось смотреть фильм, в котором брат убивает брата из-за клочка земли. Трудно верится молодому кооператору в реальность этого факта. Такое случалось, очевидно, давным-давно, тысячи лет назад, когда человек… Нет, он знает историю, изучал политэкономию, ему известны процессы, происходящие в обществе и в атоме вещества. Были и тесные межи, и голодовки, и братоубийства при переделах… И если сейчас люди живут совершенно по-другому и если ему верится с трудом в то, что было всего полтора десятилетия назад, то значит сила изменившая в корне всю жизнь, поистине могуча. Велика и могуча партия, а ее сыны в глазах юноши — богатыри, которым все по плечу — любые трудности и планы, мудрецы, которые все знают и видят далеко вперед.

Он был приглашен как комсомолец и механизатор на совещание кооперативного актива, где обсуждались вопросы о

мобилизации резервов для выполнения пятилетки в три года. Каждый присутствовавший готовился к большому разговору, подумал и взвесил то, что скажет, и каждый сказал свое слово. Все предлагали толковые мероприятия: как производительнее использовать машины, что нужно сделать для улучшения племенной работы, как понизить себестоимость яиц и т. д. и т. п. Но вот встал Жоро Атанасов:

— Мы, коммунисты, посудили-порядили и решили внести на ваше обсуждение такой план… — Он говорил от лица партийной организации и ни разу не сказал «я», хотя самые крупные мероприятия созрели в его голове.

— Нашей земле не хватает воды!

— Да, — откликнулось несколько голосов. — Но через две пятилетки государство решит и эту проблему; воды Дуная придут в Масларево, они оросят всю Северную Болгарию!..

— Что будет, то будет, но ждать нам этого дня сложа руки негоже!

— Уж коли ждали столетия, то десяток лет как-нибудь потерпим!

— Не терпеть нужно, а строить язовиры!

— Это на суходоле-то?

— В логу!

— А откуда воду в них носить будем? — желчно подшутил кто-то из присутствующих.

К новому люди всегда относятся с известным недоверием. Вот так же было и в пятьдесят четвертом, когда в кооперативе заговорили о разведении виноградников… Но теперь-то легче их убедить. Своих специалистов с высшим образованием в кооперативе до десятка. Правда, гидролога пока еще нет, но он скоро приедет из округа. И приехал, «прозондировал» почву, подтвердил: «Язовиры станут!»

Еще не завершили плотину, а на «суходоле» уже блестит, распрыскивая солнечные лучи, водное зеркало!

Все, что говорили коммунисты, стало по-ихнему. И виноградники привились, да что привились, по двадцати тонн гроздей на гектаре плодоносят! И коровы дают почти по три тысячи литров каждая за лактацию. И денежный доход общественного хозяйства шагнул за пять миллионов левов. И на трудодень распределяют по двадцать пять левов. И вода на суходоле!..

…О тебе идет речь, секретарь партийной организации Жоро Атанасов, о твоих товарищах-коммунистах! Это вы по идейным проектам и рабочим чертежам партии перестроили наново жизнь, быт и культуру села. Душу крестьянина перестроили.

Думал старый Божан дожить свои дни в своей старой хате.

— Не красна изба углами — красна пирогами, — отвечал он всякий раз на подтрунивания новоселов: «Отстаешь, бай Божан, от общины, социалистический облик села нарушаешь!»

Но вот заходит он как-то к Жоро Атанасову. Вид у Божана торжественный, точь-в-точь, как за столом президиума.

— По делу, другарю Атанасов!

— Выкладывай, бай Божан!

— Строиться надумал. Благословляй, сынок!

— А старуха-то благословила?

— Извиняюсь, другарю Атанасов, но вам должно быть известно, что главою семейства являюсь я!

— Это, бай Божан, у меня никогда не вызывало сомнения!..

— Благословила, Жоро, благословила!

— Ты же было решил помирать в старом доме!

— Перерешил, сынок!

— Что так?

— Не о смерти моя думка, а о жизни. Как бы тебе лучше сказать? Понимаешь ли, вера в моей душе окрепла, вера в себя, и в людей, и в наш завтрашний день!..

— Правильно и очень хорошо, старина!

— Значит, благословляешь?

— Не только благословляю, а обещаю, что всей общиною поможем тебе!

— Зачем помогать? Я и сам справлюсь. Средств и трудодней у меня достаточно!

— Ты заслужил, бай Божан, чтобы тебе помочь!

— Спасибо, сынок!

Рухнула последняя старая халупа в Масларево, и на ее месте вырос большой и светлый дом, ровня другим, жилище, в котором человеку будет просторно, удобно и уютно и при коммунизме!

Вера окрепла у людей в свою жизнь и в свое будущее. Могучая и душевная вера в партию.

— За работу! — раздается голосистая команда бригадира. — На штурм второй нормы, вперед!

Со смехом, криками «Ура!» и «Айда, наши!» молодые люди, обгоняя друг друга, спускаются в лог. За ними бодро семенит бай Божан и широко шагает Жоро. Отколовшись от друзей, юноша в механизаторской спецовке подходит к секретарю партийной организации.

— Посоветоваться хочу, другарю Атанасов!

— Слушаю, Никола!

Парень смущен, мнет в руках кепку.

— Давай, выкладывай! — подбадривает его Атанасов.

— Жениться мы надумали, бай Жоро!

— Что ж, Станка — хорошая дивчина. Скромная, работящая и из себя видная!

— Одобряешь выбор?

— Тебе жить!

— У нас любовь!

— Значит, семья будет. Вы подходящая пара!

— Кумом[39] хотим тебя просить, бай Жоро. И я и Станка!

— Спасибо за честь!

— Спасибо, бай Жоро!

И Никола вихрем преодолевает сто метров, остающихся до плотины. Жоро глядит, как он взбирается одним прыжком на сиденье тягача, и думает: «Вот бы засечь секундомер! Наверное, в 11 секунд уложился на стометровке, чертяка! Надо его испытать на беговой дорожке. И потом перевести с левого края в центр нападения. С такой „девяткой“ кооперативная футбольная команда может рассчитывать на первое место в округе!»

Через минуту и секретарь парторганизации примыкает к пчелиному рою людей, чтобы нести свой «взяток» в соты общественного улья.

1959 г.

Страницы жизни

Говорят, чтобы узнать человека, нужно съесть с ним пуд соли… Несколько лет знаком я с Петром Димитровым Петровым, а вот только теперь открылась мне его жизнь в подлинном масштабе. И этот обыкновенный и простой человек вдруг предстал передо мною исполином.

Встретились мы с ним на сей раз не на заводе, а в его доме, удобно расположившемся в одном из тихих и зеленых кварталов Софии. Семья его накануне выехала то ли в село, то ли на дачу. И мы сидели вдвоем в просторной, со вкусом обставленной комнате, со стен которой на нас точь-в-точь, как в русских рабочих семьях, смотрели из рамок фотографий внимательные и строгие глаза родичей.

Извинившись за нарушение болгарского обычая, согласно которому гостя угощают вином, хозяин поставил на стол хрустальный кувшин компота и воздвиг гору всяких сладостей.

— В нашей фамилии, — сказал он, — сколько я помню колен, все были непьющие. «Династия» наша пролетарская. Землю еще турки отобрали несколько веков назад у моих предков. Приходилось кормиться батрачеством да ремеслом. Заработка эти профессии не то что на вино — на хлеб да брынзу не обеспечивали!

Внук кузнеца, сын кочегара Петр Димитров досыта хлебнул горького пролетарского житья. Четырнадцати лет от роду он нанялся батраком к хозяину ремонтной мастерской «Локомобиль» — софийскому богачу Христо Николову. Тяжкий труд, легший на неокрепшие плечи подростка, не сломил, однако, его воли к жизни и стремления к свету. Петр решил своими силами «проторить стежку в люди», стал посещать вечернюю ремесленную школу. Николова не устраивал батрак, отрывающий два часа в сутки ради собственной персоны, и он рассчитал его.

Юноша с трудом, но все-таки закончил школу. Но получить профессию в буржуазной Болгарии вовсе не значило иметь работу. Несколько лет подряд ему, несмотря на все усилия, не удавалось устроиться.

Долго бы еще скитался Петр безработным, не случись несчастья. Старшего брата задавило поездом. Семья потеряла кормильца. Мать пошла в управление железных дорог, требуя, чтобы в вознаграждение за жизнь одного сына дали работу другому. Ходила она туда не раз и не два, а полтора года — почти каждый будний день, месяцами ночевала у парадного подъезда, чтобы увидеть начальника и стать перед ним на

колени.

Таким образом Петр Димитров четверть века назад получил работу слесаря в Софийских железнодорожных мастерских, ныне железнодорожном заводе имени Георгия Димитрова.

…Не проронив слова, я слушал рассказ человека, прошагавшего по земле трудный и тернистый путь. Он говорил, вспоминая все повороты и препятствия на этом пути, и его живые карие глаза не раз меняли свой блеск в зависимости от того, о чем шла речь.

Но вот биография рабочего переступила через рубеж 9 сентября 1944 года — Дня свободы. И передо мною сидел новый Петр Димитров, тот самый, которого я встречал на заводе, на торжественных собраниях, в театре и на софийских улицах, — стройный, с веселым, радостным взглядом, человек, которому трудно дать его пять десятков.

— Я вас посвящу в одну семейную тайну, — произнес он шутливым, заговорщицким тоном и, подойдя к книжному шкафу, достал оттуда большой альбом в красной обложке. — Это мой «послужной список» за годы народной власти. Составлен он не отделом кадров, а мною самим, женой и детьми!

Сильными узловатыми пальцами Димитров раскрывает альбом. На первом листе наклеена его первая почетная грамота, датированная сентябрем 1945 года. Следом идут вырезанные из газет заметки, в которых рассказывается об ударниках завода и называется фамилия слесаря Димитрова. А вот фотография: Димитров в президиуме заводского профсоюзного собрания… Пальцы рабочего медлят перевернуть этот лист. Не собою, конечно, он любуется, нет! Другие думы задержали его руку. Он памятью и сердцем своим вернулся к тому времени, когда первый раз в жизни почувствовал и осознал, что он человек, что товарищи по труду уважают его…

Лист за листом, месяц за месяцем, год за годом!.. Димитров становится мастером. Он принят в члены Коммунистической партии. Я вижу его на снимке идущим в переднем ряду знаменосцев в День свободы по исторической площади имени 9 сентября.

— А это выписка из приказа об утверждении моего первого рационализаторского предложения, — говорит Димитров, обращая мое внимание на пожелтевшую от времени бумагу. — Тут их тридцать три таких удостоверения!..

Рационализаторская деятельность Димитрова известна в стране и общепризнанна. По болгарским железным дорогам ходят локомотивы, в которых импортные медно-асбестовые прокладки заменены отечественными цинково-асбестовыми. Это — дело его

мысли. Отечественные прокладки вдвое дешевле импортных. Каждая деталь дает государству десять левов экономии. А производят их многие сотни в день.

В механическом цехе завода я приметил три или четыре воздушных пресса особой конструкции. За одним из них орудовала, превращая легкими, изящными движениями «буханки» металла в «блины», молодая женщина с пальцами пианистки. Димитров познакомил нас. Мария Николова, оказывается, работала секретарем-машинисткой, а несколько месяцев назад по призыву комсомола перешла на производство.

— В прошлом году, — рассказала Мария, — на этом месте стояли ручные прессы. Каждый обслуживался двумя такими сильными молотобойцами, каких можно было раньше встретить только разве в кузнице. И они пóтом исходили, хотя работали на укороченной смене. Товарищ Димитров сконструировал новый, воздушный пресс. И не только чертежи составил, а сам все смастерил в натуре. Теперь молотобойцам тут нечего делать. С воздушным прессом может свободно совладать даже воздушное создание! Тяжелый физический труд превратился в песню труда!

…Страницы альбома за пятидесятый год. На одной из них наклеен Указ Президиума Народного собрания о награждении Петра Димитрова Серебряным орденом труда.

Год 1951-й… Указ Президиума об удостоении рационализатора орденом Димитрова. Снимок: Председатель Президиума вручает Димитрову высшую награду Народной Республики Болгарии.

Годы, будто гранитные ступени, по которым поднимается рабочий, восходит к вершинам общественной деятельности. На судьбе одного человека воочию видишь жизнь всего его класса, свободную, бурную, трудовую, творческую. Труд — полноправный владыка этой жизни, а ее хозяин — человек труда.

Новая веха на пути рабочего: граждане Софии избирают его депутатом районного народного совета. И еще — он представляет железнодорожников в высшем органе профсоюзов: член Центрального совета.

А что это за фотография? Димитров в окружении гурьбы гимназистов в униформах и с портфелями в руках.

— Пришлось на старости лет заняться педагогикой, — смущенно улыбается мастер. — Слушали мы как-то на заседании исполкома районного совета нашу школу. Больно уж невзрачная вырисовалась картина успеваемости. Особенно отличались вот эти птенцы, что на снимке. В их классе на каждого приходилось по две двойки. Учителя — кто опустил руки, а кто махнул на них рукой. Занесли в список неисправимых — и все. Я добровольно

вызвался стать шефом этого класса. Пединститута мне не довелось кончать, но опыт по воспитанию молодежи имелся: не один десяток ремесленников своей профессии обучил. Пришел я к своим подшефным, представился и говорю: «Мне как передовику труда поручено подтянуть вас, отстающих. Будущие строители коммунизма не могут плохо учиться». Завел с ними разговор о смысле жизни. Сначала не слушали, потом навострили уши. Дважды в неделю наведывался я в свой класс. Свою биографию ребятам рассказал, альбом этот вместе от корки до корки «проштудировали». И знаете, подружились. Пришлось по душе ребятам, что я с ними как со взрослыми рассуждаю, как с товарищами своими. Заявляюсь бывало в класс, и начинаю с отчета: «Выполнил норму на двести процентов. А какие ваши показатели?» То о воспитании воли и дисциплинированности, то о характере беседу проведу. Детское сознание восприимчиво. Экскурсию к себе в цех устроил. Сколько радости ребята пережили!

Молодежь надо воспитывать и учить на примерах героизма, беззаветного служения родине, развивать, укреплять в человеке благородное начало. Курс лекций прочел я своему классу о великих людях. О Ленине. Как он учился, как трудился, как боролся и побеждал. О Ботеве и Левском, о Благоеве и Димитрове. И так нашел ключ к юному сердцу! Три года шефствовал. Позапрошлой весной мои воспитанники получили аттестаты зрелости.

Вышли мы в районе первыми, на круглых пятерках и шестерках.[40] По просьбе ребят сфотографировались на память. Трогательное было расставание. А с той же осени я взял себе восьмой класс!..

…Начинается новый рубеж в истории страны и в жизни рабочего. Партия призывает трудящихся мобилизовать свои силы и способности для ускоренного экономического развития страны по пути социализма. Третья пятилетка, говорит она, может и должна быть выполнена в сокращенные сроки!

— Это мой ответ на призыв партии. — Димитров показывает выписки из приказов дирекции завода о принятии и одобрении его новых четырех рационализаторских предложений.

И он отодвигает в сторону альбом, собираясь, видимо, сделать отступление, сказать о том, что по какой-то причине не нашло отражения в «послужном списке».

— При Центральном совете профсоюзов существует у нас комиссия по рационализации и изобретательству, членом которой я состою. По заведенному порядку каждый из нас дважды в месяц принимает посетителей. Как-то во время моего дежурства

заходит корреспондент одного западноевропейского агентства. Откуда-то имя мое узнал. Спрашивает: «Не можете ли, господин Димитров, мне сказать, сколько в вашей стране насчитывается рационализаторов и изобретателей?» «Могу, — отвечаю. — Столько же, сколько у нас рабочих!» «Извините, — говорит, — очевидно, я вас не понял». «Вам это, — говорю, извиняясь, в свою очередь, — мудрено и понять. Однако я постараюсь объяснить популярно. В вашей стране хозяин завода заинтересован, чтобы его предприятие работало на базе современной техники и было прибыльным?». «Безусловно, заинтересован!» «И у нас тоже. Разница же между нами в том, что на ваших заводах хозяин — капиталист, а на наших хозяева — рабочие. Он один печется о техническом прогрессе, а мы всем классом. Отсюда и вывод! Я тоже работал в свое время на капиталиста. Предложил по молодости одну рационализацию. Он внедрил ее и сунул мне в зубы десятку за „старание“. Сам же нажил на моем рационализаторском предложении десять тысяч левов. После этого у меня отпала охота что-либо изобретать. Рождались в голове мысли об усовершенствовании той или другой части локомотива, но хозяину я уж не говорил… А сейчас!..»

Придвинув альбом, Димитров открыл новую страницу. На ней скупыми, но высокими и душевными словами выражалась благодарность дирекции завода замечательному мастеру-рационализатору.

— Нет, я не преувеличил, когда сказал корреспонденту, что в социалистической Болгарии рационализаторство и изобретательство превратились в массовое движение. Возьмите хотя бы наш завод. Осенью и зимою мы обсуждали несколько раз свои возможности выполнения задания пятилетки в сокращенные сроки. Думали всем коллективом. Каждый рабочий высказался. Не в общих выражениях, а конкретно, что́ и как он предлагает сделать на своем участке, в цехе или в заводском масштабе. И что же вы думаете?.. В комиссию по рассмотрению рационализаторских предложений поступило заявок в два с половиной раза больше, чем на нашем заводе рабочих! Такая же картина с небольшими нюансами и на других предприятиях. Люди работают с вдохновением, потому что все, что они делают, — это для общей пользы!

…Перевернута последняя страница альбома, «послужного списка» активного строителя социализма, возрожденного к труду и творчеству могущественными силами нового общества. И каждая такая страница отливается словом или строкой в новой истории Болгарии!

1959 г.

Сердце поет

Дивный августовский вечер. Серебряной чешуей зыбится море. Вдали мерцают огни Одессы. Они как звезды. И кажется, что эти огни достигают звездного шатра.

На рейде большой корабль. Палуба усыпана матросами. В безмолвной полутьме с бака несутся трепетные звуки рояля. Звучит мелодия песни. Она пенится волной. И парни в бескозырках думают о чем-то дорогом… Вдруг над волною чайкой взмывает голос. Чистый, звонкий, могучий, свободный, гордый… Меркнут звезды, огни, серебряная зыбь моря!.. Нет, все светится, как и светилось. Но матрос ничего не видит. Песня затуманила ему глаза, заколдовала его слух, взяла за сердце. Казалось, голос певца заполнил весь мир. Не одна чудная его красота покорила матроса, а что-то еще, такое понятное, такое близкое, что кажется частью самого себя. И когда наступила тишина и матрос увидел звезды, он сказал: «Этот голос под стать самому морю. Где же он мог родиться?»

* * *

Глинобитная лачуга. Она чем-то напоминала рыбачью шхуну, выброшенную штормом на каменистый утес. Извилистая и узкая тропинка от нее круто сползала к морю.

Каждое утро отец Тодора, Коста, спускался по этой тропинке вниз, к порту. Тодор, стоя на обрыве, глазами провожал отца до тех пор, пока его кряжистая фигура, уменьшаясь, смешивалась с серой, кишащей, словно муравейник, толпою.

Отец работал грузчиком в порту Варна. По двенадцати часов в сутки таскал он на спине чувалы, тюки, ящики, бочки такой тяжести, какая была впору ломовой лошади. А денег платили, как попросту выражались в порту, на «собачью жизнь»: их с трудом хватало, чтобы прокормить семью в пять ртов хлебом и фасолью.

Коста, однако, знал цену грамоте и, перебиваясь с хлеба на квас, послал трех своих сыновей в гимназию. По вечерам вся семья собиралась у керосиновой лампы в горнице. Мать латала и штопала разъеденное соленым потом мужнино белье, а Коста принимался экзаменовать меньшого сына — своего любимца Тодора — по истории. В школе старый грузчик учился в свое время «без году неделю», но, будучи с первой мировой войны коммунистом, активно посещал политкружки, немало читал книг. Экзамен проводился довольно оригинально: отец спрашивал, что

знает сын о социалистической России; Тодор выкладывал познания, приобретенные в гимназии; отец до гнева возмущался фальсификацией истории и начинал читать сыну свою лекцию о первом свободном отечестве рабочих и крестьян. Тодор, словно губка, впитывал отцовскую науку.

Как-то перед войной в Варненский порт пришли немецкие корабли с оружием. Грузчики, среди которых добрая половина были коммунисты, не стали их разгружать, объявили забастовку. Чтобы не дать пройти к кораблям штрейкбрехерам, они выставили на причалах, пирсах, по всему берегу возле порта свои пикеты. Двенадцатилетний Тодор стоял в пикете вместе с отцом. Теперь он уже хорошо знал историю, понимал, для кого и для каких целей предназначались пушки и снаряды.

Полиция разгоняла бастующих дубинками, прикладами, пинками. Много портовых рабочих было арестовано. Попался в лапы полиции и Тодор. Учитывая возраст, его, однако, выпустили, сделав «отеческое внушение» розгами. После этого сына грузчика занесли в «красный список» и пригрозили исключением из гимназии.

Тодор мечтал стать моряком. Он грезил повторить подвиги, которые совершили герои броненосца «Потемкин» и крейсера «Аврора».

Море любил Тодор страстно. Долгими часами, завороженный, отдавался он очарованию свободной стихии, стараясь запечатлеть в душе бесконечную гамму музыки и красок моря в летний штиль и в осенние штормы. Море было для него воплощением силы и добра. Порою Тодор верил, что оно, бушующее и гневное, выйдет из своих берегов, перехлестнет через Балканский хребет и могучей волною сметет с родной болгарской земли всю нечисть и все горе, и тогда на горах и в долинах начнется новая жизнь, такая, о которой он слышал от отца, такая, как там, за дальней чертою моря, откуда восходит солнце, — в России!

Он хотел бы запечатлеть море красками на полотне, сложить о нем величественный гимн. Ни кистью живописца, ни пером поэта Тодор не владел. Но зато он получил в дар от природы, унаследовав от матери, замечательный голос. И он пел. Пел в унисон могучей симфонии моря. Он пел о гайдуках, сражающихся за свободу порабощенного отечества, о зеленых лесах и неприступных горах, где в поднебесье горят их костры. Его сценой был утес, с которого открывались море и порт. Мать, сидя на крылечке, с упоением слушала сына, тихо подпевая ему.

В лачуге было сыро, темно и тесно. Все свободное время юноша проводил на море. Он плавал, как рыба, владел веслами, парусом, как птица крыльями.

…Шел октябрь сорок третьего года. У Варненского причала стояла большая немецкая баржа, груженная взрывчаткой.

Петко Ганев, товарищ отца по работе, встретившись с Тодором у пирса, поругал промозглую погоду, студеное море, но взволнованно сказал, что дела, в общем, идут хорошо: русские братушки наступают!

— Надо и нам переходить в наступление, — закончил он вполголоса.

— А как? — с жаром полюбопытствовал Тодор.

Петко улыбнулся в ус и многозначительно указал глазами в направлении баржи.

— Ты, Тодор, держишься на воде не хуже понтона. Баржа сильно охраняется. На лодке к ней не подойти. А вплавь, со стороны моря, да еще в шторм можно рискнуть. Вас будет пятеро. Путь в обход далекий. Адскую машинку замедленного действия придется тащить по очереди!..

Дома Тодор не обмолвился ни словом. Под вечер он сказал матери, что идет к другу и, возможно, заночует. Но когда, возвращаясь из порта, подошел в час ночи неслышным шагом к своему дому, дверь перед ним открылась сама. На пороге его встретил отец. Он чутко вслушивался в шквальный рев моря и полчаса назад явственно различил взрыв. Коста притянул сына, как в детстве, к себе, бережно уложил его на свою кровать, растер спиртом и, ничего не сказав, крепко поцеловал. Это был на памяти Тодора первый отцовский поцелуй.

Словно могучая морская волна, перевалила через Дунай и через Балканы Советская Армия-освободительница. С ее помощью восставший народ смел с лица земли фашистскую тиранию, грязь и нечисть.

Тодор успешно окончил гимназию и вскоре был принят на действительную службу — во флот. Начались годы воинской учебы, интересного и напряженного труда. Скоро Тодор Костов стал командиром катера. Он заботливо учил матросов науке владения машиной и оружием, искусству плавания в далеком море. Свободные же часы посвящал спевкам во флотском ансамбле.

На фестивале воинских ансамблей его голос услышал однажды дирижер Варненской оперы, лауреат Димитровской премии Иоско Иосифов. Он посоветовал молодому офицеру подумать о сцене. Тодор колебался. Служба на флоте была его мечтой… Но командир Костова капитан первого ранга Киров по-товарищески посоветовал:

— Моряк ты, Тодор, настоящий. Офицер тоже способный. Но у тебя же божья искра. Иди учиться в музыкальную школу.

Будешь учиться и служить!..

Минуло еще четыре года. И вот широкоплечий, коренастый юноша — статью в отца, — чернокудрый, с открытыми карими глазами матери, поет на сцене Варненской оперы партию Каварадосси в «Тоске». Зрители-земляки вызывают дебютанта много раз. Отец, сидящий в ложе, довольно хмурится. Мать рядом плачет счастливыми слезами. А капитан первого ранга Киров братски обнимает Тодора.

— Вот ты и вышел в фарватер новой жизни. Правильный фарватер! Ну что ж, счастливого пути! Большому кораблю — большое плавание!..

«Большое плавание» Тодора Костова началось с поездки в Варшаву, на Всемирный фестиваль демократической молодежи.

Его сомнения тогда еще не улеглись, мучили душу. Он еще не «сжег трапа» к кораблю.

…Огни рампы резали глаза. Но Тодор, глядя в упор, видел лица людей, тысячи лиц разного цвета — белого, желтого, коричневого, бронзового, черного. Они доброжелательно смотрели на него, юноши и девушки пяти континентов земли, далекие и близкие. Слившийся воедино взор зала, казалось, его подбадривал: «Не робей!» Однако и другой, более ясный шепот достиг его чуткого уха. «Кто он?» — спросил девичий голос. «Кажется, болгарин», — ответил бархатный бас. «Фамилия?» «Представления не имею!» И ему страстно, по-мальчишески, захотелось, чтобы и девушка и бархатный бас, чтобы весь разноплеменный зал узнал, что он не «кажется», а действительно болгарин и что зовут его болгарским именем — Тодор Костов.

Зазвучали аккорды заключительного акта «Аиды» Джузеппе Верди. Тодор, нет не Тодор, а Радамес опускается живым в гробницу. Ошеломленный, он встречает на пороге смерти ту, из-за которой пожертвовал жизнью, миром и родиной пирамид, откуда доносится последний звук — грохот камня, закрывающего могилу. Радамес больше не видит мира. Тодор не видит зала, он с воодушевлением поет о вечной любви, дающей силу и счастье!..

Замер голос певца, растаял последний аккорд рояля. В зале не слышно дыхания. Стоит гранитное безмолвие. Оно сковало людей, кажется, длится целую вечность. Может быть, в этой торжественной тишине, до того, как разразиться буре оваций, Тодор окончательно понял, что он стал артистом. Жюри фестиваля присудило ему первую премию.

Он пел в Бухаресте и Женеве, в Праге и Братиславе, в Белграде и Брюсселе… А теперь поет в Варне, своем родном городе. Учеба и концерты отнимают много времени, которое хотелось бы провести с морем. Однако это не уменьшает его

любви к морю. Труд прокладывает дорогу таланту к вершинам искусства. Тяжкий труд, но плодотворный и радостный. Предстоят годы учебы в Италии и Советском Союзе, куда посылает сына варненского грузчика народное правительство на государственные средства. Мастера двух лучших певческих школ мира — итальянской и русской, — тончайшие ювелиры, будут шлифовать грани его голоса. И он засверкает не только всеми цветами, но и переливами радуги.

Болгарин, певец, коммунист с волнением, как свои самые счастливые морские «рейсы», вспоминает гастроли в Ленинграде и Одессе.

— Нет другой такой страны на свете, — говорит Костов, — где бы так ценили, понимали и возвышали искусство!..

Всюду восторженно встречали его советские зрители. Не было арий, которые не приходилось бы исполнять на «бис».

Навсегда осталась в памяти и в сердце артиста встреча с одесскими моряками и грузчиками на палубе корабля.

Тодор пел песню о море. Пел самозабвенно, вкладывая в нее всю силу своего голоса, всю свою душу. И слышался в этой песне рокот родного Черного моря — могучее дыхание его могучей стихии. Казалось, артист воплотил в своем голосе всю не перекладывающуюся на музыку гамму моря. И был слышен в этой величественной музыке плеск рук подростка, плывущего к борту вражеской баржи, и грохочущий взрыв среди шквального шторма!

1959 г.

Первая гроздь

Солнце село на волнистый отрог Балканского хребта и словно скатилось с него за черту невидимого. С моря дохнуло прохладой. Ожили, затрепетали в яблоневых ветвях большие, как ночные бабочки, зеленые листы, на которых еще не стерлись с весны крапины медного купороса.

Из сада вышел крупным шагом мужчина по возрасту десятков трех с половиной, в белой рубахе нараспашку и взял направление к виноградникам.

Тут, на проселке, я и перехватил его, Николу Ковачева, председателя трудового кооперативно-земледельческого хозяйства «Димят» в селе Бяла.

— Он с четырех часов утра уходит на поля, — сказали мне в конторе, когда я зашел туда в полдень, — и пока смеркнется — в движении. Обедает в стане. Как найти его?.. Трудно!.. Механического или конного транспорта не признает. Значит, ориентира — где он — нет! Все пешком да пешком. Из бригады в бригаду, из звена в звено. Случилось однажды так, что наш почтальон проехал на мотоцикле по тем же местам, где побывал за день председатель. И знаете ли, на спидометре набежало тридцать километров! Но каким бы ни был дневной маршрут Ковачева, он кончается на закате садом и виноградниками. А нынче, даже случисьземлетрясение, ему быть в виноградниках.

«Что ж, — подумал я, — человек волен по-своему строить распорядок дня. И если он ходит пешком, значит, „землетрясений“, то есть провалов и авралов, в кооперативе не случается. Видимо, и товарищи из округа „признали“ его распорядок, потому что кому-кому, а им председатель может потребоваться не только на закате!»

Мы познакомились. Никола Ковачев расспросил, что́ видел я в хозяйстве, с кем беседовал. В его бархатно-черных глазах с синим отливом теплилась улыбка.

— У нас бытует шуточное поверье, — сказал он, — что гость, случайно попавший в дом к обеду или к праздничной трапезе, — кысметлия[41] и что у него жива-здорова теща!.. Вы как нельзя вовремя подоспели. Сегодня мы снимаем первую гроздь винограда нового урожая. Для нас это — большое праздничное событие!..

— Такова уж должность корреспондента, чтобы вовремя поспевать!..

Болгария издавна славится виноградарством. И в народе сохранились, трансформировавшись, многие старые обычаи,

традиции и праздники виноградарей. Еще от древнегреческих земледельческих празднеств «дионисиев» берет свою историю «Трифон-зарезан», отмечающийся ежегодно 14 февраля. В этот день виноградари когда-то начинали обрезать лозу. Каждая семья еще накануне зажаривает несколько кур или гуся. А рано утром люди от стара до мала высыпают всем селом на виноградники и устраивают там общую праздничную трапезу. До поздней ночи они водят хороводы и поют веселые песни. «Трифон-зарезан» давным-давно утратил свой религиозный смысл. Да и не только религиозный. Наука и опыт показали, что обрезать лозу лучше осенью. Так оно теперь и делается. А на «Трифона-зарезана» этот акт свершается символически. Срезается несколько прутьев, из которых мужчины, выступающие в голове хороводов, сплетают себе венки. Виноградари поливают несколько кустов лозы прошлогодним вином, «задабривая» мать-землю, чтобы она не скупилась, родила новый урожай побогаче прошлогоднего.

Традиция — великое дело. И, как справедливо объясняют знатоки, лучшей даты для праздника виноградарей не придумаешь. Во-первых, февраль — мертвый сезон в хозяйстве, когда есть время погулять; во-вторых, к этому времени устаивается прошлогоднее вино — окончательный продукт труда и забот виноградарей.

Понятно, что не меньшее, а большее событие в жизни виноградарей — «гроздобер», то есть сбор гроздей. Но тут уж страда, вольного времени для гуляний нет. Его отмечают радостно, но скромно.

…У виноградников, расположившихся на пологом юго-восточном склоне, собралось не меньше двух сотен кооператоров, по преимуществу молодежи. Девушки одеты в национальные наряды — пестро расшитые плахты и кофточки, кокетливо повязаны поверх черных кудрей косынками. Мужчины и парни щеголяют в шерстяных брюках и шелковых рубахах. У многих крестьян на груди блестят золотые и серебряные ордена Народной Республики Болгарии. По дедовскому обычаю в первый день «гроздобера» виноградари выходят на плантации в праздничной одежде и со всеми регалиями.

На полянке были сложены штабеля ящиков, полных янтарных гроздей димята — чудесного сорта винограда, именем которого и назван кооператив.

Кооператоры, увидев председателя, дружно воскликнули: «Добре дошел!». Две девушки, сложив на рушник ящик пятикилограммовой емкости, подошли к Ковачеву:

— Откушайте на здоровье, другарю председатель, винограда нового урожая!..

Никола Ковачев принял из их рук огромную, весом килограмма в полтора, гроздь и пригласил всех «испробовать, каков он, димят 1959 года».

Крестьяне расселись кружком. Раздавив зубами сочную виноградинку, Ковачев поднял гроздь над головой и сказал:

— Поздравляю вас, товарищи кооператоры, с началом «гроздобера»! Поздравляю с высоким урожаем! Пусть так родит виноград в самые неблагоприятные годы!..

— Пусть будет так! — ответил двухсотголосый хор.

Этот диалог представлял собою нечто вроде веселой шутки. Поднимая первую чарку за богатым праздничным столом, хозяин обычно говорит: «Айда, на здоровье!» И один из гостей ему непременно ответит: «Пускай нам так живется в самые плохие времена!»

— Урожай этот, — продолжал Ковачев, — не богом нам ниспослан, а добыт упорным трудом кооператоров, опытом наших мастеров и высокой культурой земледелия. Кто бы прежде подумал, что димят может родить по двадцати тонн с гектара? А разве это потолок его урожайности? Ведь в нашем же кооперативе отдельные звенья выращивают на гектаре по сорок с лишком тонн гроздей. Не зря же среди нас шестьдесят кавалеров ордена Георгия Димитрова, Золотого и Серебряного орденов труда!..

Потом председатель говорил о задачах «гроздобера». Это, пожалуй, самая длительная сельскохозяйственная кампания. Кроме димята[42] и известного всему миру болгара,[43] кооператив возделывает многие другие сорта винограда от скороспелых до крайне поздних. Последние грозди снимаются с лозы в ноябре, последние грозди Болгарии. Они грузятся на самолеты и в вагоны, идущие в Софию и на те северные параллели Европы, где в полях уже зачинаются снежные вьюги.

Суглинки и супеси с богатым содержанием карбоната, благоприятнейший климат, определяющийся сочетанием моря и гор, теплые короткие зимы чрезвычайно способствуют культуре винограда, дают ему тонкий и неповторимый аромат и вкус. Это, конечно, от природы.

Но очень много в целебном искрометном соке гроздей и от человека, от мастера, от кооператора и кооператива. Перелистайте пожелтевшие страницы истории виноградарства в здешнем крае. Она представляет собою скорее отдельные фрагменты, чем последовательное хронологическое повествование: филоксера и другие болезни несколько раз начисто уничтожали виноградники, словно чума селения. А ведь вырастить хорошую лозу немногим легче, чем доброго коня. Беспомощные заклинания, мольбы, возносимые к небу, были

единственным средством борьбы со стихией, безнадежной попыткой умилостивить ее.

Умудренные знанием, вооруженные химическими препаратами и машинами, крестьяне-кооператоры спокойны за завтрашний день виноградников. Слово «спокойны», пожалуй, не совсем уместно. Ибо кооператоры скорее беспокойны в своем упорном старании улучшить культуру лозы, обеспечить гарантированные, все возрастающие урожаи. Они закладывают новые насаждения на наиболее подходящих, идеально подготовленных площадях с междурядьями для машинной обработки. Государство обеспечивает их в полной мере химикатами для опрыскивания и минеральными удобрениями. В кооперативных угодьях выделены участки, на которых с помощью крестьян ведут исследовательскую работу ученые. Кооператоры изучают опыт советских, итальянских виноградарей, черпая из мировой сокровищницы все лучшее, что можно использовать в местных условиях.

…Отведав винограда, крестьяне встали, оставшись каждый на своем месте, в полукруг и взялись за руки. Засвистала свирель, подтянула волынка, залился переливами аккордеон. Оказывается, парубки, идя на работу, прихватили с собой также музыкальные инструменты. Хоровод вихрем понесся по кругу.

Ведущим шел Никола Ковачев. Размахивая белым платочком над головою, он выбрасывал такие коленца, что не всякому артисту удадутся. И хоровод удивительно точно вторил ему, будто невидимые нити связывали людей в один четко действующий механизм. Виноградарская бригада преобразилась в ансамбль!.. Да, болгары умеют петь, плясать и отдаваться веселью с такой же красотою и самозабвением, как и трудиться!.

Но всякому овощу свое время, а каждому возрасту свое времяпрепровождение. Молодежь продолжала кружиться в хороводе неутомимо, без передышки, точно карусель. Люди постарше и в летах отошли в сторонку и, разбившись на группы, завели свои разговоры.

Вместе с председателем мы присели к кружку, где было больше из «нашего воинского набора», то есть сверстников. Спустя несколько минут нашего полку прибыло. На этот раз хоровод покинули два молодых человека — кооперативный агроном Цочо Петков и ефрейтор Иван Николов, находящийся на побывке в родном селе. Тут уж солидность положения взяла верх над молодостью.

В центре беседы оказался, разумеется, Николов. Человек целый год не был дома да и пришел из «другого мира». Запасу интересно, как ему «служится» в армии.

Ефрейтор отвечает на вопросы степенно, как положено по чину. Разговор идет душевный, словно между погодками. А ежели кто полюбопытствует насчет современного оружия, сдержанно улыбнется:

— Призовут на переподготовку — сам увидишь.

— Отпускную-то на сколько дали?

— На недельку. Ребята мне подсобили. Один к одному — молодцы! На стрельбищах наше отделение во всем батальоне первенцем вышло. Ну и строевая в аккурате!..

Землякам приятно слышать, что солдат села Бяла отменно служит.

— А как насчет политподготовки? — интересуется бухгалтер Ангел Радулов.

— В этом трудностей не встречаю. Двое в отделении с высшим, остальные со средним образованием. Чтобы не ударить в грязь лицом, самому приходится готовиться к каждому занятию, как к экзамену!

— Да, теперь иное дело!.. Другая наша армия. И ефрейтор не тот, — говорит в раздумье Ангел Радулов. — Воинская дисциплина и вся служба строятся на сознательности солдата. А в мое время как было? Зуботычина — главный способ внушения. Ефрейтор — гроза… Приходит как-то в роту генерал. Дневальный — новобранец. Генерал ему: «А ну-ка строй отделение!» Дневальный мнется. «Оглох, что ли?!» — рявкнул генерал. «Слушаюсь, господин генерал. Однако имейте в виду, придет ефрейтор и, ох, как всыплет он нам с вами!». Это анекдот, но не придуманный, а взятый из жизни. Что же касается «политучебы», то по гробовую доску не забуду: «Кто суть враги Болгарии?!» А? Ефрейтор!

И старые служивые, один дополняя другого, стали разъяснять молодежи суть сказанной Радуловым фразы.

Старшее и среднее поколение болгар хорошо помнит ее.

— Кто суть враги Болгарии?

Это быт первый вопрос, с которым обращался ефрейтор к новобранцу. И не приведи господь, чтобы солдат не ответил офицеру без запинки, чтобы на смотре он не выпалил генералу, как из пулемета:

— Турки, греки, сербы, румыны!..

Если кто забывал назвать один из соседних с его родиной народов, то это наименование вдалбливалось в его голову с помощью тяжеловесной затрещины.

У тебя нет хлеба? Виноваты соседние народы: они отняли твою землю!..

Опиумом национализма, ядом шовинизма капитализм

стремился отравить классовое сознание трудящихся. Разжигая вражду между народами, он пытался погасить пламя революции.

Но как говорит древняя народная мудрость, никогда не погасить того, что не гаснет!

История Балкан полна войн. Не ради красного словца этот полуостров назвали «пороховым погребом Европы»! На бранных полях его гор и долин пролиты реки крови. Среди болгар бытует легенда: горячая кровь воина и гайдука не остывает в веках, и там, где она оросила землю, рождаются горячие источники. Оттого, говорит легенда, на болгарской земле бьет столько горячих ключей.

Нынче на Балканах спокойно. Ибо на страже мира и интересов балканских народов стоят ратники стальной армии великого социалистического лагеря. В этой армии закаляется, растет, совершенствует свою боевую и политическую выучку и болгарский солдат Иван Николов. Сила души и оружия воинов социалистической рати несломима. И тем, кто держит по указке заокеанских хозяев порох на Балканах, не удастся зажечь его!

— Еще годик — и вернешься? — спрашивает Николова председатель. — Ждем. Бригадирское место, думаю, кооператив тебе обеспечит. Ты ведь у нас был хорошим звеньевым. А воинская служба, по себе знаю, — это большая школа жизни. Кадры кооперативу вот как требуются. Дела ведь большие предстоят, горы дел!

— На то и артель, чтобы горы ворочать, — отозвался болгарской пословицей пожилой бригадир Крыстю Павлов. — Главную гору свернули — кооператив на ноги поставили. Дальше — легче!

— Без труда и грушу не съешь, — шуткою ответил Ковачев. И тут же добавил серьезно: — А нам ведь за десять лет по плану одних груш, яблок и слив надо посадить и выходить ни много, ни мало 300 гектаров, виноградников к нынешним 500 гектарам прибавить еще тысячу!

— Размах-то какой! — восторженно растянул слова ефрейторский баритон. — Приеду в часть, непременно расскажу своим ребятам!.. Беседу о делах в нашем кооперативе проведу!..

— И ты того, агитируй их к нам на жительство, когда отслужатся, — горячо насел на Николова Крыстю Павлов. — Трудодень у нас весомый — 20 левов. Девчата красивые, виноградинка к виноградинке, гроздь к грозди. И на какой ни женишься — войдешь зятем в новый дом. Все село ведь перестроилось. Старых хибарок два десятка на полтыщи осталось. А дома-то какие! Ты им все объясни. Что, мол, кирпичные, по пяти комнат, с подвалом для вина, с водопроводом!.. Да сам не

вздумай на стороне, чего доброго, жениться!..

— Хорошая кооператорка к нашему столу тоже неплохо, бай Крыстю, — вставил Никола Ковачев.

— Нет, он привязан к нашему хороводу всем сердцем и жилами, которые попрочней любого стального троса, — подмигнул агроном, дружок Николова, человек, безусловно, осведомленный в его сердечных делах.

А хоровод все кружился и кружился. Музыканты играли, не переставая.

— Счастливые да молодые не спрашивают времени и не знают устали, — сказал, сияя лицом, Крыстю Павлов.

1959 г.

Труженица земли

«Милая, дорогая бабушка! Приезжай меня навестить. Я очень и очень соскучилась по тебе! У нас в лагере так хорошо, что невозможно описать! Море, бор, пейзаж, какого ты, наверно, не видела. Приезжай! Жду! Целую крепко-крепко. И бегу на пляж, а то девочки уже купаются. Атанаска».

Письмо написано нетвердой, детской рукой. Некоторые буквы непослушно вылезают за пределы строчек. Но есть ли на свете что-либо милее детских каракуль? Да еще для бабушки!

Напротив меня, в тени увитой виноградной лозою беседки, сидит женщина с черными пышными волосами, в которых словно бы запутались белые нитки бабьего лета, с ясным и гордым лицом, чуть прихваченным морщинами, и с живыми глазами. На углу деревянного, покрытого бархатной скатертью столика лежат пяльцы и несколько разноцветных мотков мулине.

— Какие слова-то употребляет, — радостно повествует мне о внучке Атанаска Димитрова. — «Пейзаж!» Вот бесенок! Я это слово «выучила», пожалуй, на четвертом десятке. А ведь ей еще и восьми нету! Право, дети теперь со средним образованием рождаются!.. Вы отец?.. Значит, вы меня не осудите за восторженную болтовню о ребенке. Хотя должна вам откровенно сказать, что родители часто не в полной мере понимают счастья отцовства и материнства. Точно не помню, но, кажется, французы говорят: «Ребенок для женщины — последняя кукла, а внук — первый ребенок!»

Они тезки — внучка и бабушка. Сын с невесткою назвали свою дочь именем матери, тем самым выразив ей свою любовь, свое уважение. Такова народная традиция. И мать ценит этот знак внимания своих детей.

— Старики у нас так судят: ежели молодые почитают одинаково родителей по мужней и жениной линии, то они должны иметь по крайней мере двух мальчишек и двух девочек, чтобы их «крестить» на дедушек и бабушек. В наше время это вполне реально. Трудящаяся семья может и прокормить, и воспитать, и выучить четверых!.. Прежде и побольше родили, да нищих плодили!..

Женщина погружается в свои мысли, ее руки, никогда в жизни не знавшие покоя, берут пяльцы, и иголка, снующая с неуловимою глазом скоростью, оставляет на льняном полотне синие стежки.

— А придется-таки завтра поехать навестить внучку и посмотреть… пейзаж!

— Какого вы, наверное, еще не видели — процитировал я фразу из Атанаскиного письма.

— Видеть-то я его видала. Даже, если говорить точно, своими руками создавала его, как вот эту вышивку. Но дело у меня там есть. Надо проверить, как расположили ребят, чем кормят… И, конечно, навестить внучку!

Улыбнулась, виновато разведя руками:

— Балую я ее, да что поделаешь! Сама-то детства не знала. Так пускай она насладится им досыта!..

* * *

Ее детство — Болгария полвека назад… Село Тича. Сутолока саманных хат на дне тесной котловины в дебрях Балканского хребта. Вытесненная за сельский круг, стоит на околице хата портного Крыстю, что старушка, сгорбленная годами и невзгодами.

У отца с матерью было их пятеро — мал мала меньше. А земли — только что во дворе. Дед имел полоску, но ее прибрал к рукам кулак. Портняжной иглою семь ртов не накормишь. Едва хватало на фасоль — бедняцкую пищу, в будни пореже, в праздник погуще.

Смутное бремя на Балканах. Вспыхивает война. Крыстю гонят на фронт. Мать работает на чужой ниве. Старшие дети нанимаются подпасками. Босая, тощая, как сухая придорожная былинка, Атаназка ходит в школу. Учитель говорит, что у девочки большие способности, ее бы в гимназию… Говорит, хотя сам видит, что не до гимназии ей, а как бы не помереть с голоду.

Но вот нежданно-негаданно заявились на село вербовщики. «Их, ангелов, господь бог с неба ниспослал!» — причитала на радостях Атанаскина мать. И разве не ангелы, когда дочерям рай сулят? Правда, посланы они были не богом, а капиталистом Асеном Николовым, владельцем ткацкой фабрики в селе Аспарухово, пригороде Варны. Вербовщики набирают в ученицы девочек-подростков. Честь по чести с родителями подписывается грамота-договор, согласно которой их дочери три года овладевают на фабрике ткацким мастерством, приватно учатся швейному делу, а по истечении срока получают в награду швейную ручную машину «Грыцнер» — приданое от хозяина. «Есть еще бог на небе, а правда на земле», — говорит мать, благословляя в дальний путь двух дочерей: старшую Парашкеву и Атанаску.

Вербовщиков своих рассылал Николов по самым захолустным

и горемычным селам не зря и не ради благодетельства, а чтобы набрать рабочую силу из людей непритязательных, безответных и безропотных.

Фабрика стояла на желтом, песчаном пустыре в нескольких сотнях метров от морского берега. Но моря не было видно. Его скрывала высокая каменная ограда. И над оградою была натянута в четыре ряда колючая проволока. Точь-в-точь как в концентрационном лагере. У железных ворот с пудовыми засовами денно и нощно бдел на часах детина в жандармской форме, наделенный силою гориллы.

Попали дочери тичанских крестьян не в рай, а из огня да в полымя. На быструю руку их обучили азбуке ткацкого дела — и за станки. Девчонки были еще малы ростом для станков. И хозяин изготовил специальные подставки, на которые они залезали, чтобы достать своими тонкими, худыми ручонками до основы.

Так 14-летняя Атанаска начала трудовую жизнь. Не трудовую, а каторжную. Фабрика работала в две смены. После 12 часов, проведенных в душном помещении, девочек выводили на свежий воздух… Нет, не на прогулку. Еще четыре часа они должны были чистить и подметать двор, таскать кирпич для стройки нового цеха (фабрика расширялась), сажать сосны за оградою двора, на берегу моря.

…Дремучий бор шумит нынче за селом Аспарухово. Чудится, словно собраны у берега тысячи мачт с зелеными парусами. А на тенистой полянке бора, в белом, как пассажирский пароход, здании отдыхают дети ткачей комбината имени 1 Мая и с ними Атанаска — дочь Николая, плановика ткацкого цеха, сына Атанаски Димитровой. Знает Атанаска-младшая смысл слова «пейзаж» и много других мудреных слов, а вот как создавался этот пейзаж, ей еще не сказали. Да и трудно воспринять детскому сознанию, что сорок лет назад девочки, среди которых была ее бабушка, рыли тут лунки, опускали в них саженцы и на каждый корень, чтобы он прижился, выливали по четыре ведра воды — таскали ее на коромыслах из дальнего колодца.

…Юных ткачих называли в окрестностях Аспарухово «синими рабынями». Потому «синими», что хозяин, одел их в синие сатиновые халаты, служившие и рабочей и выходной одеждой, и потому еще, что цвет лица девочек «гармонировал» спецовкам.

Я рассматриваю поблекшую от времени фотографию, на которой заснята группа ткачих. Они настолько измождены, что кажутся все на одно лицо и невозможно узнать среди них Атанаску Димитрову.

— Вот она я! В четвертом ряду. А это сестра Парашкева. Она не выдержала фабричной жизни и сбежала на второй год в село.

Справа от меня — Данка, через одну от нее — Спаска и вот эта — Стояна заболели чахоткою. Николов отправил их к родителям «дышать горным воздухом», там они в скором времени и померли. Рядом с Данкою — видите, красивенькая такая — Цветана, еще трагичнее кончила. Изнасиловал ее хозяин, а когда забеременела, в море утопил, чтобы следы скрыть!..

Выдержала все Атанаска, выслужила швейную машинку, но не получила ее: вышла девушка замуж без позволения хозяина за его же работника Димитра, по сему поводу и была лишена «приданого». Выгнал Николов их обоих из фабрики. Однако спустя несколько месяцев «смилостивился», принял обратно, так как молодые были уже мастерами ткацкого дела.

Построили Димитр с Атанаскою в фабричном квартале глинобитную халупу, неказистее, чем хата Атанаскиного отца в селе Тича. Хотя и бедно жили, но в любви и согласии. Родила Атанаска одного сына, потом другого.

Работать на фабрике стало еще тяжелей. Николов урезал и без того ничтожную зарплату. Ткачи попытались протестовать. Коммунисты стали готовить забастовку. Но хозяин вызвал фашистскую жандармерию, «навел порядок», а всех «красных», в том числе Димитра и Атанаску, рассчитал, не заплатив за последний месяц.

Просила Атанаска Николова вернуть ее на работу.

— Двое детей, чем я их кормить буду?

— Подыхай вместе со своими щенятами! — процедил сквозь зубы Николов.

Муж вскоре умер. Несколько месяцев Димитрова была безработной, морскими ракушками детей кормила, потом устроилась на варненскую бумагопрядильную фабрику Кирилла.

* * *

…Звякнула щеколда: в широко распахнутую калитку вошел плотный, ладно скроенный мужчина лет тридцати. Оглядев придирчивым хозяйским оком гряды георгинов и гладиолусов, оцементированные дорожки в глянцево-зеленой кайме самшита, выразительно покачал головой:

— Твой дом, мама, наверняка получит от Народного совета грамоту образцового!

— За свой что́ говорить, а квартал наш — получит. Дом к дому, двор ко двору — чистенько, все прибрано, пройди от конца в конец с тряпкой — и нигде пылинки не пристанет… Знакомьтесь, мой старшой — Николай… У нас во всей стране

развернулось движение за культурное жилище, чистоту и порядок в быту. Хорошее движение, современное. При социализме человек должен работать и жить красиво.

— Мама на производстве была запевалой новых движений и хотя ушла на пенсию, осталась верной своим традициям. Даже в буквальном смысле стала запевалой… В нашем Доме культуры не ладилось с самодеятельностью. С прошлого лета взялась она за это дело и сейчас такой хоровой и танцевальный коллектив выковала, что нет равных в округе!

— Есть еще один конкурент, сынок, — смеясь, вставила Атанаска. — Варненская народная опера!

Возвратился вскоре с работы второй сын — Марин, токарь судостроительного завода имени Георгия Димитрова, стройный, высокий парень с карими материнскими глазами и материнской копною черных кудрей.

— Собирай багаж, мамочка!

— А что случилось, сынок?

— Еду в путешествие по стране. Пятеро лучших производственников из пяти тысяч награждены путевками. Как видишь, не срамим фамилии!

— Будешь еще лучшим, если перестанешь хвастаться и сам собственноручно соберешь свой багаж, — наставительно сказал Николай.

— Да я не в том смысле, — немного стушевался меньшой. — Я просто-напросто объективно информировал свою родню и тебя, в частности, как профсоюзного деятеля!

— Хватит вам, петухи! — с нарочитой ворчливостью вмешалась мать. — Пойдемте-ка пить кофе!

Мы прошли в дом. По народному обычаю хозяйка похвалилась перед гостем, чем богата: провела по комнатам, показала обстановку. О таких домах люди говорят «полная чаша». Комнаты обставлены добротной мебелью, подобранной с тонким вкусом. Но взгляд больше всего занимали ковры, самотканые, каждый — художественное произведение искусных рук хозяйки.

За чашкою кофе продолжали разговор. И я услышал волнующий рассказ о новой жизни и новой судьбе женщины, труженицы, матери новой Болгарии.

…Рабочие вышибли Николова и николовых взашей. Атанаска Димитрова вернулась на фабрику. Ткацкие станки были прежними, старыми, цехи — тесными, но все ей казалось другим — большим и просторным. Так бывает после долгой темной и ненастной ночи, когда наступит безоблачный, свежий рассвет и все на земле выглядит по-иному: светлым, чистым, чудесным… И она по-иному себя почувствовала — сильной, здоровой, как в утро

своей жизни.

— Люди работают с душой, — говорит Димитрова, и эти слова, пожалуй, больше всего помогают понять, как простая, забитая каторжным трудом и нуждою женщина выросла за годы народной власти в Человека с большой буквы, которым гордится вся страна.

…Гитлеровцы разграбили Болгарию, фашистские правители довели ее до грани национальной катастрофы. Народ ходил босым и оборванным. Георгий Димитров призвал ткачей выпускать больше материалов, чтобы одеть людей. А ткачей не хватало. И тогда Атанаска Димитрова, разведав об опыте своих советских подруг по профессии, начала обслуживать четыре, восемь и, наконец, двенадцать станков. Ее почин подхватили другие ткачихи в Аспарухово, Варне, Сливене, Габрово. Меньше чем за два с половиной года она выполнила личную норму двух пятилеток. Из сотканного ею материала сшито больше полутора миллионов платьев! Знатная ткачиха ездила в Советский Союз, Венгрию, другие социалистические страны, и отовсюду, как страстный коллекционер драгоценностей, она привозила крупицу опыта, которую не прятала в свою «скрыню», а выставляла напоказ, чтобы видели и учились молодые.

Сердце партии — с людьми труда. За новаторство и самоотверженную работу Димитрова была награждена тремя Серебряными орденами труда, ей было присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда, она была удостоена лауреата Димитровской премии. Земляки послали ее своим депутатом в высший орган власти — Народное собрание.

Фабрика выросла, была реконструирована на новой технической основе и превращена в комбинат. Буйно раскустилась молодая поросль ткачей. И хотя «тете Атанаске», как ее ласково называли девчата, уже перевалило на шестой десяток, она тоже хотела расти. Партийная организация послала ее в школу руководящих кадров. Училась Димитрова, как и работала, на высшую оценку, существующую в государстве. По окончании же школы вернулась на производство и была назначена заместителем директора комбината.

Главной ее заботой стала, как она сама выражается, «реконструкция быта ткачей». По инициативе и под руководством Димитровой было создано большое подсобное хозяйство на комбинате: посажен сад, заведен огород, разбиты виноградники, были построены больница, детские ясли, детский сад и создан тот лагерь, в котором отдыхает сейчас Атанаска-внучка.

Можно остановить и повернуть вспять воды, но над годами человек пока что не властен. Димитровой сравнялось 55. Она еще

не устала. Но ведь смена есть, пусть не столь многоопытная, однако с молодыми силами, с задором. И, согласно социалистическому закону, наступила пора на заслуженный, обеспеченный отдых.

Провожали ее всем комбинатом.

— Погуляли на славу, ну и, как водится, по-бабьи поплакали. Дали мне «приданое», которое не получила от Николова: машинку швейную, кроме того, полное кухонное оборудование и много разных вещей. А главное, пенсию хорошую — тысячу левов месячно!

Димитрова, отодвигая недопитую чашку кофе, задумывается. И тут, улыбнувшись с грустинкою, вздыхает:

— Конечно, трудно было с людьми расставаться!

— Да, не забудь, мама, у тебя завтра на комбинате лекция, — словно бы невзначай, роняет старший сын, отрывая мать от ее раздумий.

— Знаю, помню, — оживляется Димитрова. — Впрочем, я не рассталась с ними. И лекции и Дом культуры, да и от производства не отрываюсь. Иногда за станком постою, покажу своим «племянницам», каков он, метод «тети Атанаски». Работать их учу и жить… Ведь как бывает: поженятся — она еще молодая, зеленая, ни сготовить обед, ни истратить с умом деньги, ни создать семейного уюта. Вот я и приду к ней на квартиру да покажу раз, другой. Глядь, и пошло на лад. Рады, благодарят, счастливы!..

— Не сыну перед гостем говорить, — обнимает мать меньшой, — но работы у тебя, как ушла на пенсию, прибавилось. Член райкома Отечественного фронта, заведующая женотделом, заместитель заведующего Дома культуры!..

— Мать двоих молодцов, бабушка пока что одной внучки и родная тетя двух с лишним тысяч «племянниц»-ткачих! — тормоша Марина, в тон ему со смехом продолжала Димитрова. — Иначе и быть не может, сынок. Без работы я сразу бы состарилась. Труд… он согревает кровь, молодит сердце. Нет, не пенсионерка я, мои родные!..

…Великая труженица вы, товарищ Атанаска Димитрова, героиня земли болгарской!

1959 г.

В степи Добруджанской

Остались позади и растаяли в пепельном мареве жаркого летнего дня отроги Балканского хребта. И словно дальше отодвинулась черта горизонта, открыв взору неоглядный простор Добруджанской равнины, похожей на степи Таврии.

На спуске с одного из холмов шофер выключил мотор, и машина, шедшая на третьей скорости, сама собой сбавила ход и остановилась.

— Что за восьмое чудо? С каких это пор колеса отказываются катиться под откос?

Улыбнувшись в смоляной ус, шофер продемонстрировал «фокус» еще раз, затем объяснил:

— Чудо природы — магнитная аномалия. Очевидно, под нами железняк!..

Включив мотор, сказал солидно, с гордостью:

— В Добрудже вы увидите много чудес. Только жаль, что вам не довелось побывать в наших местах прежде, лет этак пятнадцать или хотя бы десять назад. Ей-ей, человеку, не заставшему старой Добруджи, трудно представить себе, какой она была, а значит, по-настоящему оценить и то, что с нею стало!..

* * *

Едешь по степи, и кажется, что пшеничные поля огорожены зелеными гатями или валами: с северо-востока на юго-запад протянулись буйно разросшиеся лесные полосы. Там и сям в лощинах искрятся водоемы, по ним плавают стаи гусей и уток.

Вот на пути показался зеленый оазис. Машина вкатывает в село. Сквозь кружевной заслон палисадников проглядывают новые, добротные дома с просторными верандами и широкими окнами. На центральной площади — комплекс двухэтажных зданий: читалища, школы, больницы, народного совета и правления кооператива.

Минуем еще десяток сел-оазисов… И все они — одно к одному, как бусины в ожерелье.

Дорога сворачивает к белому городку в тополиной ограде. Тут, в «черноземном сердце» края, неподалеку от города Генерал Тошево, разместился Добруджанский научно-исследовательский сельскохозяйственный институт.

В страдную пору в кабинетах и лабораториях института хоть шаром покати.

— Все на полях и делянках, — объясняет сторож. — А Иван Гырбучев лекцию чабанам читает. Ежели вам его, провожу!..

Иван Гырбучев, директор института, мой старый знакомый. Одиннадцать лет назад, окончив Харьковский сельскохозяйственный институт, он проходил практику в Каменной степи, Воронежской области, где мы с ним и повстречались впервые. Теперь сын болгарского крестьянина стал известным ученым. Впрочем, годы и положение не изменили его. Те же юношеские искорки в живых карих глазах, та же «южная» непоседливость и энергия, тот же студенческий задор.

На полянке, поросшей муравою, тесным полукругом сидели человек тридцать. Это были чабаны из ближних и дальних добруджанских сел, приехавшие в институт «за опытом». Их интересовали проблемы рационального кормления скота, создание зеленого конвейера.

Когда лекция была закончена, зоотехник Мичо Мичев, однокашник Гырбучева по Харьковскому институту, повел чабанов на животноводческие фермы. Со мною на полянке остался, кроме директора, пожилой крестьянин по имени Тодор Янакиев, из села Дропла.

— Охота поговорить мне с русским братушкой, — сказал он откровенно. — А что касается ферм, то я тут не впервой и родословные всех животных на память изучил!

— Видите, какой у нас прилежный студент пошел, — подтрунил директор института и добавил серьезно: — Для ученого истинное счастье — работать с такой аудиторией!

— Эх, ежели бы мне да молодые годы, я бы всю зоотехническую науку превзошел! — воскликнул Тодор Янакиев. — А то ведь вместо школы отец в подпаски к чифликчии[44] послал, чужие стада сторожить и собственный хлеб зарабатывать!

— Парадоксально, но факт, — отозвался Гырбучев. — Добруджа была одной из самых отсталых, бедных и темных провинций!

Ученый и пастух, дополняя друг друга, повествуют о прошлом своего края.

Еще не так давно бóльшая часть обширной равнины была целиною, покрытою густыми травами. На бескрайних пастбищах, принадлежавших крупным землевладельцам, гуляли табуны коней, отары овец, гурты коров и телят. Осенью чужеземные купцы скупали в Добрудже скотину, отгоняли ее в Константинополь, где сбывали с большим барышом. По мере роста населения зéмли распахивались и засевались зерновыми культурами. Несколько лет сряду пшеница шла по пшенице,

потом пашню пускали под перелог — велось типично экстенсивное земледелие.

Жил хлебороб во власти стихии и чорбаджии, или, как еще говорят болгары, бога и богача. Судьба батраков всецело зависела от воли владыки-помещика. Крестьяне, имевшие собственные наделы, в неурожайные годы закладывали и перезакладывали землю — свой единственный капитал — и попадали в кабалу к тому же помещику.

— Уж и натерпелись мы от засухи! — сокрушается Тодор Янакиев. — С весны, бывало, зеленям сердце радуется. А налетит суховей-черномор, зерно сожжет и солому, как огнем, опалит. Считалось хорошо, коли в три осени один добрый урожай брали!

— Жажда землю и людей мучила, — говорит Гырбучев. — Суходол, безречье. До подпочвенных вод не докопаться. Нередко на все село — один колодец. Вода горькая, как полынный настой. А кое-где крестьяне за десять — пятнадцать верст по воду ездили. Да вот, кстати, мы сохранили на нашей усадьбе в качестве музейной древности колодец, известный в округе под названием «Сухой».

В нескольких шагах от нашей полянки поднималась на метр каменная кладь, возле которой был установлен лежащий на деревянной раме барабан, вроде жернова, с намотанным на него тросом и прикрепленной к нему оглоблей. Дна колодца не видно. Его глубина сто метров. Весною, при таянии снегов, и во время осенних дождей он наполнялся водою, которую качали конным приводом. Летом же пересыхал.

…Добруджанская равнина — это десятая часть пашни Болгарии. Осуществляя социалистическое переустройство сельского хозяйства, Коммунистическая партия и народное правительство поставили целью превратить ее в житницу, в пшеничный закром страны. Весною 1951 года было принято постановление Совета Министров и ЦК БКП о развитии сельского хозяйства, водоснабжении и электрификации Добруджи, ставшее программой преобразования природы края и сплошного кооперирования села. Тогда же был создан Добруджанский институт — научно-исследовательский центр земледелия, селекции, животноводства, и заложено образцовое хозяйство, по которому могли бы равняться кооперативы.

Не обошлось без скептиков. Были сомневавшиеся. Дело, дескать, большое и хорошее, но его бы следовала растянуть на несколько десятилетий.

В качестве «советчиков» часто подвизались выброшенные народной властью из седла чифликчии, нашедшие приют в мертвом доме радиостанции «Свободная Европа». Они называли

план преобразования Добруджи «коммунистической фантастической затеей» и, ссылаясь на «патриархальную природу» добруджанского крестьянина, его извечную любовь и преданность помещику — господину, отцу и кормильцу, — обрекали на провал дело кооперации.

* * *

У лжепророков оказалась короткая память. Теперь они словно бы забыли о существовании Добруджи. Правда, как-то весною в эфире продребезжал голос бывшего добруджанского помещика, выступившего на этот раз в роли политэконома.

— Коммунизм переродился, — козырнул он. — Где же социальная справедливость? Я жил в одноэтажной хате, имел тридцать тысяч левов годового дохода, и меня экспроприировали. А нынче в моем селе мой пастух отстроил двухэтажный дом, и его доходы под шестьдесят тысяч. Спрашивается: кто же чифликчия?

…После нашего разговора у Сухого колодца чабан Тодор Янакиев пригласил меня в свое родное село Дропла. «Дропла» — значит дрофа, степная птица, которая до сих пор водится в здешних угодьях.

Янакиев — сама Добруджа, ее прошлое и настоящее.

— Я из тех крестьян, которые существовали благодаря «добродетели» помещика, — горько шутит чабан. — Было у меня две десятины земли. Ее не хватило бы, чтобы заплатить даже проценты за долги и ссуды. Помещик, по существовавшему закону, мог ободрать меня, как липку, и пустить по миру в чем мать родила. Правда, ему это не выгодно было: я ведь на него, как вол, работал!

Но в кооператив Янакиев пошел все же не по первому зову. Народная власть ликвидировала долги помещику и утроила за счет помещичьей земли его надел. Вот он и решил похозяйствовать, так сказать, самостоятельно.

— Скоро-таки я увидел, что с кооперативом тягаться кишка тонка. А как говорят в народе: от хорошего только черт бегает!..

Пионерами кооперативного движения были коммунисты. Они взяли на свои плечи трудности организации и становления нового хозяйства.

— Сначала нас собралось небольшое, но неразбиваемое ядро, — рассказывает председатель Дроплинского кооператива Георгий Антонов, бывший связной добруджанского партизанского отряда. — Основная масса присматривалась, колебалась. Все зависело от результатов нашего коллективного хозяйствования.

Убедить крестьянина в том, что кооператив несет достаток и культуру, нужно было хлебом, мясом и левом!

Партия помогла учредителям кооперации справиться с делом в короткие сроки. Государство вложило в развитие Добруджи большие средства, зная, что они оплатятся сторицей. Была создана мощная машинно-тракторная база. На поля пришли агрономы. У Сухого колодца заложили первую делянку будущей крестьянской академии — Добруджанского института. И пшеничный колос на кооперативной ниве стал наливаться полнее, низко кланяясь добротно возделанной земле.

Настал день, когда на центральной площади Дроплы из медного крана, вбитого в гранитный камень, потекла по трубам, проложенным издалека, студеная вода. Ее назвали сладкой, потому что она не была похожа на ту горькую воду, которую пили испокон веков.

— Я за социализм! — сказал последний единоличник Дроплы Тодор Янакиев.

Кооператив, объединивший все крестьянские земли, расширил ассортимент зерновых культур, всерьез занялся кукурузой, первым в округе ввел в поля севооборотов лен, наладил племенную работу на фермах и стал развиваться как многоотраслевое хозяйство.

По-прежнему над Добруджей дует в свою пору черномор. Но, вооруженный наукой и техникой, хлебороб многократно смирил его губительную силу. Глубокая пахота, идеальная обработка почвы, полезащитные полосы обеспечили гарантированные и все возрастающие урожаи всех культур. Пшеница родит нынче в кооперативе села Дропла по 25 центнеров на гектаре, кукуруза — по 30—35, подсолнечник — по 20 центнеров. Кооператоры создали прочную фуражную базу и быстро повышают продуктивность животноводства. Коровы дают по 3 тысячи литров за лактацию. До трех килограммов шерсти настригают чабаны с овцы. Чистый доход от общественного хозяйства, поступающий в кооперативную казну, перевалил за 5 миллионов левов.

От стародавних времен дом считался мерилом благосостояния болгарской семьи. Девять десятых крестьян Дроплы жили в прошлом в глинобитных хатах под низкими соломенными стрехами. Я уже не застал на селе ни одной такой хаты. Даже на снимке ее не видел: какой фотограф добирался до добруджанского захолустья!

Впрочем, Тодор Янакиев достаточно образно описал свое старое жилище, чтобы представить его воочию:

— Ляжешь — ноги упираются в одну стену, голова — в другую; встанешь — макушкой потолок подпираешь; глянешь в

окошко — головой весь свет застишь… Гостя не пригласишь: первое дело — сесть негде, второе — угостить нечем… Словом, таким было гнездо — на супружескую пару и на «выводок», покуда он не оперился… И стройматериал был «птичий» — тот, из которого ласточка гнездо мастерит: солома, грязь или глина!..

Есть на селе два здания, оставшиеся от старого времени. Не богачам они принадлежали, не богачи их строили. В начале тридцатых годов местные коммунисты победили на общинных выборах. От прежнего старосты-фашиста в казне не осталось ни гроша: все себе прикарманивал. Староста-коммунист мало-помалу сколотил небольшой общинный капиталец. Партийная организация прибавила к этой сумме часть своих средств. Крестьяне поддержали выдвинутую коммунистами идею самообложения. В Дропле были построены школа и читалище.

Здание читалища слыло лучшим во всей Добрудже. А нынче неказистым выглядит оно в новом архитектурном ансамбле села. И тесновато для современных масштабов культурной жизни Дроплы: ведь в кооперативе свой самодеятельный ансамбль песни и пляски, драматический коллектив. Частые гости на селе — артисты из городов Толбухина и Варны. Кооператоры вот-вот заложат фундамент нового Дворца культуры. Судя по проекту, он снова будет лучшим в Добрудже. Но надолго ли? Когда каждое село строится и перестраивается, и когда новый дом, построенный сегодня, красивей и богаче вчерашнего!..

Думаю, политэкономы всего мира независимо от их политических убеждений согласятся, что крестьянин строит новый дом в том случае, если он сыт, одет, обут и если у него, помимо расходов на удовлетворение насущных нужд, остаются лишние деньги. В позапрошлом году кооператив выдал на трудодень по 45 левов. Прошлый год в Добрудже свирепствовала жестокая засуха. Стоимость трудодня снизилась до 23 левов 11 стотинок. Однако доход на одного трудоспособного остался высоким: без малого 10 тысяч левов в год, что составляет 830 левов в месяц. Если прибавить к этому доход от приусадебного участка, то получится и тысяча. Чтобы прожить безбедно, на селе такого заработка хватит на четверых!

Тодор Янакиев жил «одним казаном»[45] с четырьмя сыновьями и двумя невестками. Теперь в Дропле появился переулок Янакиевых. Отец построил каждому сыну по большому кирпичному дому.

— Оказывается, неправы были наши деды, когда говорили, что трудом праведным не наживешь палат каменных, — рассуждает старый Янакиев за чаркой вина. И, улыбчиво обводя взглядом своих сыновей, заключает:

— Великое дело — социализм! Справедливое!..

* * *

Июль и начало августа — пора жатвы. По янтарно-желтому морю нив плывут «флотилии» степных кораблей-комбайнов. Урожай повсюду снимается первоклассными машинами болгарской и советской марок. Реки золотой пшеницы льются в кооперативные закрома…

Стерня не стоит долго. Вслед за комбайнерами выезжают на поля трактористы, и к сентябрю равнина лежит распаханная, черная, с синим отливом воронова крыла.

…Добруджа по воле партии стала за короткое время ведущим зерновым районом страны.

И вправду, трудно вообразить и осознать всю величину перемен, не побывав в здешних местах раньше, лет этак пятнадцать или хотя бы десять назад.

За годы кооперативного строя Добруджа удвоила среднюю урожайность пшеницы и кукурузы. Девять из десяти крестьянских семей переселились в новые дома. Почти в каждом селе — водопровод и электричество.

Над степью занимается зарево того дня, имя которому коммунизм.

* * *

Издавна крестьянин величал в своих песнях Добруджу золотой. Эпитет этот родился в его сердце, когда он выходил в урожайный год с косою или серпом на свою золотоколосую ниву. Ему невдомек было, что отчий край богат не только землею, но и недрами.

Добруджа — родина болгарской нефти.

…Наша дорога лежала по побережью Черного моря. Мимо пронеслись одна, другая, третья колонны автоцистерн. В них было «черное золото», которое залегает на «дне» долины.

В окрестностях села Шаблы, на голубом полотне небосклона, замаячили, словно гигантские веки, ажурные конструкции нефтяных вышек. На черных прогалинах стояли чугунные газосепараторы, напоминавшие издали огромные кактусы, виднелись многоемкие резервуары.

Мне доводилось несколько раз бывать в этих местах, беседовать с нефтяниками, в частности с одним из первых

болгарских инженеров, специалистов по нефти, Ангелом Банчевым, сыном батрака, воспитанником Ленинградского горного института; бурильщиком Андоном Марковым — Колумбом, достигшим «берега черного золота», Героем Социалистического Труда… От них-то и услышал я историю открытия добруджанской нефти.

…В тридцатых годах карта залегания полезных ископаемых Болгарии пестрила сплошными белыми пятнами. Лишь кое-где временами велись разведочные работы. На основании некоторых данных геологических исследований болгарские ученые предположили, что в Добрудже должна быть нефть. Почуяв запах горючего, немецкие, шведские и французские капиталисты оказались тут как тут. В планы чужеземных любителей легкой наживы, конечно, не входили большие капитальные затраты на доскональное изучение геологического строения района. Подобно искателям кладов они «копали» вслепую. Да и не на том месте. Восемь лет их допотопные буровые установки, присосавшиеся к земле за околицей села, заменяли крестьянам огородные пугала. Ничего, кроме грязи, из земных недр они не достали…

Народная власть вышвырнула из пределов страны незваных концессионеров. Коммунистическая партия и правительство разработали широкую программу разведки полезных ископаемых. По просьбе народной Болгарии Советский Союз прислал сюда своих геологов-нефтяников, новейшую технику.

Шаг за шагом с помощью гравиметрии, магнитометрии, сейсмо- и электроразведки ученые составляли и уточняли карту геологического строения Добруджи. И с каждым шагом они все больше утверждались в мнении, что под долиною лежит «нефтяное море». Но пробиться к нему стоило огромного труда. Не одну скважину, не одну тысячу метров прошли буровики, пока наконец на керне не обнаружили пятна коричнево-черного цвета…

Наступила весна 1951 года. Главный геолог Степан Фролович Петухов совместно с главным инженером Иваном Николаевичем Иловайским «нащупали» район, на котором сходятся положительные данные всех видов геофизической разведки. Налицо было характерное для нефтеносного слоя «поднятие пластов». Была тотчас заложена скважина № 25. Мощные двигатели буровой установки не смолкали ни днем, ни ночью. Рабочие дышали энтузиазмом и проникались верой геологов.

На рассвете 31 мая из скважины под сильным напором вырвалась струя газа. А спустя три дня болгарская земля извергала первый черный гейзер. Андон Марков по старому обычаю буровиков всех стран первым умыл нефтью свое сияющее

счастьем лицо. Победу праздновал весь народ!

…Невдалеке восемь мощных тракторов тащат на специальных санях сорокаметровую вышку. Кто-то из мастеров-бурильщиков переселяется, по выражению нефтяников, на новую геологическую точку. Может, кто из старых знакомых?.. А если и нет, то познакомимся!

Я иду степью навстречу старым или новым друзьям. Что нового они скажут?.. Много! Ведь вся их жизнь полна труда, полна новых исканий, новых радостей.

Осенняя даль глубока и тиха. Вышки уходят на запад.

…Большой вам нефти, разведчики недр!

1959 г.

Сын Родоп

Погода в горах переменчива. Гром с ясного неба или нежданно-негаданно снег на голову — дело обычное.

Когда мы выехали из Кырджали в Мадан, над Восточными Родопами лучилось безмятежное солнце, и Цельсий показывал 15 градусов выше нуля. Не минуло и часа пути, как нас догнал зябкий северный ветер, температура пала, небо заволокла грязно-серая туча, и на голые пики вершин, на узкую рейку шоссейной дороги, вьющейся у самой пропасти, где в теснине бурлит студеная Арда, повалил густой снег. Сначала он был мягкий и пушистый, как хлопок, потом дробнее и, наконец, перешел в жесткую, сухую порошу… Разыгралась метель.

В Кырджали у генерального директора горнорудного общества я познакомился со знатным забойщиком Героем Социалистического Труда Али Мурадовым. Закончив свои дела, он собирался возвратиться на рудник и пригласил меня составить компанию. Беседа, как случается при первой встрече, касалась всего понемногу. Говорили об открытиях советских ученых в Антарктиде, об охоте на кабанов, о цветной фотографии. Темы предлагал сам Мурадов, оказавшийся человеком широкого кругозора и самобытного, живого ума.

Метель между тем крепчала. Все реже попадались по дороге машины и каруцы.[46] Путники, найдя приют под кровлями селений, отдыхали в ожидании, пока разведрится. Спустилась ночь. Сплошная пелена снега, мельтешащая перед фарами, напоминала освещенный киноэкран. И вот мгновенно, словно кадр фильма, вырисовалась на нем фигура. По обочине дороги, подгоняемый ветром, шагал человек в легком полушубке с торбой за плечами.

Шофер тормозит: «Садись, дружок!»

Приглядевшийся глаз различает в полутьме характерный профиль горца с орлиным разрезом век и тонким, слегка горбатым носом. Нашему новому спутнику лет 16—17.

— Откуда будешь? — интересуется Мурадов.

— Из махалы Васильки, — доверчиво отвечает юноша. — Тут рядом она, в Желтом ущелье!

— Как зовешься?

— Эзман Мюмюнов, сын Мехмеда!

— Помак?

— Ага!

Мурадов замолк, устремив взор в белое полотнище метели. Машина врезалась в снежный перемет, забуксовала, но на «газу»

вытянула. Эзман, смекнув, что дорога шоферу незнакома, посоветовал:

— Держи правее, вплотную к горе: когда снег с ветром, его оттуда относит!..

— Толково советует парень, — заметил Мурадов, одобрительно скосив глаза на юношу.

А тот, почувствовав расположение к себе, сам продолжил беседу:

— Хорошую дорогу построили. Раньше тут только ишак мог пройти. Двоим встречным не было места разминуться. Отец мой тоже на стройке работал. Он давно камень дробит, дороги мостит. Раньше мало платили, теперь — хорошо. Меня тоже хотел послать на дорогу. Потом раздумал. «Иди в рудник, — говорит, — ты человек грамотный, примут. А там еще лучше платят и, может быть, даже орден дадут». Благословил меня и приказал, чтоб честно трудился и соблюдал коран!..

— Соблюдал коран? — удивленно переспросил шофер.

— Ну, конечно, соблюдал, — повторил Эзман, вовсе не обратив внимания на тон вопроса. — Коран — святая книга, в ней определен закон, как нужно жить человеку!..

Мурадов словно не слышал этих слов. А шофер, одолев крутой поворот, осведомился:

— Значит, ваша семья живет по корану?..

— По корану, — отозвался Эзман. — Как люди, так и мы, вся махала!..

— Ты-то коран читал?

— Нет!

— А отец?

Юноша расхохотался.

— Как же он будет читать, когда отец неграмотный? В махале десять лет назад только школу открыли! Я первый в нашем роду грамотный человек!.. Мулла читал коран.

— Ну и как? — неопределенно осведомился шофер.

— Что «как»?.. Отец говорит, что теперь по корану жить можно, а раньше трудно было. Наша семья имела пять декаров земли. Табак сеяли. Хороший табак родился. Только скупщики мало денег за него давали. Я помню, как зимой голодали. Если бы отец не пошел на дорогу, померли бы.

— Братья-сестры есть?

— Шестеро нас, все меньши́е.

— Жениться скоро думаешь?

— Как отец скажет.

— Есть девушка на примете?

— Отец выберет.

— Да ведь не ему жениться-то!

— Он отец, он мой господин. Так говорит мулла.

— А девушки у вас носят паранджу?

— Ага.

— Все?

— Теперь не все, — сверкнул глазами Эзман. — Сестра у меня Фатме — в седьмом классе — не захотела носить.

— И что же мулла говорит?

— Встретил он отца и спрашивает: «Почему твоя дочь, Махмед, нарушает закон аллаха?»

— А отец?

— Отец сказал, что мулла — самый главный нарушитель законов. Он помогал скупщикам обманывать крестьян и сам грабил!..

— Вот это он правильно рассуждает! — Шофер даже крякнул от удовлетворения.

Сквозь поредевшую пелену снега пробилось электрическое зарево. Машина въехала в город Мадан. По обеим сторонам высились корпуса трех-четырехэтажных домов. На улицах было людно. У театрального подъезда хороводилась в ожидании представления молодежь.

— Десять лет назад, — заговорил Мурадов, — тут ничего этого не было. Стояла махала, как твои Васильки, Эзман, двадцать каменных саклей!..

Эзман жадно всматривался в перламутровую россыпь огней. И никто не хотел нарушить его очарованного внимания. Я слово за словом перебирал в мыслях беседу с ним, пытаясь понять душу этого сына Родоп. Он вызывал неодолимую симпатию к себе, но тем больнее было слышать из его уст глухой голос далеких предков.

* * *

Заночевав в Мадане, утром я продолжил свой путь — к вершине Петра, на самую макушку Родоп, где гнездятся рабочий поселок и рудник Петровица.

Была пересмена. Горняки — парни, как на подбор, здоровые, молодцеватой ухватки — выходили из нарядной. Среди них, кстати, оказался и начальник рудника Рангел Миланов, молодой человек с густым румянцем во всю щеку.

— Переодевайтесь, — предложил он, — спустимся под землю. Посмотрите галереи Петра. Они куда богаче римских катакомб, в которых, по преданию, были погребены останки святого Петра!

Ошиблись наши пращуры, назвав гору «Петровой», то есть «каменной». Загляни поглубже, они бы дали ей другое имя: «Василий», например, что значит «царский»…

По шпалам узкоколейки входим в тоннель, который приводит нас к вертикальной шахте. Изнутри вырывается гул моторов машин и механизмов, мерный и сильный, словно дыхание вулкана. Распахиваются стальные створы клети. Резкий металлический сигнал, и мы с головокружительной быстротой несемся вниз. Через ровные промежутки времени мелькают желтоватым электрическим светом штреки, будто этажи подземного небоскреба.

— Эта шахта — центральная артерия рудника — одна из самых глубоких в Родопах: несколько сот метров, — говорит Миланов. — Она пробита бригадой Али Мурадова.

Клеть плавно замедляет ход и останавливается. Мы в недрах горы Петра. Бугристые своды лабиринта при свете ацетиленовой лампы загораются всеми цветами радуги.

Миланов приводит нас в забой бригады скоростников Генчо Генчева.

— Ученик Мурадова. Один из ста двадцати пяти!..

Горняки откатывали руду. Генчев, ловко орудуя скрепером, в два маха наполнил вагонетку. Увидев Миланова, передал машину товарищу, подошел к нам.

— Кто же из вас скреперист? — спросил я.

— Оба забойщики, и оба… мурадовцы.

— Видите ли, — пояснил Миланов, — у нас забойщик не только с перфоратором обращаться умеет. Каждый и на лебедке и на скрепере может стоять, электровоз водит. К слову говоря, движение среди забойщиков за овладение смежными техническими специальностями Мурадов начал на проходке вертикальной шахты. По плану она была рассчитана на четыре года. Обсуждали мы на техсовете вопрос, как бы сократить срок, но к определенному решению не пришли. Инженеры — не в укор будь им сказано — спасовали. А Мурадов искал резерва, пока не нашел. Ведь, кажется, совсем простое дело: он провел с ребятами своей бригады полный курс по всем видам подземных машин. Бывало, нет лебедочника — простаивают, нет скрепериста — ждут. Мурадов избавился от этой «проблемы». Помимо того, люди вообще повысили свою техническую культуру, выросли, и уже не столько силой, сколько умением и сноровкой действовали. В результате шахту на два года раньше графика сдали!

Поднимаясь и опускаясь из горизонта в горизонт, переходя из забоя в забой, мы всюду встречали мурадовцев. Тот — его ученик, тот — работал забойщиком в его бригаде и был выдвинут на

должность бригадира, и все они скоростники, «рубят по методу Мурадова». Каждый не преминул сказать доброе слово о своем учителе и товарище.

Не один раз по тому или иному поводу вспоминал Мурадова начальник рудника. И перед тем, как расстаться, уже наверху, он словно бы подвел черту всему, что раньше говорилось:

— Да, человек этот действительно герой! И не только в труде, а и в беде, если можно так выразиться. Мне вспомнился сейчас один эпизод. В позапрошлом году, в эту пору, снегу навалило — соснам по маковку. Не успел он улежаться, как солнце припекло. Вода рекою хлынула с вершин. И надо же быть такому случаю: прорыла русло к тоннелю рудника, пошла в шахту и стала затоплять нижний горизонт. Насосы не управлялись с откачкой. Мурадов находился в забое. Первое, что он сделал, — эвакуировал всех рабочих. А сам со своей бригадой остался. По пояс в воде работали, покуда не вытащили все машины. Лишь тогда вверх поднялись. Мы ему вгорячах выговор по партийной линии влепить хотели: «Зачем рискуешь?» «Государственное добро спасали!» — отвечает. «Да что тебе, машина дороже жизни?» «Об этом, — говорит, — нам некогда было думать. А жизнью не рисковали. Я знаю водный режим гор. Опасность не грозила…» Сознание у человека высокое!

* * *

Вечером в рабочей столовой мы снова повстречались с Али Мурадовым. За стаканом виноградного вина я попросил его рассказать о своей жизни, начиная с детских лет. По лицу Мурадова скользнула едва уловимая тень, но тут же глаза стали ясными и удивительно теплыми. Он начал:

— Родом я из махалы Желтуши, что в Желтом ущелье. Помак. Нас, помаков, на рудниках половина коллектива, если не больше того. Семья занималась сельским хозяйством. Табак сеяли. Хороший табак! Да землицы маловато было. Само собой, скупщики обирали. Отец зимовал дома, а чуть весна — уходил в долину, на заработки. Иначе жить было невозможно. С голоду померли бы…

«Кто же мне рассказывал подобную биографию? — думал я, силясь припомнить. — Те же слова, те же фразы…»

Мурадов, сидевший ко мне анфас, повернул голову и приветствовал своих товарищей за соседним столом. Я всмотрелся в его профиль с орлиным разрезом глаз, слегка горбатым носом, и меня вдруг осенило: так это же самое

рассказывал о себе юноша из махалы Васильки, наш вчерашний спутник, Эзман Мюмюнов! Какое, однако, поразительное совпадение! К тому же и внешне схожи они, как старший и младший братья.

А Мурадов продолжал. И его повесть о прошлом лишь некоторыми деталями отличалась от повести Эзмана, в ней было лишь, пожалуй, больше черных красок и теней.

Я сказал ему о своем «открытии». Мурадов согласился.

— Ничего удивительного нет. Под каждой помацкой крышей можете услышать такую биографию. А что касается внешнего сходства, — добавил он шутливо, — это реже встречается. Но тоже объяснимо: на одной высоте над уровнем моря росли, одним ветром обдувало нас, одну и ту же похлебку хлебали!..

— Не знаете, где он сейчас и что с ним?

— Эзман?.. Завтра утром заступает в первую смену. В свою первую смену!..

— Любопытно было бы встретиться с ним лет этак через пяток!..

Мурадов хитровато и в то же время добродушно сощурил глаза:

— Это легко осуществить… сейчас. Представьте, что прошло пять лет и что перед вами не я, а Эзман. Нет, пожалуй, он большего достигнет! Уверяю! У парня — божья искра. И его судьба теперь в надежных руках!..

— Ну, а как насчет корана и прочего?

— О! — рассмеялся Мурадов. — Горняцкая семья — крепкий отряд рабочего класса. Она не только горами ворочает, а и человека перековывает. Быстро отделяет пустую породу! Эзман не первый и не тысяча первый!..

…Спустя несколько дней я возвращался в Кырджали. На вершинах Родоп лежал снег, чистый, будто кварц. В небесной синеве горело яркое солнце, и дивный свет его заливал горы, проникая в самые глубокие ущелья и теснины.

1959 г.

Мой друг Иван Сусанин

Осенняя пора.

«Очей очарованье!»

Каждое утро, в девятом часу, улицы и бульвары Софии заполоняют граждане в голубом. Точнее говоря, это будущие граждане. Сейчас им — от пяти до семи. Но они коренным образом «отличаются» от своих сверстников. Обратите на них внимание. Да и как не обратить!

Мальчики и девочки в голубых закрытых фартуках, оторачивающих загорелые шейки белыми крахмальными воротничками, с маленькими чемоданчиками в руках шествуют чинно, в спокойствии важном. Форма как бы смирила их буйный детский задор. Посмотрите, у того мальчугана совсем взрослое, сосредоточенное выражение личика, не иначе, как скопированное у папы. А этот, вихрастый, вовсе задрал свой курносый носик и определенно уверен, что Земля крутится вокруг него. Постарше идут без сопровождения: в одиночку или стайками; малышей сопровождают мамы, бабушки. Торжественное настроение детей гипнотизирует всех взрослых без исключения. На лицах мам и бабушек явственно обозначено сознание ответственности момента.

В этот час и я выхожу на свой корреспондентский «промысел». Моя дорога совпадает с «маршрутом» моего сына. Он выступает на два шага впереди меня, поминутно поправляя голубой фартук с белым крахмальным воротничком, который кажется ему солиднее генеральского мундира.

Мы пересекаем Парк свободы. На фоне зеленой громады Витоши пылает в лучах встающего солнца белым мрамором шпиль — обелиск героям, сложившим свои головы в битвах против фашизма. От него к Русскому бульвару текут пышные аллеи. Словно колонны, выстроились стволы могучих каштанов, дубов и лип. Арками смыкаются над головой их дремучие кроны. А внизу, вровень с грудью человека, стенами тянутся густые заросли кустарника. И в вечнозеленых «нишах» этих стен стоят на гранитных постаментах бюсты великих болгар, кто, павши в бою за свободу, вошел в бессмертие, кто возвеличил свою родину, свой народ… Это «Аллеи славных». Это живая и бессмертная история Болгарии, отлитая в бронзе, высеченная в граните и мраморе.

И каждое утро у постамента, на котором возвышается бюст Христо Ботева, нас неизменно поджидает смуглый, чернокудрый мальчонка в голубом фартуке, с чемоданом. Он ровесник моему

сыну, но куда более самостоятельный. Его не сопровождают.

Еще издали он кричит:

— Здравейте, чичо братушка![47]

Затем по-мужски жмет руку моему сыну.

Мы продолжаем путь вместе.

Дети в голубых фартуках вливаются в распахнутые двери народных читалищ. На пороге их встречают две женщины. Слышатся приветствия.

— Бонжур! — у одной двери.

— Здравствуйте! — у другой.

— Гуд монинг! Гутен морген! — у третьей и четвертой.

Порог — это условная «граница». За ним — другие «государственные языки»: французский, русский, английский, немецкий…

Но с каких это пор читалища стали… «заграницей»?

Дорогие товарищи взрослые! Неужели вы забыли те не столь отдаленные времена, когда самолично свершали в коротеньких трусиках верхом на палке кругосветные путешествия, не выходя из своего крохотного двора?! Впрочем, эту «заграницу» придумали не дети!..

Уже более века народные читалища слывут хранителями и глашатаями славянской письменности, родного слова, болгарской песни, национальной культуры. Но по-настоящему пламенно любить и возвеличивать родной язык, культуру своего народа возможно, лишь постигая и любя другие языки, культуру других народов. Организация при народных читалищах групп детей дошкольного возраста по изучению основ иностранных языков, может быть, в этом смысле небольшое, но интересное и важное начинание.

Как говорил великий педагог, голова ребенка — та́буля ра́за, то есть чистая доска. Человек, начавший изучать иностранный язык на заре своей жизни, овладевает им легко и со временем достигает совершенства. В старой Болгарии, так же как в царской России, возможность обучать детей другим языкам была привилегией кучки правящих эксплуататорских классов. Теперь эту возможность получил народ.

Сто двадцать народных читалищ столицы каждое утро заполняют многие тысячи детей рабочих и служащих. Нянечка заботливо помогает ребенку раздеться, осматривает его, не болен ли. И учительница начинает урок. Пожалуй, слово это не совсем к месту. Но детям оно по душе. Уроки бывают в школе, там, где учатся «большие». А им ведь так не терпится скорее вырасти.

Занятия проходят в играх и забавах. Группы, кстати, и называются «забавачницы». Ребята делают гимнастику, вырезают

из бумаги и лепят из пластилина фигурки, рисуют, водят хоровод. Забавляясь два-три часа под руководством опытного педагога, они заучивают иностранные слова, фразы и песенки, связанные с игрой или занятием. И с каждым днем все больше удивляют родителей новыми и новыми познаниями, идеальным «прононсом» и приобретаемой в коллективе собранностью и дисциплиной.

Забавачницы содержатся, если можно так сказать, на «хозрасчете». Родители ежемесячно вносят в фонд читалищ небольшую сумму денег.

Детские группы находятся под наблюдением общественных организаций и Министерства культуры и просвещения.

Созданы забавачницы также при многих детских садах Софии.

Большое это дело для маленьких!

* * *

Иногда мы приходим к зеленой нише Христо Ботева раньше нашего чернокудрого друга. Значит, наша очередь ждать. В каждом таком случае он, поздоровавшись, извиняется:

— Простите, пожалуйста, задержался!

И объясняет причину, которая, впрочем, всегда одна и та же:

— Бабушка гладила форму!

Форму, а не фартук!

Познакомились мы с ним в первых числах сентября. Чернокудрый, смуглый мальчонка стоял у бюста Христо Ботева, и когда мы с ним поравнялись, он подошел и сказал:

— Здравейте, чичо братушка!

Пожимая руку сыну, представился:

— Меня зовут Иван. — И с предельным детским прямодушием открылся: — Я хочу с вами дружить, чтобы иметь практику по русскому языку!

— Да ты молодец, Ванчо! — поддержал я мальчонку. — Всерьез решил овладеть русским языком?

— Конечно, всерьез. Каждый культурный человек должен знать язык братушек!

«Милый мой, — подумал я, едва сдерживая улыбку, — откуда ты заимствовал эту чудесную „цитату“? Наверняка, из дедушкина арсенала!»

Посмотрев на меня исподлобья, маленький русофил-болгарин добавил:

— Только прошу вас не называть меня «Ванчо». Я Иван…

Иван Сусанин!..

Иванов в Болгарии немало, хотя намного меньше, чем Георгиев. Однако Сусаниных мне не доводилось встречать.

Детской фантазии нет предела. Трехлетняя болгарка — подружка моего сына — раз или два в неделю облачается в брюки своего погодка-брата и объявляет себя мальчиком. А чтобы убедительнее подтвердить «достоверность» метаморфозы, вооружается с ног до головы «пистолетами», «винтовками», «автоматами» и затевает «войну». Но Иван уже вышел из этого возраста. Ему уже шесть лет. Фантазия его должна быть ближе к реальному миру… Ближе-то ближе… Но играют же ведь они и в Левского, и в Чавдара, и в Чкалова! Может, наконец, быть, что отец Ивана партизанил и среди своих товарищей по оружию за ним закрепилось имя «Сусанин». Болгарские партизаны любили награждать друг друга именами русских героев. Но, чтобы заслужить эту честь, надо было совершить подвиг, подобный тому, которым русский герой прославил себя в истории.

Сын, слышавший нечто о подвиге Ивана Сусанина, также, очевидно, затаил сомнение относительно истинного имени своего нового друга. А у него что на уме, то и на языке. Спустя несколько дней Иван, не скрывая обиды, обратился ко мне с претензией:

— Он не верит, что я вправду Иван Сусанин!

«Он» — это сын.

— Я Иван Сусанин, и дедушка моего папы тоже был Иван Сусанин. Он завел турок в болото… За это турки его и убили!..

Тут и я понял, что парень говорит правду. Хотя не учел одной особенности детской психологии: ребенок легковерен, но если он заподозрил, что ему не верят, то мобилизует все находящиеся в его распоряжении средства, чтобы доказать свою правоту, и прежде всего постарается заручиться поддержкой взрослых.

Не далее как на следующий день Иван ждал нас в «Аллее славных» вместе с женщиной лет шестидесяти пяти, одетой в темноцветный суконный наряд, какой носят в селах Фракийской долины ее сверстницы. Из-под косынки, покрывающей голову, ниже пояса падала каштановая коса. В фракийских селах, разместившихся у подножия Родоп, женщины всю жизнь не расстаются со своею косою — гордостью девичьих лет.

— Это моя бабушка, — сказал Иван, бросив на сына взгляд Георгия-победоносца.

— Действительно, бабушка, — подтвердила женщина певучим фракийским говором. Видимо, Иван успел внушить ей, что мы Фомы неверующие и что в каждом слове нас нужно убеждать. И добавила: — Я мать его отца, Иванка!

— Очень приятно познакомиться!

— Вернулся вчера мой внук из забавачницы и заявил: «Тебе непременно нужно повидаться с моими друзьями-братушками, а то они не верят, что я Иван Сусанин». Вот я и пришла… Вы, внучата, идите вперед, — обратилась она к детям, — поговорите о своем…

Иван, уверенный в бабушке, как в самом себе, тотчас схватил моего сына за руку. Дети оставили нас вдвоем.

— Ум-то у них детский, — пропела баба[48] Иванка, глядя вслед скачущим ребятишкам, — а уже понимают, что такое героизм. И, поди, уже мечтают, как самим свершить подвиг. Да и то правильно: с колыбельки им песни про гайдуков поем, сказки-были рассказываем. А они все впитывают в себя, как песок дождевую воду. Ни капли не испаряется!..

Улыбнувшись чистыми, спокойными глазами, бабушка Иванка проговорила тихо, словно бы остерегалась, что ее услышит внук:

— И никакие мы не Сусанины… Ивановы мы. Внук — Иван. Отец его, мой сын, — тоже Иван. Отец моего сына — опять же Иван. И его отец, то есть мой свекор, — Иван. А у нас до последнего времени — вы-то, наверное, знаете — фамилия в народе давалась по имени деда. И в зависимости от этого в каждом поколении она менялась. Только теперь ее закрепляют навечно. В нашем роду фамилия была постоянной, потому что все мужчины крестились Иванами!..

Дети подошли к читалищу, оглянулись и, помахав нам ручонками, скрылись за порогом. Мы с бабушкой Иванкой вернулись в парк, и там, на скамеечке под липой, она продолжала свою повесть:

— Среди славянских народов имя Иван было распространено больше всего в России. Наши отцы и деды возлагали на страну братушек все свои помыслы избавления от оттоманского рабства. И они величали русский народ почтительным именем Дядо Иван, то есть Дедушка Иван. А особенно пламенные русофилы нарекали и своих сыновей Иванами. Так издавна повелось в роду моего мужа и, кстати, в моем роду. Заметьте, я ведь тоже Иванка!..

Когда старая женщина говорила о России и о своей большой родне — болгарских Иванах и Иванках, неизменно хранивших святую любовь к стране Дядо Ивана, ее голос становился еще певучей.

— Я не знала своего свекра. Его убили турки накануне Апрельского восстания семьдесят шестого года. Ивану, моему будущему мужу, тогда еще не сравнялось и годика. Свекор работал лесничим и жил со своей семьей в глухом бору. Те, кто

его помнил, рассказывали, что он отличался диковинной силой: стреноженного коня мог взвалить на спину и унести. Зимою и летом по селам бродили турки, собирая с крестьян дань: одни — на султана, другие — на пашу, третьи — на янычар… Проще сказать, обдирали народ, как барашка. Заглядывали сборщики податей и в хижину лесника. Они ходили не в одиночку, а группами — по три человека. Лесник сполна расплачивался с ними, угощал лютой, собственного изделия ракией и вызывался проводить «дорогих гостей» до ближайшей хижины. Их дорога лежала по болоту, мимо Мертвого озера… Свекор, как рассказывают, всегда имел при себе палку из дренового дерева — кизила — с набалдашником. Мало ли с каким зверем в лесу тропа сведет! Этой самой палицей он и приканчивал турок. Трупы зарывал в болотной трясине, а золото и деньги, отобранные у крестьян, раздавал семьям гайдуков. Но турки в конце концов напали на его след. Они завели бая Ивана в ту же трясину возле Мертвого озера и там убили.

Бабушка Иванка минуту молчит, словно почитая память своего свекра-героя, затем возвращается к рассказу:

— В моем родном селе, куда перебралась семья покойного свекра, был учитель, который очень любил песню, музыку и играл на всех инструментах. Он-то и организовал при народном читалище самодеятельную певческую группу. Мы с Иваном вступили в нее. Росли-то голосистыми: у меня — сопрано, у него — бас. Наш хор пел народные песни, разыгрывал сценки из народных обрядов… Однажды к празднованию двадцать пятой годовщины освобождения Болгарии от турецкого рабства учитель подготовил с нами сцены из оперы Глинки «Иван Сусанин». Перед началом постановки он рассказал зрителям-крестьянам содержание оперы. Старшие, конечно, вспомнили подвиг и смерть бая Ивана, похожие на подвиг и смерть русского крестьянина Ивана Сусанина. А когда Иван, сын бая Ивана, кончил петь знаменитую предсмертную сусанинскую арию, то весь зал плакал!

Бабушка Иванка встала, привычным быстрым движением правой руки поправила свою косу и с задушевной лаской проговорила-пропела:

— Ивановы мы по паспортам. Но в родном селе нас зовут Сусаниными. С того самого времени, когда мы поставили сцены из оперы Глинки. Каждое лето я с внуком провожу в селе. И ему слаще меда услышать от старших обращение «Сусанин». «Когда вырасту, — говорит он, — запишусь в паспорте Сусаниным. Имею право!» Упорный парнишка. И в кого он такой пошел?!. Да и то сказать, есть в кого!..

Я проводил бабушку Иванку до дому и, прощаясь, поцеловал

ей руку, как целуют в Болгарии руки сыновья своим матерям.

На другое утро Иван ждал нас у бюста Христо Ботева один. Еще издали он крикнул по-русски:

— Здравствуйте, дядя!..

Подумав, все-таки добавил свое неизменное:

— Братушка!

А я ответил:

— Здравствуй, Иван Сусанин!

И мы, как мужчина мужчине, пожали друг другу руки.

1959 г.

Верный курс

Пара резвых дунайских рысаков, мчавшихся по шоссе во весь опор, повернув на проселок, тащит бричку медленным шагом. Перепадающие чередою снега и дожди превратили чернозем в такую жидкую кашу, что колеса вязнут по самую ступицу. Впрочем, другим видом транспорта по этой грязи не проберешься. Разве только гусеничным трактором…

В бричке нас четверо: кучер бай Владо, председатель кооператива Вырбан Христов, софийский профессор Димитр Волков да я.

Позади остался Главный Балканский хребет. На фоне серого небосклона он вырисовывается зубчатою крепостною стеной, выщербленной снарядами и временем. Чем ближе к Дунаю, тем ровнее рельеф, шире поля. Но горы не сразу уступают место долине. Они, словно волны утихшего каменного шторма, то успокоятся, то вновь вздымаются валами.

Средь холмистой Дунайской равнины раскинулись угодья села Лехчево, трудового кооперативно-земледельческого хозяйства имени Георгия Димитрова.

Бедна палитра балканской зимы. Преобладают два цвета: черный — зяби и бледно-зеленый — озимей. Но придет весна, и благодетельница-природа укроет долину таким пестрым и дорогим ковром, что ни словами рассказать, ни пером описать!

Бай Владо, отпустив вожжи, оборачивается к седокам и весело подмигивает:

— Хоть и тяжеловато лошадкам, но крестьянское сердце веселится, глядя на этакую распутицу. Деды-то наши не зря говорили: «Мокрая весна — хлеба тьма», «Зимой грязь — значит, станешь князь».

— Что ж, примета правильная, — молвил в тон председатель. — Влага — решающий фактор урожая!..

Обернувшись ко мне, он продолжает с добродушным юморком:

— Но если раньше единственным «поставщиком» влаги были небеса, то теперь мы в определенной степени освободились от этой монополии. Свою оросительную систему построили. Любое количество недостающих атмосферных осадков возместить полям — это в наших силах!

Вырбан Христов — здоровый, вылитый из мускулов мужчина, 38 лет от роду. Как у большинства силачей, очевидно, вне зависимости от их национальной принадлежности, лицо его выражает олимпийское спокойствие, а глаза лучатся дивным

теплом. Встречаемся мы впервые, но я раньше много был наслышан о нем от профессора Волкова.

Не по вольному раздолью, а тернистою тропою, вившейся порой над пропастью, благородным путем юнака шел он в жизни. Сын малоземельного крестьянина, промышлявшего кузнечным ремеслом, еще на школьной скамье связал он свою судьбу с подпольем Рабочего союза молодежи. Союз этот был юношеским боевым резервом Коммунистической партии. В начале второй мировой войны Вырбан вместе со своими товарищами вступил в ряды народных мстителей. При проведении одной из операций их группа была разгромлена. Христов попал в руки полиции. Военно-полевой суд приговорил его к вечной каторге. Весной и в начале лета сорок четвертого года болгарские фашисты, видя приближение своего конца, расстреливали политических заключенных. Только стремительное наступление советских войск и всенародное восстание 9 сентября спасли Христова от неминуемой смерти.

Застенки и пытки не сломили душевных сил Вырбана. Он с головой окунулся в кипучую гущу новой жизни, работал среди молодежи, затем в околийском и окружном комитетах партии. Скоро сбывается его заветная мечта: он поступает на агрономический факультет Софийского университета. Христов показывает недюжинные способности в науках, и после защиты диплома его назначают заместителем ректора Высшей школы по подготовке руководящих сельскохозяйственных кадров. В стенах этой школы зародилась дружба Христова с профессором Димитром Волковым, началась их совместная творческая научная деятельность.

1950 год был переломным в истории болгарского села, его становлении на социалистические рельсы. Лехчевские крестьяне всем миром вошли в кооператив. За чертой коллективного хозяйства осталось лишь несколько дворов. Кооперативная сходка, обсуждая кандидатуры в председатели правления, высказалась за Вырбана Христова. Партийные органы уважили просьбу крестьян. Что же касается самого Христова, то он был горд доверием земляков.

* * *

…После часа езды по расхлябанным колеям мы взобрались на высокий холм, господствующий надо всею окрестностью и именующийся Карванцом. У южного пологого склона холма лежало Лехчево — тысяча новых одно- и двухэтажных кирпичных

домов под черепичной кровлей, размещенных в четком геометрическом порядке. И словно бы подчиняясь установленному людьми закону строгих линий, река Огоста, выписывающая до околицы села причудливые кренделя, вступив в его пределы, потекла между стенами дремучих верб, по руслу, прямому, как коридор.

Северный склон холма отвесный. Там, внизу, катит свои воды Рибине, приток Огосты. На берегу речки, в нескольких шагах от крутого откоса, намертво скрепленного корнями кизилового кустарника, возвышается белое здание. Внутри его установлены два мощных насоса, приводимые в движение электромоторами. Они берут воду из Рибине и другой текущей под нею, в земле, реки и подают ее по трубам на 83-метровую высоту Карванца, где построен огромный бассейн. Холм превращен в напорную башню, откуда вода идет самотеком по разветвленной системе каналов и оросителей на поля, виноградники, огороды.

— Карванец знаменит тем, — сказал профессор Волков, — что это — единственное место в Болгарии, где вода механическим способом подается на такую высокую отметку!

— Однако, профессор, не забывайте и другого, — вставил Вырбан Христов. — На этой географической точке мы выиграли решающий бой в пользу кооператива!

— Что правда, то правда, — отозвался Волков. — Жаркие были деньки!

Тут, на Карванце, три человека — председатель, профессор и кучер — начали рассказ о борьбе за победу кооперативного строя в Лехчево. Продолжали его в тепло натопленной сторожке у рыбных прудов, на общественных дворах, в правлении, и всюду к рассказу подключались другие кооператоры, дополняя его деталями. Конец, венчавший этот увлекательный коллективный рассказ, мне довелось услышать из уст секретаря Михайловградского окружного комитета партии Спаса Илиева.

* * *

Семь лет назад, в такую же зимнюю мокрядь, на Карванце собралось почти все мужское население Лехчево. Христов и Волков с геологом и геодезистом уточняли трассу главного оросительного канала. А крестьяне пришли сюда потому, что дело было новое, большое, касающееся всех, и благо было время праздное, межпарье.

Председатель, развернув на камне кальку со схемой будущей гидросистемы, объяснял группе кооператоров расположение

объектов в натуре.

— Тут, значит, где мы стоим, — Христов размахом руки обвел четырехугольник, — бассейн выроем на двенадцать тысяч кубов. Вода будет подаваться снизу, из Рибине!..

Хотя лехчевцы не впервой слышали об этом, кое-кто улыбнулся в ус: сомнительно, дескать… А один из просунувшихся вперед крестьян, юркий и вездесущий Сашо Буляшки, рассмеялся в лицо председателю:

— Мели, Емеля, твоя неделя!.. Где это видано, чтоб речка в гору пошла, да еще на такую вышину?! Младенец женского пола и тот тебе не поверит!

— Поживешь — увидишь, — примирительно возразил Христов.

— Ежели увижу, — утоплюсь в бассейне. Перед всем честным народом обещаю. — И Буляшки бросил шапку наземь для вескости слова. В грязь прямо. — Ну, а ежели не увижу, то, другарю председатель, не посетуй: придется тебе возвернуться на научную работу, географии подучиться, с течением вод познакомиться!..

Хохотали мужики. Злая была шутка. И не Сашо Буляшки, недавний батрак, был ее автором. А кто-то из обиженных народной властью подстрекнул его на это. Председателя, однако, не смутил грубый выпад. Знал он, что это не первое и не последнее обидное слово, которое еще придется услышать, что не розами устлана дорога к социализму, что только делами можно убедить людей в своей правоте и примером зажечь их сердца.

…Замысел Вырбана Христова, вставшего у кооперативного кормила, был широким и крылатым. Не в одной голове председателя созревал он, хотя на его плечи ложилась главная ответственность за исполнение. Состоял этот замысел в том, чтобы за пять лет перестроить всю издревле сложившуюся в здешнем крае экономику сельскохозяйственного производства, используя огромные возможности крупного коллективного хозяйства, двинуть кооператив вперед таким рывком, на который бы раньше потребовались долгие годы.

Думал Христов вместе с Димитром Волковым. За плечами профессора был большой багаж знаний и опыта. Старый коммунист Волков жил 18 лет в Советском Союзе. Он окончил Тимирязевскую академию, защитил ученую степень кандидата сельскохозяйственных наук, работал директором одного из подмосковных совхозов.

Председатель и профессор решили по примеру передовых советских колхозов составить пятилетний план развития кооператива. Тогда в Болгарии производственные

земледельческие хозяйства еще не имели перспективных планов на длительные сроки. Кооперативная пятилетка должна была совпасть с государственной, начинающейся в 1953 году, с тем чтобы главная ее идея соответствовала общему направлению социалистического переустройства сельского хозяйства страны. В разработке плана принимали участие ученые столицы, околийский и окружной комитеты партии, а также несколько сот кооператоров, состоявших в различных подготовительные комиссиях.

Угловые камни плана закладывали Христов и Волков. Златията — западная часть Дунайской равнины, в которой расположены земли села, рассуждали они, всегда была крупным производителем и поставщиком зерна. Половину пашни занимала тут пшеница и одну треть — кукуруза. Крестьяне из-за отсутствия пастбищ держали продуктивного скота столько, чтобы удовлетворять лишь свои самые необходимые потребности в мясе, молоке и шерсти. В двух дворах из каждых трех корова не только кормила семью, но и ходила в упряжке. Словом, Лехчево являло собою типичную картину одностороннего, экстенсивного ведения сельского хозяйства. Между тем здешние почвы и климат благоприятствовали развитию таких прибыльных отраслей, как садоводство, виноградарство, овощеводство, созданию богатой кормовой базы для животноводства мясо-молочного направления.

Златията, согласно государственному плану, остается и теперь житницей. Лехчево должно сохранить прежние валовые сборы и товарную продукцию зерна, даже несколько увеличить их. Кооперативная пятилетка предусматривала рост урожайности пшеницы и кукурузы за счет внедрения механизации и передовых агротехнических приемов в полтора раза. Зерновая проблема разрешалась на сокращенных площадях. Высвобожденные земли можно было использовать под виноградную лозу, яблони, груши, сливы, абрикосы, под кормовой севооборот.

Центральным звеном в плане было создание оросительной системы. Без воды все перспективные расчеты оказались бы карточным домиком, построенным на песке. Златията относится к районам с нормальным увлажнением. Однако она часто подвергается губительным потокам суховеев. К тому ж дожди идут «не в пору». Бывают годы, когда в период вегетации растений по два-три месяца сряду не брызнет на землю ни одной капли. Летом и осенью 1958 года жестокая сушь длилась 175 дней.

Строительство требовало больших средств. Четыре насосных станции, десятки водораспределительных пультов, 50 километров каналов должно было обойтись не менее двух с половиной

миллионов левов. Да это ведь была только часть необходимых затрат! Построить тридцать с лишком капитальных производственных помещений, установить сорок электромоторов, приобрести посадочный материал и разбить плантации многолетних культур — все упиралось в «денежную сторону».

Само собою разумеется, что ни правление кооператива, ни партийная организация не допускали мысли об увеличении капиталовложений в общественное хозяйство за счет крестьянского кармана. По пятилетнему плану, трудодень в Лехчево должен при любых условиях опережать другие села округа как в денежной стоимости, так и в натуральном выражении.

Для разрешения финансовой проблемы предусматривалось первое время сделать упор на развитие овощеводства, свиноводства и других отраслей хозяйства, которые быстро и с лихвой возмещали сравнительно небольшие затраты. Экономия была объявлена железным законом. «Стотинка лев бережет!», «Пятилетка каждый лев вернет сотней!»

…Прошел год, за ним другой. Эти годы были особенно напряженными. Но они всецело подтвердили реальность пятилетки. План становился жизнью. Кооператор мог глазами увидеть и руками пощупать то, что для него порою представлялось неосуществимым, казалось неосуществимым в силу вековой крестьянской привычки к неизменному облику своей земли.

Была перекроена карта лехчевских угодий. Землеустройство проводилось комиссией, составленной из ученых, специалистов и сельских опытников. Разнообразие почв, водного и воздушного режима в границах хозяйства — все необходимо было учесть при этом. Помимо введения правильной, научно обоснованной системы севооборотов, для каждого поля и возделываемой на нем культуры был разработан подробный комплекс агрономических мероприятий.

На южном склоне холма, сползающего к Огосте, протянулись километровые ряды виноградной лозы и зашумел молодой листвою кооперативный сад. За поймой, в урочище, скрытом от ранних студеных ветров, осенью лопались хлопковые коробочки. Словно снежной пеленою укрывало землю.

По обоим концам села, вдоль шоссейной дороги, выросли общественные дворы с образцово благоустроенными помещениями для скота, кормокухнями, автопоилками, доильными агрегатами, с хранилищами и другими производственными службами.

Наступил день, и в сухой, одетый камнем и цементированный

котлован на Карванце из труб, поднимающихся от Рибине, хлынул фонтан воды.

Было это весной, перед тем, как начаться жарким дням. Торжество назначили на воскресенье. Народу сошлось — на Иордань прежде столько не приходило. По выбору старейшин затвор главного оросительного канала открыли два самых почетных участника празднества: приглашенный по этому поводу в гости профессор Волков и столетний лехчевский кооператор дядо Христо Цолов Паков, ополченец освободительной русско-турецкой войны 1877—1878 годов.

…Мужицкая память долга. Когда церемония окончилась, кто-то из активистов нарочито громко, чтоб всем было слышно, напомнил Сашо Буляшки клятву, данную «всему честному народу» на Карванце три года назад. Тот смутился, но из затруднительного положения вышел мудро:

— Нет резона топиться мне теперь. Разве не видишь — настоящая жизнь только начинается!..

* * *

Настоящая жизнь начиналась. Она побеждала в борьбе с природой, со стихией, с силами старого, исконной частнособственнической психологией крестьянина и скрытым, но ожесточенным сопротивлением кулака.

Это была битва за крестьянское сердце.

Враг действовал хитро, находя наиболее уязвимые и больные места, сам не появлялся на сцене, оставался в тени, за кулисами, подговаривая, толкая на преступления колеблющихся, неустойчивых.

Осень того года, когда Христов заступил на председательский пост, была трудной для животноводства. Правление за большие деньги с трудом приобрело недостающие на зиму корма. И вдруг в одну темную ветреную ночь запылал стог сена.

«Красного петуха» пустил не какой-нибудь кулацкий сынок, потерявший состояние, а крестьянин средненькой руки, с довольно чистой биографией: участник сентябрьского восстания 1923 года, ятак. Большую слабость имел этот человек: был болезненно привержен к частной собственности. А в собственности у него находилась всего одна лошадь, которую, кстати сказать, он купил после установления народной власти.

Никто его не принуждал вступать в кооператив, сам пошел, не хотел «остаться за сельским кругом». Но червь сомнения грыз душу. И враги откормили этого червя. Вылез он наружу. Не будем

называть имени этого человека. Не скрывал он своего преступления, сам раскаялся и получил заслуженное наказание. Теперь он снова работает в кооперативе. Труженик примерный.

Открытых вражеских проявлений такого рода в кооперативе больше не случалось. Но «бывшие люди» не смирились со своей потерей. Их была горстка плевел в ворохе чистого, золотого зерна, грязная капля в озере. Они и не мыслили себе грудью переть против народа. Село смяло бы их. Не обрез под полою, а грязное слово, клевета, подлый слушок были оружием врага.

В канун отчетно-выборного собрания 1957 года кума Иванка доверительно нашептывала у водопроводной колонки куме Станке:

— Получили-то мы на трудодень хорошо, получше маданских и михайловских, хотя они и в зажиточных ходят. А могли бы и больше получить, ежели бы не наш председатель. Он, вишь, старается перед властями, выслуживается. Образование свое показывает. А нам его образование с чорбою[49] не хлебать. Нам надо бы председателя из необразованных. Он-то на трудодень побольше распределит!..

А вечером в корчме кум Пенчо передавал уже эти слова куму Генчо. Так и пошли суды-пересуды по селу, из двора во двор, из сеней в сени.

Коммунисты насторожились. Стали выяснять, откуда «змея выползла». Оказывается, из поганого клуба «Свободной Европы». Эта станция пристально следила в течение последних лет за делами в Лехчево. Кооператив круто шел в гору. Его руководство и партийная организация избрали правильный и краткий путь к экономическому расцвету. Миф о прошлом, «золотом времени» Дунайской равнины развеивался, как дым, в сознании самых закоренелых единоличников. Болгарские зернопромышленники, выброшенные народной властью за Дунай, теряли почву из-под ног, лишались последних приверженцев старого, «золотого времени» среди крестьянства. Лехчевский кооператив вышел на столбовую дорогу и являл собою образец социалистического хозяйствования для других. Вот что так приковывало внимание «Свободной Европы» к Лехчево. На заре кооперативной пятилетки она действовала топорным способом, объявляя профессора Волкова и председателя Христова агентами Москвы, грозя лехчевцам «коммуной» и «обобществлением жен и детей». Но со временем нужда заставила ее работать более тонко, хотя по-прежнему подло.

Бюро партийной организации собрало широкий актив. Коммунисты разъяснили народу, что подлая идейка обезглавить руководство кооператива, подсунутая врагом, преследует цель

сорвать пятилетний план… Трюк «Свободной Европы» не удался. На общем собрании Христов был снова избран единогласно председателем правления.

* * *

Минуло еще два года. Кооператив и страна подвели итоги пятилетки. Все цифры и проекты, казавшиеся большими и нелегко достижимыми, воплотились в большие дела, в повседневную действительность.

Как-то еще на заре пятилетки, когда правление кооператива обсуждало вопрос о строительстве производственных помещений, Вырбан Христов высказал мнение:

— Наши амбары и хранилища должны иметь емкость на процентов 30—50 большую, чем вес и объем той продукции, которую предполагаем получить по плану. То же относится и к скотным дворам. Планы для того и существуют, чтобы их перевыполнять!

— Правильно! — поддержали члены правления. — Запас кармана не дерет!

Впрочем, не все верили в то, что предположение председателя сбудется: «План — потолок. Выдюжим, конечно, коль взялись. Но выше пупа не прыгнешь!»

Теперь было слышно по селу:

— Вырбан как в воду смотрел!..

Пшеницы и кукурузы кооператив собрал на полтора центнера с каждого гектару больше, чем предвиделось, подсолнечника — на 3, сахарной свеклы — на 80 центнеров… Пятилетний план был выполнен по всем статьям: по освоению орошаемых площадей, по заготовкам кормов, по росту поголовья скота, по надоям, настригам и по единице продукции на сто гектаров земельной площади, по валовым сборам, денежному доходу и трудодню.

Случилось такое, чему удивились не только крестьяне, но и специалисты, включая Вырбана Христова и Димитрия Волкова. Виноградники превзошли все ожидания. Молодая лоза уродила по 11 тонн гроздей с гектара!

В один из субботних октябрьских дней Димитрий Волков сказал своему коллеге, лучшему в Болгарии знатоку виноградарства, профессору Неделчеву:

— Просьба к вам, профессор. От имени лехчевских кооператоров. И сам, как член правления, ходатайствую!

— Слушаю вас, профессор!

— Не могли бы вы посмотреть нашу лозу?

— А что? Не получается?

— Не то чтобы не получалось, но…

— Я же вас предупреждал, коллега, что Дунайская равнина — это не Фракия. На многое не надейтесь. Однако виноградники мы туда продвинем. Со временем… Жаль, со временем вот у меня туговато, — скаламбурил профессор.

— А вы с самолетом!

— Идет! Пожертвую завтрашним выходным!

Полдня Неделчев смотрел виноградники. Вдоль и поперек исходит Карванец… В правлении кооператива застал он председателя и летчика.

— Вы что же, молодой человек, над почтенным стариком шутить вздумали, — с самым серьезным видом атаковал он летчика. — Наш маршрут, насколько мне известно, лежал в Северную Болгарию…

— Так точно!

— А вы привезли меня во Фракию!

— Помилуйте, дорогой профессор!

— Ожидали от вас, профессор, ласкового слова, — поклонился Христов, предлагая Неделчеву стул. — Но не такого головокружительного комплимента! Потому что удивить волшебника виноградарства Неделчева, говаривали мы в студенческую пору, не легче, чем сдать ему на шестерку!

— Шесть с плюсом, шесть с плюсом, товарищ председатель! И вдобавок моя сердечная благодарность за шутку, которую со мною сыграли, пригласив на консультацию!..

— Иначе вы, очевидно, не удостоили бы нас своим посещением!

— Может быть, может быть!.. Мы ведь, как врачи, делаем визиты в дома, где есть больные!..

— Выберете, пожалуйста, для нас как-нибудь денек весною. Будете позарез нужным врачом!

— Весною? Сколь же вы гостеприимны, что приглашаете «дорогого гостя» пожаловать через полгода! Нет уж, я приеду сюда через неделю. И не один. А с целой армией своих коллег. Завтра же договорюсь с министром, и мы проведем на Карванце совещание виноградарей Северной Болгарии. Да тут у вас и южанам есть чему поучиться. Не плантации, а прямо-таки академия!..

Спустя неделю в Лехчево состоялся трехдневный семинар, в котором приняли участие ученые столицы, местные кооператоры и 500 бригадиров виноградарских бригад из сел Дунайской равнины.

С той поры поджарая фигура профессора часто мелькает

между шпалерами буйных виноградников на Карванце, его седая голова белеет за столом президиума общих кооперативных собраний.

Нет для человека ничего радостней сознания, что его труд приносит богатые плоды, что он признан и оценен!

В октябре прошлого года Лехчево посетили первый секретарь Центрального комитета партии товарищ Тодор Живков и другие руководители партии и правительства.

Кооператоры пожелали показать дорогим гостям гордость своих рук — виноградники.

— Карванец в первую очередь!

Выехали за околицу. Тут у придорожья работала группа женщин.

— Осваиваем последние декары нашей «целины», — объяснил Вырбан Христов. — На ленточках земли по обочинам высаживаем клубнику!..

Гости заинтересовались новым делом.

Председатель правления сообщил, что кооператоры решили использовать все неудоби и пустующие площади. Только вдоль оросительных каналов они посадили 6 тысяч деревьев, главным образом плодовых.

— Очень хорошо, очень хорошо делаете! — сказал товарищ Тодор Живков. — Задача состоит в том, чтобы использовать каждую пядь земли. Это один из наших резервов!..

Виноградники произвели на гостей большое впечатление. Гости задавали много вопросов, касающихся системы агротехники, применяемой на плантациях, отметили, что урожай, полученный от молодых посадок, замечательный. Потом они поднялись на водонапорную башню, с площадки которой Карванец представляется лежащим на ладони. Их взору открылась чудесная панорама: по прямым, словно натянутые струны, шпалерам вьется виноградная лоза; в четком шахматном порядке выстроились яблони, груши, абрикосы, сливы; ровными строками протянулись грядки ягодников. Было видно, что все эти линии проведены твердой рукой человека, знающего и любящего свое дело. Осень не успела еще смыть красок плодородия с полотна земли. И, может быть, ее багрянец придавал картине еще большую прелесть.

— А что здесь было раньше? — спросил товарищ Живков.

— Сухие, редкие кустарники, кочи да несколько лоскутиков бедняцких нив. Гиблое поле!

— Да вы же преобразили землю!.. — воскликнул товарищ Тодор Живков. — И это путь, по которому должны идти все!..

Гости осмотрели водонасосные станции на реке Рибине и в

урочище Ливадето. Они отметили, что кооператив поступает правильно, расширяя мелиоративное строительство за счет использования речных и подпочвенных вод, ибо это эффективнее и дешевле других способов орошения, указали также на необходимость подготовки квалифицированных кадров для поливного земледелия.

Затем руководители партии и правительства вместе с лехчевскими активистами обсудили цифры и планы новой кооперативной пятилетки. Были замечания, коррективы, советы. Товарищ Тодор Живков обратил внимание на важность правильного размещения культур в полях севооборота, рационального использования земли и дальнейшего развития орошения.

— Из всего виденного и слышанного нами от кооператоров, — сказал товарищ Тодор Живков, — у нас создалось впечатление, что в вашем хозяйстве проводятся мероприятия больших масштабов. Лехчевский кооператив шел и идет по правильному пути. Ваш курс верный! И это особенно нужно подчеркнуть!..

Вырбан Христов слушал речь секретаря Центрального комитета партии Болгарии с неизменной печатью спокойствия. Ни один мускул не дрогнул на его лице. Только в чистых, как родники, глазах можно было заметить, как светятся, разгораясь, теплые искорки. Сидящие в тесном кругу люди реагировали на слова одобрения, высказанные товарищем Тодором Живковым, всяк по-своему: кто довольной улыбкой, кто сдержанным восклицанием. Но в душе у всех пылал костер счастья, зажженного гордостью за долю своего труда, которая, как ручей, влилась в общенародную реку, и река эта чем дальше, тем полноводней…

— Вы разумно использовали свои трудовые резервы и собственные средства для развития многоотраслевого хозяйства, для создания постоянных насаждений: виноградников и садов, строительства оросительной системы, для расширения и укрепления общественной материально-производственной базы, — продолжал товарищ Тодор Живков. — Вопреки неверию и сопротивлению отдельных людей при осуществлении этих мероприятий победа одержана, и ныне кооператив и кооператоры пожинают богатые плоды своего упорного труда. В этом отношении, я думаю, у вас могут поучиться многие хозяйства. Ваш пример поучителен!

Затем, анализируя цифры плана и рассматривая еще не использованные резервы развития хозяйства, первый секретарь Центрального комитета сделал вывод, что Лехчевскому

кооперативу вполне по силам одолеть пятилетку за три года. Его аргументированные доводы и расчеты убеждали крестьян в этом. И спустя несколько недель, выверив и уточнив каждую статью плана, они приняли обязательство достичь показателей, определенных на 1962 год, — в 1960 году, получить за три года валовой объем продукции, предусмотренный на пятилетку!

— Наш разговор, — сказал в конце беседы товарищ Тодор Живков, — я бы хотел закончить пожеланием, которое мы часто напоминаем и которое впредь будем напоминать, а именно: не успокаиваться на достигнутом, видеть перспективу и шагать быстрее и шире вперед!

* * *

Цифры пятилетки облекались в плоть. Существовавшие полгода назад в виде пунктирных линий на кальке, уже наполнились водою новые оросительные каналы. Они взобрались по крутым холмам напротив Карванца. Минувшим летом кооператив поливал шестую часть земельной площади, будущим — оросит одну треть.

Растут цифры, быстро растут, как те тополи по обочинам сельских шоссейных дорог! Видано ли было, чтобы в лехчевских отарах паслось больше четырех с половиною тысяч овец, только на откорме стояло пять тысяч свиней, на птицефермах водилось девять тысяч кур и 50 тысяч цыплят?! Слыхано ли было, чтобы сто капитальных просторных животноводческих помещений, которые грешно называть старыми словами «хлев», «конюшня», «кошара», «свинарник», едва умещали неисчислимые кооперативные стада?! Есть в годовом финансовом отчете одна всеобъемлющая цифра, заключающая в себе стоимость произведенной трудом кооператоров продукции, — общий денежный доход. Она восьмизначна: 18 336 000 левов!

Кооперативная казна села Лехчево не знает кредитов, а крестьянин позабыл, что такое нужда, недостаток или долг. Водятся теперь у людей даже свободные деньги… Собравшись обществом, они построили на свои средства Народное читалище, стадион, закладывают фундамент новой школы. Народное читалище — истинный дворец культуры: с салоном на 500 мест, киноустановкою, сценой, библиотекой, читальней и десятком комнат для занятия кружков художественной самодеятельности. Стадион такой, что не во всяком окружном центре имеется: футбольное поле, устланные гравием и песком беговые дорожки, трибуны на пятнадцать тысяч мест, волейбольная и

баскетбольная площадки, плавательный бассейн, зимний спортивный зал… В миллион левов обошелся. Не дешево! Зато молодежь довольна. Сельские юноши и девушки сплошь физкультурники. Остальное население — от столетнего дедушки Христо до его правнуков — страстные любители спортивных зрелищ и, как водится, далеко не всегда объективные: за своих болеют!

* * *

…Под вечер, после двух дней, проведенных в Лехчево, я собирался прощаться с хозяевами, как вдруг к правлению кооператива подкатила легковая машина. Приехал секретарь окружного комитета партии Спас Илиев. На огонек в председательский кабинет завернуло десятка три душ. Секретарь в селе — человек свойский. Чуть ли не каждого по имени знает Вырбан Христов, как положено, кратко информировал партийное руководство о ходе текущих работ.

— Когда-то зима была для крестьянина мертвым сезоном, — в раздумье, ни к кому определенно не обращаясь, проговорил Илиев. — А нынче колесо крутится без остановки. Кооператор круглый год создает материальные ценности, умножает свое богатство. Вот что значит крупное коллективное многоотраслевое хозяйство!

Оглядев собравшихся, добавил с улыбкой:

— Даже ваш долголетний «шеф» — «Свободная Европа» — вынужден теперь признать успехи кооператива имени Георгия Димитрова. Правда, с одной оговоркой. Коммунисты, мол, для пропаганды создали в Лехчево показательное хозяйство. Что ж, кое-что и в оговорке есть справедливое. Коммунисты и беспартийные действительно создали в Лехчево кооператив во всех отношениях показательный. Вы, друзья, показали другим кооперативам Дунайской равнины, как наиболее целесообразно хозяйствовать в наших условиях… Окружной и Центральный комитеты партии пропагандировали ваш опыт, дали ему, так сказать, широкую огласку. Министерство земледелия выпустило о лехчевской пятилетке книгу профессора Волкова, вашего доброго и постоянного советчика. Села нашей окру́ги — Златията — положили в основу своих пятилеток опыт лехчевских крестьян… Впрочем, что вы дали другим кооперативам, то дали, и от вас этого не отнимешь. Но теперь многие хозяйства вон как двинули в гору, и кое-что вам у них придется позаимствовать… Вот, например, Слатина…

— Правильно говоришь, товарищ Илиев! — поддержал Вырбан Христов. — Соседи думают не меньше нас… Что же касается слатинского примера, мы уже позаботились: террасирование южных склонов под посадку виноградной лозы начинаем с весны… Есть, однако, и другие примеры, которые можно быстрее перенимать. И чем быстрее, тем лучше. Я имею в виду молдавский опыт в молочном животноводстве!..

— Правильно, — закивал головою Спас Илиев. — Это задача номер один! Плевенские товарищи оказались оперативнее всех. Они уже переняли опыт молдавских животноводов и за год опередили нас по надоям… Наверстывать упущенное надо!

— А что если написать письмо в Молдавию?! — раздался голос из угла. — Вызвать на соревнование один колхоз, приблизительно равный нашему кооперативу по земельной площади и преуспевающий в животноводстве. Поучимся и потягаемся!

— Почему бы нет! — согласился Вырбан Христов. — Как ты думаешь, Спасе?

— Я — за! Мы ведь, как говорит Никита Сергеевич Хрущев, единым фронтом идем к общей цели — коммунизму. Значит, нам, кооператорам, нужно выравнивать фронт. Социалистическое соревнование подтягивает, мобилизует, равняет на идущих впереди!

— Общим фронтом и Америку быстрее обгоним!

— Верно рассуждаешь, бай Владо!

— Вот оно как меняется время! — подхватил весело Спас Илиев. — Поди, пять лет назад таких рассуждений и в уме у наших людей не было!

— Народ почувствовал свою силу! — сказал, как что-то обычное, само собою разумеющееся, Вырбан Христов.

В этих словах: «Народ почувствовал свою силу!» — был заложен глубокий смысл, целый социалистический этап!

1959 г.

Подвиг

…Горы рождаются в пламени. В огне рождается настоящий человек, человек-гора.

Так начинается родопский сказ о юнаке, не знавшем страха в борьбе за свободу и счастье народа, о богатыре, сдвигавшем скалы.

Истоки сказа уходят в глубокую древность, к временам Спартака, колыбелью которого, как утверждают болгарские историки, были Родопы. Тысячи ведомых и неведомых миру героев дали эти горы, столетиями полыхавшие огнем. Народное творчество собрало их подвиги воедино и отлило в легенде могучую фигуру своего защитника, богатыря.

Герои не умирают. На место павших встают новые… Этот очерк о героях — наших современниках — можно по праву начать мудрыми и крылатыми словами сказа: «В огне рождается настоящий человек…»

* * *

Тропинкою, вьющейся по бровке скалы, вдоль русла буйной речки, идет, понукая придавленного ношею ишака, старый горец. Остановившись, он делает ладонью козырек и смотрит в небо. Над ущельем парит, распластав неподвижно крылья, орел. А выше, в глубокой синеве, протянулись тросы канатно-подвесной дороги, и по ним движутся вагонетки, груженные рудой… Но что это? Не мерещится ли путнику?.. На тросе — человек. Медленно проплывает он над пропастью. До хребта далеко. Выдюжат ли его руки? Хватит ли у него сил? Но если и хватит, он все равно разобьется о стальные переплеты опорного столба. Нет! За метр до смерти человек сжимается в пружину, тигриный прыжок — и он повисает на опоре. Живой! И кому-то подает рукою знаки. Кому?

Горец жмурит зоркое око и видит второго человека, едущего в вагонетке. Первый проворно слезает с опоры, исчезая в сосновом море. Вагонетка скрывается за гребнем хребта, повисая над Чертовым ущельем. И вдруг путник вздрагивает. Страшный взрыв сотрясает воздух. От эха дрожат дремучие сосны и горы. Проходит минута, и на обуглившемся от солнца и ветра лице старого горца выступает улыбка: значит, не перевелись на болгарской земле юнаки, гордые и сильные, как орлы, что парят в поднебесье.

…Горит под ногами гитлеровцев и их денщиков — болгарских фашистов — земля.

Оккупанты грабят родопские недра: добывают руду, транспортируют ее по канатно-подвесной дороге на флотационную фабрику в Кырджали и оттуда переправляют концентрат свинца и цинка в Германию. Но с весны сорок четвертого года советская авиация перерезала стальные и водные магистрали Европы. В воздух летят немецкие эшелоны и баржи. Гора концентрата скопилась на фабричном дворе. Гитлеровские управители горнорудного бассейна, видя свой крах, поспешно собирают манатки и решают втайне от рабочих взорвать флотационную фабрику.

Партийная организация узнает о коварном замысле врага: от нее в Родопах не скроется ни один их шаг — на земле и под землею расставила она своих людей. Из подпольного центра следует распоряжение: фабрику и людей спасти любыми средствами. Коммунисты разрабатывают план действий, назначается оперативная группа, которая должна предотвратить взрыв.

В забое фашисты вместо руды грузят в какую-то из вагонеток адскую машину. Рабочие фабрики и не подозревают, что за опасность грозит им. Рискуя своей жизнью, два коммуниста на ходу проверяют вагонетки, находят смертоносный груз и сбрасывают его в пропасть.

* * *

Одним из тех, кого видел старый горец «путешествующим» на стальном тросе над пропастью, был Лозан Дойчев. Не первый и не последний свой подвиг в жизни совершил этот коммунист. Подвигом, самоотверженным и упорным, представляется вся его жизнь.

Родился он в семье рабочего в городе Хасково, центре табачной промышленности старой Болгарии, у подножия Родоп. Отец погиб на фронте Балканской войны, когда Лозану шел пятый год. Мать, оставшаяся с четырьмя сыновьями и дочерью на руках, от зари до зари не разгибала спины в сортировочных и сушильнях табачных монополий, но никак не могла прокормить семью. Лозана взял к себе на воспитание дядя. До 13 лет мальчика учили, потом отдали в слесарную мастерскую: «Хватит силы удержать зубило». И он начал приносить свои гроши́ в материнскую семью.

После победы русского Октября и поражения Болгарии во

второй мировой войне революционные силы сплачивали свои ряды для сокрушительного штурма. Душою рабочего класса на фабриках и в мастерских была Коммунистическая партия. Идеи ее окрыляли юношу и завладели всем его сердцем. Он окунается в кипучую гущу классовой битвы, становится комсомольцем, потом коммунистом…

К власти в стране приходят фашистские душегубы. Десятки тысяч верных сынов и дочерей народа гибнут на полях сражений и в тюремных застенках. Кое-кто, правда, единицы, отступает перед лицом смерти. Но он среди тех, кого «огонь не жжет».

… С Лозаном Дойчевым я путешествовал по Родопам несколько дней. Но его биографию мне рассказали другие коммунисты — немногие из старой родопской гвардии, оставшиеся в живых. Сам же он избегал о себе говорить. И, думается, не из-за ложной скромности, а из-за сознательного убеждения, что его товарищи по борьбе свершили гораздо большее.

— Брат мой, Дойчо, партизан, — говорит Лозан Дойчев, — жизнью своей пожертвовал. Как раз ему с другим товарищем и попалась в руки адская машинка, когда мы искали ее в вагонетках… Смелый был юнак и огромной человеческой души!.. Уже после победы 9 сентября сорок четвертого года погиб. Еще не разоруженное фашистское офицерье открыло огонь по толпе… Он заслонил своей грудью женщину с ребенком!..

Мать, четыре брата и сестра Дойчевы навсегда связали свою судьбу с партией. Дом коммунистов служил штаб-квартирой партийной организации, явкой подполья, звеном партизанской связи. Для этих людей была в жизни одна большая цель, и они, идя к ней, никогда не оглянулись назад.

…Высокого роста, атлетического сложения, с красивым, исчерченным морщинами лицом, отчего оно кажется еще мужественнее, и копною черных волос, подернутых октябрьским инеем, Лозан Дойчев вечно в движении, как раз и навсегда заведенный механизм. Но когда внимательно присмотришься к этому «механизму», то увидишь «перебои». Атлет к вечеру переставляет ноги, словно протезы. И черные зрачки расширяются во всю радужную оболочку, как от нестерпимой жгучей боли.

В молодости были у него ноги альпиниста. Но в 1933 году члена окружного комитета партии Лозана Дойчева раскрывает и хватает полиция. «Кто твои друзья?» «Один я, других нет!» «Ничего, ты еще у нас заговоришь, сволочь!» Вяжут веревками и бьют. Бьют по ногам, и боль огнем отдается в голове. «Кто?..» «Один я!..» Жгут ноги раскаленным железом, выдергивают ногти. «Кто?» «Один я! Других нет!»

* * *

В Болгарии действует тот же григорианский календарь, что и у нас в Советском Союзе и в большинстве других государств мира. Но, определяя время, когда произошло то или иное событие, болгары обычно не называют го́да или ве́ка, а связывают его с другим, более значительным событием, которое навсегда осталось в памяти народа, в истории родной земли. Они говорят:

— Это было накануне Апрельского восстания…

Или:

— Вскоре после освобождения Болгарии Россией и заключения Сан-Стефанского мира…

Или:

— В третью годовщину Свободы, 9 сентября…

Народ ведет свое летосчисление по революционным вехам своей истории. И это оправдано. Ибо вся его история — звенья непрерывной цепи восстаний, революций, национальных и классовых битв.

Этот «календарь» распространяется и на те далекие времена, когда Балканы заселяли другие народы.

— Как давно открыл человек залегание руд в Родопах?

— Во времена Спартака, а может быть, и раньше, — скажет вам любой сведущий человек в бассейне. Именно так и скажет, а не «около века до нашей эры».

Первая шахта была тут пробита еще фракийцами. Пыль веков засыпала ее, как кратер потухшего вулкана. Поселившиеся в Родопах славяне знали, что «живут на кладе». Подземные галереи, проложенные ими в Мадане, сохранились до наших дней, так же как и печи, в которых они плавили руду. Маданские кузнецы, ремесленники и народные умельцы мастерили оружие для гайдуков, косы, серпы и домашнюю утварь для их жен и семей…

Несколько десятилетий назад сунулась в Родопы болгарская буржуазия, да орех оказался ей не по зубам. И она призвала «варягов». Немецкие монополисты в погоне за легкими барышами заложили шурфы в тех местах, где рудоносные жилы выходят наружу, протянули одну нитку канатно-подвесной дороги и принялись выгребать руду, причем не подряд, а ту, которая поценнее, с богатым содержанием металла.

После победы в стране народной власти началась новая история Родоп. Болгарские и пришедшие им на помощь советские ученые и специалисты произвели за несколько лет «глубокую разведку» и стерли «белые пятна» с горных недр. На стол правительства легла первая геологическая карта Родоп.

Взрывы рушили скалы. Строители прокладывали через

хребты и пропасти шоссейные дороги, пробивали новые шахты, ставили опоры новых канатно-подвесных дорог, закладывали фундаменты рабочих поселков и городов, бетонные основы флотационных фабрик. В Софии и Москве инженеры проектных бюро склонились над чертежами будущего свинцово-цинкового завода.

Лозан Дойчев был назначен начальником службы канатно-подвесных дорог. По совместительству же приходилось выполнять обязанности и проводника в геологоразведочных партиях, так как только ему были известны наизусть все горные тропы, и инструкторы по работе с местным населением. Народ в юго-восточном уголке Родоп живет особенный. По крови это славяне — коренастые, русоволосые, с голубыми глазами. Говорят на чистом, по-древнему мягком болгарском языке. Между тем их предки огнем и мечом были переведены из православной в мусульманскую веру. Два века муллы насаждали в сознании этих людей, не знавших грамоты и культуры, дикий фанатизм, безрассудный страх перед «волей аллаха». Зовутся они «помаками» по той простой причине, что их прадеды «пома́гали»[50] под страхом «секир башка» туркам.

Бассейну требовались рабочие руки.

А муллы в мечетях вещали:

«Великий аллах, сказано в коране, создал птицу, чтобы она летала в небе, человека, чтобы он жил на земле, червя, чтобы он рылся под землей. Страшная кара ждет всякого, кто нарушит закон аллаха и пойдет работать в рудники — под землю, ибо он уподобится червю!..»

Нужно было послать в села людей, слово которых было бы для горцев авторитетнее проповедей муллы. Партия поручила это дело коммунистам, партизанившим в здешних местах, тем, кто в голодные зимы делился с помаками последним куском хлеба, кто защищал их от произвола жандармов и скупщиков табака. Лозан Дойчев завербовал и привел на рудник больше сотни молодцов, имена которых встретишь теперь среди бравых забойщиков, передовых машинистов, начальников участков.

* * *

Нет места на болгарской земле, которое не преобразил бы труд свободного народа. О Родопах, однако, мало сказать, что они преображены. Это новый мир!

Полными ковшами черпает страна из своей подземной кладовой. И выданные на-гора́ сокровища родопских недр словно

бы по мановению доброго волшебника ожили, перевоплотившись в новые формы: в корпуса заводов и жилых зданий, дворцов культуры и дворцов здоровья. Они разлились половодьем яркого света в вечерних окнах и теплятся негаснущей искрой счастья в глазенках дитяти, в очах девушки, во взоре мужчины… Сокровища, еще до конца не измеренные и не взвешенные!..

За последние восемь лет добыча руды в Родопах возросла почти в восемь раз, производство свинцового концентрата — в 3,4 раза, цинкового — в 5, пиритного — в 6,5 раза. В течение этого же периода промышленные запасы свинцово-цинковых руд увеличились в 66 раз.

Еще два-три года назад бассейн именовался Восточно-Родопским. Теперь его границы раздвинулись на север, на запад, и он включил в себя большую часть горного массива. Бассейн стал Родопским.

В огне борьбы за социалистическое преобразование родного края вырос и закалился болгарский горняк. Герой труда, коммунист, он поистине богатырь, ломающий и сдвигающий с места скалы. Человек-гора!

* * *

Когда мы поднялись из маданских подземных галерей и остановились на пригорке, чтобы полюбоваться необычайным видом города, разместившегося на крутых склонах ущелья, Лозан Дойчев предложил:

— Заедемте-ка в районное управление канатно-подвесных дорог… У меня там есть дело к одному инженеру!..

В управлении нужного нам инженера мы не застали. Нашли его в горах — на строительстве новой воздушной линии.

— Здравствуй, отец! — радушно приветствовал тот Лозана Дойчева. Впрочем, если бы он и не сказал «отец», его внешность более чем красноречиво говорила об этом. Отец и сын похожи, как две капли дождя, выпавшие, однако, на землю одна двадцать лет спустя после другой.

Отец был в тюрьме, когда родился его первенец. У Лозана не могли спросить, как назвать сына. Хотя в том и не было нужды: по народной традиции первенец получает имя деда, а деда звали Дойчо. Тюрьма, затем нелегальная жизнь, партизанский отряд не давали возможности пестовать наследника. Но, может быть, пример жизни отца оказал на сына гораздо большее влияние, чем это сделало бы отцовское слово.

В сорок восьмом Дойчо с отличием окончил семилетку. Отец

предложил ему поработать в бассейне. Кое-кто из друзей семьи подумал, что Лозан слишком суров: средств и возможностей для дальнейшей учебы более чем достаточно. Но старый коммунист растил сына не белоручкой, а тружеником. Дойчо начал с чернорабочего: копал землю под бетонные фундаменты опорных столбов, потом стал бригадиром, прорабом. Одновременно он учился. И когда сдал экзамены в вечернем рабфаке, поступил в институт. Железная воля отца дала себя знать. Ему, блестяще защитившему диплом горного инженера, предлагали хорошие должности в Софии. Он же пошел туда, где труднее, но больше пользы для себя и для общества.

…У начальника канатно-подвесных дорог действительно было дело к инженеру районного управления. Но что греха таить, отец хотел показать мне сына и, как говорят в таких случаях болгары, «имеет право»!

Покамест Дойчевы беседовали по своим служебным вопросам, я присел к группе отдыхавших в стороне рабочих. Седоватый прораб, делая большой и корявой рукой какие-то пометки в блокноте, словно невзначай промолвил:

— А наш-то Маресьев не сдается, бегает!..

— Это о ком вы?

— О Лозане. Мы его Маресьевым кличем. Хоть у него не протезы, а свои ноги, но они ему не меньше болей и страдания причиняют. Пенсия человеку положена. Ему бы отдыхать, он же днем волчком крутится, а ночью волком воет от старых ран! Душа в нем стальная, а нервы крепче вот этих тросов!..

Подошли Дойчевы. Старший обнял, тормоша, прораба:

— Внука жду, Желю! Письмо от невестки из института получили. Да, дедами становимся!..

— Пора, Лозо! А как назовете?

— Лозаном. Как же иначе, по деду, — ответил Дойчо.

— Хорошее имя!

Они стояли рядом, рослые, сильные, одинаково смежая в улыбке карие глаза — коммунист-отец, совершивший в жизни свой большой подвиг, и коммунист-сын, которому подвиг еще предстоит. Я долго глядел на них, и откуда-то из глубины памяти сами по себе возникли слова поэта: «Гвозди б делать из этих людей: крепче б не было в мире гвоздей!»

1959 г.

На золотых песках…

Стена, обращенная к морю и утреннему солнцу, сплошь стеклянная, разделена на сотни клеток. И когда в ранний час глядишь на дом с берега, то он представляется восковою рамой пчелиного улья, соты которой залиты янтарным медом. Архитектурные линии дома просты, совершенны и воздушно легки. Видно, талантливая и умелая рука «вписала» его в чудесный пейзаж Черноморского побережья.

Издревле человек называл живописные, созданные природой места красивыми, образными и звучными именами. Этот уголок носит имя Золотые пески. Он расположен в полутора десятках километров севернее города Варны. На берегу, где, подобно маятнику, ритмично перемещается граница моря и суши, лежит широкая кайма мелкозернистого песка, отливающего золотом. Мало таких роскошных пляжей на земле! Недаром их в прессе Старого и Нового света величают «Балканской Ривьерой», «жемчужиной Черноморья».

Вдоль пляжа стелется по проволочным шпалерам виноградная лоза, над нею ярусом тянутся сады, а за садами начинается девственный лес — густая и прохладная тень грабов, буков и лип, где путника влечет студеная ключевая вода.

Идея строительства Международного дома журналистов родилась в 1956 году на Первой всемирной встрече работников печати в Хельсинки. И хотя времени утекло с тех пор немного, все же теперь трудно установить, кто первый произнес «а». Кажется, болгарские коллеги. Но, говорят, они еще не успели закрыть рта, как их предложение уже звучало в устах делегатов всех стран. Двух мнений, а значит, и дебатов, по этому вопросу не было.

Правительство Народной Республики Болгарии со щедрым сердцем пошло навстречу демократическим журналистам мира. Оно безвозмездно выделило на Золотых песках под строительство дома три гектара земли и дало крупную субсидию.

Союз болгарских журналистов объявил конкурс на проект дома. В нем участвовали лучшие архитекторы страны. Жюри получило 70 работ. Был принят проект коллектива во главе с архитектором Н. Николовым, сочетавший в себе элементы старой архитектуры болгарского побережья Черного моря с современным, полным простора, света и удобств стилем.

Летом 1958 года состоялась церемония закладки первого камня. На Золотые пески прибыли представители всех союзов, входящих в Международную организацию журналистов. По старой болгарской традиции знаменательное событие было

отпраздновано торжественно и весело.

Братья-журналисты исходили из незыблемого убеждения, что дом простоит века, а добрая молва о нем достигнет уха грядущих тысячелетий. Поэтому в бетонном фундаменте был залит пергамент, который сообщает нашим далеким потомкам языком древних летописей о времени, обстоятельствах и причинах возведения сего здания. Он начинается словами: «В лето 1958-е нашей эры…» Пергамент вложен в цилиндрический стеклянный сосуд, наполненный оливковым маслом. Ораторы сравнивали его с «бутылкой, брошенной в бурное море столетий», и в их речах, пожалуй, даже звучали нотки зависти историкам будущего, которым попадет в руки этот документ. Что ж, шутка — хорошая спутница жизни, особенно когда она идет об руку с делом. А дело делалось, и немалое. Представители союзов договорились о помощи, которую окажут болгарским друзьям в обзаведении дома.

…Здание росло этаж за этажом прямо-таки на глазах и так быстро, как только растет бамбук. Сравнение это было употреблено одним журналистом из тропиков.

На строительстве дома не было установлено национального, а тем более мирового рекорда по кладке кирпича, но каждый кирпич был положен на совесть и, значит, на века. Строители подобрались молодец к молодцу — народ мастеровой, горячий, а главное, любящий живое печатное слово и людей, которые его слагают. Многие из них заслуживают пера лучших журналистов, вдохновенных строк и строф. Например, директор строительной организации.

Знакомьтесь… Инженер Славчо Стамболийский. Перед вами крепко сбитый молодой мужчина — грудь колесом, с задорно, по-мальчишески вздернутым носом и пшеничным вихром на макушке. Ему тридцать с небольшим. И вид у него вовсе не «директорский», зато не всякий директор имеет за плечами такую биографию. Шестнадцать лет назад шестнадцатилетним парнем он сражался в партизанском отряде. Товарищи по оружию дали ему имя «Орленок». Крылатая юность у человека! Крестьянский сын из Трынского края, нищего и безграмотного захолустья старой Болгарии, говорит с вами на чистейшем русском языке. Ну конечно же, он учился в Советском Союзе, на берегах Невы, там получил высшее инженерное образование.

— Мы построили дом национальный по форме, по стилю и вложили в него всю свою душу, памятуя, что он будет интернациональным, социалистическим по своему содержанию — контингенту отдыхающих. Мы будем рады, если наше творчество придется по вкусу взыскательным хозяевам и гостям —

журналистам!..

Хороший дом построили Славчо Стамболийский и его товарищи. Журналисты на всех языках мира говорят им:

— Спасибо вам, дорогие, талантливые друзья!

Дом был воздвигнут ударными темпами: меньше чем за один год!

…Самолет, поезд или пароход привезли вас в Варну — белый город в зеленом пышном парке на берегу лазурного залива Черного моря, город, которому скоро исполнится две с половиною тысячи лет. На каждом шагу вы встречаетесь тут с историей и современностью, с их чудесными памятниками и достопримечательностями. Но вам не терпится быстрее попасть на Золотые пески, к «пристани», в которой вы бросите якорь на двадцать дней, отдохнете, «заправитесь» новыми силами и здоровьем. Вы решили добраться до Международного дома журналистов автобусом. Ждать долго не приходится. Всего пять минут… И вот навстречу вам с головокружительной скоростью несется широкая асфальтированная дорога, словно стремительная речка, текущая меж тенистых берегов. Менее получаса пути — и черноглазая девушка-кондуктор объявляет певучим, чуточку гортанным голосом:

— Остановка «Журналист»!

Это знак внимания Варненского городского народного Совета, учредившего специальным постановлением автобусную остановку напротив дома и присвоившего ей название «Журналист»!

Вы долго и восторженно рассматриваете оригинальный, лишенный и тени архитектурного штампа фасад белокаменного здания. Но вот стеклянные двери вестибюля распахиваются. Пожалуйте в Международный дом журналистов, первый в мире!

Вестибюль подобен солярию. Сквозь стеклянную восточную стенку взгляд окунается в бескрайний морской простор. Вас манит его глубина. И сначала вы даже не замечаете, как красива и с каким тонким вкусом подобрана обстановка, что за картины украшают стены. По пологой винтовой лестнице, инкрустированной многоцветным камнем, поднимаетесь на второй или третий этаж. Какую бы комнату вам ни предложили, она будет с видом на море, с балконом, с ванной — словом, со всеми удобствами.

Если вы не скажете, то, наверное, подумаете о том, как в этом доме все стильно, подогнано и подобрано. Но присмотритесь внимательней к вещам, найдите где-то запрятанные штемпели с маркой завода или фабрики, их изготовивших. Нужно быть полиглотом, чтобы все прочесть. Одни написаны кириллицей,

другие — латиницей, третьи — иероглифами. И, пожалуй, больше чем на пятнадцати языках!

Говорят, красна изба не углами, а пирогами. Поэтому когда болгарские коллеги перечисляют вклады национальных союзов журналистов в обзаведение дома, то начинают перечень, содержащий сотни наименований, с… печки. Советские журналисты прислали кухню, которая по своему оборудованию равна небольшой, но самой современной фабрике. В доме имеются и другие советские дары: киноаппаратура, автобус, грузовик, легковая машина «Волга», рояль, радиоприемники, бильярд, «флотилия» моторных лодок…

Ковры, занавеси и шторы, одеяла, полотенца и чехлы для мебели, фарфоровые вазы, пепельницы — дар китайских друзей. Чехословацкие журналисты побеспокоились о том, чтобы в доме было больше света. Они прислали многие сотни квадратных метров первоклассного стекла. А когда над Золотыми песками опускаются сумерки, в доме вспыхивают две с половиною тысячи немецких ламп. Журналисты Германской Демократической Республики прислали сюда также телефонную станцию, линолеум. Деревянная оснастка дома: рамы, наличники, окна и двери — изготовлена в Румынии, санитарные узлы — венгерского производства…

Как пчелы в улей, сюда принесли каждый свой взяток демократические журналисты Европы, Азии, их друзья из далекой Америки.

Это было в день торжественного открытия дома летом 1959 года. На празднике присутствовало много гостей из Болгарии, из-за рубежа. После осмотра дома одна пожилая болгарка, в прошлом работник нелегальной коммунистической прессы, сказала:

— В этом доме я увидела воочию, как выглядят понятия «солидарность» и «дружба». Прекрасно!..

Международный дом журналистов — детище солидарности и дружбы прогрессивных тружеников пера.

Первыми ласточками, прилетевшими не из-за моря, а к морю, на Золотые пески, были чехословацкие журналисты. Ласточки были, во-первых, белыми (кстати, в природе существуют и белые представители этого рода пернатых), во-вторых, появились не ранней весною, а в середине лета (тоже случается в миграции птиц, хотя реже). Впрочем, второе обстоятельство — летний прилет — способствовало тому, что «ласточки» быстро приобрели свой естественный черный цвет.

Одна ласточка, говорят, не делает весны, а тем паче курортного сезона. Так, одна группа журналистов одной страны

еще не сделала Дом журналистов международным. Но весна не заставила себя долго ждать. В один из жарких полдней «лед тронулся». Хлынул поток польских друзей, за ними — немецких!.. Разноязыко говорливые ручьи потекли по каменистому ложу тропинки в Черное море.

В вестибюле, в столовой, в коридорах и баре зазвучала русская речь. На пляже тоже. Речь хотя слышалась и русская, но с акцентом. Все народы понимали друг друга, прибегая к великому языку моей Родины.

Что и говорить, запоздали гости с севера! Может быть, мешали расстояния? Но современная техника так их сократила, что поездка от Москвы до Варны занимает теперь времени во много крат меньше того, которое потребовалось Радищеву для «Путешествия из Петербурга в Москву» на перекладных… Просто-напросто наши журналисты, записавшиеся в первую группу, считали, что оперативность необходима в работе, а не в отдыхе. Кроме того, они решили подготовиться к поездке фундаментально и организовали курсы по изучению болгарского языка. На рассвете четвертого сентября, войдя в вестибюль дома, они сказали хором:

— Здравейте, скъпи другари![51]

А им ответили по-русски:

— Здравствуйте, родные товарищи! Наконец-то наш дом стал воистину международным!

И если до этого времени на море и на суше в районе Золотых песков существовали еще национальные землячества, то с приходом советских журналистов они слились в одну семью.

Был «бархатный сезон». Солнце улыбалось отдыхающим во все свои налитые огневым румянцем щеки, а море встречало и провожало их теплыми объятиями.

Я обмолвился словом «отдыхающие». А вы, очевидно, уже обратили внимание, что в официальном названии дома отсутствует существительное «отдых». Но это не значит, что люди тут не знают досуга. Напротив, отдых в Доме журналистов поднят на должный уровень. Его поднимали на этот уровень общими силами. Однако главную роль в «эй, ухнем» сыграли наши богатыри. Преодолев языковую кастовость, они учредили международные секции рыболовов, пловцов на дальние дистанции, гребцов, грибников, песенников, и т. д., и т. п.

Появились чемпионы в каждом виде спорта и занятий. Ленинградский редактор поймал за утреннюю «зорю», длившуюся до ужина, 114 бычков, 10 «голов» ставриды и несколько экземпляров каких-то, покуда еще неизвестных рыболовам Невы морских обитателей. И несмотря на документальную

достоверность факта, его молдавский коллега спустя день после пира с ухой при упоминании о рекордном улове ухмылялся, почесывая за ухом очень похоже на одного из персонажей перовской картины «Охотники на привале»… Из не менее достоверных источников скоро стало известно, что редактор одного московского журнала за время, положенное для послеобеденного «мертвого часа», собрал в лесу 104 гриба, исключая мухоморы и поганки… Третий международный рекорд завоевали советские журналисты в марафонском заплыве.

Одно солнышко на небе, да не всем светит одинаково. Вторая группа советских журналистов в меньшей мере пользовалась его благорасположением: «Уж небо осенью дышало…» Зато весенним половодьем заливало душу веселье!.. Внередакционный актив в лице известной советской киноактрисы Тамары Макаровой организовал маскарад, в котором участвовало гораздо больше действующих лиц, чем в знаменитом лермонтовском «Маскараде», и который минул без лермонтовских коллизий.

Пребывание в Варне второй группы советских журналистов совпало с месячником болгаро-советской дружбы. Местные общества дружбы нарасхват приглашали наших журналистов на вечера, собрания, беседы. Встречи проходили тепло, сердечно и заканчивались знакомствами, порою равными братанию.

Уж такова природа советского журналиста, что он не может жить без инициативы… Инициатива эта возникла в гуще отдыхающей массы. Было решено в честь месячника отработать один день на сборе винограда в трудовом кооперативно-земледельческом хозяйстве села Бяла.

Кооператоры приветствовали помощь советских журналистов. Председатель ТКЗХ Никола Ковачев дал указание приготовить для «бригады братушек» двести штайг — порожних ящиков для сбора винограда. Дальновидный хозяин, может быть, впервые за многие годы сделал серьезный промах. Он не учел трудового энтузиазма наших мастеров пера. Двести штайг были заполнены янтарными гроздями димята за два часа. Пришлось Николе Ковачеву объявлять «аврал» по доставке порожней тары. А вечером, за трапезой, он сообщил, что каждый из шестидесяти советских братушек выработал на сборе винограда по полтора трудодня, что бригадою собрано 20 тонн гроздей и что дружба ворочает горы.

Дом на Золотых песках — не только дом отдыха. Встречаясь под его крышей, журналисты пяти континентов заводят знакомства, крепят дружбу, обмениваются своими мыслями и дискутируют по самым различным проблемам, волнующим мир. В его стенах проводятся пресс-конференции, устраиваются

доклады и беседы на жгучие темы дня, выступают журналисты, запорошенные пылью дорог Среднего Востока, Индонезии, Лаоса, Южной Америки…

И Северной тоже… Редактор центральной московской газеты, сопровождавший вместе с другими советскими журналистами Никиту Сергеевича Хрущева во время его поездки по Соединенным Штатам Америки, едва переступив порог дома, был приглашен в конференц-зал. Не успел он рассказать об исторической миссии мира своим коллегам по перу и по отдыху, как к подъезду подкатила машина Варненского горкома партии:

— Просим, дорогой гость. Вас ждет городской актив. А что касается моря — оно не уйдет. Местные власти это гарантируют!..

В доме устанавливают и завязывают связи, лучше познают друг друга прогрессивные журналисты всех стран. Крепнет боевой отряд борцов за правду и мир, против лжи и войны. Почти каждый гость, не усидев на горячем или холодном песке, проникает кто ближе, кто дальше, в глубь болгарского материка. Возвратясь на родину, полный новых сил и новых образов, он поведает на страницах своей газеты или журнала, в товарищеском кругу о чудесной стране Болгарии, о ее замечательных людях и стройках, горах и розах!

А я, возвращаясь к тому образу, с которого начал повествование, скажу, заканчивая его: подобно работящему улью живет и действует Международный дом журналистов на Золотых песках Черноморья.

1959 г.

Новое русло

На какие-то мгновения утренний бор умолк, и в чуткой тишине послышался стук, едва уловимый, но отчетливый и мерный, как биение сердца. Затаив дыхание, я огляделся. Проникшие сквозь кроны столетних сосен лучи солнца легли зайчиком на полянку. Куртинка травы засверкала алмазной россыпью… Одна капля скатилась по прозрачному лепестку и упала на камень. За ней другая, третья… Что это: «звон росы»? Нет! В траве, укрытой хвоей и мхом, бился родник. Вода с камня уходила под лесную настилку и через сотню шагов вытекала на свет тонкоструйным ручейком…

Тут, в поднебесье, на вершине Западных Родоп, рождалась жизнь реки. Подобно жизни новорожденного она еще была слабой, но в ней таилась могучая сила и энергия.

Снова защебетали, рассыпали трели певчие птицы. Пахнуло ветром. Колыхнулись пики мачтовых сосен. Из бурелома выскочил спугнутый олень, понюхал воздух и саженным махом пошел вдоль по ручью.

Невесть откуда налетела туча, заволокла солнце. Оборвался, будто по мановению дирижерской палочки, птичий хор. Стало темно, как ночью. Бор загудел, зарокотал.

И мне вспомнились слова Ивана Вазова:

Родопы горделивы — громада вековая,
Суровый, дикий вид ваш всегда меня влечет!

Чарующая красота Западных Родоп во все времена волновала сердце и воображение человека. По преданию древних греков, отсюда сошел в долины Эллады Орфей, очаровывавший своим пением людей, животных и даже камни.

…Дорога, петляя, спускалась просекой бора по северному склону Родоп. То там, то сям к ней подбегали, как играющие ящерицы, ручейки.

На одном из поворотов открылся просвет. Сосны расступились. Внизу лежало, рябя свинцовым отливом, озеро, широкое, с причудливо изрезанными берегами и зелеными крутобокими островками, напоминающими степные курганы. Машина въехала на бетонную плотину.

Прежде этот уголок Родоп назывался Каменным ущельем. Пробиваясь сквозь завалы, торосы камней, по дну ущелья текла речка Кривая, у истока которой я стоял час назад. Скалы то

смыкались, как тиски, готовые вот-вот сдавить ей горло, то раздвигались, образуя широкие лагуны. В одной из теснин сооружена плотина, перекрывшая русло речки. На высоте 1 600 метров над уровнем моря родилось озеро, по-болгарски язовир. Бетонная стена собрала и задержала 65 миллионов кубических метров воды. Теперь редко встретишь человека, который мог бы объяснить местонахождение Каменного ущелья. Спрашивайте язовир имени Василя Коларова. Любой мальчонка укажет.

Язовир имени Василя Коларова — первое звено Батакского гидроэнергетического узла, самой большой на Балканах системы искусственных водохранилищ и электростанций.

Идея создания узла была выдвинута болгарским инженером Иваном Мариновым еще в 1920 году. Она возникла как далекий отзвук, как эхо прогремевшего на всю планету ленинского плана ГОЭЛРО. Но голос талантливого инженера не был услышан тугоухими буржуазными властями. Да и не под силу пришлась бы Болгарии работа таких масштабов.

…Как на экране, кадр за кадром, развертываются картины гидроэнергетического великана. В зеленых котловинах ниже Каменного ущелья плещут воды язовиров Беглика и Тошков чарк.

Начинается смешанный лес. Тесня сосны и ели, выпячивают богатырскую грудь буки и дубы. Откуда-то потянуло смолистым дымом жилища, донесся звон пилы и стук топора.

Вдруг стены лесного коридора кончились. Серпантин дороги чуть ли не окунулся в воду. От неожиданности шофер выжал педаль тормоза… Вода разлилась до синей черты горизонта. Она отразила в себе уходящую тучу и чистую глубину неба, парящего в выси орла, малахитовый луг, дубраву и бор. Озеро походило на мозаику, на большой узор, составленный из пестроцветных осколков стекла и эмали.

Это последний и самый большой бассейн «белого угля» в Западных Родопах — язовир Батак. Емкость его — свыше 300 миллионов кубических метров!

«Капля по капле, — говорят болгары, — набегает озеро». Капли сотен родников, сливающиеся в десятки тонкоструйных ручьев и три речушки, талые и дождевые потоки, стекающие с площади 760 квадратных километров, расположенной на высоте от 2 100 до 500 метров над морским уровнем, питают четыре язовира каскада. На этом пространстве сплетена густая сеть искусственных русел, которая «ловит» воду. Построено полтораста водосборных каналов, установлено 77 километров трубопроводов, пробито в скалах 72 километра тоннелей. За всю историю Болгарии тоннелей было пройдено меньше, чем за батакскую пятилетку!

* * *

Под бугром — село. Сверху каменная терраса кажется замощенной черепицею, выкрашенной киноварью. Тесно на террасе. Крыши домов прижались одна к другой, подступили к самым берегам Стара-реки.

«На колени, шапки долой! Перед нами Батак с его развалинами, — писал выдающийся болгарский историк Захар Стоянов. — Я призываю всех болгар, честных и любящих свою родину, преклониться перед этим болгарским святилищем, этим жертвенником нашей свободы…»

Триста лет назад сюда, под защиту лесов и дебрей, в «батак» (то есть в трясину и топь) бежали вольнолюбивые болгары из долин, чтобы спастись от жестокого произвола турецких властей и от обращения в мусульманскую веру. Сама природа служила им надежной крепостью. Жители долин признательно их называли «батювцами» — старшими братьями. Но и сюда пробили тропу басурманы. Они наложили свою лапу на Батак.

«Батювцы» не потерпели насилия и произвола. 21 апреля 1876 года в Батаке вспыхнуло восстание. Его возглавил революционный комитет. Башибузуки обложили село со всех сторон. Десять дней продолжалась неравная битва. Ворвавшись в Батак, турки устроили резню, которая потрясла весь мир. В каменной церквушке, бывшей последним бастионом восставших, они отрубили головы двум тысячам мужчин, женщин и детей, залив ее по колено кровью. Село озверевшие башибузуки сожгли дотла. Осталась целой только каменная церквушка. И стоит она теперь среди новых, высоких и светлых домов как символ народного героизма и бессмертия. Сохранилась колода, на которой рубили головы. Ни огонь, ни время не стерли с нее жгучего цвета человеческой крови.

«Хеопсова пирамида была бы малой для памятника Батаку», — сказал Иван Вазов.

Знамя свободы подняли внуки славных участников Апрельского восстания. В годы Великой Отечественной войны батакчане составили ядро партизанского отряда имени Антона Иванова. Много подвигов свершили они в борьбе за власть народа. Весною сорок четвертого года фашисты бросили против отряда крупные силы и разгромили его. Расправа с жителями села — помощниками партизан — была дикой. В батакском музее хранятся снимки: отрубленные головы выставлены в ряд на земле, насажены на штыки винтовок и древки полковых знамен. Под этими ужасающими фотодокументами — эпическая фраза: «Резали народ, как его не резал турок».

Болгарский народ поставил памятник Батаку. Он выше пирамиды Хеопса, он ровня Родопам. Памятник этот — Батакский гидроэнергетический узел.

* * *

Так же, как у того родника на вершине Родоп, что рождает речку, вливающую свои воды в каскад язовиров, мне выпало счастье стоять у истока строительства Батакского гидроэнергоузла, а затем видеть все его буйное, подобное горному потоку течение.

В горячую пору разворота на стройке участвовало до одиннадцати тысяч рабочих, половина из которых были тоннелепроходчики, бетонщики, люди стальных мускулов. На долю горняков пришелся самый тяжелый труд. И они выдюжили, показали себя героями. Некоторые лишь — их можно счесть по пальцам — пришли сюда, умудренные знаниями и опытом. А для тысяч Батак был и начальной школой и университетом.

Ныне они работают на новых объектах: проходят железнодорожные тоннели в хребтах Старой Планины, долбят стволы шахт в Восточных Родопах, пробивают отводные каналы у будущих плотин язовиров в ущельях Средна-горы и Рилы. Говорить о Батаке, не сказав о них, все одно, что писать рецензию на чудесную картину и не назвать ее автора.

Три десятка лет назад начал свой путь «сквозь горы напрямик» Тодор Стоичков. Коренастый, крепкий, как кряж; чуть заметно приподняты плотные плечи, будто всегда готовые принять на себя любой груз, и широкоскулое, простодушно улыбающееся лицо с открытыми и светлыми глазами. Таким он запомнился мне с первой нашей встречи летом 1954 года. Мы познакомились у четвертого «прозорца» — окна в тоннель, пробитого на дне глубокой расселины, где течет Стара-река.

Стоичков заступал в смену вместе с молодежной бригадой Ивана Андреева. Мы уходили в тоннель. Под землей была ночь, освещенная электрическим заревом. Над головами лежала полукилометровая толща. Чем глубже продвигались мы в «грудь горы», тем сильнее чувствовалось ее сырое дыхание, тем чаще падали на каску, скатываясь по брезентовой куртке, а иногда попадая за ворот, холодные капли.

После двух-трех моих «наводящих вопросов», Стоичков начал рассказывать о своей жизни.

…Мать родила его в страду, на ниве, и скоро умерла. Отцу — сельскому пастуху — не каждый день удавалось накормить

семью, а не то, чтобы справить детям обувку. Босой мальчик ходил четыре зимы в школу, постигая премудрости грамоты по учебникам товарищей, а потом нанялся в батраки. Пятнадцати лет он уже работает на строительстве железной дороги. Тут и началась его настоящая школа.

На одной из маевок друзья вовлекли его в Рабочий союз молодежи. По ночам при свете коптилки юноша с упоением читал марксистскую литературу. Полиция накрыла его за распространением запретных книг и выдала «волчий паспорт». Приходилось искать заработок под землей, в шахтах, но лишь в тех, где паспортов не спрашивали, потому что не обеспечивали элементарной охраны труда, и смерть каждую минуту висела над головою.

Гранитные стены подземного лабиринта сменились глиняными. Чаще и солидней встречаются столбы и перекладины креплений. Глина — трудная и менее надежная для проходчиков порода. Дальше, на шестой сотне метров, между рамами креплений чистой снежной изморозью блеснул мрамор.

— Девятого сентября, в День свободы, — говорит Стоичков, — я родился вторично. — Его слова звучат весомо, и я вижу, как он расправляет свои чуть приподнятые плотные плечи. — Передо мною открылась новая жизнь. И в тот великий день я вступил в Коммунистическую партию!..

Как не скажешь, что партия дала ему силы? Он один начал ломать столько породы, сколько прежде ломала целая бригада! Вскоре Стоичков заслужил почетное звание ударника. Горняк-коммунист работал и думал, неустанно думал, как отыскать новые пути к подъему производительности труда.

Строилась Подбалканская железная дорога. В Болгарию прибыли советские специалисты. От них-то Стоичков впервые и услышал о скоростной проходке, которую успешно применяют русские горняки. Услышал и живо заинтересовался новым методом. На стройку поступила партия советских перфораторов. Но спроса на них не нашлось. Тоннелепроходчики по привычке не решались расставаться со старой, знакомой им техникой.

Поколебавшись «за компанию с друзьями», Стоичков пришел на склад и взял советский перфоратор. Утром спустился с ним в забой. А спустя неделю все газеты под крупными «шапками» сообщили о «технической революции в проходке тоннелей». До того на каждом перфораторе западноевропейских марок работало по три человека, и они в лучшем случае проходили за смену девять метров. На пятый день после знакомства с советской машиной Стоичков достиг пятидесяти метров сменной выработки. Пришлось ему стать инструктором, обучать

товарищей своему мастерству.

Долго еще никто не мог превзойти Стоичкова. Он установил подряд несколько национальных рекордов скоростной проходки. Правительство удостоило новатора звания Героя Социалистического Труда и лауреата Димитровской премии. За пятнадцать лет работы на социалистических стройках он выполнил около девяноста личных производственных норм и сейчас трудится в счет тридцатых годов двадцать первого века.

Но Стоичков пробил такой тоннель во времени не один. На десятки лет вперед ушли сотни забойщиков, которых он учил азбуке и искусству профессии, своему опыту, знаниям и сноровке. Его скоростной метод проходки и комплексный метод организации труда внедрены на каждом руднике, в каждой шахте. Они поломали прежние нормы, графики и темпы во всей горнорудной промышленности.

Болгария не имела достаточно горняков, чтобы немедленно кинуться в атаку на утесы Родоп. Партия призвала в рабочую армию крестьянских сынов. Они откликнулись с горячим сердцем, готовым на подвиг. И, как солдаты в бою, молодое пополнение тоннелепроходчиков мужало на большой стройке не по дням, а по часам.

Потомственный огородник из горнооряховского села Поликраище Иван Андреев сроду в руках не держал, в глаза не видел перфоратора. Однако трудолюбие, с которым он выращивал овощи, помогло ему быстро уразуметь и освоить технику. Была у парня и воля. Возвращаясь со своей смены, он «на часок-другой», как шутили товарищи, устраивал прогулку в «профессорский забой» Тодора Стоичкова, внимательно приглядывался, как тот работает, ловил и запоминал каждое движение. Спустя год Андреев рубал породу с такой ловкостью, с какой прежде высаживал рассаду. Его назначили бригадиром забойщиков.

Летом пятьдесят четвертого года стройку облетела весть:

— Бригада огородника на трудном грунте дает по четыре нормы!

Настал черед принимать гостей Андрееву. Приходили соседи, приезжали издалека коллеги по профессии. «За опытом — и на край света близко!»

Четыреста процентов были достигнуты не силою, а умением. Несколько месяцев Андреев и рабочие его бригады обучались в свободное время смежным профессиям. Наконец каждый мог владеть перфоратором, водить шахтный электровоз, закладывать фугас. Горняки повысили квалификацию, уплотнили время: закончив свою операцию, рабочий подключался на помощь

товарищам. Так вместо одного взрыва за восемь часов бригада успевала производить три.

Однажды в галерее случилась беда. Ночная смена не рассчитала давление пласта. Едва в забой заступила бригада Андреева — начался обвал. Затрещали, лопаясь, как сухие соломинки, рамы крепления. Сыпучая лава глины, песка и камня низвергалась сверху, грозя завалить шахту. Воронка расширялась. Подоспевшие к месту Иван Андреев, инженер Ангел Бибов и рабочий Иван Шумналиев, не колеблясь, пошли навстречу смертельной опасности. По брусьям крепления они поднялись в горловину воронки и стали забивать ее толстыми буковыми бревнами, которые подавали товарищи. Две смены люди, изнемогая от усталости, боролись с горной стихией. Брешь была забита.

Такой аврал стоит долгих лет работы в забое, многих километров проходки. Оттого, наверное, никогда более никто не слышал на Батаке слово «огородник». «Бай Иван!» — одинаково почтительно стали окликать геройского бригадира молодые парни, его ровесники и ветераны тоннелей.

Отец и деды Ивана Андреева, искусные огородники, как и сотни других крестьян села Поликраиште, страдавших от малоземелья, были гурбетчиями. Они ходили в Румынию, Венгрию, Чехословакию, ездили в Аргентину и Канаду, выращивали на чужбине овощи и едва зарабатывали себе на хлеб. Закончив проходку тоннелей на Батаке, ушел за три моря и Иван Андреев. Другая судьба, однако, завела его в дальние края. По соглашению, в Сирию была командирована группа болгарских горняков. Они принимали участие в строительстве водохранилища «Растан». Через печать арабские друзья благодарили Ивана Андреева и товарищей за упорный труд, за науку пробивать тоннели и возводить плотины.

Там, вдали от родной земли, был он и в сентябрьские торжества 1959 года, когда открывался Батакский гидротехнический узел, когда болгарское правительство награждало лучших строителей. Их имена торжественно звучали на берегу язовира Батак с трибуны, увитой хвоей родопских елей. Первым был назван Иван Андреев. Ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

* * *

За околицей Батака Родопы поднимаются стеной. На покрытой гравием площадке — трансформаторная подстанция.

Среди первозданного леса металлоконструкции, гирлянды изоляторов кажутся причудливыми тропическими деревьями, а провода высокого напряжения — оплетшими их лианами. В скале зияет залитый люминесцентным светом широкий тоннель. Вход оформлен бетонною лепкою и цветами. У зеленой клумбы, в нескольких шагах от скалы, на скромном транспаранте написано большими буквами: «Тут была явка партизанского отряда имени Антона Иванова, а теперь бьется мощное сердце Батакской ГЭС». Большие буквы волнующей надписи вывела рука того, кто пробирался в зимней, разбуженной пулеметным огнем ночи на партизанскую явку и кто в студеную январскую пору прокладывал тоннель, рука, державшая винтовку и перфоратор.

…По тоннелю, навстречу бодрящему искусственному ветру уходим внутрь горы. Компанию мне составил директор строительства гидроузла Ангел Петырчев, крупный человек лет под пятьдесят. Мы с ним знакомы еще с того времени, когда в здешних местах водились медведи.

— Помните, какие гидроэнергетические пейзажи будущих Родоп я рисовал вам тогда посреди диких лесов и скал? — спрашивает Петырчев, внимательно оглядывая белые стены тоннеля.

— Как же не помнить! — отвечаю. — Ваши картины были полны вдохновения!..

— В нашем деле тоже не все решает труд. Нужно и вдохновение!

Когда он говорит, всегда смотрит по сторонам. Это у него стало профессиональной привычкой. Стройка и в ширину раздалась и в глубину ушла. Всюду не поспеешь! А глаза — они вроде локаторов: щупают, ищут и находят ту точку, на которую нужно направить внимание. Вот и сейчас его взор блуждает по тоннелю. Чего бы вглядываться тут? «Просто по инерции вертит человек беспокойною, заметно поседевшею за „батакскую пятилетку“ большой головой», — думаю я себе. А он словно бы в ответ:

— В Пештерском тоннеле стены нужно перекрасить в белое, как эти, и лампы сменить!

Значит, не зря смотрел.

— Я сюда редко стал захаживать. Только разве по оказии. Как, к примеру, с вами. Объект сдан полтора года назад. Хозяин здесь теперь другой, эксплуатационники. Но тянет лошадку под крутую горку. Да и грех лишний раз пройти мимо этакого творения! Глядите!

Мы в машинном зале. Его стены и высокий потолок искрятся белизною чистого горного снега. Через бетонный пол слышен

снизу приглушенный рев обрушивающейся на турбины воды. В неутихающем и равномерном вихре движения возникает новая энергия. Бьется в недрах Родоп могучее сердце Батака, посылая по «артериям» и «капиллярам» проводов электрический ток в долины и горы, села и города.

— Подземный дворец! Станция «Комсомольская» московского метро!

— Да! — согласно кивнул головою Петырчев. — Но приберегите сравнения для Пештеры!

Покамест мы разглядывали хозяйство гидроэлектростанции, в машинном зале собралось десятка полтора экскурсантов. Интересуемся, из каких краев люди. Отовсюду. Кто с Дуная, кто с Добруджи, Пирина, Странджа-планины.

— В «святые места» прежде не было такого паломничества! — серьезно говорит директор стройки. — Не меньше двух миллионов народу перебывало. Рабочие, крестьяне. Да что говорить! Древние старики и старухи идут!.. За двести, за триста километров. Впрочем, мне-то это понятно. Будь я на их месте, тоже пришел бы. Посмотреть, какое чудо сотворил народ, сыны пахарей, чабанов и огородников, порадоваться!

…Еще час спуска по ущелью Стара-реки — и мы у бетонного тоннеля Пештерской гидроэлектростанции. Подобно Батакской, она построена в чреве гранитной скалы. Только все на этой станции в несколько раз больше, мощнее и объемнее. Машинный зал — настоящий ангар высотою в девятиэтажный дом. Над залом — многосотметровая толща. Но дышится легко, как там, наверху, в сосновом бору. Вентиляторы своими могучими лопастями нагнетают под землю чистый родопский воздух, аппараты регулируют его температуру и влажность.

Дав мне время досыта налюбоваться открывшимся великолепным зрелищем, Петырчев спросил:

— Что же, по-вашему, ярче: моя «вдохновенная фантазия», которую вы слышали от меня средь диких дебрей, или реальная действительность, вставшая перед вами?

— Действительность!

— Потому я и не пошел в писатели, ибо лучше строю, чем фантазирую! — неожиданно сострил директор.

Лифтом поднимаемся на центральный пост станции, расположенный в большом, освещенном лампами дневного света салоне. У расцвеченного зелеными глазками пульта управления застаем в сборе всю смену: дежурного инженера, электротехника и старшего мастера. Три человека обслуживают крупнейшую на Балканах гидроэлектростанцию. Все процессы режима и управления агрегатами автоматизированы. Станция оборудована

по последнему слову мировой техники.

…Горная дорога похожа на горную реку. Пробиваясь между теснин, она петляет, выписывает такие вензеля, что не знаешь, куда завернет через десять шагов. Но чем ближе к долине, тем ее ложе становится прямее, словно бы она заранее приспосабливается к ровным линиям рельефа.

Из ущелья Стара-реки дорога вырывается на вольный простор последней Родопской террасы. Внизу — зеленое море Фракии — долины солнца и лучистого виноградного янтаря.

Точно белый корабль, стоит, причалив к самой стене Родоп, здание третьей гидроэлектростанции каскада, носящей имя замечательного болгарского писателя Алеко Константинова.

Вода отдает турбинам всю свою энергию падения с высоты двух километров и отсюда тихо течет по магистральному каналу, который дальше растекается на тысячи ветвей-оросителей.

Ангел Петырчев, словно декламируя белые стихи, произносит:

— Шестьсот пять миллионов киловатт-часов в год, или в два раза больше общего производства электроэнергии в старой Болгарии! Триста пятьдесят тысяч декаров орошаемых площадей, или почти столько, сколько было всей поливной земли в стране до победы народной власти!

Такова мощность и животворная сила родопских родников, ручьев и речек, связанных трудовыми руками народа в гидроэнергетический узел.

…Не так ли и партия собрала по каплям волю, таланты, дерзания людей и направила их по новому руслу на большие дела, на славные свершения!

1959 г.

Крепкие корни

Родопы спускаются в долину крутою стеной. И речка Выча, зачинающаяся на их вершине, срывается к подножию пенным водопадом. Долгие километры кипят, как в раскаленном котле, ее студеные воды. Мечется речка, выбивается из русла, что норовистый конь, потерявший вожжи, заливает луга!..

Эгейский ветер и балканское солнце подтопили родопские снега. Над долиною стелется голубое весеннее марево. По кюветам высыпала зелеными иголками трава-мурава. Посветлели яблоневые кроны — кажется, вот-вот начнут лопаться почки. Рано садам распускаться: будут еще морозы! Люди же спокойны. Они научились задерживать цветение плодовых деревьев, хотя стихийная сила природы их иногда и передюживает.

Невдалеке от речки, вырвавшейся за околицу села Кричим, у самой дороги, разместились парники. Участок, уставленный тысячами застекленных рам, словно батареей рефлекторов, представляется какой-то солнечной энергетической станцией.

На парниках — людей, как на сельском круге в праздничный день. Закладывают землю, навоз, перегной… Подоспевает время высаживать рассаду.

Работает, впрочем, только одна бригада. Проходят мимо крестьяне-пенсионеры, возвращаясь из соседнего села, где сегодня базар, и удивляются:

— Рановато бы, можно еще подождать недельку… И что за наваждение: самая отстающая бригада опередила других. Или глаза подводят? Вроде бы нет! Та, что у парника, — Месле́? Месле́! А рядом с нею молоденькая, со смоляными кудрями — Фатме́? Фатме́!..

Но вот среди кооператоров путники замечают крупную, сбитую фигуру крестьянки в белой косынке, и на их лицах загораются теплые улыбки. Они сворачивают с дороги, приближаются к работающим, приветствуют:

— Приятного труда, Ги́на! Богатого урожая, огородники!

…У болгар, как у каждого народа, живущего при социализме, труд определяет меру уважения человека к человеку. А Ги́на Далаберова — знатная работница, ее имя известно всей стране. Восемь лет она бригадирствует в своем кооперативе. И восемь лет выращивает высокие урожаи.

Три года назад на отчетном собрании кто-то из кооператоров без зла сказал:

— У Ги́ны земля — клад!

Далаберова, не став спорить, попросила правление выделить

ее бригаде взамен старого участка новый, со слабыми почвами. Правление пошло навстречу. И бригада не только не снизила, а повысила урожаи.

Узнав о замечательном коммунистическом почине Валентины Гагановой, болгарская кооператорка задумала последовать ее примеру. Она приняла руководство самой отстающей бригадой и снова переместилась на участок со слабыми, давно не удобрявшимися почвами.

— Ко всякой земле нужно приложить руку, а к человеку — сердце, — говорит Далаберова. — Нет бесплодных почв и бесталанных людей. Коммунисты и пустыни превращают в сады!..

Год еще только начался. Урожай по осени считают. Но есть и другая болгарская пословица: утро день кажет. Отставшая долгое время бригада первой принялась за работу и под номером первым утвердилась на доске показателей соревнования.

По-разному объясняют эту перемену. Говорят, бригадир авторитет имеет; строгость и дисциплину блюдет; а заведующая парником Месле́ Саидова имеет свое мнение:

— Ги́на слово знает, которое, как ключ, открывает каждое сердце. А самое главное — личный пример. Было у нас до нее два бригадира. Неплохие люди. Но ходили руки в боки. Дадут наряд — и вся их забота, если не считать разговоров, что плохо работаем. Ги́на другой закваски: от темна до темна с нами, сама норму за двоих выгоняет. Как тут от нее отстанешь?!. Нет, мы своего бригадира не подведем, не осрамимся!..

В Болгарии нет такого праздника, нет такого торжества, на котором бы не «играли хоро́».[52] В круг встают все, от стара до мала. Хоро́ ведет первый парень или первая девушка на гулянье, лучшие танцоры. Они дают ритм, предлагают колена. От них зависят темп и красота танца. Хорошую работу народ сравнивает с темпераментным вихрем хоро́.

— Ги́на ведет свою бригаду, как хоро́ на свадьбе!

Эту фразу я слышал в Кричиме, в Пловдиве, в Софии. Свадебное хоро́ — верх всем хороводам.

Под началом Ги́ны Далаберовой сто пятьдесят человек, возделывающих почти полтораста гектаров высокодоходных культур. Кооператив вырастил из простой сельской женщины боевого вожака. Она — как тот куст столетника, что растет десятилетиями, казалось, ничем не примечательный и вдруг расцветает удивительными цветами… Организаторский талант — это одна сторона. Вторая, не менее важная, — знание земледелия, смекалка, хозяйственная мудрость.

К языку растений Ги́на привыкала сызмалу, на ниве отца. Института ей не привелось кончать, но когда стала бригадиром,

сама взялась за науку и перечитала, передумала, переварила в своей голове горы агрономических трудов… Легко сказать! А для крестьянки, жены, матери двух сыновей, обремененной великим множеством хлопот, учиться — это равняется подвигу.

Крестьяне села Кричим накопили вековой опыт в садоводстве, виноградарстве, табаководстве. А вот овощеводство — дело для них новое. Садили они десятилетиями на приусадебных лоскутах несколько корней помидоров, перца для стола. Промышленным производством овощей не занимались. С первых лет кооперативного хозяйствования набор культур был пересмотрен. Огородничество, как наиболее выгодная в условиях Болгарии отрасль земледелия, заняло ведущее место.

Долго бы пришлось кооператорам брать разгон, чтобы настигнуть прославившихся своим искусством на всю Европу овощеводов Горной Оряховицы, Поликраиште, Рыжево Конаре… Бригада Неделки Инджовой из Рыжево Конаре собрала по 74 тонны ранних помидоров с гектара. Это семь вагонов! А ее землячка Елена Тимова установила мировой рекорд: вырастила по 248 тонн помидоров в пересчете на гектар. Целый эшелон!

Далаберова пошла со своими подругами на выучку к мастерам. Будь старое время, дали бы им от ворот поворот, а тут встретили с распростертыми объятиями: рассказывали, объясняли, показывали.

Самую большую помощь они получили от Пловдивского института овощеводства «Марица», коллектив которого научно обобщил крестьянский опыт столетий по культуре помидоров, разработал агротехнический комплекс для каждой почвенно-климатической зоны, двинул вперед селекцию, семеноводство. Ученые организовали в Кричимском кусте экспериментально-исследовательскую базу. Наука пришла на кооперативные огороды как добрый хозяин и советчик.

Бригада Далаберовой берет по 60—65 тонн ранних помидоров на гектаре. Ранних! Но тонны еще не выражают всего веса. Чем раньше помидоры поспевают на рынок, тем дороже им цена, тем больший доход получает кооператив и золота — родина.

За годы народной власти ученые вывели путем гибридизации многие новые сорта помидоров, которые созревают на полмесяца раньше местных крестьянских сортов. Уже в начале июня на грядах Далаберовой в зеленых кустах появляется, словно прыснутый зарею, румянец. Наступает страда: сбор и сортировка помидоров. Вдоль дорог стенами укладываются ящики, на которых наклеена отливающая живым соком этикетка: «Булгар-экспорт», — пользующаяся доброй славой за Дунаем и Моравою,

за Шпрее и Вислою, на Москве-реке и в Ленинграде!

Но нет в овощеводстве поры горячей, чем закладка рассады и уход за нею. Тут гляди да гляди. Здоровая, закаленная рассада, говорят болгарские огородники, — это богатый урожай да еще с половиной!

…Солнышко показывает на обед. Кооператоры стелют на камышовые циновки рядна, разворачивают узлы, развязывают вытканные узорами торбы. Кушают на воздухе аппетитно, сытно и вволю.

— Ну, Ги́на, теперь рассказывай! — раздается приглушенный голос Месле́, еще не прожевавшей последнего куска сладкого пирога.

— Так я уж вам десять раз рассказывала! — улыбается Далаберова.

— Такое и сто раз любо слушать, как хорошую песню! — поддерживают Месле́ огородники.

— Вам про Молдавию, Украину или про встречу?

— Про все и про встречу!

В составе делегации Болгарского земледельческого народного союза Ги́на Далаберова посетила СССР и провела там месяц. Делегация знакомилась с опытом земледелия и животноводства молдавских и украинских колхозов, гостила несколько дней в Москве, была принята Никитой Сергеевичем Хрущевым.

С неизбывным восхищением повествует болгарская крестьянка о советской земле, о советских людях, называя их братьями и сестрами.

Когда доходит речь до встречи в Кремле, загорелая чернооkая девушка, что примостилась по правую руку Далаберовой, спрашивает:

— И как это ты, Ги́на, не смутилась, когда выступала? У меня язык бы отнялся!

— Сначала и у меня отнялся, — говорит, улыбаясь, Далаберова. — Но очень уж по-душевному, по-братски говорил с нами Никита Сергеевич. Так расположил, что слова сами полились из сердца. А насчет машин я без всякого намека сказала!.. Как промолчишь, когда они во сне снятся?

Приворожили Далаберову на бескрайних колхозных огородах и виноградниках новые машины, превращающие, по ее словам, тяжелый труд в песню. Она сказала об этом в Кремле, при встрече с товарищем Н. С. Хрущевым. А спустя месяц три такие машины — подарок Советского правительства — пришли в ее адрес. Большой праздник был в тот день в кричимском кооперативе.

Машины… Их с каждым годом становится больше и больше.

Лучше обрабатывается земля. Гуще удобряют кооператоры огороды, поля и сады. Обильнее орошают их. Скоро каналы избороздят все угодья: там, наверху, в родопском котле у Филиппова моста, начинается стройка самого крупного в стране искусственного водохранилища — язовира. Норовистая речка Выча будет взнуздана, и не заливать ей больше лугов; впрягут ее люди в колесницу, и потянет она в гору кооперативные урожаи.

Утро день кажет!.. Хорошая рассада поднялась в парниках Далаберовой! Огородники радуются:

— Значит, будем вести кооперативное хоро́ на большом празднике урожая!

1960 г.

Рождение гиганта

Представьте себе бушующий зеленый океан, сгрудившиеся то тут, то там на гребнях и спадах волн флотилии барж, рассекающего волны чудовищного кита и плывущий следом огромный красный корабль с высокою белою мачтой. И все это стремительное движение застыло, как на полотне мариниста.

Такою видишь с самолета Фракийскую долину, когда пролетаешь над ее восточными просторами, там, где река Марица, текущая по параллели, делает крутой поворот и устремляется в направлении меридиана к Эгейскому морю.

Океан — это долина, волны — холмы, флотилии — села. А о ките и корабле пойдет наш разговор.

* * *

Седеющий человек в ватной стеганке, летами под пятьдесят, начальник строительного района Доню Пехливанов развертывает на полный развод рук лист миллиметровки, на котором начертана фигура, напоминающая до малейших тонкостей тушу кита.

— Кит, истинный кит, — хмурит он в улыбке выдубленное дождями и ветром покоричневевшее лицо. — Но никто из нас, конечно, художеством заниматься не собирался. Случайно вышло, как вон те облака, приглядитесь, похожи на кауперы мартенов. Рыли, соразмеряясь с рельефом местности и картой выхода залежей. Впрочем, китообразная форма карьера соответствует его внутренней гигантской мощи. Запасы Восточно-Марицкого месторождения исчисляются тремя миллиардами тонн каменного угля!

До недавнего времени здешний край славился лишь своею золотою пшеницей, ароматным табаком да пушистым хлопком. Но о залегании угля знали еще в свою бытность деды.

Крестьяне сел Априлово и Градец находили в бороздах на пашне бурый камень, который горит. Они так и назвали его — «горюч-камень». Людям попадались куски черного угля в извержениях грязевых вулканов, разбросанных по долине, словно купола. Хозяйки зимою топили горючим камнем печи.

Три десятка лет назад группа предпринимателей-капиталистов заложила в районе Восточной Марицы несколько шахт. Уголь, однако, оказался низкокалорийным, и они, не выдержав конкуренции, прогорели. Глина и грязь завалили

шахты, сровняли их с землею.

Народная власть обратила сюда свой взор в начале первой пятилетки. Страна строила большие заводы, комбинаты, создавала новые отрасли промышленности, которые требовали прочной энергетической базы. В короткий срок добыча угля за счет расширения разработок на эксплуатируемых месторождениях была увеличена многократно. Но этих залежей хватало, по расчетам специалистов, на два-три десятилетия. Встал вопрос о завтрашнем дне промышленности, о ее хлебе — каменном угле.

На Марицу-Восток прибыла геологоразведочная экспедиция. По полевому раздолью зашагали треноги буровых вышек. Бассейн был оконтурен, была составлена детальная карта глубины залегания и мощности пластов, определено количество запасов и качество углей.

По соглашению правительств Болгарии и СССР проект разработки бассейна выполнил «Ленгипрошахт» под руководством главного инженера Марии Николаевны Демидовой. Проект содержит много оригинальных и смелых решений. Сама Демидова вдоль и поперек исходила округу и оставила о себе такую добрую память, какую оставляет умная, сердечная учительница у своих воспитанников на всю жизнь.

Угли в Восточной Марице залегают на глубине около пятидесяти метров, а кое-где пятнами выходят на поверхность. Поэтому экономически выгодной была признана разработка бассейна открытым способом. Следом за геологами и проектантами сюда явились шахтостроители и горняки. Пришел Доню Пехливанов, вбил с бригадою Ивана Златева среди чистого поля первый колышек, вынул первую лопату породы. И стройка началась.

Мы стоим с Пехливановым на краю разрезной траншеи карьера-кита длиною в два с половиною километра и шириною в 300 метров. Откосы противоположных сторон спускаются вниз пятью ступенями, каждая высотою в трехэтажный дом. Такая выемка грунта предупреждает возможность оползня и обвала. Верхняя часть разреза — чернозем, под ним — пласт желто-серых глин с линзами песчаника, полоса сине-зеленых глин, толща маслянисто-черных и ниже — уголь.

— Каков «спектр» земли! — любуется начальник стройрайона. — Немало пришлось потрудиться, чтобы его «разложить». Вскрыша этого карьера составила около восьми с половиною миллионов кубометров грунта. Стоит ли такая «овчинка» выделки? Еще как! Все наши труды и затраты оправдаются с лихвой за самое короткое время. Ведь под

«овчинкой» на площади в полтораста квадратных километров лежит 17—19-метровый пласт угля! Восемь миллионов вскрыши мы уже сняли и перевезли на отвал. Осталась горсть. Не будь, конечно, современной техники, копаться бы тут до второго пришествия!..

Моторный рокот, могучий, как морской прибой, вырывается из «чрева кита», разносясь далеко по долине. На второй ступени откоса шагающий экскаватор вгрызается стальными челюстями в грунт, наполняет ковш и отбрасывает породу наверх. Неподалеку от него — махина в несколько раз большая: роторный экскаватор. Он молчит. Но вот раздается паровозный гудок, и из-за поворота выкатывает эшелон из десяти думпкаров — саморазгружающихся полувагонов. Богатырь-экскаватор оживает. Словно колесо парохода начинает вращаться ротор, легко черпая своими ковшами грунт, будто воду, и перебрасывая его по транспортеру в думпкары. Несколько минут — и груженый эшелон задним ходом отправляется в обратный путь, к отвальному тупику.

По ложу траншеи выстроились уральские трехкубовые и шкодовские экскаваторы. Подготовляя им плацдармы для нового фронта работ, трудолюбиво ворочают глыбы бульдозеры. Чудо-машина этот бульдозер, небольшой с виду, а мотор — в сто лошадиных сил; ни в болоте он не вязнет, ни в мороз не отказывает, на пятачке развернется, большое дело вершит, оттого его и называют «ишаком стройки».

Пока не подошел следующий эшелон, познакомились с экскаваторщиками уральских трехкубовиков, двоюродными братьями Иваном и Эню Мутовыми и Михаилом Георгиевым.

Я спрашиваю у самого веселого и разбитного, Ивана, которому, судя по всему, немногим за двадцать:

— Откуда родом?

— А ежели выйти на бровку откоса, то мой дом видно: новый, двухэтажный, третий с правого краю. Я из Трояново. На этом самом месте, где теперь копаю, пятьюдесятью метрами выше, кооперативное поле пахал раньше. Эню работал у нас по кузнечному делу, а Михаил — он из села Градец — телеги мастерил. Все мы закончили полугодичные курсы механиков в Димитрово и вот уже четыре года работаем тут. Первыми дошли до уголька!..

Слово «уголек» он произнес с такою лаской и теплотою в голосе, как это можно только услышать от заправского потомственного шахтера где-нибудь в Донбассе. Нагнувшись, Иван отломал кусок бурого горючего камня и бережно, как драгоценность, подержал его на большой, точно литой ладони.

— Молодцы ребята! — говорит Пехливанов. — Техникум

заканчивают. Будут эксплуатационниками. У нас, между прочим, почти все рабочие учатся без отрыва от производства в средних и высших технических заведениях. А Иван на днях едет в Германию специализироваться по роторным экскаваторам!..

Машины!.. Всю работу от начала и до конца будут они выполнять в бассейне. Многочерпаковые и роторные экскаваторы производительностью от 500 до 1 750 тонн угля в час каждый заменят труд целой армии горняков. Карьер будут обслуживать всего 1 073 человека, включая директора и сторожа. Когда он достигнет проектной мощности, на-гора́ будет выдаваться в год 10,3 миллиона тонн угля — столько, сколько составляла добыча всех шахт страны в пятьдесят седьмом году. Количество угля, добываемое сейчас одним шахтером в месяц, станет на разрезе его сменной нормой, а себестоимость тонны топлива снизится в восемь — десять раз!

Первый карьер, названный «Трояново-I», вступает в действие. Развернулись подготовительные работы по вскрыше второго разреза — «Трояново-II». Проектируется и третий. Три «трояновца», по утверждению экономистов, могут удовлетворить потребности страны в угле вперед на триста лет.

Они будут тремя китами болгарской энергетики!

* * *

Как мачта, она видна издалека, эта белая, чуть заметно сходящая на конус труба. Едешь десяток километров — только труба и маячит, а корпус «корабля» все еще прячется где-то под линией горизонта. Но вот и он показался, а скоро открывается и вся панорама стройки.

Огромные здания цехов под арочными и островерхими крышами связаны коридорами висящих эстакад, галереей транспортерных лент, и кажется, будто они сомкнули свои могучие руки. Стальные скелеты каркасов на глазах одеваются в плоть бетона и кирпича. Уже сняты леса с главного корпуса — котельной, деаэраторного помещения и машинного цеха, возведены приемный бункер, угольные склады, сушильное отделение, угольная мельница, постройки мазутного и масляного хозяйства, технической мастерской. В окнах лаборатории и служебного корпуса снуют силуэты людей в ватниках и фуражках.

…Строители! Беззаветные труженики, подвижники, преобразующие и украшающие свою землю, люди, приходящие на пустыри, зябнущие в палатках, бараках, истекающие потом под палящим солнцем и тотчас покидающие место, лишь только оно

станет обжитым. Чудесный народ с заскорузлыми руками, огрубевшими лицами и душою романтиков-мечтателей!

Вот он, Павел Боянов, начальник строительства комплекса «Марица-Восток». Где-то, то ли в Софии, то ли в другом городе, есть у него свой дом. Но хозяин в том доме редкий гость: пятнадцать лет все по объектам. Ходит Боянов в прорезиненном, по замыслу непромокаемом плаще. Второй день дождь хлещет. До последней нитки человек промок: с самого утра на площадке. И вот уже смеркается.

Глядя в заблестевшую ожерельем электрических огней деревенскую даль, Боянов рассуждает:

— Дворец культуры отгрохаем, каких и в столице нет. Будет тогда парням и девчатам место для веселья, для встреч. Работают они на совесть, заслуживают. У нас «Марицу-Восток» полушутя-полусерьезно называют Дальним Востоком. Расстояния болгарские куда поменьше ваших. Но есть еще люди, которые их страшатся. Вы свой Дальний Восток преобразили. Мы свой переустраиваем. А кому это дело по плечу? Сильным, здоровым, молодым… Институт построим. Он еще, правда, не запланирован. Но придет время — построим. И не будет на земле дальних востоков. Всюду люди станут пользоваться такою мерой культурных благ, как в столице!..

Наверное, строители оттого и любят этого человека, верят ему, слушаются его сло́ва, ибо он рисует им с вдохновением цель пути, картину, которая откроется перед ними за горизонтом.

Теплоэлектроцентраль «Марица-Восток» — ударная национальная стройка. Ее взял под свое шефство димитровский комсомол. Восемь из каждого десятка рабочих — молодежь. Многие ведущие инженеры еще не вышли из комсомольского возраста.

Но так же как в этом пятидесятиметровой высоты корпусе, сложенном из сотен тысяч кирпичей, перед которым мы стоим, прочность определяют стальные балки каркаса, так крепость строительного коллектива определяется его костяком — старыми мастерами, коммунистами.

Попав в первый раз на строительство ТЭЦ, я встретил тут немало старых знакомых. Одного раньше видел на лесах металлургического завода, около Софии, с другим довелось беседовать на закладке плотины искусственного водохранилища в Родопах, с третьим — и там и там… Эти люди — живая история и география болгарских пятилеток.

— А как идут дела у Стоила Бахчеванского? — интересуюсь я судьбой знакомого бригадира-арматурщика.

— Отлично, — говорит Боянов таким тоном, что, мол, иначе

и быть не может. — Старая гвардия шагу не убавляет!..

…Бахчеванский, крестьянский сын из села Горна Василица, что лежит в Софийском поле, получил в наследство от отца надел, засеять который хватало одного лукошка. Волей-неволей ему пришлось покинуть землю и добывать хлеб на стройке мостовых. Городская управа Пловдива набирала рабочих для строительства моста через реку Марицу. Там он и нанялся таскать камень и железные фермы. Горек был хлеб, да где другой найдешь?! Силы парню было не брать взаймы, и сметкой природа не обидела: научился строительному ремеслу, стал десятником. Потом, как положено, женился, снял комнатку на окраине города. Жил себе, как жили люди его класса: сегодня сыт, завтра голоден, но не так, чтобы помереть!

Строили городской крытый рынок, Какой-то человек средних лет отзывает Стоила в сторону.

— Не узнаешь, земляк?

Бахчеванский приглядывается.

— Мирко Станков? Живой?!

— Был Мирко. Его осудили на смерть… А теперь меня кличут Кирил Любенов. Принимай на работу, Стоил, если не боишься!..

Коммунист, участник сентябрьского антифашистского восстания 1923 года, затем политэмигрант в Советском Союзе, возвратившийся под чужим именем на родину, Мирко Станков повернул спокойное течение жизни Бахчеванского по новому руслу — с теснинами и перекатами, с множеством подводных камней.

Тайные собрания в пловдивских рабочих трущобах «Кичук» и «Париж», занятия в кружках по изучению марксистско-ленинской теории, ночные рейды вдоль заборов с листовками, поручения снестись с центром. И Стоил Бахчеванский увлечен кипучим водоворотом революционной борьбы… Но вот какое-то звено организации попадает в руки фашистов. Полиция арестовывает Станкова и Бахчеванского. Как важных политических преступников их отправляют в Софию. В полдень и в полночь допрос. Бьют смертным боем, жгут каленым железом, подключают к электрической сети. Бахчеванский молчит. На 76-й день его допрашивает сам Гешев, главный следователь по политическим делам, кровавая собака, получившая имя балканского Геринга. «Во имя спасения своей шкуры — кто в вашей банде?» «Чист я перед богом и царем. Знать никого и ничего не знаю». «Так ты еще и хулить вздумал высочайшие персоны, сволочь!» Снова пытки, карцеры… Для «доследования» возвращают в пловдивский каземат. Чудом удается побег. Царский суд заочно приговаривает Бахчеванского к смертной

казни. Но ищи ветра в поле, а гайдука в Родопах. У него теперь партизанское имя.

…Молодость неизменно преклоняется перед героизмом. Двадцати — двадцатипятилетние парни не называют этого почти саженного роста человека с мужественным лицом, на котором время бессильно смыть глубокую печать «бесед» в полиции, и с улыбкой, проникающей в самую душу, иначе как «татко» — отец. Полтора года назад собрал он свою бригаду, числом сорок, из бывших служивых, гимназистов, крестьян, людей, не знавших рабочей профессии. Заботливо, по-отцовски учил их своему мастерству. И теперь поди найди арматурщиков, что с ними потягались бы. Жарынь или стужа, дождь или снег, но не было такого дня, чтобы бригада выполнила меньше двух норм.

Объект ударный, не обходится иной раз, конечно, без авралов. Застопорилось где-нибудь, а монтажники не ждут: оборудование устанавливалось одновременно со строительством. Зовет Боянов старого бригадира.

— На сушильном не успеваем, помочь бы, товарищ Стоил. Поговори со своими сынками!..

Докладывает Бахчеванский бригаде:

— Кто желает не поспать две-три ночки?

— Что за вопрос, татко?! — отвечают ребята хором. — Отработаем!

— Спасибо, сынки, — благодарит бригадир. И, надвинув почти на самые глаза козырек кепки, тихо, как будто сам себе, добавляет: — Три сына кровных да вас сорок «приемных», большая у меня, старика, семья, дружная!

Старая гвардия шагу не убавляет. Комсомол равняется на ее шаг. Родина радуется победному трудовому маршу строителей.

«Марица-Восток» — боевой фронт, на котором болгарская молодежь свершает подвиги.

…За главным корпусом ТЭЦ устроен навес и выложена бетонная площадка. Они обнесены проволочною изгородью. У входа транспарант «Боремся за звание бригады ударного комсомольского труда!». Вспышки автогенов и электросварки отражаются огнем в темных стеклах, закрывающих лица. И еще до того, как поднимется щиток, чувствуешь, что за ним — молодые глаза, веселое и волевое лицо, видишь это по осанке, по жестам сварщика, по хватке сноровистых и сильных рук, сваривающих намертво стальные рельсы, листы и проволоку в сложные и прочные формы.

Их старшóй — бригадир Кали Стефанов, человек уважаемый, член партийного общестроительного комитета. Ему тридцать четыре года — не так уж много, но за его крутою спиной большой

путь. В 1941 году он вступил в Рабочий союз молодежи, участвовал в антифашистской борьбе, восемь лет стоял на страже границ Народной Республики Болгарии, демобилизовавшись, работал на строительстве второй очереди Димитровградского химического комбината, где и приобрел специальность монтажника.

«Комсомольский взвод», как Стефанов, пользуясь привычной военной терминологией, называет свою бригаду, работает на самых ответственных участках. Он закладывал фермы под своды машинного зала, монтировал мост эстакады в котельной. Кроме умения, которое оттачивается в упорном труде (каждый член бригады овладел двумя-тремя смежными профессиями), нужна на высотном монтаже и смелость.

— Порою у нас складывается обстановка, что в бою, — рассказывает бригадир. — Помню, минувшей зимою мороз ниже двадцати градусов… А звено Апостола Вылчева на сорокаметровых стенах пятитонные блоки устанавливает. Один неверный шаг может стать роковым. Ветер ледяной, могучий — кажется, железо гнет. В такой-то обстановке звено за шесть дней закончило монтаж, на который полагалось три недели при нормальных условиях!..

…Строители и монтажники опережают напряженный график, перевыполняют план. К 16-му Дню свободы теплоэлектроцентраль «Марица-Восток» даст первый ток, а следующей осенью заработает на полную мощность, производя 500 тысяч киловатт энергии, или три с половиною миллиарда киловатт-часов в год, что равняется общему производству всех электростанций Болгарии в 1958 году.

Рядом с электроцентралью выстроен крупный брикетный завод. Его цехи похожи один на другой, как близнецы.

Триста пар электропоездов ежесуточно будут доставлять по 25 железнодорожным ниткам в топки теплоэлектроцентрали и на брикетный завод 70 000 тонн угля. Благодаря совершенной механизации всех узлов комплекса себестоимость киловатт-часа электроэнергии снизится в два раза против существующей. Угольный бассейн даст жизнь многим другим предприятиям. В нескольких десятках километров отсюда, близ Старой Загоры, встает средь зеленой равнины азотнотуковый завод. Он будет давать 440 тысяч тонн удобрений за год и намного превысит производительность первенца отечественной химической промышленности — Димитровградский комбинат. Через несколько лет вступит в эксплуатацию второй трояновский разрез и начнется сооружение второй мощной теплоэлектроцентрали. Таковы далеко не полные масштабы индустриального комплекса

«Марица-Восток», строящегося с братской помощью Советского Союза при участии Чехословакии и Германской Демократической Республики.

* * *

…Вместе с Бояновым и подошедшим к нам бригадиром каменщиков Генадием Милановым мы рассматриваем творение милановских рук — трубу теплоэлектроцентрали. «Милановских» потому, что три четверти бригады — родные и двоюродные братья Милановы, а одна четверть — их зятья. Бригада — семья, семья отважных!

— Видите там, на самом перстне трубы, висит человек, снимая последние опалубки? — обращается ко мне Боянов. — Он отсюда кажется маленьким, как кукла. Это Васил Миланов, младший брат Генадия, такой же, как и старший, Крали Марко, по-вашему, Илья Муромец. Комсомолец еще. Работал на самых опасных операциях. На днях принимаем в партию. Значит, все двадцать в бригаде будут коммунисты. И если судить по чести, а также по всей строгости — это, можно сказать, настоящая бригада коммунистического труда!..

— Мы из Трынского края, — переводит разговор Миланов. — Самый бедный и забитый в прошлом куток Болгарии. Горы, земли мало, недостачи во всем… Деды наши ремеслом большей частью промышляли, по строительству тоже работали. Но по какому строительству? Одно- да двухэтажному. И когда мой отец, тоже каменщик, впервые увидел заводскую трубу, то он с раздумьем сказал: «Знаю, сынок, как ее сложить, а вот ума не приложу, как ее поставить торчмя!»

— За умение ложить и ставить трубы, Генадий, правительство и наградило тебя Золотым орденом труда, — вставляет слово начальник строительства комплекса. — Кстати, какая это по счету милановская труба в Болгарии?

— Тринадцатая!..

А еще говорят, что тринадцать — число несчастливое!.. Царица-труба!.. Наши отцы прежде гордились тем, что на их земле находится самая высшая точка Балканского полуострова — пик Мусала. Мы же по праву можем гордиться более высокими делами. Болгары подняли и уложили камни, сталь и бетон в трубу высотой в сто пятьдесят три метра. Это, насколько мне известно, самое высокое сооружение на Балканах. Да и как не гордиться тем, что в нашей стране скоро вступает в действие самая крупная теплоэлектроцентраль на всем полуострове,

энергетический гигант!

…Скоро, скоро сильно забьется сердце гиганта, могучую энергию которому дал народ!

1960 г.

Домик у дороги

Железная и шоссейная дороги на Пловдив выходят из Софии с противоположных концов города. У станции Побит Камык, где начинается Вакарельский перевал, дороги сближаются и несколько километров бегут почти параллельными линиями. На крутом подъеме, огибая холмы и ущелья, шоссе сжимается в тугую спираль, а рельсы с насыпи сходят в глубокую выемку. Потеряв при поворотах инерцию, грузовые машины взбираются в гору на второй скорости. Словно гусеницы, ползут товарняки с углем. Их тащат два и толкают еще два паровоза. Они пыхтят часто и надрывно, словно толстяки, страдающие одышкой. За трубами волочатся черные космы: кочегары шуруют топки, и с дымом выбрасываются частицы угля в чечевичное зерно. Со станции Вакарел, что находится на горбу перевала, толкачи возвращаются обратно. Катясь налегке, они курят белым, как перистые облачка, дымком.

На перегоне между двумя станциями, в рощице, стоит желтый домик под черепичной четырехуголкой. Живет в нем путевой обходчик Петко Крыстев со своей женой и матерью. По праздникам и на летние каникулы приезжает сюда еще один член семьи — сын обходчика Иван, студент железнодорожного техникума.

Желтый кирпичный домик построен лет семь назад. До того времени тут была каменная будка в три окна. А еще раньше, как рассказывает мать Петко — бабка Теодора, — ее муж путевой обходчик Иван жил в глинобитной хатенке под соломенной стрехой.

* * *

Бабка Теодора родом из села Вакарел. На сто верст в округе славилось село красивыми девушками. Красавицами, да бесприданницами. Бедное село. «По рядну надела на двор», и земля гиблая: заваленные камнем супеси, овраги да косогоры. По закону, освященному дедами, старший сын крестьянина оставался хозяйствовать на земле, меньшие шли в отход. Кто нанимался в ремонтные мастерские, кто — на чугунку, а у кого не было ни ремесла, ни гроша за душой, чтобы заплатить взнос мастеру, устраивался в городскую управу подметать улицы. Девочки сызмала готовились в прислуги в дома софийских торговцев, адвокатов, состоятельных чиновников.

Исполнилось Теодоре шестнадцать лет. Отпраздновали именины пирогом с малиновым вареньем. А на следующий день отец, угрюмо отведя глаза в темный угол, сказал матери: «Пора отдавать девку в люди. Засиделась на родительских харчах». Мать всплакнула, вспомнив свою молодость. Да не миновать и дочери горемычной доли. Достала из скрыни Теодорино ситцевое платьице, овечий кожушок, справленный прошлую зиму, вязаные чулки и лапотки из телячьей кожи, которые болгары называют царвулями. Родители, младшие братья и сестренки проводили Теодору до околицы. Мать и на край света с ней пошла бы, но вон сколько их за подол держат, мал мала меньше, и опять же дорога эта ею пройдена. «Зарабатывай, дочка, приданое, а там, даст бог, и жених порядочный найдется!» Обнялись, расстались.

Идет девушка, печалится, сердце холодеет при мысли, что сулит завтрашний день. У рощи навстречу ей парень. Чернокудрый, в железнодорожной форме, молоточек в руке, рожок и сигнальные флажки на бедре. «Здравствуй, красавица! Куда путь держишь?» Покраснела, застыдилась, но ответить ответила: от этого-то ее не убавится! Так они и познакомились — красна девица и добрый молодец. Сказки ведь из жизни берутся.

В Софии остановилась Теодора у своей двоюродной сестры — прислуги в доме писателя. Та была уже тертым калачом: знала всех хозяев от Торговой улицы до Юч-Бунара.[53] Она-то и порекомендовала Теодору к адвокату Иорданову. «Жена у него ведьма, — объяснила девушка, — зато сам человек самостоятельный: с прислугами не балует».

Хотя крестьянская дочь к работе была привычна, но у Иордановых набиралось всегда столько дел, что справиться с ними было впору грузчику с Софийского вокзала. Поднимется чуть свет, подметет двор, дорожки в саду, польет клумбы, завтрак хозяину приготовит, кислого молока купит. Не успеет убрать со стола и перемыть посуду, как время турецкий кофе варить, хозяйке в постель подавать. А там комнаты прибирать, ковры трясти. Так до ночи — ни сесть, ни разогнуться.

Вертелась, что колесо на водяной мельнице. Самой ведьме умудрялась угодить. Но не столько изнурительный труд, сколько унижения мучили девушку. Обращались с нею, словно с собакой, а кликали — первый день Теодой, второй — Тодкой и потом — Коткой, что значит — кошка.

Поздней осенью в Вакареле престольный праздник. По уговору хозяева отпускают прислугу домой. «Погуляй пару деньков, Котка, и возвращайся на работу».

Из всех окрестных сел на престольный праздник люди стекаются: родные — чтобы повидаться; мужики — о политике, об

урожае за чаркой вина потолковать; бабы — покалякать да пожаловаться на свою судьбу, а молодые, известное дело, чтобы себя показать, на других посмотреть да суженого или суженую приглядеть.

Хоровод на майдане начинается с утра. Парни гоголями ходят, девушки лебедками плывут. Волынки и пастушечьи свирели выводят «шопско хоро».[54]

Плывет, отплясывает Теодора. Глаза опустила, чтобы взгляды парней не смущали. Хоровод растет; ведущий, выписывая над головою вензеля белым платочком и ладно приговаривая, «вяжет» второй круг. Чья-то сильная рука размыкает пальцы Теодоры с подружкиными. Чуть поведя понизу глазами, девушка увидела рядом со своими мелькающими в быстром такте красными царвулями два, еще не подладившиеся под музыку, налощенные ваксой сапога. Глянула в лицо и… сбилась с такта. Черные кудри из-под форменной фуражки железнодорожника, карие глаза, ласковые и горящие, а на губах едва приметная улыбка. «Не забыла, Дора?» …Дора! Ее звали так только мать, отец да задушевные подружки. «А ты пришел, Ваня?..» «Не пришел, Дора, а прилетел, чтобы тебя увидеть да слово сказать…» Ноги сами вступили в такт танца и понесли, понесли Теодору, как вихрь несет былинку. И если бы у сердца был голос, то оно запело бы звонче и счастливей соловья.

На Васильев день сыграли свадьбу. Незадолго перед женитьбой путевой обходчик пригласил в гости шестерых своих братьев и наказал им взять с собою инструмент. Крыстевы — выходцы из Трынского края, Западной Болгарии. Там каждый мужчина — каменщик. Деды, отец и братья Ивана были отходниками и «кормились кельмой». С берега речки Бешеной Габры, что прорезает ущелье в двухстах шагах от Ивановой усадьбы, братья натаскали камня и за три дня отгрохали жениху домишко со спальней, горенкой и кухней. А глинобитную лачугу снесли. Под торжественные звуки кавала[55] Иван ввел молодую жену в «каменные палаты».

Так они и зажили — небогато, зато дружно. А совет в семье дороже золота.

Днем и ночью мимо домика проходили пассажирские поезда, проползали товарные эшелоны, проскакивали дрезины. Составы не ровня теперешним: пять — семь вагонов, похожих на крытые цыганские фургоны.

Иван подшучивает над женою. Говорит, что у паровоза есть душа и что он наделен даром речи, но не всякому дано понимать его язык. Он-то, Иван, понимает! И как ему не поверишь? Вот проходит ночью поезд. Молодые не спят. Иван прислушается и

скажет: повел-де состав на Вакарел машинист Васил, земляк его, а не кто-либо другой, настроение-де у Васила нынче неважнецкое и не потому, что он с невестой в ссоре, а с похмелья. Теодора при случае спросит у машиниста, так ли было? И оказывается, что Иван как в воду глядел.

Первое, чему научилась жена путевого обходчика, — это различать, не глядя в окно, куда идет поезд, на подъем или под уклон, потом узнавать, какой состав: пассажирский или грузовой. Затем… родился сын. Назвали его по отцу мужа — Петко.

* * *

…Колеса вагонов стучали на стыках рельсов словно ходики, отсчитывая секунды. Между двумя составами проходили часы. И годы мелькали, как курьерские поезда.

Смотрит Теодора в окна бегущих вагонов и будто читает взахлеб книжку, интересную и не совсем понятную. В какие-то мгновения она успевает запечатлеть в памяти одежды людей, десятки лиц, выражения глаз, увидеть в тех глазах грусть или радость.

И где-то, в сердце ли, в мозгу ли, возникает немой вопрос… Почему меж людьми, слепленными из одного теста, одинаково страдающими и радующимися, такая разница, такая пропасть? На селе народ, что сосны в бору: одни меньше, другие больше, одни моложе, другие старше, одни слабее, другие сильнее, но одной породы. Хотя эта мысль только теперь ей в голову пришла. София — разнолесье: там и кустарник, и ельник, и бук… Но в поездах разница еще больше режет глаза. Потому что тут люди, будто карты в только что распечатанной колоде — по мастям разложены.

Минуют вагоны первого класса — мелькают заморские сукна, шелка, бриллиантовые серьги, золотые цепочки. Лица лоснятся от жира и удовольствия. Хоть отбавляй, конечно, физиономий, сморщенных и пожухлых, как осенний гнилой гриб. Но оклад тот же, что на иконах в церкви, — золотой да серебряный. Второй класс победне́е. Едет чиновный люд. Теодора в уме прозвала мужчин из второго класса воро́нами: они по большей части одеты в черное, серьезны и сосредоточенны, а женщин — сороками: и по пестроватым нарядам и по манерам вертеть остренькими клювами носов, когда стрекочут. Последними проходят вагоны третьего класса. Люди в домотканых кафтанах, в почерневших от времени и ненастья кожухах, в промасленных телогрейках. На их лицах нестираемые тени заботы, голода, горя. Теодора знает, что

люди эти умеют и радоваться, и смеяться, и водить хоровод. Но редко, только по большим праздникам. А в поездах, сквозь закопченные стекла окон, их лица кажутся темней и угрюмей… Почему же одни богатые, а другие бедные? Почему одни досыта едят, пьют, наслаждаются жизнью, а другие работают, как в упряжке, и всю свою жизнь мыкают горе?.. Почему?.. Колеса стучат, стучат, и Теодора не понимает их речи…

Но вот пошли поезда, покатили эшелоны, набитые людьми в одноцветных серых шинелях… И вопрос, мучительно щемивший женскую душу, погас, как лампадный огонек.

Ивану сбрили черные кудри, сменили железнодорожную форму на солдатскую. Теодора не смогла проводить мужа до станции. На кого оставить перегон? Не хотели в Софии дать ей мужнино место путевого обходчика. Едва уломали начальство Ивановы друзья-машинисты. Отойдешь на час — узнают, расчет дадут. Тогда на что жить?..

Прощалась с Иваном на юру: стоишь повыше — видишь подальше. И Теодора долго смотрела вслед мужу, пока его поджарая, стройная фигура не скрылась за чертою, где земля сливается с небом. А что за этой чертою — страшно было подумать! Когда оттуда дует ветер, доносятся раскаты грома. Не того небесного грома, который возвещает дождь, несущий обновление и жизнь нивам, лугам и лесам, а земного, что уносит тысячи, калечит миллионы человеческих жизней… Слезы текут и текут. Ветер их сушит, оставляя на щеках следы соли. Соль выбеливает румянец, выедает пока еще незаметные, но уже не смываемые бороздки морщин.

Чуяло сердце, что не вернется Иван из огненного ада, чуяло и рыдало.

Петко рос. И мать вместе с сыном ходила в темные звездные ночи осматривать пути; Петко учился понимать свистки паровозов. А по свистку многое можно разгадать — не только руку машиниста, но и что у этого машиниста на душе. Сколько, оказывается, голосов, тонов и тембров у паровозного свистка!

…Затих орудийный гром, перестал свинцовый ливень. Пошли поезда с классами. Теми же, что до урагана войны. А в окнах третьего класса еще долго-долго мелькали костыли, пустые рукава!..

* * *

Когда Петко стал совершеннолетним, управление дороги разрешило ему, сыну погибшего солдата, как было сказано в

приказе, вступить в исполнение обязанностей путевого обходчика вместо матери. И за парня ходатайствовали друзья отца. Несколько месяцев волынил директор управления, но подписал приказ, когда Теодора отнесла ему на Георгиев день четверть сливовой ракии домашнего изготовления и барашка, чтобы заранее «поблагодарить» за участие в судьбе сына.

Пришло время — и Петко встретил свою суженую. Девушку из Вакарела, Цветану. Стали жить втроем. А через годик появился четвертый член семьи. Дали ему, как исстари повелось на болгарской земле, имя деда — Иван. Бабка была счастлива больше отца и матери мальчика… Всю свою любовь и ласку, которую она не успела отдать мужу Ивану, обратила на Ивана-внука.

…Родится человек на земле, растет, и кажется ему, этак годков до двадцати, что уж больно медленно, телегой, запряженной волами, ползет жизнь. А дальше она все больше и больше набирает скорость и летит, как поезд под уклон. Но бывает и иначе. Если у человека есть большая любовь, забота или дело, которым он до краев заполняет душу и время, тогда его года текут, как река: чем дальше, тем шире, тише, раздольнее и красивее.

Может быть, не разумом, а сердцем разглядела Теодора жизнь, поняла, почему одни богатые, другие бедные, поняла, что это несправедливо и что справедливости можно добиться не троеперстием крестного знамения, а пальцами, сжатыми в кулак. Она была из гайдуцкого рода. И у Петко кровь гайдуцкая. За свободу жизни не пощадит. Друзья у него — огонь мóлодцы. Как только Гитлер начал войну против Советской России, тысячи их ушли в партизаны. А Петко оставили, не взяли. У них дисциплина стальная, как эти рельсы. «Ты, — говорят, — незаменим на своем месте. И тут у тебя будет много работы».

…От шоссейной дороги каменный домик стоял в тридцати шагах, от железной — в пятидесяти. Денно-нощно проходят поезда, проскакивают автомашины, проезжают телеги, минуют пешие. Домик у всех на виду. Все одно, что стеклянный. Оттого у полиции и не возникало никакого подозрения.

А под каменным домиком было вырыто подполье. От гор сюда рукою подать. Темной ночью да по темному лесу партизан, глядишь, незаметно спустится. Подполье служило и партизанской явкой и госпиталем. Теодора иногда по дням не показывалась во дворе. А выйдет — кряхтит, на палку опирается. Вконец ослабела… Но это для постороннего глаза. На самом деле она поздоровей молодицы себя чувствует. И по нескольку дней глаз не смыкает. В госпитале бабка — и санитарка, и сестра, и лекарь.

По списку партизанского отряда, она значится под кличкой «Майка», то есть мать.

Много сыновей и дочерей спасла от смерти Теодора. Много лет минуло с тех пор, как ветер развеял пепел партизанских костров, как народ пустил под откос «первые классы». Но ни один исцеленный ею партизан не проедет мимо каменного домика, чтобы не заглянуть к Петко, чтобы не поцеловать руку матери. Много теперь у Теодоры детей и внуков. И самый любимый Иван… Где-то он встретит свою суженую? Парень — герой, ста́тью вышел в деда. Присмотреть бы ему дивчину: старая ведь больше в людях понимает!..

* * *

Возле домика — огородик: пять грядок огурцов, десятка три кустов помидоров, да куртинками разбросан лютый перец, без которого болгарский стол все равно, что без соли.

Раненько летом всходит солнышко. Вместе с ним поднялась и старая Теодора. Петко в полночь ушел на обход. С часу на час должен вернуться. Невестка и внук зорюют. Что ж, молодые больше сил тратят — им и поспать подольше нужно…

Теодора низко нагибается над кустами, выбирает помидоры поспелей, стручки перца позеленей да полютей. На завтрак, к приходу сына. Руки работают живо, а поясница не так уж послушна. Покопается над кустом бабка, разогнет спину, отдохнет. Окинет взглядом горы и рощи — глаза еще зоркие, — вдохнет поглубже чистого утреннего воздуха и снова склонится.

На подъем пополз порожний товарняк. Без толкачей. Ухом улавливает старая, не глядя. Вот паровоз дал свисток. Теодора разогнула спину. Машинист помахал ей фуражкою, и она, светло улыбнувшись, поклонилась ему. Митко повел состав, внук Димитра, друга ее мужа Ивана. До чего же быстро и незаметно растут молодые! Как сосенки в этой роще, где у Теодоры осталось лишь несколько ровесниц. Остальное — молодая поросль.

Старая задумывается. И мир словно бы затихает. Она не слышит больше шелеста травы, стрекота кузнечиков, пения лесных пичуг. В ее сердце плывет мелодия того «шопско хоро», что давно-давно, девушкою, она танцевала об руку со своим Иваном на Вакарельском майдане. Эта мелодия все усиливается и уже явственно звучит в ушах. Звучит, воскрешая перед глазами близкие, где-то далеко оставшиеся образы молодости. Звучит. Но что это?..

Теодора встрепенулась, еще не понимая, но уже ясно чувствуя

надвигающуюся опасность. Свистки паровоза… Частые, тревожные свистки… Старая опускает подол, в который собирала помидоры и перец, и во всю прыть бежит к домику. До ступенек остается пять шагов. И в это время по линии под откос проносятся, подпрыгивая, как игрушечные, на стыках рельсов, несколько вагонов. «Состав разорвался!» — болью полосонуло в ее мозгу… Она влетает в комнату, хватает телефонную трубку: «Алло! Алло! Побит Камык!.. Слушайте… Говорит бабка Теодора… От Миткиного состава оторвались вагоны… Освободите пути! Переведите стрелки!..»

— Есть! — донесся в ответ голос начальника станции.

* * *

«Есть!..» Он прокричал в трубку это слово солдатского повиновения приказу потому, что оно кратче других. А времени уже не оставалось. Только что было дано отправление груженому товарняку на Вакарел, по той же линии, по которой сейчас бешено катились навстречу оторвавшиеся вагоны. Товарняк уже тронулся… Начальник станции стремглав выскочил из диспетчерской и бросился к поезду. Впрыгнув в тамбур первого проходившего вагона, он со всею силою рванул ручку стоп-крана. Сталь заскрежетала о сталь.

За минуту путь на Софию был очищен, стрелки переведены. И через две минуты мимо станции Побит Камык прогрохотали четыре или пять вагонов. Сколько их было, не мог сосчитать даже опытный глаз стрелочника: они пронеслись, как камни горного обвала, сливаясь в общую массу.

Дальше опасности не было. Если уж тут вагоны не сорвались на стрелках и не пошли под откос, то, значит, беда миновала!

От Побит Камыка до Софии путь пролегает равниною. Вагоны, медленно теряя скорость, на пятнадцатом километре остановились.

* * *

На нем не было лица. Три километра — оттуда, где у него на глазах разорвался состав, — он несся по шпалам со скоростью курьерского. Бежал, не думая, что все равно ему уже не предотвратить крушения…

Как вкопанный остановился Петко посреди комнаты, испуганно и безнадежно глядя на телефонный аппарат. Через

какое-то время он заметил, что трубка с аппарата снята. Прижавшись к окну, выходящему в сторону станции Побит Камык, стояла мать. Она прижимала к груди телефонную трубку и не заметила, как распахнулась и хлопнула дверь. По ее сухим, морщинистым щекам катились стеклянные бусинки.

Петко, набрав полные легкие воздуха, медленно выдохнул и подошел к матери.

— Мамо!

И как в детстве, нежно обнял ее за шею и крепко поцеловал в губы.

— Трубку-то давай повесим!

— Успела, сыночек!

…Спустя полчаса раздался звонок. К телефону подскочил Петко.

— Путевой обходчик!.. Да-да!.. Слава богу!.. Да-да, я был на линии!.. Что?.. Слава путевой обходчице?!. Правильно, товарищ начальник!.. Передаю ей трубку…

А еще через полчаса позвонили из министерства. Начальник дороги передал бабке Теодоре благодарность и сказал, что сегодня же вечером приедет, чтобы вручить ей почетную грамоту.

— Готовься, жена, встречать дорогих гостей, — наказал Петко супруге. — Да трапеза чтоб побогаче была!..

— Есть чем попотчевать, — весело отозвалась Цветана.

— Лицом в грязь не ударим! — пропела зардевшаяся от переживаний бабка Теодора.

— Твой юбилей, мамаша!..

— И правда, что юбилей. Пятьдесят второй годок на железной дороге. С нашим покойным татком да с тобою, сынок… Вот и Ивана вырастили!.. Ну что ж!.. Ты, Цветана, пожалуй, сходи в погреб, заднюю часть барашка отруби. А ты, Ваня, бочонок вина, того, что постарше, выкати, а я быстренько на огород сбегаю!..

В домике у дороги началась радостная суматоха, какая бывает перед праздником.

Старая, взяв две кошелки, пошла собирать помидоры, огурцы, перец…

Солнце горело над самыми маковками сосен, вершинами гор. И не было на земле тени. На Вакарел прошел пассажирский поезд. Машинист Стефан, внук Иванова друга — Стефана, дал протяжный, казалось, торжественный свисток, снял фуражку и поклонился бабке Теодоре. Мимо простучали на стыках рельсов комфортабельные вагоны первого класса — от начала и до конца состава. Мелькали в окнах люди в разных, но одинаково добротных одеждах. Бабка Теодора приветливо махала этим людям рукой. И те так же сердечно отвечали ей на приветствие.

Скрипнула дверь домика, и на крыльцо вышел Петко.

— Я в обход, мамо!

— Счастливого пути, сынок!

— Так ты приоденься к вечеру. И белую хустку из скрыни достань. Тебе сегодня вести хоро!..

— Будь спокоен, сынок, старая лошадь борозды не испортит!

Ласковая улыбка затеплилась в глазах матери и тотчас отразилась на лице сына.

1960 г.

В долине сокровищ

Встречая гостей, жители Пловдива знакомят их со многими достопримечательностями своего чудесного древнего города, раскинувшегося на скалистых холмах в зеленом раздолье Фракийской долины. Не преминут они показать вам в том числе и сохраняющееся в местном археологическом музее золотое сокровище из Панагюриште — девять приборов с рельефными изображениями: амфора, четыре рога, три кувшина и блюдо — тончайшей ювелирной работы мастеров четвертого века до нашей эры… Три брата — кооператоры из села Панагюриште: Павел, Петко и Михаил Денковы — копали глину для поделки кирпича на постройку нового дома и наткнулись на клад… Случайно? Не совсем!.. Вся Болгария строится. И если рассуждать по теории вероятности, то возможность открыть клад возросла в сравнении с прошлым тысячекратно: ведь стройматериалы берутся из земли!

Сокровище из Панагюриште оценивается в десятки миллионов левов. Но за последние полтора десятилетия в Болгарии отрыты клады куда подороже! Один из них найден в Родопах. Цена ему несметная. Это — самое богатое на Балканах и в Европе месторождение свинцово-цинковых руд. В годы второй пятилетки в Родопах построен для их переработки Кырджалийский завод. Он уже вдвое расширен против проекта. Однако мощности его недостаточны. Геологи быстро увеличивают промышленные запасы руды, шахтеры выдают ее на-гора́ все больше и больше. Уже начато сооружение свинцово-цинкового комбината, который будет втрое крупнее Кырджалийского завода.

…В нескольких километрах южнее Пловдива, среди виноградников, садов и огородов, раскинулась строительная площадка комбината. Над влитыми в землю фундаментами поднимаются железобетонные каркасы цехов. Когда глядишь на них с дороги, ведущей на Асеновград, они кажутся ступенями лестничного пролета, по которому человек собирается подступиться к громаде Родоп — кладовой природы.

Там, на горах, снег, бушуют метели, лютуют морозы, а в долине апрель: по-весеннему полыхает солнце, парит влажная земля, зеленым разливом зыбятся озими. И сюда, когда придет пора, спустится по нехоженым тропам с Родоп зима. Ненадолго, может быть, на недельку, и того меньше. А дороги развезет так, что гусеничный трактор-богатырь в сто лошадиных сил не одолеет и ста погонных метров. Тогда не одну недельку придется сидеть в грязи и ждать погоды. Но рабочие тщательно подготовились к зимнему сезону. Они своевременно проложили

шоссе и железнодорожную ветку, которые связали строительную площадку с центральными артериями и узлами страны. «Теперь, — шутят, — Ноев потоп нам нипочем!»

Все здесь похоже на другие строительные площадки Болгарии: те же портальные краны, экскаваторы, бетонные центры, те же энергичные, с обветренными лицами люди в стеганках и спецовках, тот же полный, ритмичный пульс могучего сердца. Однако присмотришься к машинам и видишь на них новые марки, познакомишься с людьми и видишь…

Впрочем, со многими ты уже знаком по прежним стройкам. Бригадиры, прорабы, инженеры — старая гвардия, опаленная цементным «порохом» в трудовых битвах двух пятилеток. Но и среди них немало новичков. Главный инженер комбината Иордан Иорданов работал на Димитровградском химическом, на Кырджалийском свинцово-цинковом. Ведущие инженеры Никола Чакыров, Тодор Смиленов, Димитр Томов, техники Стефан Стефанов, Никола Маринов — больше десятка их — пришли в Пловдив из Кырджали, умудренные опытом, обогащенные знаниями новых достижений в металлургии и строительстве.

…Под широким дощатым навесом монтажники сваривают огромный стальной резервуар для цеха серной кислоты. Между электросварщиками, автогенщиками, слесарями волчком вертится невысокий сухопарый мужчина, размахивая руками, как дирижер в кульминационном пункте партии. Так яро жестикулировал, помнится, только Киро Терзийский. Ну, конечно же, это он, беспокойная натура!.. А голова-то посивела! Рановато притрусил черную смоль шевелюры снежок: в сорок пять годков.

— Да, поседел!.. Но это пережиток прошлого, вернее, от пережитого в прошлом, — каламбурит бригадир монтажников. — Работать-то ведь начал еще мальчишкой!..

Последнее слово он произносит по-русски: в Советском Союзе восемь месяцев был на специализации, по монтажу котлов. Ну, в русском языке и поднаторел.

Терзийский — человек недюжинный, и судьба его типична для старшего поколения болгарских строителей. У отца было полдесятины надела. Оттого Киро и пошел с четырнадцати лет в город зарабатывать свой хлеб. Переварившись в кипящем пролетарском котле, кровью сердца связал он свою жизнь с партией. А после победы народной власти его биография — это география и эпос строек социализма. За самоотверженный труд на лесах димитровградского завода «Вулкан» он удостоен высшей награды — ордена Георгия Димитрова.

— Как живется-работается, спрашиваете?.. Жаловаться не стану: нет причины. Сын Димитр в седьмой ходит, дочь Станка в

пятом. Учатся молодцами. Чего ж отцу не радоваться да не трудиться!.. Ниже двухсот процентов, вы-то знаете, я со своими ребятами нигде не спускался!

…Директор комбината Тодорка Белчева (как тут не вспомнить, что при старом строе болгарка лишь в счастливом случае могла стать акушеркой, а не директором комбината!) рассказывает:

— Строимся быстрыми темпами. Сегодня сфотографируете площадку — завтра снимок устареет. Девять десятых всех сооружений из сборных железобетонных конструкций. Еще недавно главной фигурой на стройке был каменщик, а сегодня монтажник. Но дело не в профессии, а в людях. Народная власть вырастила высококвалифицированных строителей, большой и ударный отряд рабочего класса. И, заметьте, это — самое важное: каждый пятый строитель Пловдивского комбината — коммунист, значит, человек стальной закалки!

Сама Белчева получила партийную закалку еще в юности. Работала на нелегальном положении инструктором Центрального комитета Рабочего союза молодежи. Осенью сорок второго года она была схвачена с группой цекистов фашистской полицией. Пятерых товарищей фашисты казнили. Ее, как не достигшую совершеннолетия, суд приговорил к пятнадцати годам тюрьмы. Днем освобождения Белчевой стал День свободы Болгарии. Затем она сотрудник аппарата Совета Министров народной Болгарии, слушатель ВПШ, студентка-заочница экономического факультета Софийского университета и начальник управления промышленности ЦСУ, директор!..

Люди такой энергии и коммунистической школы строят комбинат.

Растет Пловдивский свинцово-цинковый — крупнейшее предприятие болгарской цветной металлургии. Сооружаемое по проектам советских специалистов, оснащаемое советским оборудованием, оно явит собою последнее слово современной техники и автоматики. На комбинате будет осуществлено комплексное извлечение всех полезных компонентов, находящихся в богатом рудном сырье: серебра, кобальта, кадмия и других редких металлов.

Уже сейчас жители Пловдива, показав гостям в музее сокровища былых времен, спешат повезти их на строительную площадку свинцово-цинкового, где скоро польются из печей реки неиссякаемых сокровищ новой Болгарии.

1960 г.

Хозяйка жизни

Оратор сошел с трибуны. В тишине зала раздался короткий резкий звонок, и председатель бюро Народного собрания объявил перерыв.

Депутаты растеклись по коридорам, вестибюлю, кабинетам. Отовсюду долетают отрывки деловых разговоров: в свободные минуты «утрясаются» вопросы «местного» и «отраслевого» масштаба, которых никогда не охватит никакая повестка дня.

Многих из этих людей я знаю, встречался с ними, беседовал. И мне думается, напиши человек «биографию» болгарского парламента, воспроизведи, как есть, не мудрствуя лукаво, без художественных украс, жизнь депутатов — какая замечательная эпопея получится, Гомерова Илиада героической борьбы народа за свободу и социализм! Вот они, словно символизируя нацию, стоят трое: седовласый старик, переступивший восьмой десяток, активист ленинской газеты «Искра», собиравший средства для ее издания и распространявший ее, человек, говоривший с Лениным, знавший Плеханова, ученик Благоева, сподвижник Димитрова, член партии еще с прошлого века; поседевший прежде времени в тюрьмах и партизанских боях руководитель подпольной коммунистической организации — с высоким лбом, рассеченным шрамом, памятным следом фашистской пули, и этот черный, красивый юноша с Золотою Звездою Героя Социалистического Труда на лацкане пиджака. Представители трех поколений народа, цвет родины, ее гордость!

Все они вышли из крестьянских хижин и пролетарских подвалов. Но мне хочется рассказать о человеке, не имевшем ни своей хижины, ни подвала, человеке, на груди которого нет золотых отличий, но которому десятки тысяч людей доверили свой голос, послали его депутатом в верховный орган власти. Об одной женщине-крестьянке.

Я отыскиваю ее в текучей сутолоке коридоров и прошу уделить время для беседы. Что-то прикинув про себя, она соглашается. Мы устраиваемся в свободном кабинете.

— Значит, хотите, чтобы про жизнь свою поведала?..

У нее сильный голос, звенящий серебряным переливом, словно металл, закаленный пламенем. И кажется, что пламень южного солнца родины запечатлел на ней свой нестираемый след: полыхнул багряным светом по лицу, рассыпался золотыми искорками в темной глубине очей, опалил каштановую кудель волос, покрыв их белым налетом седины.

— Беженцы мы, лишившиеся дома и крова в балканскую

войну. Отца своего не помню — загинул в ту же войну на фронте. А пять лет спустя голод и «испанка» свели в могилу мать, брата и сестру. Осталась я одна-одинешенька, десяти лет от роду. Родиться девчонкой в семье бедняка да остаться сиротою — горше доли, наверное, на земле нету. Сердобольные люди сочувствовали: «Лучше бы и ее господь бог прибрал в свое царствие!»

Говорит Мара Пашова скупым, но образным языком, и каждая ее фраза — как мазок, восстанавливающий трагическую картину пережитой в прошлом жизни.

Добрые бедные люди удочерили ее и отдали в няньки богатым зарабатывать свой хлеб. Горек он был, ломоть с чужого стола, сухой и черствый, подсоленный слезами. До пятнадцати лет девушка не знала грамоты, но тянулась к ней, как былинка к солнцу. Отчаявшись, она упала перед сельским миром на колени и попросила общину на казенные средства отдать ее в школу. Отходила четыре зимы, окончила четыре класса и снова пошла батрачить. Нанялась к кулаку Киро Митреву. Летом на ниве, зимой со скотом, по хозяйству управлялась и в то же время детей нянчила. Спать некогда было, работала только за харчи.

— Два созыва уже я депутатом, — говорит Пашова. — И каждый раз, когда вхожу в это здание, вспоминаю один грустный случай из своего девичества. Проводились «выборы» в фашистское Народное собрание. Я батрачила тогда у Митревых. Приезжает к нам в село кандидат в «народные представители» — буржуй толстопузый — бочка винная в окружности. Обещал крестьянам горы золотые, хоть, правду сказать, дети малые и те не верили его посулам, и, конечно, приглашал всех голосовать. Настал день выборов. Хозяева мои, возвратившись с избирательного участка, созвали гостей и затеяли пир. Верчусь я, как белка в колесе, передохнуть некогда. И взбреди мне в голову сказать хозяйке: «Отпустите меня на пять минут, я проголосую и тут как тут вернусь!» Она — мужу своему, Киро. Тот сначала не разобрал, о чем идет речь, а потом как захохочет! Сло́ва со смеху вымолвить не может. Я подумала, грешным делом, разума человек лишился. Наконец Киро проговорил: «Слышите, гости почтенные, Марка-то голосовать захотела!.. Свою гражданскую волю излить!.. Ха-ха-ха! Вот до чего демократия наша довела! А?! Жена! Какая там из наших коров что ни на есть самое глупое животное? Мара? Тезка, значит, прислугина! Так вот, жена, надень налыгач на ту Мару, что в хлеву, и отведи ее к урне — пускай подаст вместо этой Мары свой голос: „Му-у-у!“ А ты, Марка, тем временем принеси-ка нам из подвала винца, того, которое постарее… Да не мешкай, госпожа гражданка!.. Ха-ха-ха!»

Ничего остроумного он не сказал, а гости в лежку закатывались…

Чистые глаза женщины потускнели, будто их застлала тень безвозвратно минувших черных дней.

Замуж она вышла за ровню, такого же, как сама, батрака и сироту, чабана, сторожившего митревские отары, — Ивана Пашова. По закону община должна была нарезать им, как беженцам, надел земли. И нарезала две десятины… болота, куда ни пешему не войти, ни верхом не въехать. Поглядели Иван с Марою издали на свою землю, сняли участок в аренду у кулака и стали его обрабатывать исполу.

Есть люди, у которых рабство убивает волю и веру, опустошает душу и разум, превращает их в рабов. Но Мара Пашова другого десятка… Когда в стране победила народная власть, тридцатипятилетняя женщина, ходившая по селу четверть века со сгорбленной рабским трудом и неволею спиной, расправила плечи и заново начала свою жизнь. Знать, талант был определен ей природою. Не оробела она, что не хватает образования, не смутилась под насмешливыми взглядами мужиков, смотревших на женщину, по традиции, унаследованной от туретчины, как на существо второго разряда, и с головой окунулась в бурный поток новой жизни.

— Товарки, бывало, скажут: «И что тебе, Мара, больше всех нужно! Землю, слава богу, получили. Кулакам хвост подвернули. Работала б на своей ниве с Иваном да растила-пестовала Димитра. Наше дело бабье, испокон известное!» «А кому, как не мне с вами, больше всех нужно! — отвечаю. — Власть-то наша пришла. Кто ж ее подпирать будет, как не мы! Хватит, на чужое богатство трудились, теперь давайте ради своего не пожалеем сил!»

Стала я втягивать женщин в общественную работу, актив сколотила. А крестьянки наши, скажу вам, коли возьмутся за гуж, любой воз потянут! Большую помощь оказывали мы коммунистам. Тут и меня в партию приняли. Высшая честь и, конечно, ответственность для каждого человека!.. Потом вскорости избрали меня земляки заместителем председателя сельского Совета!..

То был переходный период в жизни болгарского села, годы ломки старых устоев и быта, острой классовой борьбы, свирепого сопротивления кулачества. Коммунисты и бывшие батраки, объединившись, основали в селе трудовое кооперативное землевладельческое хозяйство. Но средний крестьянин стоял на перепутье, колебался.

— Не знаю уж, какими лучше словами выразить бы вам свою мысль, но тогда я ощутимо почувствовала себя новым человеком.

Я увидела, что нужна не только сыну и мужу, а что во мне земляки мои нуждаются и само государство!.. Ох, трудное было времечко!.. И продовольственные заготовки на тебе, и агитация за кооператив, и сотня разных других, больших и малых, забот! Побелела моя коса на этой работе!.. Но ежели меня спросите, какие годы своей жизни я считаю самыми счастливыми, то отвечу положа руку на сердце: неспокойные и грозовые годы становления нового строя. Они были для нас, проводивших линию партии на местах, университетом. Мы учились хозяйствовать и работать с людьми, иногда ошибались — не без того, — но в конце концов наша взяла!.. Кооператив с помощью государства поднялся на ноги, урожаи пошли в гору, а с ними и доходы кооператоров. Середняк понял, из чьего дома доносится запах жареного барашка. И посыпались заявления: «Убедился в справедливости новой жизни, желаю перейти на социалистические рельсы!» Осенью пятидесятого года завершили мы в своем селе Новоселци коллективизацию, а на очередном отчетно-выборном собрании выдвинули меня председателем кооператива.

Бывшая батрачка возглавила крупное, многоотраслевое коллективное хозяйство. У нее была могучая опора — партийная организация. Вместе с коммунистами она проложила торную тропинку к сердцу крестьянина. Люди увидели, что стали настоящими хозяевами своей земли, что их достаток, их будущее зависит от них самих. Еще крепче поверили они в новую жизнь, в партию, в ее родную дочь — женщину, стоящую у руля правления кооператива, и трудились на совесть.

— Наш-то с Иваном надел, который на болоте, — расцвела в улыбке Пашова, — по тридцать центнеров с гектара теперь дает! Осушили мы и раскорчевали неудоби. Все машинами. Крестьяне поначалу сильно сомневались, что такое возможно. Впрочем, много чудес за годы кооперативной жизни произошло. Село наше, если исключить три кулацких дома, было сплошь саманное, под соломенной кровлей. Теперь же его не узнать: поднялись кирпичные дома, большей частью двухэтажные. Да и то сказать, по двадцати левов на трудодень даем!..

Я спрятал в карман свой блокнот. Пашова повременила и вдруг непривычно дрогнувшим тоном продолжила:

— Выдвинули меня кандидатом в депутаты по нашему району. Иду я на избирательный участок в день голосования. Народ на улице хороводы водит, веселится. Вручает мне председатель комиссии бюллетень. Захожу в кабину, читаю свою фамилию, напечатанную на белом листе, и плачу, да что плачу — реву по-бабьи. Ведь подумать только!..

Она замолкает и отворачивается, поднося к щеке платок. И толи чтобы отвлечься, то ли вспомнив самое дорогое, что забыла сказать, говорит уже окрепшим голосом:

— Сынок наш, Димитр, медицинский институт кончает. В село вернется врачевать!.. Ой, звонок! — спохватывается она. — Перерыв-то уже кончился!..

Мы сердечно прощаемся, и Мара Пашова неторопливым, но быстрым шагом хозяйки направляется в зал заседания. Депутаты продолжают обсуждать план развития народного хозяйства страны. И среди посланцев народа, решающих судьбы родного государства, крестьянка из села Новоселци, не имевшая ни земли, ни хаты, женщина новой Болгарии, возведенная партией до вершины народовластия.

Председатель бюро Народного собрания предоставляет слово следующему оратору…

1960 г.

Кудесники края полей

Село разместилось в предгорье, или, по-болгарски, — в «полите» Балканского хребта, с «краю полей», откуда и пошло его название — Поликраиште. По известности, славе своей оно не уступает многим городам страны, и слух о нем идет не только в самой Болгарии, но и далеко за ее пределами. Тут родина лучших в Европе овощеводов, непревзойденных мастеров огородного дела.

Первый раз я побывал в Поликраиште пять лет назад, по весне. Так же, как и теперь, тот же председатель кооператива Никола Кушев, приземистый, подтянутый человек, выйдя из здания правления, предложил:

— Что ж, начнем с парникового хозяйства!..

Поглядев искоса, улыбнулся:

— Это не значит, что у нас нет более интересных объектов для осмотра. Вы, наверное, знаете — возле села находятся развалины старой римской крепости Никополиса, слышали, очевидно, что мы построили свой кооперативный форум? Однако раскопай археологи на наших угодьях Акрополь, построй мы восьмое чудо света, все равно будем начинать показ своих достопримечательностей с парникового хозяйства… Огородники, конечно, далеко не безразличны к древней культуре… Тем не менее народ мы неисправимый: прежде всего хотим познакомить гостя или друга с произведением своих рук.

Дорога наша лежит через село. На центральной площади останавливаемся, чтобы бросить взгляд вокруг. Лишь по некоторым штрихам узнаю я Поликраиште. Может быть, его «контуры и мазки» стерлись в моей памяти? Достаю из кармана пожелтевшую записную книжку, датированную пятьдесят пятым годом, куда я заносил заметки во время своего первого посещения села, читаю председателю:

«От площади, курящейся дымком, растекаются в разные концы, петляя, узкие каменистые улочки, напоминающие пересохшие русла горных речек…»

— И поэзия и правда были в этой фразе, — смеется Кушев. — А теперь осталась лишь поэзия, которая не отражает действительности на современном ее этапе… Не так ли?.. Впрочем, думаю, и вы согласитесь, так лучше, когда действительность перерастает старые поэтические формы? В этом-то и состоит поэзия наших дней… Придется вам искать иные сравнения!..

От просторной площади, чистой, как озерная гладь, в пять

концов расходятся ровные и долгие, точно снопы мощных прожекторов, заасфальтированные улицы. Над ребристыми черепичными крышами новых домов, кажущихся любовно вылепленными руками искусного ваятеля, висит зеленый шатер древних берестов. Там и сям, будто минареты, взметнулись в небо пирамидальные тополя. А за ажурными оградами дворов цветут яблоневые и черешневые сады.

— Обратите внимание на этот дом с красным орнаментом на стене, — кивает Кушев влево.

— Очень красиво отделан, — говорю я, — с художественным вкусом!

— Да, в нем живут и жили… И жили талантливые люди!..

Председатель умолкает. И я не хочу докучать ему, может быть, нежелательным для него вопросом.

Выходим за околицу. По косогору, обращенному к юго-востоку, несколькими ярусами спускаются в лог теплицы и парники.

Искатели счастья

Эту главу своего рассказа о Поликраише я беру из записной книжки 1955 года. То, о чем в ней пойдет речь, принадлежит истории, и оно, как история, не стареет.

Закатное солнце, полыхнув последний раз над долиною жарким пламенем лучей, утонуло, словно в морских волнах, в синих гребнях гор. По полевым дорогам и проселкам гуськом потянулись к селу крестьяне… «Малый кооперативный двор», расположенный на границе парников и теплиц, по которому в безмолвном одиночестве бродил престарелый сторож, наполнился людьми, ожил и зашумел, как разбуженный улей. Звеньевые и бригадиры сдавали в канцелярию учетные табеля, собирались группами, чтобы побеседовать о своих трудах и заботах, поделиться новостями. Прослышав о приезде советского корреспондента, они подходили ко мне и крепко пожимали руку:

— Здравей, братушка. Добре дошел!..

Двое или трое приветствовали по-русски:

— Здравствуй, братишка. Добро пожаловать!

— Значит, и в Советском Союзе известно о существовании нашего села? — осведомился у меня мужчина широкой кости, с густою шевелюрой, на которой уже осел нетающий иней человеческой осени.

Я сказал, что мне доводилось встречать болгарских огородников на нижнем Дону и в Таврии и что среди них,

помнится, были потомки крестьян из Поликраиште.

— О, наши земляки разбрелись по всему свету!.. Есть которые ушли и остались в других странах, пустили там свои корни. Но большинство были гурбетчиями — по-вашему, отходниками. В Румынию ходили, в Чехию, Венгрию, в Германию. Отработают сезон, а зимовать возвращаются домой.

— Было время — ходили, — вступил в разговор другой кооператор, лет пятидесяти, худощавый и подвижной, будто в него пружина вложена. — Прадеды наши ходили, деды, отцы и мы по наторенной тропинке… Конечно, не из-за любви к странствиям, а потому, что нужда гнала… Бай Илия, к примеру, — он кивнул головой в сторону моего собеседника с густой серебряной шевелюрой, — половину планеты обошел… Село наше — тысяча домов, а если насчитаете полсотни семейств, где не было гурбетчии, то и этого много!..

— Дома сидеть — с голоду околеть, — молвил бай Илия, вспоминая старое недоброе время, и, очевидно, по привычке широко развел длинными, точно крылья ветряка, руками. — Такая у нас сложилась поговорка. Своя земля не кормила… Вот смекните: средний крестьянский двор на пять-шесть ртов имел полтора гектара надела. При тогдашних урожаях, как ни бейся, концы с концами не сведешь. Да к тому же двести семей вовсе не имели ни пашни, ни лугов… Куда мужику податься? В город? Там рабочие руки не нужны; своих заводов не строили, в мастерских и без нашего брата хватало пролетария, улицу подметать — тоже… Вот мы и вынуждены были искать счастья на чужбине!..

Раскуривая духмяные сигареты, кооператоры старшего и среднего поколения вспоминали тяжкие прежние годы, дальние дороги.

…На исходе зимы, — однако, раньше, чем потянутся в северные страны перелетные птицы, — мужское население трогалось из села, чтобы поспеть к месту до наступления весны. Хозяйство, дом и малолетние ребятишки оставались на попечении жены. Исполнится сыну тринадцать — отец берет его с собою: пора помогать семье и учиться сложному и мудреному искусству огородничества.

Были и такие, кто, уйдя за тридевять земель, появлялся на селе раз в пять лет. Но кто, где и сколько бы ни жил, он оставался гражданином Болгарии: придет срок военной службы, вспыхнет ли война — и он без «повестки» возвращается на родину, чтобы исполнить свой сыновний долг.

Отходник отходнику рознь. Между людьми этой категории сложилась целая система эксплуататорской зависимости, порожденная волчьим законом капитализма. На верхней ступени

находился «га́зда» — хозяин, сельский кулак, снимавший за свои деньги в аренду землю у румынского чокоя, венгерского или другой национальности помещика, покупавший сельскохозяйственный инвентарь и живое тягло. Арендатор содержал штат торговцев овощами и надсмотрщиков — людей доверенных, обычно родственников. У него в найме работало несколько старых и опытнейших овощеводов, которые исполняли роль бригадиров и агротехников. Ступенью ниже стояли те, кто выращивал рассаду, потом ратаи, или мотыжники, за ними — чираци (ученики-подростки). Львиную долю доходов арендатор загребал в собственный карман. Рядовые рабочие — девять десятых от всего отряда отходников — получали за потогонный труд жалкие гроши.

По снежному первопутку огородники возвращались домой, в Поликраište. Покуда хватало денег, ели, пили, гуляли. Пьяными били жен: девять-десять месяцев не был мужик дома, может стать, изменила, а если нет, так впрок. Истратившись, брали деньги взаймы у арендатора в счет отработки и по уши увязали в кабале. Женили пятнадцатилетних сыновей, чтобы привести в хозяйство даровую работницу. На свадьбах и в корчмах пели свою залихватскую и заунывную, на бурлацкий мотив, песню:

Три лета, три года ходил в отход.
Молодая жена умерла в первый год,
На второй потерял сына родного,
На третий год — коня вороного…
Эх, женюсь на другой — сына родит,
А коня вороного — не воротить!

— Двадцать один год странствовал я, — рассказывает Илия Атанасов Тодоранов, звеньевой огородников. — Сначала пытал счастья в европейских странах, потом пустился за океан, огородничал в Аргентине, оттуда перебрался в Соединенные Штаты, после — в Канаду. Заработал денег… на обратную дорогу и вернулся с чем уехал. Только что вот серебра в волосах привез!..

— А я шестьдесят четыре года отходничал, — надтреснутым голосом отозвался кооперативный сторож Иринчо Царцоров. — Так жизни и не видел. Семью растерял. Ежели бы сейчас была старая власть, то давно уже помер бы с голоду. А кооператив, спасибо ему, кормит, поит и одевает. И я по силе возможности еще работаю, хотя никто и не заставляет…

Спустилась ночь. Вызвездилось чистое балканское небо. Вызвездилась мириадами электрических огней долина. Нить печальных воспоминаний оборвалась. Люди умолкли: то ли

залюбовались половодьем света, разлившегося над родными стрехами, то ли заслушались веселой песни высоких и звонких молодых голосов, плывущей от села…

— Тебе-то, Петко, не понять, какие муки пришлось нам мыкать, — говорит бай Илия, обращаясь к молодцеватому, лет тридцати мужчине с льняными кудрями, кооперативному агроному Петко Владову. — Ты родился аккурат вовремя!..

— И мне довелось жить без отца и помогать с малолетства матери по огородничеству, — тихо говорит Владов.

— Дóма… А чужой чорбы не хлебал, слава богу!

— Это верно, бай Илия.

— То-то и оно!.. Хотя у тебя есть «божья искра» и к наукам большое расположение, но вырасти ты в старой Болгарии — мерить бы тебе дороги по свету, как нам, а в университет, поди, даже на экскурсию тебя бы не пустили, бедняцкого сына!..

— Правильно рассуждаешь, бай Илия, — тряхнул льняными кудрями Владов. И, обращаясь ко мне, сказал: — А вы знаете, не такая легкая штука служить в должности агронома у огородников Поликраиште. Ведь тут каждый сам себе агроном!.. Но не подумайте, что наши кооператоры консервативно настроены в отношении науки… Напротив. Все новое, передовое, сулящее пользу, они крестьянским нюхом чуют за версту… Севообороты, к примеру. Прежде, в единоличном хозяйстве, преобладала двуполка. Землю под пар не пускали: роскошью было бы. А как только организовался кооператив, сами крестьяне подняли вопрос о внедрении многопольных севооборотов. Или вот история с торфоперегнойными горшочками. Из русских газет вычитали (у нас что ни отходник, то полиглот: два-три языка знает, а старик Кушев — семью владеет!). Не дожидаясь совета земельных органов, стали выращивать рассаду новым методом… За ленточно-бороздковый и квадратно-гнездовой способы посадки и посева обеими руками голосовали!..

— Э-гей, ребята! — пропел откуда-то из темноты сторож. — По домам пора. Ночка огородника коротка. А заря на моем веку еще ни разу не опаздывала!..

Да, людям встречать зарю на огородах.

Земляк

В наше время, как говорят в шутку, свет стал тесен. Случилось мне прошлогодней весной предпринять поездку по братским европейским странам. Путешествовал я на машине вместе с друзьями-болгарами.

Не запомню уж, сколько километров минули мы от шлагбаумов, разделяющих территории Венгрии и Чехословакии, любуясь чудесными пейзажами Карпат, когда один из моих спутников — редактор центральной газеты — попросил остановить машину.

— Насколько я понимаю в крестьянстве, — сказал он нарочито менторским тоном, — эти земли принадлежат кооперативу… Притом кооперативу хорошему, — прибавил серьезно. — Давайте полюбуемся посевами и проверим, как раскустилась пшеница!

— А не явится ли это вмешательством во внутренние дела суверенного государства? — подтрунил шофер.

— Во-первых, государство братское; во-вторых, мы с благою целью: позаимствовать опыт!..

Перед нами лежали широкие, добротно возделанные массивы, уходящие до самого подножия гор. Пшеница стелилась густо и ровно, как вышивка по натянутому на пяльцах полотну. Редактор вырвал несколько растений, проверил, как раскустились они, потом по привычке заправского агронома вынул из кармана рулетку, пересчитал количество растений на метр и удовлетворенно крякнул:

— Добре! На тридцать центнеров с гектара идет, ежели старший агроном, сиречь бог, не напутает с дождеванием… Удобрена почва хорошо!..

Первое местечко на нашем пути оказалось Дунайска Стреда. Остановились мы на центральной площади, подле ресторанчика, где по случаю воскресного дня собралось много крестьян. Заказали официанту по кружке пива и порции сосисок — национального чехословацкого специалитета. К нам подходят трое словаков, по-братски здороваются. Интересуемся, их ли кооперативу принадлежат посевы, что невдалеке от местечка.

— Нашему! Понравились?

— Хорошие посевы!

— А вы откуда и кто по национальности? — спрашивают.

— Трое болгар, один русский. Едем из Болгарии.

— Из Болгарии? — оживленно повторяет моложавый русый словак. — Почкайте!..[56]

Он спешно покидает ресторанчик и минут десять спустя возвращается. Впереди него идет чернявый статный мужчина лет сорока.

— Българи ли сте?[57] — спрашивает чернявый с ходу по-болгарски.

— До сегодняшнего дня были такими, — хитро подмаргивает редактор. — Если не перекрестишь, то и помрем болгарами!

— Здорово, земляки! Добре дошли! — Чернявый долго трясет сильными руками наши пятерни. Лицо его тает в блаженной улыбке. Не смахивая с глаз светлую слезу, отрекомендовывается: — Я Димитр Кичу Колев, из Поликраиште!..

— Из Поликраиште? — настала очередь удивляться мне.

— Так точно!.. А вы случайно не бывали там?

— Как же! Приходилось!

— Значит, почитай, совсем земляки!.. Моя хата там в двух шагах от центра… Наверно, проходили мимо… Я тоже навещаю родное село. Последний раз, правда, был в пятьдесят третьем. А переписываюсь регулярно. Родственников там по отцу да по матери не меньше сотни наберется… Пишут, что все к лучшему изменилось: не узнать ни села, ни полей с огородами… Наши-то в Поликраиште — народ работящий: всю землю переворочает, дай ему только эту землю… А народная власть дала!

— Как живется-работается? — спрашивает редактор земляка, и в его голосе звучит нотка участия.

— Жаловаться грех. Живу хорошо. Она ведь и здесь, наша власть… Но родина у человека одна. И тянет его, как того аиста, к своему гнезду… Я, шутка сказать, четверть века в отходе… Срочную, как положено, в Болгарии отслужил… Когда в Поликраиште создали кооператив, упаковал было чемоданы на родину возвращаться. Однако здешняя партийная организация не дала «визы». «И мы, — говорят, — начинаем коллективизацию. В твоем Поликраиште, — говорят, — каждый — огородник, а ты у нас один. Останешься инструктором по овощеводству. А подучишь наших, передашь им свой опыт и секреты, выкуешь кадры — и тогда с музыкой до самой границы проводим!» Попытался отговариваться: жена, мол, детишки на родине. Осточертело жить байбаком! Так они семью вызвали. Как видите, по-иному зажил теперь отходник. Да нас теперь никто и не зовет гурбетчиями. Инструкторы по огородному делу мы… Жаловаться, говорю, грех! По две с половиной тысячи крон в месяц на круг зарабатываю. Ну и землю, конечно, ворочаю в поте лица! По пять тонн ранних помидоров берем с гектара. Это составляет сорок шесть тысяч крон дохода с гектара!..

Мы начали прощаться. Но Колев ни в какую. В гости и непременно огороды посмотреть приглашает. Как откажешь хорошему человеку!..

На расставанье я записал полсотни имен родственников Колевых в Поликраиште, чтобы при первой оказии передать им приветы и рассказать, как живет их инструктор, какие у него парники, теплицы и огороды.

А теперь скажите: разве свет не тесен?.. Зато работящему

человеку в нем просторно!

Ключи плодородия

Овощевод привязан к огороду с не меньшей страстью, чем боцман к морю. Нет ли тут гиперболы? И как можно сравнивать землю и небо, лед и пламень, грядку и волну, огород и море?.. Гиперболы нет. Грядка и волна с одной силой волнуют человеческую душу, когда они любы. Огород, конечно, меньше моря, но огородники села Поликраище совершали «рейсы», какие выпадали на долю не всякого боцмана. К тому же, подобно моряку, овощевод всегда и везде говорит о родной стихии. Один старый гурбетчия мне признался, что свою любимую он в молодости иначе не называл, как «моето доматче», то есть «мой помидорчик»!.. А там, где Днепр вливает свои синие воды в Черное море, любимых зовут «моя рыбонька».

Вот и теперь, едва показались невдалеке огороды, как Никола Кушев окунулся в родную стихию, начал монолог об овощеводстве. Лишь изредка я прерывал его вопросами. Овощи у него, если так можно сказать, в крови. И не мудрено это.

Огородничество в Болгарии — древняя отрасль земледелия. Крестьяне Тырновской окру́ги, Фракии, Пиринского края из поколения в поколение выращивали овощи. Малоземелье вынуждало их быть предприимчивыми и не жалеть сил, чтобы с карликового участка получить возможно больший урожай. В борьбе со стихией они совершенствовали агротехнику. Подобно умельцам-самоучкам, отцы передавали свое искусство сыновьям, а те развивали, обогащали его.

— Народная агрономия и народная селекция, — говорит Никола Кушев, — это кладезь мудрости, глубину которого надо постичь!

Мы останавливаемся у магистрального канала, на границе парников и огородов. Кушев подмаргивает:

— Я вывел вас на «преобладающую над местностью высоту», самую выгодную точку обозрения… Видите, какая широкая панорама открывается перед глазами?

Бушующая зеленью земля была вдоль и поперек перерезана серебряными межами оросительных каналов. Перед нами лежали ровные, как стрелы, гряды. Кусты помидоров были посажены будто по натянутой нитке. Каждый куст подвязан к метровому колышку. Междурядья обработаны чисто, добротно. Конец гона уходил за синюю дымку.

— Лет эдак через пятнадцать, — мечтательно говорил

председатель кооператива, — на этом месте, наверное, будет расположен командный телепункт. И отсюда инженер или техник, который, может, еще бегает в коротких штанишках, будет по радару или по какому-нибудь другому прибору руководить армадой машин. А ведь будет такое и на нашем с вами веку!

— Много ли машин обрабатывает кооперативную землю?

— Техники много!.. Больше того, о чем мы мечтали, организуя кооператив. Но на нынешнем этапе не хватает. Гляньте, вон там, на дороге, трактор резво тянет полувагон! Точь-в-точь, как муравей волочит соломинку, в несколько раз превышающую его по размеру. Это ваш, советский «ХТЗ», шестнадцатисильный. Очень нужная, необходимая в хозяйстве машина: тридцать два вида работ выполняет. Однако у нас всего три таких трактора. Мало. Впрочем, не все сразу… Как это у вас говорится; «Не сразу Москва строилась!»

Я спрашиваю у председателя, в чем, по его мнению, секрет исключительных достижений болгарских овощеводов. Немного поразмыслив, он проговорил с расстановкой, как будто подбирая слова:

— Труд, умение и, пожалуй, искусство — вот три кита, на которых стоит наше овощеводство. Болгары еще в старину говорили, что «земле нужна не молитва, а мотыга». Огород требует много труда и заботы с самого начала сезона и до конца. Если в агротехническом комплексе выпустить или несвоевременно провести хотя бы одно, казалось, третьестепенное мероприятие, считай потерянными десяток тонн на гектаре, будь то помидоры, огурцы или перец. Что касается умения, то оно приобретается годами. Овощевод учится всю жизнь. А искусство рождается в труде и любви к делу. Главным же условием успеха, на мой взгляд, является искусство выращивать и выхаживать рассаду. На этот счет в науке есть самые подробные объяснения и практические указания — все, как говорится, расписано по нотам. Однако ноты в исполнении виртуозов приобретают особое звучание!

Огородники Поликраиште, будучи «кустарями-одиночками», достигли в своем деле, можно сказать, совершенства. Кооперативная жизнь открыла перед ними новые необозримые горизонты. При общественном пользовании землей они стали правильно чередовать культуры в полях севооборота, сажая овощи по лучшим предшественникам. Механизация позволила им обрабатывать почву по всем правилам, создавать идеальный агрофон и снижать затраты труда почти наполовину. Единоличник в силу конкуренции и жажды наживы старался скрывать от соседа свой метод, оберегал от его глаз свои сорта,

если они обладали лучшими качествами. В кооперативе опыт каждого принадлежит всем. Народная власть поставила на службу огородникам науку. В Горной Оряховице — в десяти километрах от Поликраище — находится овощеводческая селекционно-семенная станция. Продолжая и развивая традиции народной селекции, ученые вывели несколько новых сортов овощей, отличающихся скороспелостью, устойчивостью против вредителей и болезней, высокой урожайностью и превосходными вкусовыми качествами. Немало опытов горнооряховские ученые закладывают на огородах Поликраище. Под их руководством работают сотни кооператоров. А звеньевые, бригадиры и агрономы кооператива имеют специальные планы и хорошо знакомы с методикой научно-исследовательской деятельности. Некоторые из них являются авторами новых сортов овощей.

Проселками уходим мы в дальние огороды, откуда село кажется макетом. Я уже потерял счет деревянным и бетонным мостикам, переброшенным над каналами. Остановившись на одном из них, около распределительного устройства, Кушев снова вернулся к теме о факторах высоких урожаев:

— Кооператив изменил не только судьбу огородников, но и вековой характер огородничества. Самый большой богач и неудержимый фантазер пятнадцать лет назад не мог бы мечтать о такой оросительной сети. Солнце, мы говорим, — отец, а вода — мать урожая. Без воды овощевод — бедный сирота!..

«Посадил огород на суходоле — хлебнешь горя», — гласит поговорка овощевода. Река Росица лишь краем коснулась угодий села Поликраище. «Свято место пусто не бывает». У богатого связи посильнее, локти поздоровее. Он и в церкви всегда пробивался ближе к «святому месту», к алтарю. А уж когда дело доходило до плодородной земли, то он расшвыривал тех, кто послабее, направо и налево. Кулаки захватили в Поликраище все прибрежные поймы.

Тяжко бедствовали поликраиштские крестьяне от засухи. Рыли на своих участках колодцы, прудили лощины, носили воду ведрами, возили в бочках за несколько верст. Поливали водою и пóтом…

В 1954 году земли кооператива были включены в государственную оросительную систему, которую питает язовир имени Александра Стамболийского. Каналы подают воду на 3 700 гектаров площади. Огородники получили возможность активно воздействовать на плодородие, регулируя нормы и сроки полива, давая растениям оптимальное количество влаги.

Вот они, ключи плодородия, которых не знала в прошлом земля!

Здешние огородники собирают с гектара по 30 тонн помидоров, по 40 тонн перца, по 30 тонн капусты. Передовые звенья и бригады выращивают до 130 тонн помидоров и до 75 тонн перца на гектаре.

…На огороде, в Черном логу, мы долго наблюдали работу легких тракторов с опрыскивателями. Кушев, удовлетворенно потирая руки, говорил:

— Вот как оно с техникой: быстро, легко и какая производительность! А еще недавно кишкой опрыскивали. Двухпудовый баллон на себе таскали!..

Когда одна из машин приблизилась к нам, председатель поднял руку. Тракторист выжал тормоз, выключил мотор и соскочил по-юнацки с сиденья. Кушев расспросил у него, как идут дела, какая концентрация раствора. Потом, обернувшись ко мне, сказал:

— Не забыли нашего бая Илию, того, который весь белый свет прошел. Вы, помнится, в прошлый приезд много с ним говорили!..

— Разве забудешь разговор с бывалым человеком!

— Тогда знакомьтесь: Илия, сын бая Илии, первый в своем роду механизатор… Да и вообще первый на селе тракторист-ударник!

— Откровенно признаться, — довольно улыбнулся Илия-младший, — сначала я колебался, какую выбрать профессию. Отец настаивает: «Иди в трактористы!» «Но мы же потомственные огородники», — возражал я ему. А он в ответ: «На теперешнем этапе огородничество без машин — все одно, что рало без лошади…»

— Значит, понутру пришлась новая жизнь старому поколению?

— А разве пчела от меда летает?! Ходил мой батька полжизни по Европам и Америкам, мы с матерью в старой лачуге жили, на досках спали. Поработали пять лет в кооперативе — новый дом построили, обзавелись по-городскому. Потом мотоцикл мне купили. Теперь денег на легковую машину собрали. Тут яснее ясного!

…За Черным логом, на сбегающем к пойме огороде, крестьянки, открыв затворы распределительного канала, вели воду по оросителям.

— Снимай ботинки, председатель, в гости пожалуй!..

— А мне не привыкать, — задорно ответил Кушев и принялся разуваться. — Полжизни босиком протопал!

— Неплохо и молодость вспомнить!

— Да что ж вы, бабоньки, мужика в тридцать восемь годков в старики записываете!

— Чтоб самим моложе казаться!

— Да, молодость, как вспомню, хорошее время человеческое, весна! — отшучивается председатель.

— Что-что, а это уж мы лучше тебя знаем! Ты-то свою молодость по концентрационным лагерям большею частью провел…

— Веселый вы народ!..

— Нету причины быть грустными!..

Стали здороваться.

— Славка Цацарова, — представилась загорелая женщина с гладко зачесанными назад каштановыми волосами.

— Может быть, вам непонятно, — обратилась она ко мне. — Но у нас, матерей и жен, есть причина быть веселыми. Об экономической стороне нашей жизни вы, наверное, наслышаны. Но есть другая сторона. На собраниях о ней не говорят. А зря! Потому что без нее, по моему разумению, не построишь настоящего социалистического общества. Я о семье… Горькая была наша женская доля. Мужик за Дунаем ходит, на чужбине хлеб зарабатывает, а ты дома на части разрываешься, ни света, ни солнца не видишь. Одно слово — соломенная вдова. Дети без отца, двор без хозяина. Теперь, слава богу… А вернее, спасибо народной власти, семьями живем. И работается бойчее, и ребятишки на радость растут. Марийка, дочка моя, педагогический институт окончила, теперь учительствует. Сын Никола защитил диплом в машиностроительном. Я вам по-простому свою думку выкладываю. Экономика — это экономика, но ежели нет семьи, она неполная, вроде как без души!..

— Что правда, то правда, Славка!.. Вот моя бабка Тодора, — обращается Кушев ко мне, — у нее вырос я на харчах, так как сиротою остался, — до сих пор не может смириться со своею загубленной женской долей… Справляли они с дедом «золотую свадьбу». Гостей полон дом. За здоровье «молодых» тосты провозглашают. Старик благодарит, а старуха встает и рубит с плеча: «Какая уж там у нас „золотая свадьба“! Это — сплошное поругание драгоценного металла. Ее и железной назвать много чести! Липовая это свадьба. Из пятидесяти годов мы и пяти вместе не прожили. А молодость ушла, не воротишь ее! Ласки не видела. Один труд да мука. Родила близнецов — на восьмой день их за пять километров на огород таскала»… Такая-то она была, судьба жены отходника!.. А старик и старуха любили друг друга!..

Я невольно задумываюсь над тем, как старый строй калечил человеческие жизни. Знать, недаром родились на свет предания, сказки, былины и легенды о Прокрусте, отсекающем ноги тем, кто не укладывался в его ложе, о Змие, пожирающем людей, о Кощее

бессмертном — злых и жестоких чудовищах!

— Если не возражаете, — говорит Кушев, — то мы вернемся обратно окольным путем. Когда у меня есть свободное время, я предпочитаю эту дорогу. Да и посмотреть пшеницу надо.

— С удовольствием. Чем больше крюк, тем больше увидим!

— Помните тот дом с красным орнаментом на стене? Отделанный со вкусом. В нем живут родные Димитра Генкова, нашего партизана, моего друга и наставника. Это он отсоветовал мне идти в отход: «На родине дел много. Кому воевать против фашизма? Не старикам же, возвратившимся с гурбета[58] инвалидами!» Я учился в каменнодельном училище. Летом работал в хозяйстве деда. Каждый воскресный день, бывало, мы уходили с Димитром по самым глухим и безлюдным тропинкам в пшеничные поля. Он всегда брал с собою небольшой томик Ленина в бумажном переплете, напечатанный петитом. Мы читали до сумерек, забывая о еде, мечтали о том дне, когда возьмемся за карабин и гранату. Димитр был очень взыскательным и к себе и ко мне. Если какое произведение проштудировано, изучено, ты не имеешь права забыть из него даже, казалось бы, второстепенное, ибо тебе предстоит много раз пересказать его товарищам, передать в деталях. Он был секретарем сельской парторганизации, а я — секретарем комитета Рабочего союза молодежи. Полицаи давно занесли Димитра в черные списки, а поэтому, как только гитлеровцы напали на Советский Союз, он по решению партии ушел в партизанский отряд. Меня оставили ятаком, то есть помощником и связным на селе…

Тропинка бежит средь густо-зеленого разлива пшеницы. Кушев простирает руку в сторону равнины.

— Там он был убит. Летней ночью, а летом ночи короткие, шестерка партизан под командой Димитра проникла в село, чтобы добыть отряду хлеб и мясо. Село, как ключевой пункт к горам, которые находились во власти народных мстителей, было запружено полицией и окружено регулярными воинскими частями. Шестерка уходила уже на рассвете. Передневать на селе было равносильно смерти. Полицейский караул заметил их. Поднялась тревога. Солдаты отрезали путь в горы. Партизаны залегли в пшенице. Затрещали винтовки, застрочили пулеметы. Началась неравная схватка шести против шестисот. До обеда пятеро партизан пали. Димитр был ранен в ногу. Он знал в здешних местах каждую балку, борозду и кочку. До вечера ему удавалось уползать из-под самого носа врага, много раз вырываться из захлопнутого капкана. В патроннике у него осталась одна пуля — для себя. Солдатская цепь вскоре

замкнулась вокруг намертво. Тогда он встал на одну ногу и поднял руку: «Ребята, опустите винтовки. В кого стреляете? Мы же с вами одной крови крестьянские сыны. Наша власть идет!.. Братушки уже громят фашистов на Буге». И солдаты опустили дула к земле. Но тут прискакал на коне начальник полиции — головорез Джамбазов. «Чего глядите, сволочи!.. Всех под полевой!» И поднял пистолет…

Несколько минут мы идем молча, подминая зеленую траву. Кругом пшеничное море. Густая пшеница, вымахавшая до колена. Досыта получила влаги земля. Шумит пшеница на земле, напоенной водою, орошенной по́том и кровью. И на зеленых ее стеблях отразился на мгновение багрянец вечерней зари.

— Но и у нас нашлась пуля для палача, — слышу приглушенный голос Кушева.

Шумит пшеница…

Утро светлого дня

Прежде чем вернуться в село, заходим на «малый хозяйственный двор», разбитый возле парников. И, точно как пять лет назад, он гудит в вечерний час разбуженным ульем. Только «ульев» здесь стало больше: куда ни глянь — новая постройка.

И снова, как тогда, во время первого приезда, подходят люди, крепко пожимают руку:

— Здравей, братушка. Добре дошел!..

Многие узнают, и многих узнаю я.

— Бай Минчо!.. Маринов! — кличет председатель.

— Иду-у-у!

Ну, конечно, знакомы! Руководитель парникового хозяйства Минчо Маринов, на первых порах организации кооператива проявивший себя закоренелым единоличником, а после — лучший звеньевой и бригадир, человек, переживший психологический перелом шолоховского Кондрата Майданникова.

— Кроме всего прочего, что вам о нем известно, — говорит мне Кушев, — он родной дядя Димитра Кичу Колева, инструктора-овощевода в словацком кооперативе Мале Блахово.

— Тогда хоть с запозданием, но передаю вам, бай Минчо, привет от племянника!..

— Вы у него были?

— Совершенно случайно встретились!

— Всякая случайность имеет причину. Коли путешествуете, да еще по селам, то непременно нашего человека встретите! Наш корень огородников на всю Европу разветвился!..

— А некоторые его отпрыски и до Америки дотянулись. Не так ли?

— Истинно глаголешь, братушка! — хохочет заливисто, по-молодому Маринов.

— Я же ведь тоже почти отходник!..

— Гурбетчия-корреспондент! — снова заливается бай Минчо. — Ну рассказывай, братушка, как там наш Димитр!..

— Живет хорошо. На родину, конечно, рвется!..

— Аиста всю жизнь тянет в свое гнездо!..

И я вспоминаю те же слова об аисте, сказанные Димитром Кичу Колевым. Совпадение не кажется мне случайным: Болгария — страна аистовых гнезд. А птица эта красивая, гордая, домовитая и верная своему месту.

— Рассказывай, рассказывай! Видел ли его парники?

— Как не видеть!

— И какие же они?

— Хорошие!

— Но послабей моих?

— Послабей, пожалуй!..

— Это понятно. Почва не та, и солнышко там другое!..

— Но очень хорошие!

— И это понятно. Иначе быть не может!

Мой рассказ о житье-бытье земляка собралось послушать не меньше полста человек. Никола Кушев предложил перенести беседу со двора в клуб животноводов, расположенный рядом. И мы последовали его совету.

…Некоторых прежних знакомых, однако, я не встретил. Звеньевой огородников Илия Атанасов Тодоров, Магеллан из Поликрайште, обогнувший весь земной шар, снова двинулся в путешествие. Но на сей раз недалеко — в Павликени, того же Тырновского округа. Попросили его окружные руководители помочь соседям, опыт свой передать. Переселился он на новое место всей семьей и работает мастером-огородником. Полтораста овощеводов из Поликрайште находятся на инструкторских должностях при кооперативах в разных районах страны. Село поистине стало кузницей огородников. Не застал я и Петко Владова, агронома с льняными кудрями. Перевели его в село Мартино, на Дунае, и, конечно, тоже с целью «поставить на ноги» овощеводство.

А в Поликрайште теперь не один, а одиннадцать агрономов, из которых семеро с высшим образованием. На животноводческих фермах работает 5 зоотехников, 2 ветврача и 2 ветфельдшера. Есть в кооперативе также свой механик.

…Через час в клубе начнется «планерка» бригадиров. И я,

пользуясь оставшимся у руководителей кооператива свободным временем, записываю в блокнот «главные цифры». Они куда многозначней тех, что были пять лет назад. Разросся и возмужал кооператив. Рост его, однако, нельзя измерить лишь количественным коэффициентом: увеличились урожаи, надои, настриги, общественные доходы, а значит, и трудодень. Этого сказать мало! Произошли большие качественные изменения в экономике кооператива, быте кооператоров, в культуре села. Темпы стали иными. Сама логика жизни переменилась: то, что пятилетие назад всякий здравомыслящий счел бы за фантазию, теперь приняло форму реального, обыденного плана, который выполняется и перевыполняется.

— Если сказать, что наш кооператив в первые годы был фабрикой по производству овощей, то теперь это крупный сельскохозяйственный комбинат, — рассуждает главный агроном, заместитель председателя ТКЗХ Спиро Спиров, человек «одного воинского призыва» с председателем, думающий и многогранный специалист. — Да, комбинат!..

Кооператив «Октябрьская победа» из года в год получает все больше продукции. Если в 1958 году его производство составило в денежном выражении 30 миллионов левов, то в 1959 году — 44 миллиона. Кооператорам пришлось на трудодень по 21 с половиною лева. Почти 8 с половиной тысяч левов достиг годовой заработок каждого трудоспособного. В нынешнем году кооператив производит на каждые сто гектаров пашни по 25 тонн молока, по 12 с лишним тонн мяса, по 42 тысячи яиц.

Прав Спиро Спиров, сравнивая свой кооператив с комбинатом. Не много таких промышленных предприятий, в номенклатуре которых можно насчитать полсотни наименований различных изделий. А кооператив возделывает 48 культур! Если же перечислить все виды выпускаемой им продукции, то к этому числу нужно будет добавить еще полстолько!

По-прежнему основной статьей общественного дохода кооператива остается овощеводство. За последний год оно принесло кооперативной казне 5 с половиною миллионов левов. Но на пятки овощеводам уже наступают виноградари. От них поступает 5 миллионов левов. Всего на полмиллиона меньше дают прибыли хлопкоробы.

Шестнадцать лет назад крестьяне Поликраиште и окрестных сел не сеяли своего хлеба. Они покупали пшеницу в Добрудже и Белой Слатине, тратя три четверти всей выручки от продажи овощей. Нынче кооператив, несравнимо увеличив против прежнего производство огородных культур, одним урожаем зерновых может обеспечить на три года потребности своих

крестьян. А площади под его полями не расширились. Они остались в дедовских границах!

Упреждая меня от «увлечения общими цифрами», Никола Кушев говорит:

— За пять лет, прошедших со времени вашего первого приезда, появились и другие показатели, которые рельефно характеризуют рост силы кооператива. Я имею в виду перемены в быту наших крестьян. Исстари каждая семья жила своей жизнью, своими достатками и нуждами, или, как мы любим выражаться, хлебала свою чорбу — одна погуще, другая пожиже. Теперь у нас общий котел, и суп в нем наваристей, чем домашний. В трех общественных столовых кормятся четыре тысячи кооператоров. Дети и старики пользуются особыми привилегиями. Создано восемь детсадов, трое детских яслей недельных и больше десятка дневных. Ребятишки в детских учреждениях и школьники пользуются бесплатным завтраком. Плата в яслях и садиках за обед и ужин взимается минимальная, скорее, символическая. Престарелые кооператоры, помимо пенсии, получают от нас регулярное пособие. Через полгода открываем дом для одиноких стариков. Захворал человек — ему начисляется по больничному листу семьдесят процентов его средней дневной выработки. Наши отчисления в социальный фонд превышают миллион левов в год. И вот что мне хотелось бы еще подчеркнуть. Во всем этом мы видим ростки нового, коммунистического! А корни этих ростков, конечно, крепкое, общественное хозяйство. Оно основа основ нашего расцвета!

Ростки коммунистического!.. Утро светлого дня!..

…Сколько же перемен произошло в Поликраište! Да еще таких разительных!..

Но когда мы вышли во двор, мне показалось, что ночь была такая же, как и пять лет назад. Вызвездилось чистое балканское небо. Вызвездилась мириадами электрических огней долина. И люди, что провожали меня, умолкли, то ли залюбовавшись половодьем света, разлившегося над родными просторами, то ли заслушавшись веселой песней высоких, молодых голосов, плывущей от села.

Но и песня была не та, что пели пять лет назад. Мелодичней, счастливей. И пели ее другие парни, другие девчата. Они были счастливей всех, кто когда-либо жил в «краю полей».

1960 г.

У истоков чугунной реки

Люди говорят, что горы — погреба земли, в которых лежат несметные сокровища…

Рисунок гор бесконечно многообразен, как световая гамма неба и моря… Холмистая гряда Большого Балканского хребта севернее Софии представляется тесным нагромождением погребов с покато срезанными крышами, словно бы высеченных в граните давно покинувшими Землю циклопами.

У подошвы одного из холмов разместилось село Кремиковцы. А над ним светится луковицей купол средневекового монастыря, который грудью крепостных стен выстоял против турецкой неволи. Ныне это исторический памятник…

Судьба села походит на судьбу человека. Родилось оно в скудном краю Софийского поля. И назвали его Кремиковцы. То ли потому, что местность кремнистая, то ли потому, что поблизости люди промышляли охру, большая примесь лимонита в которой давала ей кремовый отлив. Росло и прозябало село в безвестности. Знали его, как знают бедняка-горемыку, лишь ближние соседи. Не с чего крестьянам было забогатеть. Угодья в округе были гиблые не только для землепашества, но и для скотоводства: пшеница родила — от колоса до колоса не слышно голоса, пастбища, что тырло, — плешь на плеши. Ржа жгла корни злаков и трав. Когда селяне рыли колодцы и погреба, они примечали, что чем глубже, тем желто-ржавый цвет грунта сгущается.

Полвека назад заезжий землемер, первый ученый человек, объявившийся в селе, сказал, что такой «спектр» почвы, несомненно, свидетельствует о залегании железных руд. Слух об этом волною докатился до Софии. Жадные предприниматели наперегонки ринулись застолбить участки. И зазвенела лопата о каменную грудь горы. Зазвенела, но скоро смолкла. Не нашли предприниматели того, чего искали. Лопатой-то глубоко не копнешь, широко не возьмешь!

— Рождение Кремиковского бассейна было мучительным и долгим, — рассказывает мне начальник управления геологических разведок академик Йовчо Йовчев. — Я имею в виду, разумеется, не его генезис, не сам процесс образования руды, а открытие месторождения. Царское и фашистское правительства не субсидировали для разведки ломаного гроша. В первые годы народной власти в окрестностях Кремиковцев появились буровые треноги. Но они «сбились в пути» и вернулись ни с чем. Мнение ученых раскололось: одни утверждали, что

месторождение не стоит выеденного яйца, другие — что оно «золотое яичко», которое, однако, трудно «разбить». В зависимости от того, какое мнение брало верх, изменялся пейзаж Кремиковцев: буровые треноги то уходили, то возвращались.

Наконец в 1953 году они нахлынули сюда гурьбой. Победитовые и алмазные коронки буров наконец нащупали мощный пласт железной руды. Пласт длиной в тысячу семьсот метров, шириной в шестьсот метров и толщью в центре рудного тела до двухсот шестидесяти семи метров. Было пробурено пятьдесят восемь километров скважин для того, чтобы оконтурить и «взвесить» месторождение. Оно оказалось действительно «золотым яичком». Промышленные запасы железной руды были определены в 258 миллионов тонн. Крупнейшие залежи на Балканах!..

Безвестное имя Кремиковцев быстро стало в один ряд с именами Димитрово, Димитровграда, Кырджали, Пирдопа-Златицы!.. Оно засияло и загремело на всю страну!..

* * *

Волнующе интересно стоять у крохотного, сверкающего алмазами истока реки, которая через сотню или тысячу верст развернется широким привольным плесом, отразит в своей глубине небо, леса и долины, понесет пароходы, закрутит турбины электростанций. А какое чувство охватывает сердце, когда стоишь над утлой, как лодочка, колыбелью ребенка, начинающего свою жизнь, которая через два-три-четыре десятка лет разольется могучей рекою!..

Похожее переживает человек, видя начало огромной стройки, рождение гиганта. Это чувство никогда не затухает. И о нем взволнованно говорит мне Ангел Петырчев, начальник строительства Кремиковского металлургического комбината. Он стоял у «истока» Батакского гидроузла, провел тысячи строителей до его «устья». Это был тяжелый и славный путь: в дебрях Родоп рождались новые русла, менялся первозданный лик гор. И новый могучий поток хлынул в море электроэнергии, заливающее родину. Батак — главная стройка второй пятилетки, самый большой каскад электростанций на Балканах. Он навсегда останется гордостью народа. Но понятие величины в социалистическом государстве стареет многократно быстрее людей одного поколения. Главная стройка третьей пятилетки — Кремиковский металлургический комбинат — это по объему капиталовложений семь Батакских гидроузлов. Из его доменных

печей потекут потоки, которые образуют чугунную реку, катящую почти три миллиона тонн металла в год!

— На наших строительных площадках пока что мало простора, — смеется Петырчев. Смех у него заразительно веселый, по-детски откровенный. Помнится, что-то подобное он говорил мне шесть с лишним лет назад, стоя у «колыбели» Батака. И так же смеялся. Но тогда меньше морщинок собиралось вокруг его больших, широко открытых глаз и меньше белого инея лежало на голове. — Мы роем котлованы для фундаментов, вгрызаемся вглубь, чтобы взметнуться вверх. Техника прибывает всякий день. Впрочем, ею уже никого не удивишь. Что о ней писать, когда она описана! Главное — люди. А все остальное: и машины, и заводы, и спутники — дело их рук. Человек-гигант, гордость и знамение нашей эпохи! Человек-строитель!..

Прежде Болгария была одноэтажной. Дома́ да мосты строили. О заводах не помышляли. Фабричные трубы на пальцах одной руки можно было сосчитать. Первую пятилетку мы начали с горсткой специалистов и мастеров. А сейчас строители стали одним из ведущих отрядов рабочего класса. На лесах третьей пятилетки трудятся десятки тысяч инженеров, техников, квалифицированных бригадиров и рабочих. Это наша гвардия, атакующая высоты! Я назову вам десятки рабочих и командиров производства, чьи имена и дела достойны, чтобы о них узнали читатели «Правды». Прежде всего познакомьтесь с главным инженером Гюровым, приглядитесь к нему.

У Петырчева верный глаз. Я много раз убеждался в этом, встречаясь с ним прежде. Уж если он сказал, что такой-то человек заслуживает внимания, значит, этот человек достоин монумента. Людям с глазами, видящими душу людей и любящими человека всем своим сердцем, доверяет партия руководство ударными стройками, которые встают вехами на путях истории страны. Людям, видящим своим зорким оком не только в пространстве, но и во времени. Видящим воочию завтрашний день родины, лучезарный и радостный!..

* * *

Нет более утомительного занятия, чем ждать и догонять. Это старая истина, действие которой довольно часто приходится испытывать на себе нашему брату-корреспонденту.

В тот день я приехал на стройку в девятом часу утра. Кабинет главного инженера был пуст. Оказывается, в восемь началось производственное совещание, которое проводится всякий

понедельник. Проходит час-другой… Наконец дверь кабинета начальника стройки распахивается. Выходят руководители строительных районов, участков, работники главков. А главного инженера не видно.

— Вам Гюрова? — спрашивает Петырчев. — Он на площадке. Нужно же кому-то работать, когда идет заседание. — Лицо его расплывается в улыбке. — Правда, мы заседаем раз в неделю. Хотя и основательно!..

…На котловане под фундамент ремонтно-механического завода сказали, что Гюров заезжал утром и что сейчас он, по всей вероятности, на автобазе или у экскаваторщиков. Однако и тут и там его следы уже простыли. Догонять легче, чем ждать, особенно по дорогам строек. Еще три дня назад между селами Бутунец и Кремиковцы стелилось голое поле. А теперь стоит целый поселок — не меньше двадцати домов. Это рабочие общежития. Их собирают из железобетонных панелей.

— Может быть, Гюров где-то здесь? — спрашиваю первого встречного.

— Да, он в крайнем доме, в том самом, на который кран опускает крышу. Я только что оттуда!

С деревянных подмостков слезает, припадая на одну ногу, человек лет под шестьдесят, с кельмой в руке. Из-под козырька фуражки вопросительно глядят карие, чуть выцветшие глаза.

— Гюров, — протягивает он большую, сильную руку. И, лукаво прижмурив правый глаз, уточняет: — Григор Гюров!.. А вам, очевидно, нужен Делчо, мой сын, главный инженер!..

— Нет, — говорю я, силясь не выражать удивления, — именно отец-то мне и нужен, а потом, конечно, и сын!

— Меня-то легче застать на месте!

— Да, сын у вас не любит оседлого образа жизни!

— Род наш такой!

* * *

— Жизнь прожить — не поле перейти, — начинает повесть о своей жизни Гюров-старший. — Особенно если твое поле — всего полдесятины да на шесть ртов. Тогда приходится всю жизнь ходить чужими полями и дальними дорогами, наживать добро другим людям, как говорим мы, болгары!..

Гюровы родом из села Насалевцы, Трынского края, гористой западной части Болгарии. Край этот вошел в пословицу своим малоземельем, бедностью и золотыми руками мастеров. За последние сто лет его хижины дали родине много храбрых борцов

против турецкого ига и фашистского рабства — гайдуков и партизан.

Село примостилось в тесной, всхолмленной котловине, расположенной высоко в горах. В жестокой борьбе отстаивал свое существование крестьянин против нещедрой, суровой природы. Он дробил камни, очищая каждую пядь земли, носил на горбу за десятки верст навоз, чтобы удобрить ниву, распахивал крутые, как скаты крыши, косогоры и террасы, куда не вскарабкаться горному вездеходу — ишаку. Каменные лачуги села сгрудились на «пятачке», точно овцы в пургу: «Чем теснее дворы, тем шире пашня». Шире… Но чья? Кулака!

Малоземелье и голод душили крестьянина, гнали его в отход. А отходник без профессии — все равно что слепой без поводыря. С незапамятных времен в Трынском крае возникла школа строителей-каменщиков и штукатуров. Отцы учились мастеровому делу у своих отцов и учили ему своих сыновей, как только те становились на ноги и могли удержать в руках кельму и кирпич.

Но за землю отходник держался, употребляя его же поговорку, как вошь за кожух. Потому что каменщику не всегда выпадало счастье найти работу — мало что строилось в старой Болгарии, — а земля, хотя и засоренная камнем, все-таки что-то родила.

После раздела с братьями Григор остался на улице — без кола, без двора. Он поселился в чужой квартире, затаив где-то в кутке сердца страстную мечту стать хозяином. Жена растила детей и обрабатывала надел. Григор с «грачиной весны» и до зимнего первопутка скитался по Софии, Пернику и другим местам в поисках работы. Хорошо, если удавалось пристроиться в какой-нибудь артели на два-три месяца в сезоне. Его заработка заодно с урожаем с полдесятины не хватало, чтобы пропитать семью полгода. Григор брал кредиты в банке, потом у ростовщиков и заложил все свое имущество, кроме последних заплатанных штанов.

А ведь таких мастеров, как он, поискать да поискать… Кто пройдет мимо Театрального училища в Софии, мимо Офицерского клуба в Банкях и не остановится восхищенный, чтобы полюбоваться фресками!.. Их лепил трынский умелец, самородок Григор Гюров!

Мастер вскользь упоминает о пенсии, пора бы! Но хочется достроить Кремиковцы, сдать их своим детям и внукам. А потом можно и на покой. Он заслужил его у родины и у народной власти. Сорок один год кладет Гюров кирпичи. Со Дня свободы работал бригадиром на крупных стройках Софии и ее пригородов.

Имеет высокий разряд, под стать любому технику, воспитал сотни каменщиков и штукатуров. Но в Кремиковцах он рядовой рабочий.

— На семейном совете порешили: неудобно мне состоять бригадиром у главного инженера — сына. Семейственность получается!

И еще есть одна мечта, одна забота у старого Гюрова. Двоих сыновей он «произвел» в люди. Оба прошли большую трудовую школу и потом получили высшее образование. Делчо — главный инженер строительства на Кремиковском металлургическом комбинате. Иван — главный инженер Димитровградского химического комбината. Третий, Богдан, — руководитель 5-го района «Софстроя». У него среднее техническое образование. Отец хочет, чтобы и он стал инженером.

— Образование поднимает человека, он больше видит, у него шире горизонт!

* * *

Если бы скульптор задумал создать символическую фигуру «Труд», то, мне кажется, он должен был высечь из камня человека среднего роста, с покатыми крепкими плечами, с полусогнутыми в локтях руками, без богатырских бицепсов, но с чуть вздутыми жилами, — руками, словно бы без напряжения поднимающими огромный груз; человека с вдохновенным строго очерченным лицом, спокойным взором, в котором просвечивается внутренний огонь, с большим челом, полным мысли и решимости, и с еле видимой морщинкой усталости. Таков портрет и такова стать Делчо — сына Григора, простого, ничем не примечательного на вид человека, незаметно ворочающего глыбы.

Он начал свой жизненный путь тропою отца. К четырнадцати годам, закончив три класса второй ступени и не имея средств продолжать учебу, Делчо вместе с родителем нанялся в артель, строившую мост. Зимою, по возвращении в село, он батрачил на кулака-ростовщика, отрабатывал семейные долги, а вернее, проценты за долги. Подошла новая весна, и Гюровы снова двинулись в отход. Делчо, на радость отцу, оказался парнем смекалистым и хватким. Он быстро усвоил премудрости строительного искусства и был зачислен подрядчиком в равноправные члены артели. Старший сын честно, пополам разделил тяготы отца и матери по воспитанию младших детей и стал кормильцем семьи.

Революция сожгла в своем огне долговые кабальные векселя.

Гюровы за многие годы свободно вздохнули. Народная власть призвала Делчо в ряды армии. Командиры — бывшие партизаны и политзаключенные — раздули в нем теплящуюся с детства страсть к знанию. И он сел за книги. После демобилизации снова пришлось взять в руки кельму. Восемь часов на стройке, потом заботы по дому: матери одной не управиться. И у него еще хватало сил и воли, чтобы учиться. Каждый день, точнее, каждую ночь… В два года он экстерном сдает экзамены за четыре класса гимназии и поступает в политехнический институт.

…Разыскал я наконец Делчо Гюрова на полигоне железобетонных блоков. Сбросив рубашку, он заливал в переплетенные стальной проволокой фермы серую кашу раствора. Меня привел сюда Тричко Любенов, секретарь партийной организации строительной производственной базы, трынчанин, земляк Гюрова.

— Что же это, ребята, получается? — обратился он с нарочитой серьезностью к бетонщикам. — Главного инженера на черной работе используете!.. Или в кадрах у вас недостаток?

— Хорошая бригада, бетонщики высшей квалификации. Поэтому я и поступил к ним рядовым, — ответил шуткою Гюров.

— На практику, значит! — И, повернувшись ко мне, Любенов тихо проговорил: — Ежели он видит, что не так или медленно делается, ему мало сказать или объяснить. Нет ведь, руки чешутся. Берется сам показывать, как нужно делать.

Вскоре к нам подошел Гюров. Облачившись в рубаху, он «преобразился» из бетонщика в главного инженера.

— Ты рассказал товарищу об этой бригаде? — спросил Гюров секретаря парторганизации.

— Нет еще, ты расскажи!

— Стройка наша большая, — начал Гюров, — не только для масштабов Болгарии. Люди это понимают. И они, прежде всего коммунисты и комсомольцы, хотят стать как бы вровень с величиною стройки, подняться над всеми планами и графиками. На прошлой неделе у нас было открытое партийное собрание. Двое вон тех юнаков-бригадиров, которые сейчас перекликаются, сигналят друг другу по-моряцки, Ангел Босилков и Георгий Минкин объявили, что вступают в соревнование и будут бороться за почетное звание бригад ударного комсомольского труда. Хлопцы взяли высокие обязательства. Их нужно поддержать, чтобы идея ударного труда восторжествовала на всей стройке. Вот я и показываю им некоторые тонкости профессии. Строительная производственная база в настоящее время — та точка, опершись на которую мы сможем поднять всю стройку!

Делчо Гюров свел брови, углубив морщинку на переносице.

— Не меньшая, а может быть, большая наша забота — механизаторы. Их скоро потребуются многие сотни. Ядро у нас есть, здоровое, крепкое. Ветераны строек второй пятилетки дают за смену по две нормы. Мы открыли школу по подготовке экскаваторщиков, бульдозеристов, шоферов. Механизатор станет главной фигурой стройки. Человек, овладевший всеми премудростями техники, решает успех. Там, среди механизаторов, надо теперь развивать движение ударного труда! Хотите со мной поехать к нашим «казакам стальной конницы»? Не пожалеете!

Гюров глянул на часы:

— Время-то как бежит!.. Как вода в нашей горной речке! Только поспевай. А ведь его нужно обгонять.

Обгонять время!.. Это метафора. Но как точно, как реально она отображает сущность нового времени, содержание социалистической эпохи, ее темп, ее не знающий пределов созидательный размах!

Старая Болгария не лила своего чугуна, не плавила своей стали.

— За годы народной власти моя родина шагнула из каменного в железный век!

Эти слова принадлежат тридцатичетырехлетнему инженеру, юношей сражавшемуся за народную власть, директору Кремиковского комбината Ангелу Запрянову.

…Вдали, на дымчатом фоне Балканского хребта, вырисовывались ажурные «шеи» экскаваторов с «головами»-ковшами, то поднимающимися, то опускающимися, — словно пасущиеся стада жирафов. Наша «Волга» шла по карнизу длинного и глубокого котлована, напоминающего канал.

Будто это люди рыли гигантскими машинами русло для огненной чугунной реки. Люди с огненными сердцами!

1960 г.

Дьявольский камень

Гора Рила поднимается к небесам гигантскими ступенями. На одной из скалистых террас, в глубоком ущелье, пробитом бурлящим потоком Черного Искыра, приютилось село, носящее имя речки. В здешнем краю нет «удобной земли», чтобы посеять лукошко пшеницы. Поэтому мужское население издавна «делает хлеб топором и пилою», а женщины водят отары овец, прядут шерсть, квасят молоко, изготовляют брынзу, равной которой, наверное, на всей земле не сыскать.

За околицей села высится десятиметровая глыба гранита с четкими гранями и плоскостями, будто обтесанная и отполированная рукою человека. Горцы называют ее Дьявольским камнем. По древнему поверью, на тех местах, где ни дерево, ни былинка не могут пустить корни, где мху не за что уцепиться, живет дьявол.

На отвесной стене глыбы, обращенной к селу, под самым ее «карнизом», аршинными буквами написано: «Смерть фашизму!».

Минуя в канун Нового года Черный Искыр, я остановился на лесной просеке, неподалеку от Дьявольского камня. У самой дороги двое молодых здоровяков-дровосеков свежевали мачтовый ствол сосны. Поговорив с ними о том, о сем, я спросил, когда и кто написал на граните лозунг.

— История эта известная, — сказал русоволосый парнишка. — Но лучше, если вам расскажет о ней бай Иван.

Обернувшись в сторону бора, лесоруб сложил рупором ладони и прокричал, вернее, пропел звучным тенором по-тирольски:

— Э-э-э-эй, бри-и-га-ди-ир!

Дремучий бор, ущелья и скалы многократно повторили эхо.

Спустя десять минут я сидел на сваленной сосне рядом с чернявым, усатым богатырем, истинным сыном природы, каких, пожалуй, можно встретить только в горах. В нем было что-то былинное. И вышел он из лесу, легко играючи тяжелым топором на длинной рукояти, напоминающим старинное оружие — секиру.

— Вон там, — говорил богатырь раскатистым басом, протянув руку в направлении алмазной вершины Рилы, — под тем белым облачком, на седловине, что кажется отсюда не больше ласточкина гнезда, мы зарылись в землянках. Зима в долине была студеная, а на высоте двух тысяч пятисот метров над морским уровнем — почитай арктическая… О боевых операциях партизанам нечего было и думать. Снег лежал саженной толщей,

по маковку кизилу. Полицаи обложили нас в несколько поясов, заняли все горные села и хижины. Отряд самых что ни на есть отпетых головорезов-фашистов разместился биваком в полутора километрах ниже партизанских землянок и преградил единственную тропу, которая связывала нас с миром!..

Взявшись за конец рукояти и чуть приподняв секиру, бай Иван с силою вогнал ее в ствол сосны.

— Тяжко было нам, — сказал он и положил мне на плечо свою огромную ладонь, словно крепче стараясь убедить меня, что дело было именно так. — Сидели на голодном пайке. Разрывали снег, доставали из-под ледового наста мерзлую траву и варили из нее чай, чтобы не пить пустую воду.

Так подошел Новый год. Тысяча девятьсот сорок третий… С начала войны не было праздника, чтобы его не отметили партизаны, чтобы не преподнесли «подарка» фашистам. Но в ту новогоднюю ночь бушевала дикая пурга, ветер валил столетние сосны. Утихла Рила только спустя неделю, под рождество.

Как видите, бог не обидел меня мускулатурою. Был в нашем отряде десяток таких ребят, что могли один на один помериться силою с медведем. Собирает нас в самый канун рождества командир и говорит: «На вас, дети мои, надежда! Свой праздник нам не довелось отметить. Поздравим фашистов с рождеством христовым!..»

…Едва смерклось, мы встали на лыжи. Не обычные лыжи, а широкие, подшитые лосевой шкурой. Кроме автоматов и гранат, захватили с собою альпинистские снасти. Без них зимою сквозь Рилу не пробиться.

Шла в нашей группе дивчина. Стояна по имени. Кухаркой, прачкой и сестрой милосердия была она в отряде. Всю бабью работу, с которой пять мужиков не справились бы, одна выполняла. Надо признать, что бабы живучей нашего брата и голод они как-то легче переносят!..

Иван виновато, по-детски улыбнулся, как будто оправдываясь за грубое слово.

— К полуночи мы обошли сторожевой дозор и с тыла подползли к полицейскому биваку. Расположился он в котловине Сухого озера, защищенной от ветра и пуль естественным каменным брустверо м… Цепочкою залегли по самой бровке впадины, скрытые кустарником. Котловина перед нами лежала, как на ладошке. И что же, вы думаете, явилось нашим глазам? Подле казармы, на утоптанной, как тырло, площадке, горят костры и красуется елка, убранная, как невеста перед венцом. А вокруг нее скачут в бешеном хороводе и выкрикивают, а вернее, выгавкивают слова похабной фашистской песенки изрядно

хлебнувшие полицаи. По правде признаться, приморозило меня к елке; как голодный мальчонок, не мог отвести взгляда от коробочек с шоколадом и печеньями, от сосисок и кругов колбасы, которыми она была увешана. И вдруг я увидел, что среди этой снеди, точь-в-точь как виноградные гроздья, висят… противотанковые гранаты. Очевидно, зажравшимся полицаям не хватило рождественских игрушек, и они убрали елку в духе военного времени. Верно говорится, что на пустой желудок котелок варит лучше. Меня осенила смелая мысль. Смелая и озорная. Я передал команду по цепочке: «Взять на мушку противотанковые гранаты!» Будто сейчас слышу, сердце отсчитывает секунды… Одна, две, три… «Пли!»

Мой собеседник умолкает и в раздумье, сам, очевидно, того не замечая, охватывает ладонью рукоять секиры, вытаскивает ее стальное острие из ствола и снова с размаху вгоняет его обратно. И я думаю, что самый большой труд для этого человека — остаться без труда даже на час.

— Осколки противотанковых гранат успокоили навечно весь фашистский хоровод. А тех полицаев, что встречали рождество в казарме, мы отправили к богу уже своими руками. На их складе оказалась пара легких горных саней. Очень они пришлись нам кстати. Мы погрузили на сани оружие, боеприпасы, продукты и двинулись в обратный путь. А путь этот — я забыл вам сказать — пролегал мимо Дьявольского камня. Возле него, неизвестно почему, стояла бочка дегтя. Впрочем, рильские добытчики, нагнав в непогодь дегтю, часто оставляют его на целые месяцы, чтобы забрать, когда ляжет дорога. Прошли бы мы тут без следа, да Стояна остановила. Это у нее родилась идея написать на камне лозунг: «Смерть фашизму!» Лозунг, с которым шли в бой, побеждали и умирали советские солдаты, болгарские партизаны, наши братья и сестры. «Пусть же горит он над Рилою, — сказала Стояна, — как факел, и зовет людей вперед».

Быстро построили мы пирамиду. Внизу стоял я, наверху, пятой по счету, с кистью из лыка и котелком дегтя в руках — Стояна. Нарисовав восклицательный знак, который, как видите, побольше, чем рукоять моей секиры, она спрыгнула наземь. За нею последовали остальные. Я прочел вслух лозунг и сказал: «Что ж, произведение хотя и короткое, но убедительное!» «Как пулеметная очередь!» — добавила Стояна. Я глянул на нашу дивчину и будто врос в землю. Глаз с нее свести не могу!.. Вот ведь как оно в жизни случается!..

Прищурившись на солнышко, бригадир снова выдернул из сосны секиру и, то ли по привычке, то ли, чтобы отвлечься, попробовал большим пальцем ее острие… Потом, сложив

рупором ладони, весело и звучно, по-тирольски, пропел:

— Э-э-э-эй, хлопцы, нажмите!.. Быстрее кончим — домой раньше поспеем!.. Дома зеленая ёлка, краса-жёнка и милые детки ждут не дождутся!

Могучие жерла рильских ущелий, бездонные зевы пропастей несколько раз повторили его слова, разнеся их над белым простором, докатив до синей поднебесной вышины, как семнадцать лет тому назад они повторяли и разносили грохот кипевших тут смертельных битв за жизнь. За новую жизнь, ту, которая так буйно цветет нынче, за счастье держать в руках мирную секиру, рубить, чтобы строить, за народную власть, за право свободно хозяйствовать в родной Риле и на всей своей земле!

Когда эхо отгремело, Иван повернулся ко мне и, немного подумав, закончил свою повесть:

— Меня тоже ждут. Стояна ждет с парой птенцов — орленком и горлицей!.. Да, та самая Стояна!.. Она!.. Сколько времени мы воевали вместе, сколько встречались, говорили, улыбались друг другу, и ничего я за собою не примечал. А тут, на́ вот, у этого самого Дьявольского камня, посмотрел я на Стояну и увидел: нет на свете дивчины краше ее! Короче говоря, вскоре после той операции комиссар партизанского отряда именем грядущей народной власти скрепил наш брак!..

Улыбнувшись себе самому, будто невзначай, бай Иван проронил:

— Легкая была рука у комиссара!

— Значит, ладно живете? — спросил я.

— Как говорили старики, дай бог детям нашим!..

…Пусть ни дерево, ни былинка не могут пустить корня на этом камне, пусть мху не за что уцепиться!.. Но он возвышается над селом, как монумент свободы. Ни время, ни ливни, ни пурга не сотрут с него золотых слов, требующих смерти тем, кто ее несет, — смерти фашизму.

И хотя случайно, но глубоко символично, — когда были написаны эти два слова, у подножия камня родилась большая любовь, давшая жизнь новой семье.

1960 г.

Пламя

Горизонт был тесен. Его закрывали отвесные стены скал, башни вершин и колючая изгородь сосен. Солнце всходило позже и заходило раньше, чем в долине.

В каменной лачуге темно и сыро. Свет, пробивающийся сквозь слепое оконце, лежит на глиняном полу тощим снопиком выцветшей прошлогодней соломы.

Мать хлопочет у печки, кипятит липовый чай, который на селе зовут «бедняцким супом»: как-никак, не пустая вода, к тому же помогает от простуды. Хлеб кончился. Осталось несколько пригоршней муки. Если кто из детей заболеет, мать испечет ему лепешку.

Шестеро голопузых ребятишек в ожидании «супа» ведут «освободительную войну против султана», избранного по жребию. Одолев супостата, принимаются каждый за свое дело: старшие идут помогать матери по хозяйству, меньшие хнычут: «Мама, кушать!» Да́на взбирается на скамейку в красном углу «поговорить» с отцом. Он смотрит на нее из самодельной деревянной рамки неестественно серьезным и бесконечно родным взглядом. Отец в отходе, как и все сельские мужики: земли-то своей нет, чтобы ее обрабатывать. Каменщик он. Год в Турции, год в Греции кладет стены. На зиму возвращается домой. Привезет чувал, а то и два муки… Месяц семья ест досыта.

«Трудно отцу найти подходящее место, — слышала Да́на от матери. — Не принимают хозяева, бунтовщиком кличут, потому что в ильинденьском[59] народном восстании участвовал, знаменосцем был…» Рядом с карточкой отца — фотографии дядей, тоже каменщиков. А посредине — вырезанный из книжки портрет человека с большим лбом и ласково прищуренными добрыми глазами. Отец принес этот портрет в последнюю зиму. Да́на спросила: «Это кто? Наш родственник?» «Да, дочка». «Дядя?» «Нет, не дядя — отец!» «Твой отец?» «И мой и всех людей на земле, кто своими руками зарабатывает хлеб». «А разве так может быть, папа?» «Конечно, дочка». «А его зовут, как и тебя, папа, Ильей?» «Почти так же, как и меня, дочка. Его зовут Ильичем». «Значит, как и тебя!»

* * *

…Море. Нет ему ни конца ни края. Далеко-далеко оно сливается с небом, таким же синим и переменчивым. А там, за

морем, лежит земля Ленина. Да́на, сидя на берегу, часто думает: «Почему человеку не даны крылья?»

В горе и нужде детский ум взрослеет быстрее. Четырнадцатилетняя девочка уже знает, что в мире, где правят богатые, для бедных нет жизни. По многим странам ходил ее отец, искал кысмета — шального счастья. Переплыл Атлантический океан, долгие годы работал в Америке, жил впроголодь, откладывал по центу для семьи. А потом банк, в котором лежали его три сотни долларов, объявил банкротство. Так и возвратился он с тем, с чем уезжал, не считая загубленного здоровья. Семья переселилась на берег Черного моря, в Варну. «Хватит с меня цыганской жизни, — сказал Илья жене. — Покочевал. В порту всегда легче работу найти. Да там и партийная организация сильная. Поможет, ежели что!..»

Устроился Илья по профессии, каменщиком. И хотя семья, как и прежде, едва сводит концы с концами, все же Да́ну послали учиться в гимназию. Бедные люди знают цену учению…

В гимназии рассказывают ужасы о «большевистском рабстве». Граница закрыта на замок. Много разных цветных флагов над пароходами, бросающими якорь в бухте. Но нет красного. Откуда узнаешь правду?..

Вечером у отца собираются товарищи по работе, коммунисты. Приходят подруги Да́ны, друзья брата — все члены Рабочего союза молодежи. Когда старшие ведут особые разговоры, — остаются одни. Но большей частью беседа идет общая. Иногда в доме появляется человек, имени которого не называют. Тихим и, Да́не кажется, светлым голосом он читает вести, перехваченные по радио из Москвы. Молодые не смеют вздохнуть. Лишь Илья на правах хозяина время от времени комментирует: «Браво, братушки!», «Ай да наши!» Назавтра молодые разнесут новости среди сверстников в гимназии, в порту, на фабриках. Да́на поделится ими с пятеркой учащихся своего класса — членами ленинского кружка.

…1932 год. Вспыхивает забастовка в Софии. Сухим степным полымем она охватывает всю страну; бросают работу докеры, ткачи и каменщики Варны. В защиту требований пролетариата выступают прогрессивное студенчество и учащаяся молодежь.

Полицейские разгоняют демонстрации. Тех, кто несет плакаты и лозунги, хватают. Да́на попадает в дирекцию полиции. Ей делают строгое внушение и отпускают. А на следующий день в гимназии вывешивается список исключенных за участие в «политических беспорядках». Ее фамилия значится третьей.

Пришла беда — отворяй ворота. Мать, надорвавшись от забот и голодовок, тяжело заболела и уже не поднялась. У отца после

забастовки срезали заработок.

И Да́на нанялась ученицей на текстильную фабрику.

Она член окружного комитета Рабочего союза молодежи. На нее возложена задача вести политическую пропаганду и организаторскую работу среди ткачих.

Девушка, от природы общительная, заводит сотню подруг и, руководствуясь острым, как инстинкт, классовым чувством, отбирает из этой сотни десяток надежных товарок. На фабрике начинается массовое увлечение чтением. Ходят из рук в руки книжки с пестрыми, кричащими обложками бульварных романов. А в них вплетены произведения Ленина, призывы БКП, листовки Варненской партийной организации…

* * *

Женщина пишет. Кругом тьма. И только маленький, словно разграфленный в клетку, квадратик света падает на ее склоненную чернокудрую голову и колени. На коленях лежат две раскрытые школьные тетрадки. Карандаш в пальцах женщины движется быстро, едва уловимо, как челнок ткацкого станка, оставляя на листе каллиграфическую стежку букв. По временам ее взгляд дольше задерживается на тетрадке, с которой она переписывает. И тогда на высоком белом лбу, рассеченном у переносицы восклицательным знаком шрама, собирается паутинка морщинок. Теперь она похожа на ученицу, силящуюся решить трудную задачу. Но вот улыбка смахивает паутинку у шрама, и на клеточный лист тетрадки снова ложится тонкая вязь строк.

Мертвая тишина… Вдруг женщина, словно птица, прикорнувшая на ветке, одной ей ведомым чувством услышала приближающуюся опасность; она вскинула голову и поднялась. Ни звука, ни шороха. Проворным движением женщина нажимает пальцем на ровную, гладкую стену, и, точно по мановению волшебного слова, оттуда выходит камень. Она молниеносно складывает внутрь открывшегося «грота» тетрадки, карандаш и водворяет камень на место.

Слышатся шаги. Четкая, все усиливающаяся поступь кованого каблука, и между нею и ее эхом — шарканье усталых, больных ног. Громыхает железо, падают засовы, открывается тяжелая дверь. В камеру вваливается и падает пластом на каменный пол обмякшее тело. Лязг засовов. Удаляющийся и наконец замирающий в глубине каземата стук кованых каблуков.

— Жива, Даша? — склоняется чернокудрая женщина над

недвижно лежащей подругой.

— Жива, Да́на.

— Кости целы?

— Кажется, целы!.. По рукам били изверги. Глянь, пальцы, как вареные сосиски, раздулись… Огнем горят…

— Я сейчас сделаю тебе компресс… Тут воды полкружки осталось.

…Снова гремят железные шаги.

— Это за мной, — говорит, туго сводя брови к переносице, Да́на. — Тетрадки на месте!..

Даша считает секунды, складывая их в минуты. Долгая тишина гнетет, разрывает сердце. Значит, там изощряются в пытках.

Минует час, два… Наконец Да́ну приводят… Здоровенный орангутанг-страж вбрасывает ее в камеру. Женщина, покачнувшись, падает, и по каменному полу звенит железо.

— Заковали в кандалы, Да́на?

— Косы рвали, сволочи! Глаза от крови слиплись. Отдери кусок рубашки — перевяжи голову!..

— Очная была?

— Очная… Да пусть они меня по суставам разрежут, все равно слова не добьются!..

— Гады! Неужели и их родили женщины?

…Желтый квадратик света потускнел, вытянулся в пучок, потом в линию и погас. Солнце ушло за каменную стену каземата. Черная мгла глыбой заваливает решетку. В камеру, где лежат на соломенных тюфяках две избитые подруги, входит единственный тюремный врач — сон… Он облегчает их страдания, возвращает им силы.

После утренней поверки и сунутой под дверь жестяной чашки пустой баланды в коридорах воцаряется тишина. Стараясь не звенеть кандалами, Да́на достает из стены тетрадки.

— Попишем?!..

— Пальцы не могу согнуть, чтобы удержать карандаш… Да и ты повремени… «Браслеты» мешают!

— Когда разотрут руки до костей, тогда труднее будет!

Даша не перечит: знает характер своей подруги. Но она знает и гораздо большее. Такое, о чем самой подумать страшно… Стояна осудили на смерть. Вчера товарищи передали ей это «азбукой Морзе на зубах». Полицаи еще не разгадали новой хитрости политических заключенных. Стучит человек челюстями, зуб на зуб не попадает — вроде бы от боли, от холода, от страха, — а получаются точки, тире, точки, тире, слова, фразы!.. Стоян — муж Да́ны. И человек золотой и коммунист стальной.

Вел политическую работу в порту, в армии. Куда его только не бросала партийная организация!.. Они познакомились и полюбили друг друга, Стоян с Да́ною, в тюрьме. Потом их освободили по амнистии. У них родилась дочка. Маргаритой назвали.

В первые дни Великой Отечественной войны партия мобилизовала все свои силы на битву против фашизма. Звездами затеплились партизанские костры в горах. И, как звезды, не потушить их было фашистам, не достать пулею и снарядом. Но самых бесстрашных партия оставила на «Большой земле». Они воевали в одиночку, в самом логове врага, были «сигнальщиками партизан», их ушами и глазами. Не дремало, однако, и око полиции. Синешинельные легавые ходили по их следам. Да́ну, вероятно, осудят лет на пятнадцать; значит, сидеть года два, от силы — три, потому что придут братушки, затворы рухнут, и наступит свобода!.. А Стоян не доживет до того красного дня. Его повесят завтра-послезавтра на заре… Ты вынесла молча изуверские пытки, побои, пинки кованого сапога в живот… Душа твоя не сломилась… Вынесешь ли ты и этот страшный удар, многострадальная милая подруга?

Женщина в кандалах садится под решеткой и открывает обложку школьной тетрадки. На первом листе каллиграфическим почерком выведены слова: «В. И. Ленин. „Что делать?“».

* * *

Что делать? Этот жгучий вопрос поставила перед нею, перед ее другом-мужем, перед ее подругою жизнь. История поставила этот вопрос перед рабочим классом и всем трудовым народом земли. Ленин сказал, что делать. Победа Октября 1917 года подтвердила великую правоту его мысли, положила начало новой эре в жизни человечества.

Сыны и дочери трудовой Болгарии сражались за торжество этой жизни у себя на родине. Коммунистическая партия, вооруженная могучим оружием ленинизма, вела их на битву. Воины партии учились у Ленина стратегии и тактике революционной борьбы, черпали из сокровищницы его учения ответ на каждый вопрос организации партии, развития политического сознания масс, укрепления кровных связей с народом. Они учились у Ленина героическому служению своему делу, науке побеждать. Ленинизм стал их гордым знаменем.

Фашисты жгли произведения Ленина на кострах, запрещали их под угрозой казни. Но их тайно печатали в типографиях,

переписывали от руки.

Переписывали в каменных застенках, переписывали в партизанских землянках.

Ленин давал коммунистам веру в победу, силу в трудных испытаниях, волю молчать, когда жгут каленым железом. Враг знал это. В тюрьмы и лагеря были брошены десятки тысяч членов партии, комсомола и сочувствующих. Режим заключенных был чудовищно жестоким. Но слово Ленина, несмотря ни на что, звучало за железными затворами, сотрясая их. И юноша или девушка, осужденные за участие в маевке или расклеивание листовок, не читавшие еще ни строчки ленинских творений, проходили в тюрьме курс марксистско-ленинского университета, становились коммунистами.

Власти очистили несколько казематов от «стариков» и набили «зеленой молодежью», чтобы «изолировать их от ленинизма». В числе этих казематов был и Варненский. Однако неведомыми для полиции путями труды Ленина в рукописных изданиях проникали и сюда сквозь тюремные решетки, через колючую проволоку.

На одной из десятка тетрадей с произведением «Что делать?», пересланных в Варненский каземат из Софийского централа, первые главы были написаны каллиграфическим почерком, а конец — каракулями. Только опытный графолог мог бы определить, что все же это — дело одного человека. Последние страницы писала Да́на Мурданларская, когда ее руки были закованы в кандалы.

* * *

Глубокие раны заживают, а шрамы остаются на всю жизнь. Но такими шрамами гордилась бы и сказочная царевна.

Смотришь на нее, и чудится: какая воля может быть заключена в одном человеческом существе, какой сгусток энергии сконцентрирован в обыкновенной на вид женщине! Не природою ли, не отцом-матерью ли дано ей это? Да ведь она не единственная и не одна из миллиона. Их, под стать ей, были в Болгарии тысячи. Ключ не в природе. Великая идея родила таких людей, ленинизм!

…Восставший народ 9 сентября сорок четвертого года разбил тюремные ворота, выломал решетки. Тысячи дружеских рук вынесли узников на свободу.

Да́на вернулась под отчий кров, обняла дочку, выплакала слезы, что скопились за долгие годы в каменных застенках и которых ни враги, ни товарищи не видели.

На улицах, на площадях кипели людские волны. Героиня, вдова героя каплей влилась в эту волну. Рабочий класс праздновал победу. И она дышала полной грудью воздухом нового мира, того мира, который создал в ее сердце и разуме Ленин, мира, за который сражалась не на жизнь, а на смерть.

Наступили будни ломки старых и становления новых устоев. Как и прежде, коммунистическая гвардия держит передовую линию, командные посты революции. Да́на Мурданларская работает народным судьею, ее избирают членом бюро Варненского обкома партии, в период национализации она директор фабрики, потом инспектор Центрального совета профсоюзов.

Страна идет по ленинскому пути. Крестьяне объединяются в трудовые кооперативно-земледельческие хозяйства. Рабочие строят заводы, создают современную отечественную индустрию.

Какое же следует избрать место в новой жизни, чтобы принести наибольшую пользу обществу, чтобы сполна отдать родине и партии свои силы, способности и жар сердца? — задумывается коммунистка Да́на. Окончательная победа нового строя, предвозвещал Ленин, будет в конце концов решаться на экономическом фронте. Значит, нужно учиться хозяйствовать, постигать глубины и широты науки и техники. Снова мысль Ленина определяет ее судьбу.

Может быть, и крепок гранит науки для женщины, когда за спиною больше трех с половиной десятков. Но у нее своя мера крепости. Да́на поступила в политехнический институт, на машинный факультет. По душе и призванию пришелся профиль. Сама увлеклась машинами и Маргариту сагитировала сдавать экзамены в политехнический… Вместе учились мать и дочь, обе на «отлично»!

* * *

…Завод металлорежущих машин. Из открытых ворот цехов вырывается в залитый весенним солнцем двор «металлическая симфония» тысяч инструментов. В ней есть и свой ритм и своя тональность, чарующие сердце инженера, создающие ему настроение, стихию, в которой он мыслит, творит. Я вижу это по глазам, по улыбке Мурданларской, старшего технолога завода.

На бетонной дорожке ровным рядом сложены ящики размером в железнодорожный контейнер. Черной тушью отливают выжженные на белых досках разноязычные адреса: Сирия, Китай, Турция… И под ними три слова: «Сделано в

Болгарии».

— Сделано в Болгарии, — задумчиво говорит Мурданларская. — Не рало сделано, а современный быстрорежущий станок… Прежде-то мы даже плуги ввозили, да что плуги — булавки!..

Она пришла на завод в те дни, когда партия провозгласила лозунг ускоренного экономического развития и призвала трудящихся — каждому на своем посту — присмотреться, вдуматься и помочь в изыскании и раскрытии неиспользованных резервов производства. Ей, молодому специалисту, еще недоставало практического опыта. Но у нее была за плечами большая жизненная школа работы с людьми, знание той науки, которая дает крылья специалисту любой отрасли, умножает его опыт.

— Где искать резерв для разгона, для новых темпов? — говорит старший технолог. — В повышении производительности труда — самом важном, самом главном звене… Этому учит Ленин. Одному человеку или небольшой группе людей многого не одолеть. Мы действовали всем заводским коллективом. Инженеры и рабочие воедино слили свои мысли, предположения, проекты. Пересмотрели технологические мощности каждого станка. Большая, гигантская сила — раскрепощенный рабочий, свободный труженик! Он действительно, как предвидел Ленин, творит чудеса. Вот только надо уметь по-ленински работать с людьми, учить их и учиться у них. В этом мудрость хозяйственника-руководителя! Подняв людей, мы выявили резерв, который позволил нам выполнить пятилетку на год и четыре месяца раньше срока!

Болгарская женщина-коммунист рассказывает о радостях своего труда, об успехах своего завода, о замечательных делах народа, что преобразовали лик и жизнь ее родины. Она говорит о Ленине. О вечной и всепобеждающей ленинской мысли, которая дала человечеству могущественное оружие для борьбы с капитализмом и насилием, для победы над ними и великую программу строительства новой жизни, руководство к действию на столетия вперед…

Она говорит:

— История знала много идей, ставших религиями. Все они внедрялись в умы народов огнем и мечом… Идеи Ленина, воплотившие в себе сокровенные чаяния людей труда, сами проложили себе путь через границы, моря, океаны и завладели умами и сердцами людей пяти континентов… Они пламенем охватили земной шар… Пламенем, что сжег на одной трети планеты старый, прогнивший строй, разогнал тьму и, как

незакатное солнце, обновил долины и горы, народы и государства… Ленинские идеи — в основе программы нашей партии, в ее повседневных делах. В трудах Ленина каждый коммунист находит ответ на любой волнующий его вопрос, находит совет и указание в великом и малом… Ленин — наше солнце, наша путеводная звезда!

Эти слова Да́на Мурданларская произносит прочувствованным, торжественным голосом. И они звучат, как гимн.

У шрама на высоком белом лбу расходятся морщины, и тихая улыбка одухотворяет лицо Да́ны.

…Ленин открыл ей и указал цель жизни, вдохновил ее, дал ей веру, силу, несгибаемую волю в борьбе и труде, дал ей счастье. Частица пламени, зажженного Лениным над миром, горит негаснущим светом в сердце, в разуме, в очах этой женщины, гвардии рядового Болгарской коммунистической партии.

1960 г.

На крыше Балкан

Впереди идут шестеро. Я седьмой. За мною еще двое. Сквозь чащобу дремучих сосен и елей свинцовыми циновками лег на снежную целину рассвет. Узкая, как рушник, тропинка, петляя, стремительно карабкается в гору. Мы растянулись цепочкой. Я вижу спину идущего впереди, а тот, что сзади меня, — мою. Идем, как солдаты, размеренным, ровным шагом, чтобы не выпустить переднего товарища из поля зрения, не разорвать звено цепочки. Иначе собьешься с пути и затеряешься в горах, как иголка в стогу сена.

До зари, часа полтора, мы шли «по голосу»: проводник каждые пять минут звучным молодецким тенором выводил тирольскую руладу и следующие за ним «по порядку номеров» повторяли ее, пуская «петухов» — кто по недостатку голоса и слуха, а кто за компанию. Наша вереница держалась плотнее. Серебряный месяц, «неначе човен в синім морі, то виринав, то потопав» за перевалами, и когда он потопал, становилось так темно, что тропы́ мы держались ощупью. Впрочем, наш проводник — студент филологического факультета Софийского университета Димитр — и с завязанными глазами не сбился бы с «курса».

Перед выходом из Боровца, курортного местечка в Риле, разместившегося на высоте около километра над уровнем моря, последнего пункта, куда можно добраться на транспорте, Димитр прочел нам пятиминутную лекцию о режиме, законах и обязанностях горного туриста. Но это было, к сожалению, после того, как я выпил стакан воды. А теперь я за свою непросвещенность жестоко расплачиваюсь: исхожу по́том. По совету Димитра снимаю ветровик, энергичнее машу руками, стараясь работать всем корпусом, и за четверть часа просыхаю.

Я иду уже «на втором дыхании». Но теперь самое трудное позади. Где-то в начале пути мои спутники, молодые люди спортивной закалки, взяли быстрый темп, и на крутом подъеме я чуть было не смалодушничал, хотел вернуться, чтобы не стать им в обузу. Но удержался, устыдился… Потому что в нашей цепочке шли две женщины, существа, по мужскому понятию, физически менее сильные, и главным образом потому, что одна из них — греческая партизанка, нашедшая в свое время приют в Болгарии, была мне ровесницей, да вдобавок еще хромала: десять лет назад вражеская пуля раздробила ей берцовую кость. Диву даешься, что за воля у этой женщины! Да, в огне закаляется не только сталь!..

Колонна наша интернациональная. В ней, кроме гречанки, —

двое русских, четыре болгарина и один араб — студент по имени Ахмед. Мы знакомы друг с другом всего три дня. Только Димитр — новичок. Он приехал в Боровец вечером накануне. За три дня мы образовали нечто вроде самодеятельной труппы. Каждый сообразно своему характеру избрал себе «амплуа». Заглавная комедийная роль досталась «по конкурсу» Ахмеду. И вот как.

Ахмед блестяще изучил за два года болгарский язык. Но говорил не на литературном языке, а на одном из его диалектов — «шопском», диалекте коренных жителей Софийского поля. Его сосед по комнате в общежитии быт родом из сельских предместий столицы. И Ахмед, человек общительный и одаренный отличным слухом, стал говорить по-болгарски прежде, чем усвоил грамматические формы. Естественно, что он до последнего нюанса скопировал говор друга.

Среди болгарских мужчин нередко можно встретить схожих по облику с Ахмедом. Поэтому и мог произойти с ним случай, о котором мы узнали в первые минуты знакомства. Ахмед сдавал экзамен профессору славянской филологии. Ответил он на все вопросы хорошо и даже продемонстрировал знание не предусмотренных программою первоисточников. Профессор вписал ему в зачетную книжку шестерку (высший бал), но после нее поставил минус. «Что выражает этот знак?» — наивно спросил Ахмед, указуя перстом на минус. «Он символизирует собою „шопские“ дефекты вашего прононса», — заметил в тон профессор. Студент не растерялся и обратился к профессору на своем родном языке, попросив его исправить минус на плюс: «Это же очень легко сделать». Профессор протер от удивления очки, рассмеялся и последовал совету Ахмеда. С той поры университетские друзья кличут Ахмеда «арабским шопом». Для иностранца такое прозвище стоит диплома с отличием!.. Это, так сказать, аттестат. А «заглавная роль» в веселой комедии нашего восхождения на Рилу досталась Ахмеду потому, что он неподражаемо рассказывал шопские и габровские[60] анекдоты. Из-за недостатка места я, однако, их опускаю в своем повествовании.

* * *

Горцы говорят, что без тренировки даже барашка не съешь. А подняться на гору, да еще такую, как Рила, — прогулка не из легких! Два дня перед походом мы специально разминали мускулы.

Позавчера наша группа преодолела несколько километров

пересеченной местности в черте Боровца.

Много в Болгарии красивых уголков. Но Боровец — истинная «райская куща». Он расположен в тесном ущелье, клином рассекшем Рилу. По крутым склонам и ложу ущелья растут гигантские сосны и пихты, текут быстрые студеные ручьи. Воздух чист, как вода этих ручьев, и напоен целебным смоляным бальзамом. Летом в тени бора веет прохладой. А зимой солнце «приходит» сюда в своем южном пылающем наряде так же запросто, как в свое время оно заявлялось в гости к В. В. Маяковскому. Кажется, что ты, сказав какое-то заклинание, попал в сказочный грот, сооруженный из алмазов и малахита, залитый серебром. Вековые сосны тянут к тебе мохнатые лапы в пушистых снежных варежках. Чуть свернешь с дорожки — и перед тобою лежит замысловатая вязь следов, оставленных на снегу неведомыми зверьками. Читай ее, переводи на человеческий язык! Тут фолианты, содержащие поэмы, драмы, комедии, трагедии, короче, — жизнь во всех ее вариациях. Сквозь узкие просветы между медными стволами иногда проглядывают белые стены красивых особняков, построенных в национальном стиле.

Прежде Боровец был царским урочищем, излюбленным местом отдыха и развлечений высшей знати и толстосумов. Жили в курортном посаде, конечно, и простолюдины, те, что выметали из дворцов и вилл мусор, оставленный сановными стопами. Царь и его сволочь (слово, обозначавшее на древнем славянском языке «свиту») обожали поохотиться в заповедной Риле на зверя. Они били затравленных егерями медведей, оленей, серн, диких кабанов, стреляли глухарей, тетеревов. Придворный обширный штат препараторов начинял им из трофеев чучела. Под каждым чучелом гравер запечатлевал на серебряной пластинке год, месяц, число, час и минуту, когда царственная рука уложила зверя или птицу. Народ решительно вымел из дворцов вместе с мусором царя и его лакеев, а чучела оставил. И теперь кунсткамера кое-чем дополняет историю. По ней можно, например, установить, что кобургский помазанник всю осень, зиму и весну проводил на охоте. Уставший от столь напряженного труда, летом он уезжал отдохнуть на Черноморское побережье, в свой знаменитый Евксиноградский дворец. Ума не приложишь, как это царь выкраивал время для державных дел! Ведь только для того, чтобы подписать указы о смертных казнях, — а он собственноручно должен был их подписывать, — ему понадобились бы недели: людей-то истреблялось в Болгарии больше, чем зверей. Есть историкам над чем призадуматься! (Я имею в виду историков по ту сторону социалистического рубежа, роняющих крокодиловы слезы по его царскому высочеству, пролившему реки крови.)

Теперь в старых и новых дворцах Боровца отдыхают настоящие хозяева Болгарии: рабочие, крестьяне, ученые, писатели, педагоги, певцы. В субботние и воскресные дни сюда стекаются тысячи жителей столицы. София связана с курортом широкой асфальтированной магистралью. Семьдесят километров — час с небольшим езды на автобусе. В Боровце раздолье для лыжников. На склонах Рилы проводятся республиканские и международные состязания по гигантскому слалому и скоростному спуску. От Боровца начинается разветвленная сеть туристских троп. А горный туризм в Болгарии, пожалуй, самый массовый вид спорта, увлекающий десятки тысяч молодых и старых. Даже иностранцы, приехавшие в эту чудесную страну долин и гор, заражаются «бактерией туризма», которая бродит потом в их сердцах и мускулах до конца дней земных.

* * *

Вчера мы ходили на Черные скалы. Это болгарская Пер ла Шез — стена коммунаров.

Черными назвали скалы давно. И не по внешнему признаку. Их имя связано с черными годинами жизни болгарского народа.

Пять веков Болгарию порабощали турецкие султаны и паши. Полтысячи лет башибузуки и янычары жгли, кромсали, заливали кровью цветущие долины, кололи мужчин и детей, брали в полон женщин, душили и резали горло, произносившее славянское слово, рвали крылья славянской песни, топтали душу народа. Но насилие не превратило болгар в рабов. Каждое поколение рождало новых борцов за свободу, новых юнаков, умножавших ряды гайдуков. В ответ на турецкую пословицу: «От мужчины родится мужчина» — болгары говорили: «У гайдука — сыны гайдуки!»

Горы испокон веков были колыбелью народных мстителей, крепостью гайдуков.

Непокорные, они уходили из долин в Стара-планину, Рилу, Родопы и Пирин — кто с кремневым ружьем, отбитым у турка, кто с секирою, кто с рогатиной… чтобы отомстить за праведную кровь.

Говорят, один в поле не воин. Но в горах и один гайдук выходил победителем против сотни турецких головорезов. Время от времени паши, начальники вилаетов,[61] бросали для прочистки гор и лесов крупные подразделения регулярной армии. Вооруженные до зубов турки поднимались по гайдуцким тропам до Боровца, или Джамкурии, как они называли эту местность.

Гайдук живым врагу не сдавался. Лишь смертельно раненый, потеряв сознание, порою попадал он в лапы турок. И тогда для него начинался страшный суд, перед которым бледнели муки апокалипсического «страшного суда», предрекаемые грешникам фантазией христовых пророков, бледнели муки Дантова ада. После жестоких физических измывательств, пыток, вспарывания живота, гайдука, еще живого, тащили на Черные скалы.

Болгарские фашисты позаимствовали многие средства, орудия и методы расправы из янычарского арсенала, модернизировав их и использовав последние достижения гестаповской техники. Тропа к Черным скалам не зарастала, утрамбовывалась и год от году становилась все шире.

…Вот она, болгарская Голгофа. До нее десять шагов. Десять шагов по узкому и горбатому, обледеневшему и скользкому перешейку, ведущему к лобному месту, которое, может быть, чуть у́же той плахи, на которой были четвертованы Степан Разин и Емельян Пугачев. Опираясь на остроконечные лыжные палки, мы осторожно преодолеваем перешеек и оказываемся на Черной скале.

Утренний морозный воздух прозрачен, как, наверное, прозрачно безвоздушное пространство. Глаз, привычный к восприятию окружающего мира в атмосфере на уровне моря, тут вдруг теряет чувство перспективы. Удаленные на десятки километров хребты, купола и шпили Рилы кажутся настолько близкими, что будто вот они рядом, только шагни, протяни руку! Да, они рядом. Уходящие в глубину, они представляются выстроенными в линию… И только по оттенкам цвета, медленно переходящим от желто-зеленого к густо- и светло-зеленому, затем в голубой, синий и темно-синий, ты чувствуешь эту глубину, расстояние, воспринимаешь перспективу.

Но нельзя ни шагнуть, ни протянуть руки!

Я стою словно завороженный и думаю о том, что мы, люди своего века, много и сердечно восторгаемся замечательными произведениями искусства и, увлеченные каждодневным водоворотом труда и событий, порою глядим слепыми глазами на то, что всегда было для художника натурою, вдохновением, — на матушку-природу. А ведь как она прекрасна! Ее истинной красоты и прелести ни словами пересказать, ни кистью воссоздать, ни на музыку переложить!

Солнце такое, что глянешь на него — и становится темно. Тьма света! А какие причудливые формы гор! Будто застыло пасущееся стадо фантастических животных. Вот-вот оно пробудится ото сна, и земля вздрогнет под его копытами… А краски! Неповторимые, живые цвета, меняющиеся всякое

мгновение, текущие, как река, волнующиеся, как море, и спокойные, как чистое небо. Их глазом не схватить, не запечатлеть и в памяти!

Упивайся изумительным вином красоты, хмелей! Оно рядом. Протяни руку, ступи всего один шаг!..

Но стой! Шаг — это твоя смерть. Шаг — и ты низвергнешься в пропасть. Шаг — и отвесная километровая стена. А внизу — их не видно — острые, как булатные ножи, гранитные камни. Скала вовсе не черная. Но она не бывает и белой, даже зимою на ней не задержится снежинка. Во все четыре времени года она одного цвета, как те хвойные леса, что лавиной сползают с противоположного покатого склона. Скала голая. Природа положила на нее скупые мазки своей палитры. Скала серая, как полотно художника, прежде чем он нанесет на него первый штрих. И на этом сером гранитном полотне видишь красные, червонно-золотые прожилки. Они напоминают подтеки крови. Словно бы это она, горячая кровь гайдуков, партизан, коммунистов, застыла на скале, выжгла на камне след, который никогда не смоют дожди, не сотрут ветры и снега́!

Мы долго стоим, не проронив ни слова. Те, на ком были шапки, сняли их. Кругом такая тишина, что наше дыхание звенит. Болгарин Мишо, человек моих лет, со смоляной шевелюрой юноши, ни к кому не обращаясь, говорит:

— Чудно-хубаво![62] — Эти слова выражают высшую степень восторга красотою. — Нет, они не были несчастливы, стоя последние мгновения своей жизни на краю этой скалы. Они видели неземную прелесть своей родины, за свободу которой умирали. Они три раза взошли бы на эту Голгофу, даруй им три жизни!..

И снова становится так тихо, что, кажется, слышен перестук наших сердец.

Осторожно балансируя и опираясь на лыжные палки, мы возвращаемся на «большую землю». Еще раз оглядываем гору, опускаем глаза в пропасть, где лежат непогребенными кости героев…

— Я иногда думаю, что нет на земле людей да и зверей более жестоких, чем поработители. Независимо от того, какой они национальности, в каком веке живут и топчут другие жизни, — произносит с жаром гречанка. — Они перенимают друг у друга систему угнетения, методику пыток, способы убийств и истребления людей, школу жестокости. И, видимо, чем современней цивилизация, тем более изобретательны и совершенны в своей дикости эти варвары. У меня на родине тоже есть Черная скала!..

Мы тотчас окружили плотным кольцом нашу подругу из той страны, где много солнца и где еще так много тьмы. В глазах гречанки горел огонь солнца ее родины. Ее голос жег:

— Я сражалась в одном партизанском отряде с моим братом. Храбрый был воин Анастасис. Это его имя. В наступлении всегда шел впереди, а когда приходилось сдавать позиции, отходил последним. Так случилось и в тот день. Мы оттягивались в горы… Анастасис прикрывал с двумя товарищами отряд. Автоматные очереди градом секли деревья. Ни ночью, ни утром другого дня никто из троих не вернулся.

Полицаи, по нашим данным, бросив преследование, спустились в долину. Командир партизанского отряда выслал на место боя разведку. Часы тянулись так медленно, как медленно идет время, когда у тебя тянут жилы. Наконец, разведчики пришли. Не одни… Они принесли на плащ-палатках два трупа. То были двое товарищей Анастасиса. Полицаи над ними так глумились, что опознать партизан стоило большого труда… Заскрежетали о каменистую землю лопаты… Над черною ямой грянул прощальный залп… Значит, думала я, Анастасио был ранен и в бессознании, но живым схвачен жандармами!..

Гречанка умолкла. Мне показалось, что неслышное рыдание перехватило ей горло. Глаза потускнели и налились тяжелым свинцовым гневом.

— И тогда-то во мне заговорил голос крови. Он затмил рассудок, сломил волю. Ночью, тайком от товарищей, я пошла вниз. Одно непреоборимое желание овладело моей душой, моей мыслью: найти брата, увидеть живым или мертвым. Мы ведь выросли сиротами. Он был мне единственным на земле родным человеком. Товарищи вовремя спохватились и поймали меня… За нарушение партизанской дисциплины я заслуживала жестокого наказания. Командир созвал коммунистов. Перед ареопагом отряда я должна была держать ответ. И вот он встал, командир наш, Алексис. Человек насколько душевный, настолько суровый… Говорят, глаза — зеркало души. У него они действительно были зеркалом. Глядя перед собою, он говорил, словно бы читая приказ: «У партизана есть верховный судия — совесть. Мы и передаем дело о твоем проступке этому судие».

Гречанка тихо улыбнулась, вздохнула, будто напряжением воли хотела развеять тяжелую мглу воспоминаний.

— Вечером в долину спустился наш связной. Никто, кроме командира и комиссара, не знал, с каким заданием. Я догадывалась. Или просто очень хотела, чтобы у него было такое задание. А через два дня в лагере появился новый человек. Его провели в землянку командира. Вскоре туда позвали и меня.

«Знакомься, — сказал командир. — Это наш товарищ Петрос…» Спустя час, я, Петрос и комиссар были в пути. Мы шли тропою, ведущей к Черной скале. У нас было по автомату, по паре гранат и по длинной, хорошо свитой веревке. В пути я узнала от Петроса о судьбе брата. Но жив ли он, или мертв, это мне предстояло увидеть своими глазами.

Связной отряда передал Петросу, законспирированному партизанами помощнику, имевшему доступ в полицию, задание — разведать, что с Анастасисом, и если он в руках полицаев, то помочь его спасти.

После нашего отступления полицаи праздновали победу. Петрос появился среди них в разгар пьяной оргии. Сориентировавшись в обстановке, он притворился, что и сам навеселе. «На радостях по случаю разгрома партизан выпил!» Полицаи, конечно, не могли смолчать, тотчас похвалились: партизана Анастасиса схватили! «Это какого же Анастасиса? — как бы невзначай поинтересовался Петрос. — Не того ли головореза из Салоников?» «Именно его!» «Быть того не может! — вскрикнул Петрос. — Да ведь у меня под лопаткой сидит пуля, пущенная его подлой рукой! Господа офицеры, господин капитан! Позвольте мне лично свести с ним счеты!» Пуля под лопаткой у Петроса сидела, но полицейская. Настигла она его год назад в ночной перестрелке.

Капитан было согласился. Но тут в разговор влез унтер-офицер с родимым пятном вполщеки. Оказалось, что Анастасис, отстреливаясь в последнем бою, будучи уже раненным, убил его брата, полицейского. «Я сам отправлю убийцу брата к праотцам, в распоряжение Харона! — ревел он от ярости. — И сразу бы это сделал, не отведи моей руки капитан!» «Но нам нужно сначала получить от него сведения об отряде», — оскалил зубы капитан. «Этому рта кинжалом не раскроешь!» — огрызнулся унтер. «Попытаем, а раскроет он или нет — все равно его ждет твоя пуля». «Неужели не жалко вам, господа офицеры, — пошел на новую уловку Петрос, — тратить на такого бандита свинец! Ведь умереть от пули греческого солдата — честь!» «Я и не собираюсь разряжать в него свой автомат! — ощерился унтер. — Как собаку, сброшу его с Черной скалы!»

План Петроса расстроился. Однако оставалась еще некоторая надежда, хотя и призрачная. Он попросил разрешения отомстить Анастасису за пулю под лопаткой хотя бы одним пинком. Капитан приказал полицейскому проводить Петроса в камеру. На счастье, полицейский был порядочно пьян. В спертом, вонючем воздухе камеры его потянуло на рвоту. И Петросу удалось шепнуть Анастасису: «Притворись обескровленным и обмякшим.

Будут ставить на ноги — падай. Тебя потащат к Черной скале. Сбрасывать будет унтер с родимым пятном на щеке. Они поставят тебя на зубец скалы. И тогда собери все свои силы, сделай прыжок на три шага влево, к елке, она там единственная. Под ней растут молодые сосенки. Прыгай сам. Ветви самортизируют. Метрах в пятидесяти под елкой есть терраска. Можно остаться живым. В одном случае из ста… Но можно!..»

Гречанка продолжала:

— На Черную скалу полицаи водили людей обычно перед сумерками. Петрос утверждал, что им не было известно о существовании терраски. Крадучись, мы подошли к Черной скале. Луна заливала ее мертвенным желтым светом. Выждали несколько минут. Не слышно было ни шороха, ни звука. Комиссар отделился от нас и неслышным шагом ушел в другую сторону. Вернувшись, сказал: «Никаких признаков засады. Можно действовать!» Мы быстро связали тугими узлами веревку, конец ее затянули петлею на стволе елки. Первым спускался Петрос. Спустившись, он дал условный сигнал. Следом за ним полез комиссар. Я сторожила наверху. Минуты тянулись часами. Потом веревка снова напружинилась, и скоро я увидела голову комиссара. Она была обнаженной. Мы молчали. И словно застыли в молчании родные горы. Снова условный сигнал. Комиссар и я тащили на веревке тяжелый груз, тело брата. Мужчины вдвоем донесли его на своих плечах до партизанского бивака.

За всю дорогу никто не промолвил ни слова. А когда встали перед командиром, комиссар сказал: «Он сражался, как солдат, до последнего дыхания. Там, на терраске, под скалою их было двое. Он и унтер-офицер с родимым пятном вполщеки. Пальцы Анастасиса железной хваткой держали горло полицая. Мертвый, он душил его!» Похоронили мы Анастасиса со всеми партизанскими почестями. Мужчины притащили с гор на могильный холм гранитную глыбу, а девушки и женщины принесли цветы, красные и белые. Была война; цветы мы дарили только мертвым!..

Тридцативосьмилетняя, седая женщина закончила свой рассказ. И мы посмотрели на нее другими глазами. Как на живую героиню, сошедшую со страниц бессмертных творений древних греческих трагиков.

Небо было зеленовато-голубого цвета. Но вдруг поднялся ветер и вынес из-за перевала черную тучу. И она вмиг закрыла солнце, а затем спустилась шатром на землю. Стало темно и сыро, будто в штольне. Вершины и перевалы, казавшиеся совсем недавно рядом, отодвинулись далеко-далеко и растворились за темным пределом видимости. Мгла скрыла пропасть под Черною

скалою — братскую могилу героев многих веков.

* * *

Конечная цель нашего похода — штурм вершины Мусала, самой высокой точки Балкан, поднимающейся на 2 993 метра над уровнем моря. Я говорю «штурм», имея в виду себя, гречанку и еще одного члена отряда, болгарина Мишо, партийного работника из города Русе, не признающего иного спорта, кроме рыбалки. Для молодежи же, идущей с нами, — это веселая, хотя и нелегкая прогулка.

Тропа становится теснее, а подъем круче и круче. Мишо, тяжело отдуваясь, интересуется дипломатически: «Сколько еще осталось пути до стратосферы?» Вопрос его по цепочке достигает проводника. Тот останавливается. Не снимая с плеч рюкзака, просит Ахмеда «вспомнить какой-нибудь анекдот». Ахмед блестяще исполняет «профсоюзное поручение». Молодежь громко и заливисто смеется: анекдот Ахмед рассказал новый, остроумный. А у нас с Мишо хватает сил лишь на улыбку…

— Хохотать нужно, товарищи! — призывает Димитр. — Смеяться от всей души и всем своим существом! Смех — это глубокое дыхание, которое очищает легкие от углекислоты и быстро восстанавливает силы!

Затем подзадоривает нас:

— Еще минут пятнадцать — двадцать крутизны, а там дорога скатертью стелется, словно в Дунайской равнине!..

Надежда, что скоро будет легче, нас окрыляет. Мы с Мишо — чего и сами не ожидали — предлагаем «более высокий темп восхождения». Димитр нас осаживает:

— Спешить ни к чему. Успеем!

Минует половина, три четверти часа, а тропа взбирается в гору все под тем же шестидесятиградусным углом. Но мы знаем, что тропу прокладывали люди, и у них тоже ведь не железные были сердца. Наконец мы выходим почти на горизонталь. Останавливаемся передохнуть. Петко, студент электротехнического института, идущий в нашей цепочке, философски замечает:

— Блаженны верующие! Ложь, как я теперь убедился, иногда бывает спасительной. Скажи нам Димитр после вопроса, далеко ли до стратосферы, что карабкаться предстоит еще целый час, мы бы подверглись губительному воздействию пессимизма! Душевный надлом лишил бы нас моральной уверенности в своих силах и спортивной устремленности!

— Аллах свидетель, что твоими устами, мой друг, глаголет истина! — произносит речитативом Ахмед. — И по сему поводу я предлагаю разумный совет: не сходя с этого места, полчасика прикорнуть и во сне перенестись на вершину Мусала!..

И он, не сгибая коленей, растягивается во весь свой двухметровый рост на снегу, белом, как свежая, чуть подсиненная простыня, и мягком, как перина из лебяжьего пуха.

— Ахмед, встать! — командует проводник. — Айда, ребята! Нет ничего коварней отдыха, когда впереди еще долгий путь, да притом труднее пройденного. Отдых расслабляет мышцы, сердце и психику. Вперед!

Приказы, призывы и назидания Димитр облекает в шутливую, нарочито напыщенную форму. И, может быть, в этом заключается их большая сила действенности. Шутка придает бодрость не только усталым, а даже раненым. Это, как известно, доказал сам Суворов. Меж тем сентенции проводника были полны смысла и спортивно-житейской мудрости.

Спустя четверть часа тропа приводит нас к огромной гранитной глыбе. Трехгранная, с острым верхом, она чем-то напоминает курень. На ней аршинными буквами было написано дегтем: «Миалов камик».

— Твой прапрадед расписался, Ахмед, — улыбается Димитр. — Шоп!..

На литературном болгарском языке следовало написать: «Михайлов камък», то есть «Камень Михаила». Жители Софийского поля звук «х» проглатывают, а «ъ» смягчают.

— Эрго, следовательно, не только я, но и мои предки покоряли вершины! — отвечает проводнику Ахмед на подчеркнутом софийском диалекте.

— Смелый и выносливый был этот человек — Михаил! — уже серьезно продолжает Димитр. — О нем и сейчас рассказывают в Риле легенды… Как в бурю не сбивался он с пути, как уходил от снежных и каменных обвалов, как один на один рогатиной одолевал матерого медведя.

— Да-а-а, богатыри не мы! — задумчиво, с завистью роняет Петко.

— Отчего же? — улыбается Димитр. — И среди нашего поколения богатырей по пальцам не пересчитаешь! Сколько их было, богатырей-партизан!.. А болгарские силачи-борцы!..

— Однако студентов богатырской закваски что-то мне, понимаешь, не встречалось, — не сдается Петко.

— Не в том кругу вращаешься, парень. Я, может быть, даже сегодня расширю твой кругозор. А теперь, друзья-туристы, гляньте сюда!

Еще раньше мы заметили, что у основания гранитной глыбы, в углублении, похожем на печь, лежит аккуратная пирамидка сухих щеп и дров, а из-под нее виднеется пожелтевший клочок газеты. Чиркни спичкой — и не пройдет минуты, как перед тобою запляшет веселый костер. Сколько тысяч раз он пылал в этом затишье, зажженный в студеную непогодь путником, гайдуком или партизаном! Скольким людям его огонь отогревал коченеющие руки и ноги, холодеющую кровь! На граните, точно загустевший деготь, наслоился толстый слой сажи.

— Человек, обогревшийся у костра, — говорит Димитр, — оставляет, уходя дальше, то, что застал. Он тушит и выгребает угли, собирает поблизости сухие щепы и дрова, складывает их в пирамидку. Таков незыблемый закон гор. Высший закон коллективизма: человек человеку друг!.. Вопросов нет?.. Значит, вперед!..

Бор поредел. Гигантские сосны сменило хвойное мелколесье. Все чаще выходим на поляны и прогалины. Ветер слизывает с них сухой снег, полируя до блеска гранитные скалы.

Своеобразна и неповторима красота гор. Когда смотришь на них с долины, то их линии и формы кажутся застывшими и неизменными, как на фотографии или картине. Совсем по-иному выглядят горы, когда вторгаешься в их пределы. Они становятся подобными штормовому океану. Остановишься, оглядишься и, несмотря на усталость, расстегиваешь чехол фотоаппарата: ты убежден, что никогда в жизни ничего подобного по красоте и фантазии застывшего движения тебе не доводилось и не доведется видеть. Но сделай десяток, два, три десятка шагов и снова оглядись. Волны хребтов и перевалов, провалы ущелий сместились. Перед тобою другое панно. И ты думаешь, ты уверен, что на этом месте, как в фокусе, собралась вся неповторимая прелесть земного мироздания. Мы идем, а вокруг нас поднимаются штормовые волны великого, тихого океана — Рилы.

Слева зияет пропасть, и тропка наша вьется по самому ее карнизу. Справа, в полукилометре, отвесная голая скала. Ветры, дожди и снега, солнце и морозы, словно тысячи каменщиков и скульпторов, вытесали на вершине скалы шпили, зубцы, пещеры. И нам представляется, что скалу венчает сказочный замок-крепость с гигантскими башнями, амбразурами, бойницами. Между подножием гранитной стены и тропою лежит широкая поляна — бурелом вековых сосен, дочерна обгоревших, груды разбитых и расколотых камней.

— Наденьте темные очки! — скомандовал Димитр.

Очки, разумеется, были у всех. В горы можно отправиться без компаса, но не без темных очков; иначе ослепнешь от яркого

света.

— Не напоминает ли вам поляна, — продолжал, немного выждав, проводник, — бранного поля… Битва только что закончилась… Видите, там, в глубине, фюзеляжи обитых самолетов, чуть ближе — корпуса сгоревших танков, а в той стороне — орудия с искореженными стволами!..

И действительно, будто живущие в замке гиганты разбили наголову осаждавшего их сильного и до зубов вооруженного врага.

— В сумерки, — сказал Димитр, снимая очки, — картина бранного поля развертывается перед вами, как живая. Но это восприятие человека второй половины двадцатого века. Наши предки не имели дела с современной техникой. Поэтому они, очевидно, и не назвали поляну Бранным полем. А дали ей имя Медвежья поляна. И неспроста. Тут, говорят, самое большое на Балканах медвежье городище. Ранней весной пробудившиеся от спячки, бурые рильские богатыри хороводами резвятся на солнцепеке. Они разминают мышцы, пробуют силу, ворочают глыбы, корчуют деревья!..

Димитр рассказывает о медведях, будто наблюдал за их жизнью и повадками в продолжение многих месяцев.

Михайлы Ивановичи, Анастасьи Ивановны и Мишутки любят понежиться на припеке и отдохнуть в прохладе. Лучшего места им трудно найти: поляна — настоящий курортный солярий с каменным подом, покато сползающим к юго-востоку, а рядом скала, изрытая, как сотами восковая рама, пещерами, в которых залег вечерний сумрак. Но, кроме отличных «жилищных условий» и «двора», медведей устраивает «приусадебный участок». Под боком никем не мерянные и никем не саженные плантации дикой малины. А эта ягода, вызревшая в горах, куда слаже той, что растет в долине! Нелегко ее брать Топтыгину: лоза колючая, шипы, точно пчелы, жалят, и вьется она по такой крутизне, что только пернатым к ней подступиться. Но медведь, утверждают в Риле, если ему шепнуть на ухо, что на луне течет медовая река в малиновых берегах, — он и туда залезет! Ловок косолапый лазить. Как альпинист, спускается и взбирается по крутым скалам!

— Ну что ж, подразним сладкоежек?! — подморгнул Димитр, закончив обозрение медвежьего городища. — Ахмед, Петко! Снимайте рюкзаки! Доставайте завтрак!..

У нас два рюкзака. Один через каждые полчаса кочует со спины на спину. А другой с начала пути несет Ахмед. «Когда он станет мне в тяжесть, — говорит, — сам сниму. Мне закаляться надо. Небось, за моего предка Михаила, в чью честь назван тот

„камик“, рюкзаки, то бишь торбы, никто не носил!» Ничего не скажешь, аргумент веский.

Петко расстегивает свой рюкзак и вынимает из него нейлоновый куль килограммов в пять весом. Сквозь мутную оболочку мешка сверкает морозной россыпью сахар-песок.

— Расставляйте пригоршни! — призывает Димитр. — Пригоршня — мера. У кого она больше, у того больше сердце, значит, и доза бóльшая требуется для восстановления нормальной жизнедеятельности. Медики всех континентов, кажется, сошлись на едином мнении: сердце человека по своему размеру соответствует приблизительно его кулаку. А кулаком называется стиснутая половина пригоршни. Не правда ли, врач? — И он обращается к русской женщине-врачу, идущей в нашей группе вслед за гречанкой.

Дорога веселее и легче, когда с тобой шагает веселый проводник. Каждый делает двумя пятернями «лодочку», а кто и «баржу». Димитр «загружает» пригоршни из куля до «бортов», приговаривая:

— Сухой песок — сухой паек. Чистые углеводы! Моментально впитываются в кровь. После второй пригоршни усталость испаряется, как лужа на экваторе!..

Мы едим, уподобляясь нашим давним предкам, не подозревавшим о возможности появления в быту сервизов. И тем слаще кажется сахар.

— А медведям, спящим рядом, в берлогах, снятся, наверное, сладкие сны, — глубокомысленно изрекает, перемалывая во рту сахар, Ахмед. — Пробудись они в эту минуту, клянусь аллахом, сожрали бы всех нас вместе с этим нейлоновым чувалом!

— Мишо бы не тронули, — отозвался Петко. — Понеже он пóтом пропах!

— Тебя тоже не стали бы есть, — спокойно парировал Мишо. — В тебе яду много. И Димитр ушел бы живым: бегает, как заяц!..

Семеро из нас довольно быстро насытились сахаром, а Петко и Ахмед уничтожили еще по колесу колбасы.

— Если не ошибаюсь, кто-то нынче утверждал, что перевелись на земле богатыри, — обращается к Петко и Ахмеду, сводя в улыбке седые дуги бровей, гречанка. — С таким аппетитом, как у вас, ел только Геркулес!

— И Крали Марко! — добавляют болгары, называя имя своего сказочного богатыря.

— Еще Илья Муромец и, наверное, Добрыня Никитич! — продолжают галерею богатырей русские.

— А теперь за мною, впе-е-ре-ед! — зычно скандирует

смеющийся Петко.

— Команду отменить! — выкрикивает Димитр. — В горах единоначалие должно быть столь же строгим, как на фронте. Слушай меня: оглянись назад!..

Мы повернулись и застыли, ослепленные чудесным зрелищем. В ущелье под нами клубились белые облака. Создавалось впечатление, будто в зеленых берегах ущелья, чем дальше уходящих, тем больше расступающихся, течет бурная, укрытая густою молочной пеной река. И там, за последним перевалом, у горизонта, она вливается в безбрежный небесный океан. Где-то на дне этой реки лежит Боровец. Над нами чуть сероватый шатер неба, словно сшитый из чисто выбеленных полотнищ льна. Уже без команды мы надеваем очки: яркий свет наступившего дня колет глаза. Кажется, что солнечный шар растопился и растекся, прорвав свою оболочку.

Минуем мостик, перекинутый через быструю рильскую речушку. Мороз в этих местах — ниже двадцати, а лед едва оторочил ее узким кружевом по берегам. Вода в речушке, густо-синего цвета. И даже глазом чувствуешь, до чего она студеная.

Тропа поднимается дальше ступенями в полтора-два человеческих роста. По ступеням взбираемся боком, как лыжники на крутую гору. Проходим мимо последних, редко разбросанных кустарников. Они будто вгрызлись в землю, отстаивая свое существование в борьбе с лютой стихией. Только мшистые их верхушки торчат из-под снега. Дальше простирается голая равнина.

— Полоса лесов позади! — оборачиваясь, говорит Димитр. — Перед вами… тундра!..

Каждые километр или полтора выше уровня моря — это новый растительный и климатический пояс. Теперь мы идем по «тундре». Правда, рильская «тундра» отличается от сибирской и рельефом и своим чуть ли не тропическим солнцем.

Но ветер гуляет по открытому со всех четырех сторон рильскому плато, на которое мы вышли, вольно, как в тундре. Снег лежит барханами. Они движутся. И тропа скрыта где-то под ними.

Теперь ведущий меняется каждые четверть часа. Он прокладывает след. На пересыпях его ноги проваливаются в снег по колено. Шаг замедляется. Все идут по стопам переднего, ступая в «скважины», сделанные его ботинками.

Из-за перевала справа неожиданно показывается гигантский пирамидальный хребет. Его вершина увита чалмою мглистых облаков.

— Мусала! — восклицает Димитр, останавливаясь. — Что-то

нахмурилась она. И кто бы это испортил ей настроение?

— Не волнуйся, товарищ командир! — улыбается Ахмед. — Клянусь аллахом, разведрится. Погода в горах подобна настроению капризной красотки!..

Снова подъем. Не крутой, но трудный. Ходьба по глубокому снегу сильно утомляет. Мышцы ног обмякли. Высота над уровнем моря перевалила уже за два с половиной километра. Воздух заметно разрежен. Дышишь, как выброшенная на берег рыба. Я, гречанка и Мишо останавливаемся каждые пять минут. Димитр советует:

— Медленно наполните до отказа легкие и быстро выдохните весь воздух, как это вы делаете кашляя. Повторите три-четыре раза!

Сколько же существует простых и мудрых средств от усталости! Но всемогущего лекарства, панацеи, нет. Силы на некоторое время возвращаются к нам. Но они все быстрее и чаще иссякают. На последних метрах подъема мы продвигаемся сцепленным строем. Второй ухватывается за конец лыжной палки, которую держит первый, третьего буксирует второй и так далее. Сильно уставших не только тянут, но и подталкивают. Поглядеть со стороны — веселая процессия!

Из-за бровки перевала показывается дымок, потом высокая труба, затем крыша, остроугольная, с отвесными боками крыша, какие делаются в Альпах и, наверное, повсюду в горах, иначе на них наслоится снег, и они рухнут.

Последний рывок — и мы стоим на площадке возле красивого двухэтажного дома. У входа прикреплена черная стеклянная доска. На ней сверкают зеркальные буквы:

«Хижина вершины Мусала».

Хижина стоит у подножия гигантской горы, вернее, горы на горе. Острый зубец ее, еле различимый в мглистом, бесформенном облаке, и есть вершина Мусала. До нее остается пятьсот метров по вертикали, а тропинкою — километра полтора.

Решаем сфотографироваться на фоне хижины. Группа размещается таким образом, чтобы не заслонить черной стеклянной доски со сверкающими на ней зеркальными буквами. Она выйдет на снимке в левом верхнем углу, как штемпель, удостоверяющий, что ты покорил Мусалу. Фотографируем по очереди. Отснявший становится в группу на освобождающееся место. Мишо передает свой фотоаппарат Ахмеду:

— Сними, браток! Я эту пленку, как свидетельство о рождении, буду хранить всю жизнь! Снимку могут не поверить, зная мою склонность к туризму. Подумают: очковтирательство, фотомонтаж!

— Услужи ему, Ахмед, — сочувственно пробасил Петко. — И постарайся так навести объектив, чтобы Мишо не вошел в кадр! Туриста следует отличать по его спортивному виду, пульсу, давлению крови и… по скромности, конечно. Я лично никогда не стану хвастаться, даже под старость, что покорил царицу Балкан!.. Тем паче показывать «интимные фотографии»!

…Из распахнутой двери вырвалось, застив глаза, белое облако пара. Мы гурьбой «за одним скрипом» вошли в хижину. Нас окружили тотчас потемки. Постепенно они стали таять, с глаз словно сползала пелена.

Мы огляделись. Посреди большой комнаты, или холла, стояла чугунная печка, а вдоль стены, у окон, — пять столов. Вокруг печки, на которой виднелся ведерный чайник, сидело несколько парней и девушек в лыжных костюмах… Одна девушка примостилась в дальнем углу, точно птица из чужой стаи. Она склонила чернокудрую головку над книгой. Но не читала. Это видно было по глазам, остановившимся на одной точке. Молодые да в компании никогда не грустят… А эти точна друга похоронили. Чтобы спросить, что случилось, мы еще мало были знакомы. Нетактично в таких случаях быть любопытным. Сняв ветровики, мы принялись за разгрузку рюкзаков и сервировку стола.

Парень в синем грубошерстном свитере, подбросив в печку два совка угля, поднялся. И чуть не подпер своею шевелюрой потолок.

— Айда, приятели, — сказал густым баритоном, обращаясь к молодым людям.

Все встали.

— А Стефка? — неуверенно вскинула на него большие карие очи тоненькая девушка, ставшая перед ним, как лозинка перед буком.

— Сегодня она с нами не пойдет! — тихо и твердо вымолвил великан.

Девушка опустила ресницы.

Не более чем через пять минут вся компания стояла, облаченная в походное обмундирование с полной выкладкой: рюкзаками, альпенштоками и веревками.

— Доброго пути, товарищи! — бодро и душевно сказал им Димитр.

— Благодарим! — хором ответили парни и девушки.

Соревнуясь в аппетите, мы «подметали» стол. (Эта фраза принадлежит Ахмеду.) Мишо ловко раскупорил бутылку коньяка.

— Только по глотку, — сказал Димитр.

Когда бутылка дошла по кругу до него, он немного подумал и

только лишь пригубил.

— В долине я человек непьющий. Но, возносясь к небу, иногда принимаю этот нектар. В аптекарских дозах, разумеется!..

— Оправдываться будешь на профкоме! — подкузьмил Петко.

Оставленная товарищами девушка вышла в коридор и скоро возвратилась с двумя ведрами, полными картошки. Потом она сходила по воду и, расположившись у печки, принялась чистить картошку. Дома, по всей видимости, этим делом ей не приходилось заниматься, сноровки у нее не было. Но чистила девушка картошку с завидным упрямством.

— Хочешь, красавица, помогу? — предложил свои услуги Петко.

— Спасибо, сама управлюсь, — серьезно ответила та.

— Я человек пока что неженатый!

— А я замуж не спешу… Выбор большой!

— Гордая ты, Стефка!

— Откуда знаешь, что я Стефка?

— Встретил я на своем жизненном пути трех гордых и красивых представительниц нежного пола. Всех их звали Стефками!..

Девушка улыбнулась.

— И все они не приняли помощи Петко в чистке картошки! — ехидненько констатировал Мишо.

— Всякий раз кто-то раньше меня успевал сделать это, — подтвердил Петко. — Проворных хлопцев много… Потому я и остался до двадцатидвухлетнего возраста человеком неженатым, кандидатом в закоренелые холостяки!..

— Горевать, другарю холостяк, преждевременно! — бойко и уже доброжелательно бросила девушка. — Стефок на болгарской земле не меньше, чем твоих тезок, Петко!.. Обратись в Софийское адресное бюро!..

Быстро знакомятся люди на тесных тропках гор, где трудно разминуться. И случается иногда, молодые, познакомившись, спускаются в долину вместе и идут по широким дорогам плечом к плечу всю жизнь.

Хижина — последний привал перед штурмом Мусалы. Отдохнувши после закуски, мы снова пускаемся в путь. Навстречу попадается десятка два лыжников. Это студенты софийских вузов, которые проводят на Риле зимние каникулы. Солнце покрыло их лица коричневой пленкой загара, а мороз — густым горячим румянцем. Снег улежавшийся, температура не слишком низкая, лыжи не скользят — летят… И мы смотрим на стремительно скатывающихся с холма лыжников с завистью, как, наверное, смотрят бескрылые на пернатых.

— Меня осенила гениальная мысль! — восклицает, останавливаясь, Петко. — У бога или людей, его сотворивших, недостаточно было, видимо, фантазии. Они придумали рай и ад. По их представлению, каждый добропорядочный человек должен стремиться попасть в рай. А что же рай собою представляет?.. Вечнозеленую кущу!.. Там нет Рилы, нет этих крутых снежных холмов, да и лыжной базы, по всей вероятности, не существует. Нет там этого воздуха, солнца и мороза! Так я понимаю?.. А если так, то я не согласен идти в рай!..

— Тогда смело греши! — посоветовал Ахмед.

— Погоди, Петко, скоро ты заглянешь в ад, — сказал Димитр.

Подъем становится все круче, а тропа извилистей. С двух сторон подступают пропасти. И вот тропа перестает виться. Перед нами тесный, взбирающийся в гору под 45-градусным углом, хребет, который напоминает дамбу или мост. Подниматься по этому хребту в зимнюю пору обыкновенному туристу рискованно. Но настоящие труженики гор позаботились по-братски о таких любителях восхождений, не вооруженных опытом и альпенштоком. Они вбили в гранит толстые стальные прутья и натянули трос. Держась за перила, мы цепочкой медленно покоряем последнюю высоту. Справа и слева в пропастях клубится и течет серая мутная лава облаков. Поскользнешься и, действительно, угодишь в ад. Но не так уж страшен черт, как его малюют… Трос крепок. «Дамба» — застывшая миллионы лет назад лава — прочна. И всем видна вершина. А когда цель перед глазами, то даже по крутизне легко взбираться!

И вот мы твердо стоим у тригонометрической вышки-треножника, возведенного на самой маковке Рилы на высоте 2 925 метров 40 сантиметров над уровнем моря. Точнее, на этой высоте наши подошвы. Какое-то время мы торжественно молчим. Но шутка, словно птица, не может долго томиться в клетке черепной коробки. Она так и просится на волю.

— В данную минуту я как-то особенно чувствую свое преимущество перед тобою, Петко! — говорил Ахмед, глядя сквозь черные окуляры сверху вниз на своего друга. — По меньшей мере на голову моя голова возвышается над твоею. Эрго, я в сей момент являюсь самой высокой персоной на Балканах!..

Петко делает кислую мину и простодушно, по-детски просит Ахмеда:

— Можно, приятель, я влезу на твои плечи?.. Ну что тебе стоит?!

— Ладно, карабкайся! — разрешает Ахмед, сгибая спину. — Чур только, после не говорить, что сидел на ишаке!..

Поудобней примостившись, Петко командует Ахмеду

повернуться медленно на 360 градусов и потом заявляет:

— Из нескольких десятков миллионов людей, населяющих Балканы, я имею теперь самый широкий кругозор!

— А как у тебя со зрением? — интересуется Димитр.

— Абсолютное!

— Но Белое море ты видишь?

Белым болгары называют Эгейское море.

— Туман мешает!

— А я его отсюда видел, — мечтательно говорит Димитр. — В одно раннее августовское утро. Воздух был чист, как…

— Как слеза младенца, — доканчивает фразу Петко.

Говорят, что и вправду в ясный летний рассвет с Мусалы глаз может достичь Салоников и синего Эгейского берега. Но сейчас морозно-облачная мгла застилает горизонт, и в пределах видимости лежат только горы. Белые купола, шпили, иглы Рилы. Крыша Балкан!

Чудесное, ранее неведомое чувство рождается где-то в глубине души. Будто, поднявшись на эту вершину, ты завершил нелегкую, интересную работу. А всякий доведенный до успешного конца труд приносит тебе, как известно, ни с чем не сравнимое удовлетворение! Это чувство превращается в радость, которая горячей кровью разливается по жилам, согревает тебя, прибавляет сил и уверенности.

На вершине, кроме нас, разгуливает еще десяток туристов, по внешнему виду — студенты. Пять человек в спецовках хлопочут у деревянных ящиков, сложенных штабелями подле небольшого капитального здания. Уже несколько лет на Мусале действует метеорологическая станция. И всякий раз болгарское радио, сообщая сводку погоды, заключает ее цифрою температуры на Балканском Памире. Недавно, по решению правительства, тут начала строиться астрономическая обсерватория. Здание ее уже готово. Теперь идет оборудование обсерватории.

Нам интересно поговорить с пятеркой отважных монтажников и астрономов, о которых столько необыкновенного писали газеты. Но они, очевидно, спешат использовать просвет в погоде, и им некогда даже между собою перекинуться лишним словом. Мы решаемся добыть право на интервью дипломатическим ходом: предложить свою помощь. Направляемся к ним… И не успев сделать несколько шагов, останавливаемся. Случилось то, чего никто из нас никак не ожидал. Димитр, наш замечательный проводник, закаленный, выдержавший множество трудных испытаний спортсмен, бледнеет, как полотно, и, медленно приседая, опускается на снег. Мы обступаем его, нервничаем. Но русская женщина-врач быстро

наводит порядок. Она приказывает Ахмеду, чтобы тот чуть приподнял Димитру голову, а сама считает его пульс. К счастью, у Петко оказывается походная аптечка. И ветеран фармацевтики — нашатырь приводит Димитра в чувство.

Румянец, проступивший вначале пятнами, скоро заливает все его щеки. Димитр поднимается и уже готов таскать ящики. Но врач категорически настаивает, не мешкая, спускаться вниз.

— Первый раз в жизни стряслось такое, — убивается Димитр. — И все из-за глотка коньяку!

Петко еще раз оглядывает застывшее в шторме снежно-пенное море гор и, став в позу декламатора, произносит экспромт в стиле гомеровских строк:

Мы вознеслися, о други, выше святого Олимпа,
Нам не хватает до бо́гов лишь лучезарного нимба!
Вращаясь на Риле в самых высоких сферах,
Сверху вниз мы глядим на Зевса и Геру!

— Да в тебе действительно есть божья искра! — улыбнулась гречанка. — Однако мои предки, насколько я знаю, не рифмовали гекзаметров!..

— Они, очевидно, не изучали основ поэтики, — заключил будущий инженер.

Потом кто-то вспомнил, что нужно отметить у дежурного спасателя альпинистские карты. Такие карты имеют тысячи болгарских юношей и девушек, увлекающихся горным туризмом. Покорив пять или семь главенствующих вершин своей родины, они получают звание альпинистов. Димитр такое звание заработал уже давно. Мы, иностранцы, остались вместе с ним ждать у спуска будущих титулованных покорителей гор. У Ахмеда карты не было. Однако он, не задумываясь, пошел с болгарами. И вернулся… с печатью, которая была поставлена в его студенческой зачетной книжке.

— Товарищ русский корреспондент, — обратился он торжественно ко мне. — Желаю дать тебе интервью. Запиши, пожалуйста. Ахмед, сын Мухамеда, и праправнук Аллаха, сдал сего дня самый трудный зачет. Ахмед воодушевлен, чувствует себя превосходно и дает обязательство в ближайшие годы покорить вершину Эвереста! Слава Ахмеду и Аллаху!..

Я записал интервью Ахмеда.

…Спускаться вниз куда легче, чем взбираться в гору. Только гляди не поскользнись!

Через сорок минут мы снова ввалились в хижину. Застали в

ней ту же самую компанию студентов за обедом. Парни и девушки перебрасывались фразами, из которых можно было догадаться, что они возвратились с тренировочных занятий по технике альпинизма.

Стефка сидела в центре стола, обручь с высоким парнем в синем свитере. Видно было, что в компании водворился мир.

Нас также ждал обед и ведерный чайник, заваренный букетом сорока горных трав. О нашей трапезе позаботился смотритель хижины Костадин Георгиев, горец славянского типа лет пятидесяти, сухопарый, но широкий в костях, давний приятель Димитра.

Перехватив на скорую руку, я оставил своих друзей, чтобы поговорить с баем Костадином. Время для беседы было, так как мы условились после обеда передохнуть два-три часика.

Горы полны необыкновенных событий. Почти каждое восхождение сопряжено с приключениями. В суровых дебрях природы человек попадает в такие «коллизии», которые не всегда придумаешь. При встрече с трудностями обнажается и выявляется его характер. Ярче светит доброта, любовь, сила; плохое же видится в гротеске. Случаются в горах драмы, а порою и трагедии. Теперь по всей Риле разбросаны дежурные гнезда квалифицированных спасателей. Трагедии стали явлением очень редким. А драмы в подавляющей своей части заканчиваются счастливой развязкой. Рискуя порою своей жизнью, спасатели быстро выручают людей из таких ситуаций, в которых, как говорят, «надежда остается только на бога».

Смотритель хижины — вожак спасателей. Поэтому лучшего, чем бай Костадин, собеседника, думалось мне, не сыскать. Однако он, почесав затылок, сказал:

— Ежели вам сообщить какую справку по конкретному случаю, это возможно… Что касается необыкновенных случаев, то их давненько не было. Жизнь проходит своим чередом. Вчера принесли из Боровца сто килограммов труб. Будем тянуть водопровод к хижине. Сегодня с утра сварил мазь для обуви. Специальную, по рецепту моего деда. Ни вода, ни мороз ее не берут!..

Приметив, очевидно, тень недоумения, мелькнувшую на моем лице, бай Костадин на минуту приумолк и вдруг светло улыбнулся:

— Э-ге, братушка, да тебе самый что ни на есть смысл поговорить с Константином. Он больше моего во сто крат расскажет! Парень молодой, да бывалый. А главное, он все происшествия в дневник заносит, и очень у него складно это получается! Сейчас я его покличу!..

Знакомимся с высоким парнем в синем свитере. Не знаю, как кто, но я каждый раз испытываю чувство радости, когда встречаю молодость, силу, красоту. Сказать об этом человеке высокий, это значит почти ничего не сказать. Он действительно саженного роста. Но сбит настолько пропорционально, что не кажется большим, хотя необыкновенная физическая сила так и пышет в каждом его движении. У Константина крупное красивое лицо с большими карими глазами. Цвет лица, выражение глаз настолько детские, непосредственные, что при первом взгляде где-то в закутке мозгов рождается мысль: в озорном настроении, наверное, была природа, когда этот человек родился на свет, и она «предназначила» ему богатырскую стать и детскую физиономию. Но эта мысль исчезает после первых же, сказанных им густым мужским баритоном фраз. Да и лицо его, когда он говорит, становится по-взрослому спокойно-серьезным. Во взоре — печать уверенности, которой светятся глаза побывавшего в схватках солдата.

Беседу начал я с обходного маневра. Спросил, по какому случаю попала в немилость молодежи такая милая девушка, Стефка.

— Стала жертвой собственного эгоизма, — прямо отрубил Константин. — Это был ее первый и последний подъем в горы!

Я, естественно, не мог понять смысла столь жестокого приговора и попросил Константина ознакомить меня с «обвинительным заключением».

— Все очень просто и очень неприятно, — пояснил Константин. — Вчера было ее дежурство по «камбузу», то есть очередь стряпать на всю нашу группу. Нам предстояло штурмовать вершину. Не туристской тропой, а путем более трудным, с помощью альпинистских снарядов. Погода была студеная, дул пронизывающий ветер. Одна из студенток оказалась легко одетой: не прихватила с собой теплого свитера. То ли забыла, то ли он был у нее старенький и постеснялась взять: девушки народ такой! Мы попросили Стефку уступить подруге свой свитер. Но она наотрез отказала. «Чего ради! — говорит. — Каждый о себе должен беспокоиться. Я не состою в обществе благотворителей и сама успею обновить и износить свой свитер!» Упрашивать ее мы не стали. Но мораль я ей вкратце все же прочел. Горы таких людей не принимают. Им тут не место. В конце концов ей можно было приказать. Но не такие уж безвыходные условия сложились, чтобы пользоваться властью спасателя и руководителя группы!..

Меня, конечно, заинтересовал вопрос о чрезвычайных горных правах руководителя.

— Иначе нельзя, — добродушно улыбнулся моему непониманию Константин. — В горах, как на фронте, — полное единоначалие и субординация. Анархия и произвол ведут к верной гибели. Если группа на марше или на переходе, руководитель — полновластный командир. Попали в беду, пришел спасатель, его слово — закон. А вот когда альпинисты или туристы в хижине, тут ее служитель, в данном случае бай Костадин, над нами царь и бог.

Кстати, — продолжал Константин, — расскажу вам об одном поучительном случае. К чему иногда приводит непослушание. Февральским вечером минувшего года заявляется в эту хижину группа горных лыжников. Все ребята опытные, исходившие по Риле не одну сотню километров. Руководитель их тоже не вчерашний человек в горах. С вечера гуляла легкая поземка. Стрелка барометра клонилась к буре. Малость передохнув, ребята стали собираться снова в путь. Бай Костадин говорит им:

— Нет, другари, придется вам переждать непогоду и тогда уж в путь-дороженьку. Поглядите на этот прибор, он на моей памяти еще ни разу не ошибался. Давление-то как падает!

— Давление — штука весомая, — ухмыльнулся в ус руководитель группы. — И к этому прибору мы относимся с должным уважением. Но не обожествляем его. Все-таки у него только и мозгу, что капля ртути. Никаких извилин! А у меня свой барометр! — И значительно поднес указательный перст к голове. — Он никогда еще не подводил меня в горах. Будь уверен, товарищ служитель, покуда погода успеет испортиться, мы будем распивать чай в хижине Мальовица. Спокойной ночи тебе! А нам поспешать надо. Мы не какие-нибудь горе-туристы. Наша группа решила побить национальный рекорд по лыжному переходу через Рилу!

Как ни убеждал бай Костадин кандидатов в рекордсмены заночевать, все было попусту. Они ушли тропою на восток и скоро скрылись за увалом, который уже занавешивали сумерки. А служитель стоял, точно приморожeнный, на пороге хижины: в душе у него все еще тлела надежда, что лыжники вернутся.

Солнце погасло, но звезды на небе не зажигались. Поземка, скользившая по снежному насту чуть слышно, заплясала с присвистом, закружила в бешеном вихре, понеслась над ущельями и хребтами, заметая тропы.

Бай Костадин вернулся в хижину, выпил на скорую руку кружку чая, осмотрел винчестер, подстегнул к ремню баклажку с коньяком и спустился в кладовую. Там он взял пятидесятиметровый конец джутовой веревки, альпеншток, ловко приладил их на спину и, поднявшись в сени, быстро подогнал к

ботинкам лыжные крепления.

Внутри у него кипело. Он был зол на самонадеянного человека с пустым «барометром» на плечах, до того зол, что готов был обругать его самым последним словом. Но что поделаешь? Служба… Какая там к бесу служба! Он же предупредил лыжников. Совесть вроде бы и чиста. Да, чиста, и потому она велит баю Костадину идти вслед за группой, чтобы предупредить возможную трагедию. Из-за одной глупой головы могут сложить свои головы другие… Идти вслед!.. Но след-то давно «простыл»: его стер ветер и занес снег.

Буря и тьма, казалось, убрали с пути все ориентиры. Бай Костадин шел, однако, уверенно, словно по накатанной лыжне. Не какое-то шестое чувство было ему компасом. Путь указывал ветер. Спасатель шел вслепую, точно зная, под каким «румбом» и на каком участке должен дуть в лицо норд-ост. Ему был хорошо известен в горах каждый бугорок. И он впотьмах чувствовал этот бугорок, потому что безошибочно мог определить по силе ветра и снегопада, сколь велик должен вырасти за минувшее время на нем сугроб. В группе лыжников, по следу которой спешил бай Костадин, все парни были на подбор. И, конечно, за погожую половину часа перед пургой они успели уйти довольно далеко. Но бай Костадин не сомневался, что их настигнет. Им-то в пургу приходится замедлять шаг, нащупывать тропу, держать строй, чтобы не потерять кого из товарищей.

Зло вскоре сменилось чувством тревоги. Бай Костадин не костил уже в своих мыслях лыжников. Они стали теперь для него ребятами, попавшими в беду. Спасатель прикидывает, что ребята, должно быть, добрались уже до хребта. Это хорошо. Там не заблудятся: тропа лежит по карнизу скалы. Хорошо, да и плохо. Вдруг кто-нибудь по нечаянности или по ошибке возьмет метр-другой влево от скалы? Там ущелье. Правда, сторона, примыкающая к карнизу, на большем протяжении поката. Но есть и опасные места. Особенно у Дьявольского зуба, где карниз обрывается в тартарары. Оступится человек — поминай как звали.

И бай Костадин спешит. Но спешит с умом. Как тренированный бегун, он на каком-то отрезке дистанции приберегает силы, на каком-то — «выкладывается», достигая в конечном счете предельной средней скорости. Потом снова идет ровным, размеренным шагом. Вот наконец и карниз. Спасатель, выбрав затишек, останавливается и несколько секунд вслушивается: не донесет ли ветер с ущелья голоса о помощи. Затем он продолжает путь и снова замирает на месте, весь обращаясь в слух.

Дьявольский зуб позади. От сердца словно бы отлегло. Бай Костадин втыкает в снег палки, чтобы передохнуть, размять натруженную веревкой и альпенштоком спину, «сбить» пульс. Неожиданный и сильный, как морская волна, порыв ветра прижимает его к скале… Ветер гудит, воет, хохочет и вдруг смолкает. Становится тихо, будто в глубоком подземном гроте. И откуда-то до слуха спасателя долетает:

— По-о-мо-ощ![63]

Может быть, такое случается раз в жизни человека… Утих «на четыре такта» ветер. Чудом оказался в это время на этом месте бай Костадин. И точно в эту паузу раздался призыв о спасении. Человек, которому грозила неминуемая гибель, которого бай Костадин сейчас вытащит из ущелья, может быть, поверит в свою судьбу, в свою удачу. Он часто будет рассказывать потом об этом исключительном событии друзьям. И те припишут его спасение счастливому стечению обстоятельств, всесильному и могущественному его величеству Случаю. А бай Костадин трактует это по-своему, просто и ясно:

— Природа — великая тайна для тех, кто в нее не вникает. А ежели ты всю жизнь присматриваешься, что к чему, тогда свободно читаешь книжку природы. И все в ней тебе становится понятно. С годами наизусть ее выучиваешь, как скла́дную песню. Наш брат-спасатель, коли надобно, воробья закольцованного с указанным номером поймает, не то чтобы человека не найти! Нужно только уметь искать. А природа — наша мать и помощница в беде. Приметьте, ветер-то затих аккурат когда следовало!..

И мы вместе с баем Костадином смеемся над «сознательностью» ветра.

У спасенного лыжника оказался перелом ноги. Поломался в щепки и его «транспорт». Пришлось спасателю «спешиться», приспособить свои лыжи под сани и впрячься в них. Тяжела была лямка. Но после часа обратного пути их настигла вернувшаяся группа. Руководитель шел в хвосте с низко опущенным на грудь «барометром». Больше бай Костадин не видел его в своей хижине. А спасенный Вылко Велчев — теперь частый гость. Последний раз приходил не на прогулку, а по делу. Сообщил, что женится, и просил служителя оказать честь — быть кумом.

— У меня родичей в долине много, — сообщил с достоинством бай Костадин. — Кум одиннадцати семей… И все Рила. Она, проказница, нас породнила!

— Долго тебе еще командовать на свадьбах, бай Костадин! — сказал в тон Константин. — А лет эдак через двенадцать — пятнадцать, когда уйдешь на пенсию, тебя Минчо позовет в

кумовья. — И, обращаясь ко мне, пояснил:

— Это школьник из села Рилы. Юнак-паренек!

— Опять же нас с ним беда свела на крутой тропинке!..

Об этом случае я слышал по радио, читал в газетах. Но не знал, что оба мои собеседника — его свидетели и участники.

Константин, студент геологического факультета, по «джентльменскому соглашению» с профессорами сдал тогда зимнюю сессию досрочно. В институте профессора — заядлые туристы. А Константину, работающему в добровольном обществе спасателей, нужно было поспеть на Мусалу в канун Нового года. Январь — месяц его дежурства. Было 31 декабря. Студент заявился к баю Костадину после обеда. Попил чаю и стал помогать ему готовить новогоднюю трапезу.

Что-то около 11 часов ночи они сели за стол. В половине двенадцатого раздается телефонный звонок. Думали, поздравления принимать придется. А приняли сигнал бедствия — «SOS»… Звонили из села, расположенного у подошвы горы. Исчезли, не оставив никаких следов, все мальчики пятого класса гимназии. Родители были в недоумении и панике. Одна девочка из того же класса высказывала предположение, что ребята пошли на штурм Мусалы.

Бай Костадин и Константин встретили Новый год порознь, но одинаково: оба в темной ночи́, оба на лыжах, с карабинами за плечами. Они расходились в противоположных направлениях. И сначала один слышал, как подает голос другой:

— Го-го-го-го-о-о-о!

Может, ребята рядом, может быть, они откликнутся!..

Потом ухо улавливало только выстрелы.

И скоро каждый из них остался наедине с черным безмолвием.

Но никогда еще не была так многолюдна зимняя Рила, как в ту новогоднюю ночь! На поиски детей вышли служители и спасатели всех хижин. Двинулись в помощь подкрепления из Софии, города Самоков, из Боровца.

Но мало и миллиона пар глаз, чтобы разом окинуть царицу Балкан, разглядеть каждую складку в ее одеждах, каждую черточку на ее лице, чтобы обнаружить четырнадцать пылинок, которые где-то «осели» и которых вот-вот может унести буря, унести далеко, по ту сторону жизни. Четырнадцать драгоценнейших пылинок!..

И буря пришла. Она налетела, как черная туча, как фантастический Змей Горыныч, она завесила черным пологом небо и начала покрывать белым саваном гору. Минул день, и минула ночь. На рассвете второго дня буря утихла так же

внезапно, как поднялась. Так часто бывает в горах.

Прекрасна, словно сказочная царевна, была Рила. Она сверкала ледяными алмазами, жемчужной засыпью снегов, переливалась многоцветным бархатом лесов. Она сияла. Но не всегда, когда ликует природа, радуется человек.

Слишком мало оставалось надежды на то, что одиннадцатилетние хлопчики выстояли против бури. Хотя надежда — последнее, что покидает человека. Уставшие, продрогшие и голодные спасатели бороздили Рилу, ни на минуту не сомкнув глаз.

«Большая земля» ждала их слова с затаенным дыханием у радиоприемников и телефонов.

В полдень второго января эфир принес радиограмму:

«Один мальчик найден. Имя установить не удалось. Лежит без сознания. Нужна помощь врача. Наши координаты…»

Над Рилой взмывает вертолет.

Вскоре в село звонят из хижины Мальовица:

— Найдено трое. Живы!

Далее следуют имена…

Не успели повесить трубку — снова звонок:

— Требуется неотложная медицинская помощь. Четверо обнаруженных детей в тяжелом состоянии!..

Девятого нашел Константин. Мальчонка сидел на снегу, прижавшись к стволу сосны, самой большой из всех соседних деревьев, будто искал у нее, могущественной, защиты и приюта. Он уже засыпал.

К ночи обнаруженных и спасенных было тринадцать. Буря разбросала ребят. Однако на небольшое расстояние. Все они находились в квадрате три на три километра. Спасатели трижды «прочесали» этот квадрат вдоль и поперек. Четырнадцатого, который был первым, который заварил кашу с походом в горы, не нашли.

…За месяц до Нового года, после пионерского сбора, девичья половина пятого класса разошлась по домам, а мальчишки задержались. Когда за вожатым закрылась дверь, Минчо по прозвищу Мечка, что значит медведь, центр нападения уличной футбольной команды, встает из-за парты и говорит:

— С какой это стати на сборах нам сказки читают! Как будто мы маленькие. И вообще… Наши деды бились против турок, делали подвиги. Отцы боролись с фашистами. Героизм проявляли. А мы?!. Только и достоинства, что с девчонками в куклы не играем!..

— Правильно! — поддержали футбольные болельщики.

— Так то́ же было другое время, — усомнился один.

— Для подвигов всегда есть время! — назидательно сказал Минчо.

— А что ты предлагаешь?

— Я придумал. Для начала мы штурмуем вершину Мусала в тяжелых зимних условиях!

— Вот здорово! — раздался дружный хор восторженных голосов.

— Но предупреждаю, поход будет трудным. Кто не уверен в своих силах или трусит, лучше сразу признавайся!..

Минчо многозначительно выждал. Все промолчали.

— Такое делу по плечу даже не всякому мастеру спорта, — солидно продолжал Минчо. — Одной силы и храбрости мало. Нужно знать теорию горного туризма. И, кроме того, маршрут. Мой татко, как вам известно, три года партизанил в Риле. У него такие книжки есть. С завтрашнего дня мы начнем их изучать… А сейчас каждый из вас принесет клятву, что не изменит нашему делу, не струсит, не подведет товарища в беде, ну и что дома — ни гу-гу, и в школе тоже, особенно девчонкам!..

Занятия по «теории» действительно помогли ребятам выстоять в бурю. Они снарядились в путь, как бывалые туристы, припасли достаточно провианта и в первые часы, когда разразились ветер и пурга, не растерялись, выбрали более или менее надежное убежище в бору с подлеском, возле скалы. Видимо, говорила в них и кровь отцов, и опыт лазания на скалах Рилы, и наблюдения за старшими, которые запечатлел в памяти зоркий глаз.

Провели мальчуганы родителей и учителей… Только одной девочке, той самой, которую часто таскал за косы Минчо, откуда-то стало ведомо, что замышляется штурм Мусалы. Но она призналась в этом, когда уже нельзя было не признаться, «спасовав» под натиском родителей и учителей.

…Настал день третьего января. Солнце приближалось к своему зениту. Бай Костадин выбрался на всхолмье и увидел посреди голого снежного плато маленькую черную фигурку. Она металась из стороны в сторону, как будто за нею гонялся лютый зверь. Старый спасатель тотчас понял, что у мальчика начались галлюцинации. И перед тем, как вихрем скатиться вниз, на плато, он еще успел подумать: «Какая же у мальчугана сила, ежели он трое суток держится на ногах да еще бегает!»

— Из этого вырастет настоящий альпинист! — убежденно, как почти о свершившемся факте, говорит бай Костадин.

— Герой! — подтверждает Константин. И тут же, очевидно, по ассоциации, вспоминает последний случай.

Двое мастеров спорта атаковали отвесный и

труднодоступный северный склон вершины Голяма Мальовица. Они взбирались по скалам, связанные веревкой. Один из них оступился и повис над бездонной тесниной. Другой, что шел впереди, был в это время на пологой каменистой площадке. Ему с трудом удалось удержаться у самого края пропасти. Он впился пальцами в скалу… Шли секунды, минуты, часы… Альпинист на площадке был бессилен помочь своему другу. У него оставалась возможность спасти лишь себя, то есть перерезать веревку…

Туристская база, из которой вышли альпинисты, уже ждала их возвращения. Время, необходимое на подъем и спуск, истекло. Значит, несчастье, решили там. И по следам двоих пошел спасательный отряд. На каменистой площадке лежал уже в обмороке альпинист. Руками и шипами ботинок он упирался в скользкие уступы, а зубами вгрызся в корень единственного тощего кустика, чудом прилепившегося к голой скале… А в стороне, на таком расстоянии, чтобы не достать рукой, валялся не вынутый из футляра нож. Альпинист отбросил его, чтобы, когда станет невмоготу, когда от непосильного напряжения начнет мутиться рассудок, не смалодушничать и не перерезать веревку, на которой висит друг.

— Вот такой должна быть взаимопомощь в горах, да и не только в горах, а и в долине… в долине жизни, — глубокомысленно и мудро заключил Константин. — А тут свитера пожалела!..

— Нет, вы слишком строги к ней, — возразил я. — Стефка в конце концов — не хлебнувшая еще жизни девушка и, конечно, после вашего урока переоценит ценности!..

— Может быть, — флегматично проронил студент.

— А может быть, вы к ней просто неравнодушны? — шутливо высказал я свое предположение.

— О нет!

— Стефка симпатичная девушка!

— Я с вами согласен. Но она учится в педагогическом. А мне в жены нужна ягода одного поля — геолог.

Сначала я даже оторопел от такой рассудительности двадцатичетырехлетнего молодого человека.

— Да разве сердцу прикажешь?!

— Не подумайте только, что у болгар холодное сердце, — совершенно серьезно сказал Константин. — Мы любим так же пламенно и страстно, как любят на других меридианах и параллелях. Не исключено, что даже с бóльшим южным «акцентом». Но согласитесь, ведь могу же я встретить девушку, избравшую мою профессию, узнать ее поближе и полюбить? Профессия наша беспокойная, «бродяжья». Вот вместе и будем

«бродяжить». И меньше беспокоиться за свою любовь. Вместе оно и вернее, и спокойнее, и счастливей! А у меня думка всю землю исходить. И свою… И вашу… По всей Сибири и тайге пройти с братушками, поискать земных кладов. Много болгарских и советских геологов заодно работают. Почему же и мне не выпадет такое счастье?!

У Константина есть впереди время, чтобы «всю землю исходить», а может быть, и переменить свои взгляды на любовь. Но сейчас он твердо стоит на своем. И бай Костадин всецело одобряет его линию… Я сдаюсь!

* * *

Мы прощаемся. Бай Костадин, зная склонность молодежи к романтике и полагаясь на опыт нашего проводника Димитра, не возражает против ночного путешествия: стрелка барометра пристыла к шкале делений на «ясно».

Трудный участок пути мы преодолеваем до сумерек.

…Впереди идут шестеро. Я седьмой. За мною двое. Над нами бархатно-черное небо.

Никогда в жизни такого неба я еще не видел. Оно было густо устлано градом звезд. Не дробным, не мелким… А таким, какой нередко выпадает на Балканах: градина — в яблоко!

С левой руки, на вершине Мальовица, затеплились звездочки в окнах хижины. Я не знаю того альпиниста, который лежал там, вгрызшись в гранит, на краю пропасти, но воображение рисует лицо мужественного болгарина, отважного сына народа, родившего миру Василя Левского, Христо Ботева, Димитра Благоева, Георгия Димитрова. Передо мною ясно встает картина новогодней бури и пробиравшихся сквозь нее бая Костадина, Константина и таких же, как они, бесстрашных спасателей. И я думаю о том, что хороший человек подобен звезде и что звезд на земле наверняка больше, чем на небе.

Чудесные звезды над Рилой!

1960 г.

Гордый внук славян

Море думало свою думу. Думало и пело. Пело о том, что нет на свете стихии могущественнее и свободней, чем оно. И была в его симфонии-песне еще одна музыкальная фраза. Я ее чувствовал и слышал явственно, словно оклик своего имени где-то на далеком, чужом берегу… Я слышал музыку и слова:

Прощай, свободная стихия!
В последний раз передо мной
Ты катишь волны голубые
И блещешь гордою красой.

А на каменисто-песчаном обрыве, у самого моря, весело шумел вековой лес, словно бы приветствуя с добрым утром «племя младое, незнакомое»…

Был утренний час. В дымчатой дали на волнах колыхались рыбачьи шаланды. В порт спешили люди в рабочих спецовках. Они были заняты своими мыслями, своими заботами, и, наверное, не слышали ни песни моря, ни шума леса.

Из глубины аллеи к морю вышли двое. Юноша и девушка. Им вдвоем — три с половиной, от силы четыре десятка весен… Само счастье лучилось в их глазах. Они молчали, ничего не видя и не примечая вокруг, и думали свою думу — о любви. Любовь была для них и морем, и берегом, и лесом, и песней!

На полянке под пологом замысловато пестрой тени, которая падала от кроны старого дуба, юноша и девушка остановились. Нет, не «патриарх лесов» прервал их немую песню любви. Они застыли, очарованные, перед памятником Пушкину. Никто из них не обронил ни слова. Но мне показалось, что они, как и я, слышат в величественной симфонии моря и леса пушкинские мотивы. Великий поэт так вдохновенно и так правдиво живописал природу, как будто говорил ее языком!

Я долго стою у изваяния «того, кто русской стал судьбой». Я радуюсь встрече с великим соотечественником на болгарском берегу. При жизни своей ему не привелось посетить эти места. Но песня его, обходя моря и земли, глаголом жгла сердца и южных славян.

Жгла и жжет!.. Двое молодых застыли перед памятником в трепетном благоговении. Они молчат… Наконец девушка нарушает тишину. До моего слуха доносится ее рокочущий, гортанный голос:

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа,
Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.

Она декламирует по-русски, хотя твердый болгарский акцент окрашивает каждое слово, вылетающее из ее уст. И тем милее слышать из этих уст пророческие стихи родного поэта!

Четко отсекая стопы ямба, с тем же твердым акцентом, в такт девушке читает юноша. Их голоса берут «полную октаву» на строфе:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.

Видимо, деды со своей кровью, матери с молоком передали этим молодым людям неистребимую любовь к свободе и научили их гимну, славящему свободу.

Он возвышается на пьедестале у самого берега Черного моря, словно живой. В моей памяти всплывает картина, созданная двумя великими русскими художниками — И. Айвазовским и И. Репиным, которая называется: «Прощание Пушкина с Черным морем». На скалистом уступе — поэт с непокрытой головой. Волны разбиваются у его ног. Ветер разметал буйные кудри, разгорячил одухотворенное лицо, распахнул полы плаща. Свободная стихия словно стиснула на прощание в богатырских объятиях своего сына…

Но чем внимательнее я вглядываюсь в памятник Пушкину, тем больше и яснее вижу, что он не «списан» со знаменитой картины, а сам являет собою неповторимое творение искусства…

Мы составили в своем воображении образ великого поэта по портретам работы его современников О. Кипренского, В. Тропинина, по памятнику работы скульптора А. Опекушина в Москве. О. Кипренский и В. Тропинин писали великого поэта в один год. Однако они оставили истории… двух Пушкиных. Не меньше бы рознились эти портреты, будь они писаны в один и тот же день и в одни и те же часы. Каждый талант видит одно и то же лицо своими глазами и запечатлевает его своими мазками.

Пушкин работы А. Опекушина, погруженный в думу, — олимпийски величественный и столь же живой и человечный. Пушкин на болгарском берегу Черного моря — весь движение. В

его фигуре больше динамики и «стихии», чем на картине прощания с морем… Большое чело мудреца. Глаза широко открыты и готовы, кажется, вместить в себя весь мир. «…На устах его печать». Но так и чудится, что вот-вот из них вырвется ода вольности, гимн морю и слава человеку, завоевавшему в боях свою вольность, которую он так страстно пел!

Юноша и девушка уходят своей дорогой. А я снова слушаю симфонию моря и шум леса. И под их мелодии в моей памяти снова и снова всплывают бессмертные строки Пушкина, навеянные ему морем и лесом.

Мне давно известна любовь болгар к поэзии Пушкина. Братский славянский народ боготворит великого русского поэта, почитая его за родного, национального. Пушкин оказал огромное влияние на творчество Христо Ботева, Ивана Вазова.

Пушкин! «Это имя, — пишет академик Людмил Стоянов, — близкое и родное каждому болгарскому сердцу, имя поэта и наставника, способствовавшего расцвету болгарской литературы, ее демократическому и боевому духу… Светлый образ Пушкина шествует свободно по нашей стране. Он встречает вас в каждом читалище, в каждой школе, где растет и крепнет молодое поколение — завтрашняя надежда родины. Его прекрасные стихи читаются на фабриках, на стройках, — и это является выражением глубокой любви и преданности болгарского народа великому русскому народу и его гениальному сыну и певцу-чародею».

Но кто же он, тот болгарин, который вложил в этот памятник столько таланта и любви, столько пламени сердца? Знать, пушкинское вдохновение осеняло его! Я хочу увидеть этого человека, познакомиться с ним и сказать ему братское спасибо.

Из приморского парка я иду в центр Бургаса и разыскиваю краеведческий музей. Молодая женщина-экскурсовод подробно рассказывает мне об истории основания памятника, с исчерпывающей полнотой отвечает на все мои вопросы… Приметив, однако, что я хочу узнать об этом как можно больше, она наконец советует:

— Вам прямой смысл встретиться с Петко Задгорским, автором памятника. Он будет рад советскому товарищу… В этот час вы его застанете дома. По заведенному смолоду обычаю, бай Петко утром пишет портреты… Нет-нет, вы ему не помешаете. На сегодня он свое, как говорится, отработал. А времени у него теперь хватает: с прошлого года ушел на пенсию. Кстати, посмотрите его картинную галерею. Большое удовольствие получите. Обратите внимание на портрет старой женщины: он, по-моему, достоин быть экспонированным в Эрмитаже… Советую

вам пристальней всмотреться в лицо бая Петко. Вы сделаете интересное открытие. А какое — не буду вас предупреждать. Точнее, предубеждать!

Мне полюбился Бургас еще с первого, давнего посещения. Большой портовый город необыкновенно тих и чист. Дома его красивы своим южным архитектурным стилем, добротно отделаны в светлые тона и потому всегда кажутся убранными в праздничный наряд. Самое шумное «население» этого города — чайки. Они, вроде сельских петухов, будят людей чуть свет.

Улица Обориште, 39… Просторный полутораэтажный дом. Стены его отливают цветом крыла морской чайки. Широкие окна распахнуты навстречу июльскому солнцу. Во дворе старый сад с цветником и овощными грядками.

На ступеньках веранды меня встречает стройный пожилой мужчина с серебряными кудрями, на которых жилками лежит налет благородной прочерни… Я думаю о том, что серебро с годами темнеет, а кудри белеют.

— Петко Задгорский, — представляется он, пожимая мне руку.

Я говорю хозяину, что привело меня в его дом.

— Русский братушка, — приветливо предупреждает он, — дорогой гость в доме болгарина!

Бай Петко знакомит меня с супругой и младшей дочерью и, как положено обычаем, проводит по комнатам. Последними он открывает двери ателье… Да, тут действительно художественная галерея! Картинам тесно. На стенах от пола до потолка ни одного квадратного сантиметра свободной площади. Картины — на мольберте, в углах… Большей частью это портреты, есть пейзажи, море, виды родного города.

— В такой «сутолоке» полотна несколько теряют, — словно бы извиняется художник. — Впрочем, света тут достаточно, и он «скрашивает» тесноту.

Я останавливаюсь перед портретом старой болгарки. Не оторвать взора от ее глаз, как не оторвать его от дивного камня-самородка… В них нет радужных переливов этого камня. Они теплятся всего лишь несколькими искорками… Но если воспользоваться старым и нестареюще верным сравнением, то можно сказать: как в капле воды отражается мир, так в них отразилась вся жизнь женщины, начавшаяся где-то за рубежом нашего века. Они все запомнили и запечатлели в своем взгляде: туманную зарю девичества, первую любовь, муки и радость рождения первенца, долгие годы нужды, великие страдания… И остались эти глаза чистыми, как лесной родник, как сама материнская совесть… Портрет написан в том стиле

классического реализма, который дал человечеству истинные шедевры.

А вот у этого старика одна половина лица освещена ярким светом, на другой лежит тень. Черты его симметричны. Каждая черта освещенной половины раскрывает характер доброго человека, светлую сторону прожитой им жизни, а затененной — то, что он сотворил на земле порочного… Но все в прошлом. Глаза старика с апостольской искренностью и спокойствием исповедуются, каются перед людьми. Как под рукою таланта одни и те же мазки могут выражать крайне противоположные свойства человеческой натуры, сто́ит на них положить свет или тень!

— И я считаю эти портреты своими лучшими работами, — соглашается бай Петко. — Иногда спрашивают, почему именно старые люди мне удаются больше?.. Видите ли, когда писатель избирает прототипом своего героя человека с большой биографией, человека, прошедшего все круги Дантова ада, то, естественно, и образ у него вырисовывается колоритнее, многограннее, богаче и глубже. Подобное происходит и с художником.

Мы садимся с баем Петко на веранде, увитой плющом и виноградной лозой. Супруга его Анна выносит нам вина и закуски.

Я уже сделал «открытие», о котором предупреждала меня экскурсовод в краеведческом музее. Глаза у Петко Задгорского — копия пушкинских: и их абрис, и цвет, и взгляд. Кудри тоже. Они, очевидно, стали бы у Пушкина такими, доживи он до возраста бая Петко. И, может быть, я сильно поддался обаянию художника, но увидел в его лице много пушкинских черт. Такое в природе случается, и не редко. Я делюсь своим «открытием» с баем Петко. Он согласно улыбается:

— Меня еще в молодые годы кликали ребята Пушкиным. Откровенно признаться, я гордился этим!

Так начался наш разговор о великом русском поэте.

Говорил Петко Задгорский на болгарском языке, а Пушкина читал по-русски. Читал наизусть и много. Он не только блестяще знал, но и глубоко чувствовал поэзию, как настоящий художник.

— Пушкин давно переведен на болгарский, — говорил бай Петко. — Помните вот это:

Погасло дневное светило.
На море синее вечерний пал туман.
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан.

Больше столетия назад, в 1852 году, наш крупнейший поэт-демократ Петко Славейков написал стихотворение «Стара Планина», которое является вольным переводом пушкинского «Погасло дневное светило». Этим он начал серию своих переводов Пушкина. В стихотворении «1854 год», посвященном памяти великого русского поэта, Петко Славейков писал: «Я знаком с его музой. Он был моим любимейшим братом!..»

Переводы стихов Пушкина на болгарский я считаю отличными. Но предпочитаю все же оригинал. Перевод, даже гениальный, — это копия с картины. Душу поэта и его народа не переведешь, если можно так выразиться!

Петко Задгорский умолкает, роясь, видимо, в тайниках своей памяти. Его лицо вдруг озаряется.

— Пушкин — корона поэзии. Каждое его стихотворение мне представляется драгоценным камнем. Но есть среди этих камней алмазы таких каратов, каких не встретишь в сокровищницах мировой литературы.

На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя светла;

«Печаль моя светла!» Этот образ по красоте и емкости можно сравнить только с морем и небом!.. Или:

Унылая пора! очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса…

«Унылая пора! очей очарованье!..» Только Пушкину было под силу отлить такую громаду художественной мысли в четырех словах!..

Я слушаю Петко Задгорского и начинаю понимать, что памятник Пушкину он создавал не только по «портретному материалу». Художник-скульптор творил любимый образ, изучив каждую строку поэтического наследия Пушкина, проникшись духом его лиры. Поэтому Пушкин на берегу Черного моря в Бургасе стоит, как живой.

— Я считаю работу Опекушина самой выдающейся. Памятник на Тверском бульваре в Москве — недосягаемое произведение искусства. Я не вижу в нем мотива «Смирись, гордый человек», какой в свое время ему приписывался. В спокойных формах скульптор воплотил мысль и красоту, мудрость и могущество Пушкина. Мне и в голову не приходит сравнивать мою работу с

произведением знаменитого русского скульптора… Я хотел запечатлеть образ вдохновенного Пушкина. Вдохновенного, как каждое его слово. И это вдохновение я стремился выразить во всем, начиная от застывшего движения пальцев и кончая пылающими очами поэта. Вы, очевидно, знаете, что у Пушкина были пальцы, которым позавидовал бы сам Паганини!.. В памятнике они изваяны в напряженном спокойствии, будто готовые в следующее мгновение взять еще неведомый людям аккорд. Поза моего Пушкина эксцентрическая. Таким представляется мне поэт у самого бурного моря.

Памятник Александру Сергеевичу Пушкину на болгарском берегу Черного моря решено было заложить в связи со 150-летием со дня его рождения.

Бургасский народный совет объявил конкурс на проект памятника. Участвовали в нем лучшие творческие силы страны. И никто не знал, что над проектом работает также скромный учитель рисования мужской гимназии и учительского института сорокасемилетний Петко Иванов Задгорский.

У жюри двух мнений не было. Оно оценило проект Петко Задгорского как плод зрелого таланта.

О Пушкине и стране Пушкина он может говорить, наверное, вечность. Петко Задгорский мечтает посетить Москву, поклониться пушкинским местам…

— Очень хотелось бы пройти дорогами моего деда, именем которого нарекли меня. Он был гурбетчией. Несколько лет жил в отходе на юге России и в Бессарабии. Как раз в тех краях, где великий поэт находился в ссылке. Там в пушкинские времена было много болгар, особенно среди огородников. Наши гайдуки порой уходили туда, под крылышко матери-России, когда уж слишком трудно приходилось на родных Балканах… Пушкин написал на бессарабском материале повесть «Кирджали». Вот ее первые строки: «Кирджали был родом булгар. Кирджали на турецком языке значит витязь, удалец. Настоящего его имени я не знаю». Хитростью и храбростью своей этот гайдук сумел справиться с семью вооруженными турками! Два или три раза Пушкин возвращался к его образу в своих стихотворениях.

Чем больше я слушал Петко Задгорского, тем тверже убеждался в мысли, что только такой художник, горячим сердцем понявший и полюбивший Пушкина, мог создать чудесный памятник великому поэту на берегу синего Черного моря. И мне вспомнились строки:

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,

И гордый внук славян, и финн, и ныне дикий
Тунгуз, и друг степей калмык.

Передо мною сидит, любя, славя Пушкина, «гордый внук славян». До нас доносится вечная песня моря, какую слушал и перекладывал на вечную музыку русского языка великий певец.

1960 г.

Родина-мать

Весною в Софийском поле, между Ихтиманской Средна-горой и Планой, переполошились птичьи стаи. Возвратившиеся к насиженным местам аисты не нашли своих гнезд. Где раньше краснели знакомые черепичные крыши и вилось тонкое, словно жилка, русло реки Искыра, под их крылами расстилалась теперь неоглядная водная ширь.

Много дней кружили аисты над водою. Когда их крылья слабели, они садились на луга, возле озера, или отлетали вверх по течению Искыра. Там река текла в своих прежних берегах, и все им было знакомо. Птицы бродили по травянистым низинам, ловили лягушек и утоляли голод. Потом аисты возвращались на озеро, и снова далеко разносилось их характерное «траканье» — тревожное щелканье клювом.

Была в этом звуке тоска по разоренному гнезду, по родным черепичным крышам, а может, и по тем людям, рядом с которыми они жили. Как знать!

Аист — птица домовитая и верная своему месту. Но есть у него, как у всякой птицы, как у каждого живого существа, извечный инстинкт к продолжению потомства, сильный, как сама жизнь.

Он-то и повел аистов на новые места, заставил их строить новые гнезда на новых крышах. Я не могу сказать: на крышах новых хозяев. Скольких переселенцев из села Калково мне ни доводилось встречать в округе, за десятки километров от их прежних «пенатов», все они клятвенно уверяли, что их аисты к ним вернулись.

И действительно, на коньках новых крыш, рядом с трубами, чернели гнезда, большие, как плетеные детские колыбели. Из них высовывали свои прожорливые клювы на длинных голых шейках аистята, и родители от зари до зари носили им с лугов пищу. Да скажет разве тебе аист — тот он, что еще на Искыре «сторожил» крышу хозяина, или он совсем другой? А хозяину очень хочется верить, что аист именно тот и никакой другой.

Любят аистов люди. Птица эта, по поверью, приносит дому, который она избрала для гнездовья, мир, достаток, счастье. Так говорили деды. Поверья остались в прошлом, но «культ» домовитой, верной людям птицы живет и до сих пор.

…И только лишь одна пара аистов не покинула своего старого места.

На крутом, скалистом берегу озера, у недавней околицы затопленного водою села, каменщики клали стены ресторана. Все

аисты давно улетели. А одна пара кружила и кружила — то над озером, то над кирпичной кладкой здания, как будто ждала, когда строители возведут крышу, чтоб поселиться на ней. Рабочих покорила и растрогала привязанность птиц к своему прежнему гнездовью. И они, не успев завершить здание, вкопали в землю три длинных деревянных столба таким образом, что они образовали вышку с «венчиком» вверху. Аисты инстинктом поняли людей. Они тотчас начали носить сухие ветки, палочки, солому и строить на «венчике» гнездо.

В положенный срок у аистов появились птенцы. Родители заботливо выкормили малышей, обучили их летать на крыльях. И осенью счастливая семья, сделав прощальный круг над озером, примкнула к стае, улетающей в теплые края.

В марте следующей весны супружеская пара аистов опять возвратилась на вышку возле озера. Ресторан был отстроен. Его назвали «Аистово гнездо».

Возле ресторана на живописном берегу скоро выросла туристская база. Тысячи жителей столицы стали приезжать сюда на мотоциклах, автомобилях и автобусах, чтобы провести у воды субботний вечер и воскресный день. О таком отдыхе они прежде и не мечтали. Тут можно побросать спиннинг, закинуть удочку, поймать кленя, судака, сазана, форель, которыми кишит озеро, покупаться, прокатиться на лодке, пособирать в окрестных дубравах и рощицах белых грибов, рыжиков, маслят… Софиянцы в пылу вдохновения назвали огромное искусственное озеро на Искыре Софийским морем.

Я был очевидцем рождения этого моря.

Его создали люди.

Природа благоприятствовала им.

Миллионы лет назад, в третичный период истории земли, тут было естественное озеро. Вода постепенно высохла, но осталось «корыто» с прочными гранитными стенами. Лишь в северной его части была промыта бурными некогда водами Искыра глубокая тесная брешь. Люди заделали ее. В ущелье они построили мощную бетонную плотину.

Сложный и самый крупный в Болгарии Искырский гидроэнергетический узел был сооружен за пять лет. Его строили тысячи патриотов и патриоток, вооруженных мощной современной техникой. В славной армии преобразователей природы родного края главной боевой силой была молодежь.

Трудовые будни строителей исполнены героизма. Всей Болгарии памятен такой случай. В небывало студеную зиму пятьдесят четвертого года посредине ущелья, над основой плотины, застопорилась тележка кабель-крана, таскающая бадьи с

бетоном. Были испробованы все возможные средства, чтобы снова пустить тележку, однако они не дали результата. Оставалось одно: влезть кому-либо по тросу на стометровую высоту и устранить неполадку. Вызвался сделать это молодой техник Костадин Минчев, член Димитровского союза народной молодежи.

Над Искыром лютовал мороз, бесновался свирепый ветер. Сталь троса прожигала, как огонь, кожаные перчатки. Вися над пропастью на одной руке, юноша сбросил перчатку со второй, чтобы легче было работать, и огромным напряжением силы исправил повреждение… Золотой орден труда увенчал поступок храбреца.

Весною пятьдесят шестого года Искырский язовир заполнился до «верхней отметки», разлившись на тридцать с лишним квадратных километров. В его гигантском зеркале отразились и синее балканское небо, и нагроможденные друг на друга пирамиды скал, и зеленые островки разнолесья.

В ту весну и случился в Софийском поле птичий переполох. Аистьг, кроме одной пары, перекочевали на новые гнездовья. А через несколько недель, перевалив трехкилометровую громаду Рилы, сюда прилетела с Эгейского моря белая стая чаек. Учуяли за сотни верст большую воду дикие гуси и утки. Значит, не зря жители болгарской столицы назвали свой язовир морем, коль на нем гнездятся морские птицы.

* * *

Переполошило новое море не только аистов. Внесло оно смятение и в семью Колевых: отца — Петко и сына — Колю.

В канун второй мировой войны Петко, потерявший жену, которая родила ему первого наследника, решил развеять горе путешествием в чужие края. Забрав с собою двенадцатилетнего Колю, он уехал в Италию, где была замужем его сестра. Думал Петко погостить у нее месячишко-другой и вернуться восвояси. В Калково были у него и дом, что терем, и сад-огород, и корчма.

Петко — человек богатый. Получив в молодости от отца небольшой капиталец, он изловчился его удвоить, открыл на бойкой проезжей дороге корчму и стал торговать. Рука у него была жесткая, а сметка — купеческая: брал всюду, где предоставлялась возможность брать, спуску людям не давал. Сотни левов оборачивались тысячами.

Прижимист был Петко и скуп даже в семье. Вел счет каждой стотинке, старательно копил состояние. В бога, в банк и в

устойчивость лева не верил. Безбожно обирал проезжих и крестьян, хрустящие ассигнации обращал в золото, складывал благородный и, как ему представлялось, нержавеющий ни при какой погоде и власти металл в кубышку, а ее замуровывал в фундамент, под печкой.

Жажда наживы владела всем его существом.

Не суждено, однако, было Петко Колеву вернуться на родину через месяц-другой. Война застала его в гостях, далеко от дома. Зятя, рабочего автомобильного завода, вскоре забрили в армию. Сестра, еле сводившая концы семейного бюджета от получки до получки, сама нанялась в прачечную. Пришлось искать место и Петко.

Шли месяцы, уходили годы. Пламя войны, охватившее всю землю, пожирало миллионы жизней, превращало в пепел тысячи городов и селений. Петко тешился надеждой, что скоро наступит мир и он вернется в Калково, достанет из тайника золото и не где-нибудь, а в самой Софии откроет ресторан.

День Девятого сентября сорок четвертого года стал для Петко горным обвалом, похоронившим все его планы. В Болгарии навсегда победила народная власть. Скоро в стране началась национализация капиталистических предприятий. О возвращении нечего было и помышлять.

Колю вырос, приобрел профессию механика. Но жить им все же не стало легче. Когда шла война, промышленность нуждалась в рабочих руках. Петко мог прокормить и себя и сына. А вслед за миром на заводы пришла безработица. Капиталисты увольняли в первую очередь иностранцев, потому что им негде искать ни закона, ни управы. Колевы, чтобы не потерять работу, приняли итальянское подданство. Но и это не помогло.

Чем труднее приходилось Петко в Италии, тем больше ненавидел он новую Болгарию, односельчан, бывших своих «клиентов», считая, что они ему изменили. Он ненавидел каждый камень, из которых были сложены их дома. Ядом своей тупой ненависти к родине он капля по капле отравлял сына. И тот стал смотреть на мир глазами отца.

Бывший трактирщик начал незаметно для себя следить за политикой. Он подписался на софийскую газету. Читая ее, злорадствовал, когда в какой-нибудь корреспонденции шла речь о недостатках, плевался, если говорилось об успехах, и, наконец, рвал номер в клочки и злобно топтал его ногами. Из газеты Петко однажды узнал, что на Искыре строится язовир и гидроузел.

— Коммунистическая пропаганда! — прокомментировал он, обращаясь к сыну. — От нищо нещо не става. Из ничего чего-то не сделаешь!

Но вот коммунисты закончили строительство плотины, и язовир начал постепенно заполняться водой… Тогда-то Петко и спохватился:

— Покупай, Колю, туристскую путевку и поезжай в Болгарию. Выручай золото. Пишут, будто наше Калково затопляется. Не трусь, ежели чего… Ты — итальянский гражданин!

Отец и сын разработали втайне подробный план, как выручить и вывезти золото.

* * *

По берегу язовира, у «Аистова гнезда», бродил, как неприкаянный, высокий человек лет тридцати с черной шевелюрой, «усмиренной» бриллиантином, в черепаховых окулярах. Его взгляд был словно приколдован к воде. Он не смотрел под ноги и то и дело спотыкался.

Миновал час обеда и полдника, а он все бродил и бродил. Наконец под вечер он решительно направился к ресторану. Он заказал себе поесть на чистом болгарском языке, в котором чувствовался, однако, иностранный акцент и нездешняя интонация. В глазах его запечатлелись отчужденность и скрытая злоба.

Наутро странник снова появился у «Аистова гнезда». Но был он в сопровождении другого человека примерно его лет.

Они взяли лодку и долго кружили над тем местом, где прошлую весну беспокойно летали аисты.

— Корчму снесли, Ванчо? — спрашивал человек с черной шевелюрой, «усмиренной» бриллиантином.

— Снесли, Колю.

— И фундамент разобрали?

— Взорвали и сровняли с землей!

— Сволочи!

— Дурень ты, Колю, скажу я тебе, хотя ты и приходишься мне двоюродным братом!

— Так там же золото было запрятано!

— Много?

— Два, а может, и три килограмма!

— Много, — спокойно констатировал Ванчо и, оглядевшись кругом, добавил мирным тоном: — Если бы даже твой татко соблаговолил пожертвовать свой золотой запас нашему государству, мы все же не станем спускать воду из язовира. Ты посмотри и вообрази, садовая твоя голова, сколько тут «белого золота» и сколько оно принесет истинного золота нашим полям и

заводам!

— Пропаганда!

— Шестьсот семьдесят кубометров воды, две электростанции, оросительные каналы на сухом Софийском поле… Это, по-твоему, пропаганда?

Колю не мог ничего сказать в ответ.

— Вот ты вчера заблудился в селе, не мог найти дома своего дяди. Забыл, что ли, к нему дорогу? Или по другой причине?.. Молчишь?.. Так я тебе скажу. Потому что дядя построил себе новый дом. Как каждые восемь из десяти кооператоров… Впрочем, я тебя не агитирую… Ты сам не слепой!.. Сними свои черепаховые очки и оглядись!

Братья помолчали вместе. Потом Ванчо спросил:

— Ты где там работаешь?

— Служил механиком на одной электростанции.

— У капиталиста?

— Да… Но он меня уволил… Летом ездил на Сицилию, подрабатывал у помещиков… Всякое приходилось делать!

— И мусорные ямы чистить, господин механик?

— Они не воняют, — грустно проронил Колю. — Особенно когда нет денег!..

Он с силой нажал на весла, и лодка сначала медленно, а потом быстрей пошла к берегу.

Ночевал Колю у дяди в селе Долни Пасарел, которое лежит ниже плотины язовира. Говорили мало. Материн брат не питал и раньше к трактирщику больших родственных чувств и свою нелюбовь переносил на его сына.

Поднявшись вместе с солнышком, итальянский гражданин вышел во двор, постоял, потом двинулся на улицу… И ноги почему-то сами понесли его в ту сторону, где между почти отвесных скал, спускающихся к руслу Искыра, красовалось белокаменное здание Пасарельской гидроэлектростанции. Подойдя к станции, Колю долго стоял у трансформаторов, колеблясь, не вернуться ли ему в село, но потом махнул рукой и решительно направился к двери. У порога его встретил человек приблизительно одних с ним лет. Колю представился и спросил:

— Разрешается посмотреть?

— Пожалуйста. — И, в свою очередь, отрекомендовался: — Электротехник Христо Петровский.

Машинный зал гидроэлектростанции был полон света и воздуха. Мраморные щиты пультов светились зелеными огоньками. Под бетонным полом глухо гудели турбины.

— А где же твои помощники? — поинтересовался Колю.

Христо радушно улыбнулся.

— Я и без них справляюсь. Как видишь, электростанция полностью автоматизирована. Для наблюдения за работой машин достаточно пары обыкновенных глаз!

— Ты сам-то здешний или откуда?

— На Дунае родился, на Искыре сгодился, — ответил Христо веселой шуткой.

— Образование получил?

Колю слово за слово выпытал всю биографию Петровского. Их жизни были не похожи одна на другую, хотя оба они родились в болгарском селе и, как выяснилось, в один год.

Крестьянский сын, Христо еще с колыбели остался круглым сиротою. Рос в людях. Двенадцати лет он вынужден был бросить учебу, чтобы зарабатывать на пропитание. Когда пришла народная власть, юноша-подпасок вернулся за школьную парту, а затем успешно окончил машинный техникум. Он строил язовир, руководил бригадой монтажников и параллельно приобрел профессию электротехника.

Нет, не похожи были их биографии! Живи Христо в Италии — пасти бы ему чужой скот до гробовой доски. Хорошо понимает это Колю и думает, думает… Новые, необычные мысли приходят ему в голову.

А Христо с воодушевлением рассказывает:

— Оборудование гидроэлектростанции соответствует последнему слову техники. Гидротурбины купили в Чехословакии, а щиты управления, трансформаторы, изоляторы, опоры — отечественного производства… Скоро и турбины будем делать!..

— Благодарю, коллега, за внимание, — прощается Колю.

По дороге он вспоминает любимые отцовские слова «От нищо нещо не става», вспоминает то время, когда мальчишкой приходил сюда поиграть вместе с двоюродным братом и, кроме камня, голого камня, тут ничего не было. А теперь на каменном пустыре красуется гидроэлектростанция. И село стало новое, и все люди довольны жизнью. Нет у них страха лишиться работы, остаться без куска хлеба… Неужели отец прав, а все эти люди заблуждаются?

…Дорога свела меня с Колю Колевым далеко от его родного села, в другом конце Болгарии — на площадке Коларовградского машиностроительного завода. Зачарованными глазами доброжелательного странника он наблюдал, как мощные портальные краны легко поднимали и клали в стены корпусов многотонные панели из железобетона. Колю, узнав во мне русского человека, тотчас подошел и познакомился. Судя по всему, у него была неодолимая потребность поделиться с кем-то

своими впечатлениями.

Наша беседа затянулась на несколько часов. В итальянском подданном уже во весь голос говорила болгарская кровь.

— Я увидел страну, какой никогда не думал и в мыслях не предполагал увидеть… Мне кажется, что я заново открыл для себя свою родину!..

Колев за короткое время посетил несколько заводов, строек, и кооперативов. Он пока лишь заглянул в «окошко страны». Но и того света, который блеснул перед его изумленными глазами, хватило с лихвою, чтобы проникнуть ему в самую душу. У него еще было своеобразное, не совсем понятное человеку, выросшему в социалистическом обществе, восприятие социалистической действительности. Он, например, не мог вместить в своем сознании мысль, как это люди могут зарабатывать деньги, не обманывая, не спекулируя, не грабя один другого, как это рабочий, крестьянин и «чиновник» равны перед властью и перед законом, и многое, многое другое… Но в каждом его слове чувствовалось, что все это было ему по сердцу, что все он принимает. Видно было, что солнце новой жизни народа глубоко заглянуло в его душу.

— Слыханное ли дело, — восторгался Колю, — тракторы свои выпускать будем!

«Будем!»…

Со мной говорил на своем родном языке болгарин!

— Значит, решили возвратиться на родину?

— Дума да не става! Что за вопрос?

— А как же отец?

— Думаю и его сагитировать. Хотя, наверное, трудновато придется. Он вряд ли поймет так быстро то, что понял я… Однако попробую!..

Я пожелал Колеву новой, счастливой жизни.

— Спасибо, братушка, — ответил он взволнованно, чисто по-болгарски.

Больше, чем золотой клад, — жизнь обрел человек!.. Чудесную социалистическую родину-мать!

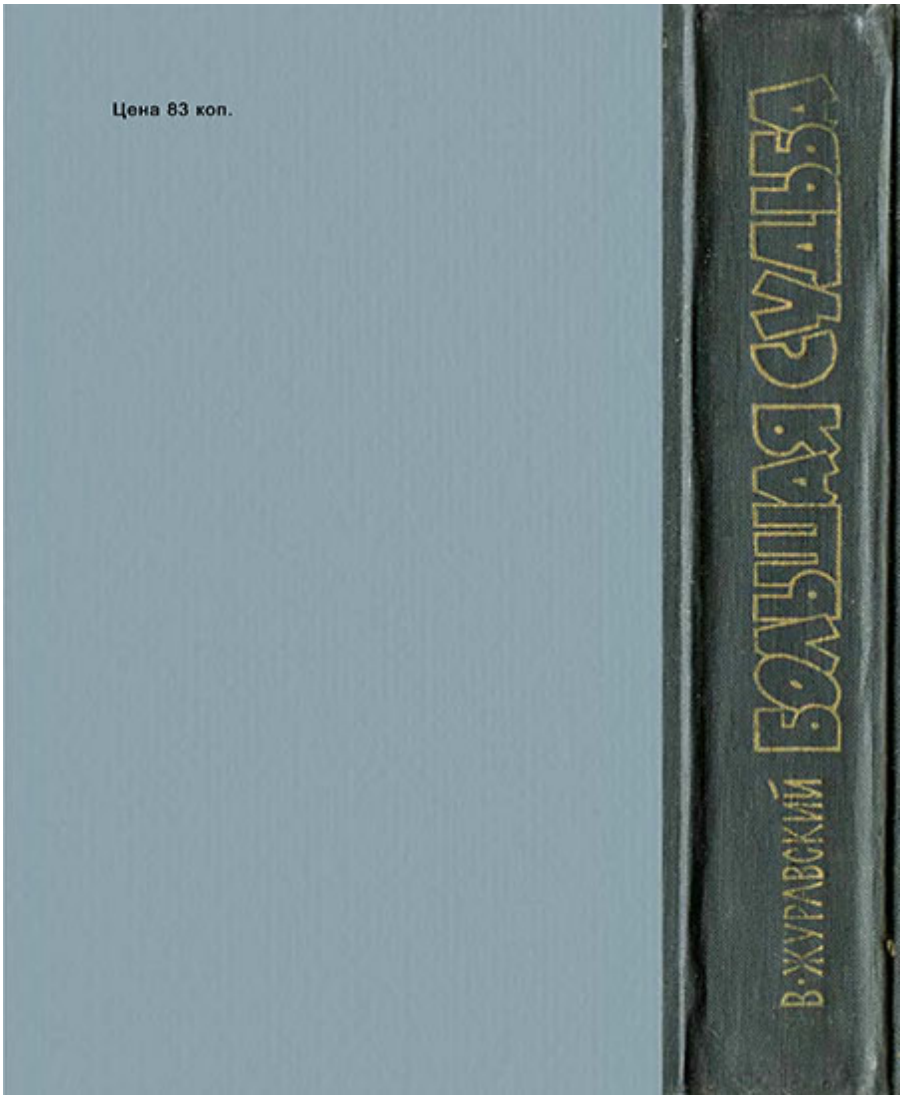
Он был не первым, но и не последним.

1960 г.

Скан: Посейдон-М

Обработка:Prizrachyy_Putnik

Создание файла FB2, вычитка: poloz



notes

Примечания

1

Язовир — водохранилище.

Чорбаджия — богач, кулак.

3

Чокой — помещик.

4

Гурбетчия — человек, ищущий работы в чужих краях; отходник.

5

Балкан — гора.

6

Ятак — человек, сочувствовавший и помогавший партизанам во время войны.

Бригадиры — участники бригадирского движения, строители.

8

Бригадирское движение — организованные по инициативе профсоюзов культурно-трудовые бригады из городских жителей, участвующие в новостройках страны, в сельскохозяйственных работах.

Бай — дядя, почтительное обращение к старшему.

Другарка — товарищ (в обращении к женщине).

Ракия — водка.

12

Великден — пасха, великий день.

13

Читалище — Дом культуры.

14

Жито — пшеница.

15

Декар — одна десятая часть гектара, мера земли, принятая в Болгарии.

16

Околия — район.

17

Вечеря — ужин.

Махала — здесь выселки, деревня, аул.

Стотинка — сотая часть лева.

Кебап — жареное мясо.

21

Грозде — виноград.

Другар — товарищ.

23

Дядо — дедушка, обращение к старому человеку.

Цървул — царвуль (крестьянская обувь из кожи).

25

— Почему до сих пор нет папы?

Заптие — жандарм.

27

Родолюбец — патриот.

28

Качамак — мамалыга.

29

Столетник — человек ста лет от роду.

30

Добре дошли! — Добро пожаловать!

31

Сиромах — бедняк.

32

Късмет — счастье, удача.

33

Витоша — гора, у подножия которой стоит София.

34

В старой Болгарии кооперация на селе носила главным образом снабженческо-сбытовой характер.

35

Лека нощ! — Спокойной ночи!

Чешма — источник, водопроводная колонка.

37

Гайда — народный музыкальный инструмент.

Юнак — молодец, храбрец; герой; богатырь.

39

Кум — посаженый отец на свадьбе.

40

В Болгарии принята шестибалльная система отметок.

41

Късметлия — удачник, счастливец.

Димят — сорт винограда.

Българ — сорт винограда.

Чифликчия — кулак, мелкий помещик.

Казан — котел.

Каруца — телега.

47

Здравствуйте, дядя братушка!

Баба — бабушка.

Чорба — похлебка, суп.

Пома́гали — помогали.

51

Здравейте, скъпи другари! — Здравствуйте, дорогие товарищи!

Хоро́ — болгарский национальный танец, хоровод.

53

Търговска улица и Юч-Бунар — названия кварталов старой Софии.

Шопско хоро — народный танец жителей Софийского поля.

55

Кавал — большая свирель — народный музыкальный инструмент.

56

Подождите!..

Вы болгары?

Гурбет — поиски работы в чужих краях, отход.

59

Ильинденьское восстание — македонское народное антифеодальное восстание 1903 года против турецкого рабства.

60

Анекдоты, бытующие в Софийском поле и в городе Габрово, текстильном центре Болгарии.

Вилает — губерния.

Замечательно, чудесно, бесподобно!

63

Помощ! — Спасите!